Голоса

Книга вторая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-9
ББК 76.01
Г61

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Голоса : Книга вторая. — [б. м.] : Издательские
Г61 решения, 2019. — 366 с.
ISBN 978-5-0050-3038-2 (т. 2)
ISBN 978-5-0050-0096-5

Я думаю, что на Пау-Вау необходимо собираться не только для того, чтобы найти себе друзей. Мы не обращаем внимание на человеческую душу, а индеанизм — духовная потребность общества, я в этом уверен... Работа нового и интересного организма, в котором впервые в своей жизни человек сможет ощутить себя кем-то важным и нужным — вот что такое Пау-Вау! (Игорь Леонтьев Поющая Радуга)

УДК 82-9
ББК 76.01

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-3038-2
ISBN 978-5-0050-0096-5

Что увидит во сне
непредвосхитимое будущее? Что
Алонсо Кихано останется Дон
Кихотом, даже не покидая своего
села и библиотеки… Увидит, что
мы в силах сотворить любое
чудо, а не делаем этого,
поскольку в воображении оно
гораздо реальнее…
(Хорхе Луис Борхес)

У тебя слишком богатая
фантазия… Я знаю, как ты
умеешь придумывать то,
чего нет…
(Генри Миллер)

Когда я умру, прочтут мою
жизнь, которую я нахожу очень
замечательной…
(Мария Башкирцева)

Обыденная жизнь не интересует
меня. Я ищу только высших её
проявлений…
(Анаис Нин)

Воспоминание безмолвно
предо мной
свой длинный развивает свиток..
(Александр Пушкин)

От составителя

Андрей Нефёдов (Ветер)

Вторая книга «Голосов» слегка отличается от первой, здесь представлено гораздо меньше переписки с индеанистами, я почти перестал задавать им вопросы, решив, что основное мне удалось выяснить и пора углубиться в историю жизни отдельных людей.

Не странно ли, что история человечества в действительности безлика? У человечества нет лица, имени, голоса, формы. Сколько ни смотри вокруг, не удастся увидеть никакого человечества. Есть лица отдельных людей, мы видим эти лица, но не знаем этих людей. Вокруг столько жизней, столько судеб, столько похожего и непохожего в них, но мы не знаем их. Это просто люди, слившиеся в огромную массу, в которой они теряются и превращаются в необъятный организм, о котором можно судить только по данным статистики, но судить лишь в общих чертах. Человечество не есть человек. Человечество необъяснимо. Оно эволюционирует внешне, но не изменяется внутри. Сегодня в нас кипят те же страсти, что кипели в людях тысячи лет назад. Нас разделяют крепчайшие барьеры традиций, языки, вековые устои, государственные законы, но все эти барьеры построены на одних и тех же базовых чувствах — любовь, ненависть, голод, страх, жажда власти и т. д. Всюду есть преступники, и природа всех преступлений одинакова, несмотря на так называемую культурную среду, а поэты всюду воспевают одни и те же добродетели: честность, щедрость, смелость, верность. Но изучая традиции и копаясь в чуланах истории, мы всё равно не сможем понять поступки отдельно взятого человека, если не познакомимся с ним лично, с его жизнью, убеждениями и заблуждениями. Только открывая людей, погружаясь в их судьбы, мы по-настоящему познаём жизнь.

Мне очень хотелось, чтобы в «Голосах» прозвучали мелодии разных жизней — они ведь уникальны, даже если кажутся похожими. То, что принято называть Движением индеанистов, вобрало в себя самых разных людей: от художников до бандитов. Их, таких разных, не могло объединять, кажется, ничто, потому что таким людям не о чем говорить друг с другом. Но они говорят! И они радуются друг другу — научные работники, скульпторы, таксисты, офицеры и «отмотавшие срок» блатные! Кого там только нет! И они легко находят общий язык, собираясь вместе.

Что представляло собой Движение индеанистов? Мальчики и девочки, по какой-то причине очаровавшиеся индейцами (никто так и не сумел объяснить, что именно привлекло их), стали искать себе подобных. Говорят, что первая группа индеанистов сформировалась в Литве в конце 1960-х или начале 1970-х под руководством Кагаги, но о той группе никто ничего не знает. Я сомневаюсь, что тех ребят следует называть индеанистами. Они поиграли в индейцев, и племя «рассосалось».

В индейцев играли многие, но индеанистами можно называть только тех, у кого это увлечение держалось долгие годы.

В советское время поиски себе подобных затягивались иногда на десятилетия. В этом проявилась особая природа индеанистов Советского Союза, особый их дух. Сегодня не нужно ни терпения, ни усилий, чтобы найти людей, разделяющих ваши интересы, интернет-поисковик найдёт их за несколько минут. А в прошлом поиски информации и людей придавали нашему увлечению особую ценность и неповторимость…

Найдя друг друга, ребята начали встречаться, стали устраивать ежегодные Пау-Вау (в моих телевизионных программах я говорил, что Пау-Вау — это Праздник Людей, потому что не смог подобрать более подходящего «перевода»). Так возникло Движение, хотя никаким Движением оно на самом деле не было — ни устава, ни программы. С 1982 года Пау-Вау проводились регулярно, сначала только под Ленинградом, затем по всей стране (правда, в других городах Пау всегда были малочисленнее), а после распада СССР — ещё и на просторах «ближнего зарубежья», то есть в бывших республиках Советского Союза. Численность индеанистов неуклонно росла, Движение набирало силу, но затем что-то случилось, приток людей прекратился, наступил застой. По крайней мере, некоторым казалось, что наступил застой, и эти некоторые начали борьбу против застоя. Внутренние раздоры привели к расколу. Под Питером почти параллельно проводились два Пау-Вау, одно из которых называлось «Возрождение». Возродился ли на том Пау-Вау индеанизм в России? Возродился ли тот дух, который заставлял мальчишек и девчонок искать друг друга? Нет, не возродился. И не мог возродиться, потому что с годами юношеский идеализм ушёл, и вместе с ним ушло то отличительное, что лежало в основе сообщества первых индеанистов.

Движение индеанистов, возникшее в Советском Союзе, начало умирать вместе с крушением СССР. Во-первых, мальчишки повзрослели. Во-вторых, изменилось всё вокруг: политическая система, экономическая, мораль. Советские индеанисты не могли оставаться советскими в капиталистическом мире. Исчезла советская идеология, с множеством присущих ей ограничений, против которых восставала душа каждого индеаниста. Одновременно с идеологическими ограничениями исчезла материальная база социалистического мироустройства, гарантировавшая каждому хоть какую-то стабильность. Исчезло всё то, на что мы привыкли опираться. Дети, игравшие в индейцев, жили жаждой свободы, но под свободой подразумевали право свободно играть в индейцев, свободу от кураторов, наблюдавших за этой непонятной игрой в индейцев. Об изменении политического строя никто не думал, индеанистов это не интересовало. Я слышал от многих, что индеанистами интересовалась милиция, присматривался КГБ, кое-кто рассказывал мне о том, как с ними проводились беседы «с пристрастием». Сергей Иванов (Вапити) написал в своей «Краткой истории индеанистов»: «Вскоре после Большого Совета всех участников по местам их жительства прихватили гэбешники, правда, они не особо злобствовали, а потребовали подробного отчёта о Совете и согласия стать информатором и сообщать о всех индеанистских делах. Почти

все отказались. Овасес тогда учился в художественном училище имени Серова, и там ему прозрачно намекнули, что если он не будет информировать органы, то он под тем или иным предлогом будет отчислен. Овасес пришёл понурый на сбор Клуба. Так и так, говорит, я попал в засаду. Посовещавшись, народ решил — стучи на нас, дорогой Овасес, но на сборах мы всё будем говорить тебе: что стучать и как стучать. Так появился в клубе „штатный стукач“...» Про Вапити все в один голос говорят, что он, мягко выражаясь, любит преувеличить и рассказывает любую историю, вывернув её наизнанку, но я лично отношусь к его словам о «штатном стукаче» с большим сомнением. Овасес написал: «Было мне 28 лет, и меня никто не вызывал на Литейный, а пошёл я выручать Серёгу Иванова и вовремя: его сразу закружили, и он позвал меня с улицы. Я вошёл и давай возмущаться, сказал что-то, среди прочего, о наших правах, и это товарищам майорам понравилось, а когда я сказал, что оба мои дедушки были чекистами — больше они Иванова не вызывали».

Прекрасно понимаю, что истории о допросах в казематах КГБ — красивая выдумка более поздних времён, ибо допрашивать мальчишек было не о чем, индеанисты не состояли в тайных антисоветских группировках. За ними приглядывали так же, как за всеми остальными неформальными организациями, и призывали к сотрудничеству. Но никто из тех мальчишек не являлся сексотом, то есть секретным сотрудником спецслужб. Был, правда, СоД ПИА (Союз Джосакидов Поддержка индейцев Америки), провозгласивший себя «боевой группой прогрессивно настроенной молодёжи», а боевая группа в Советском Союзе не могла не вызывать вопросов. Но дело в том, что самое «боевое» действие СоД ПИА — это сбор денег для покупки школьных тетрадей, которые предполагалось отправить в резервации... Так что рассказы о проникновении тайных агентов госбезопасности в ряды индеанистов — сказка.

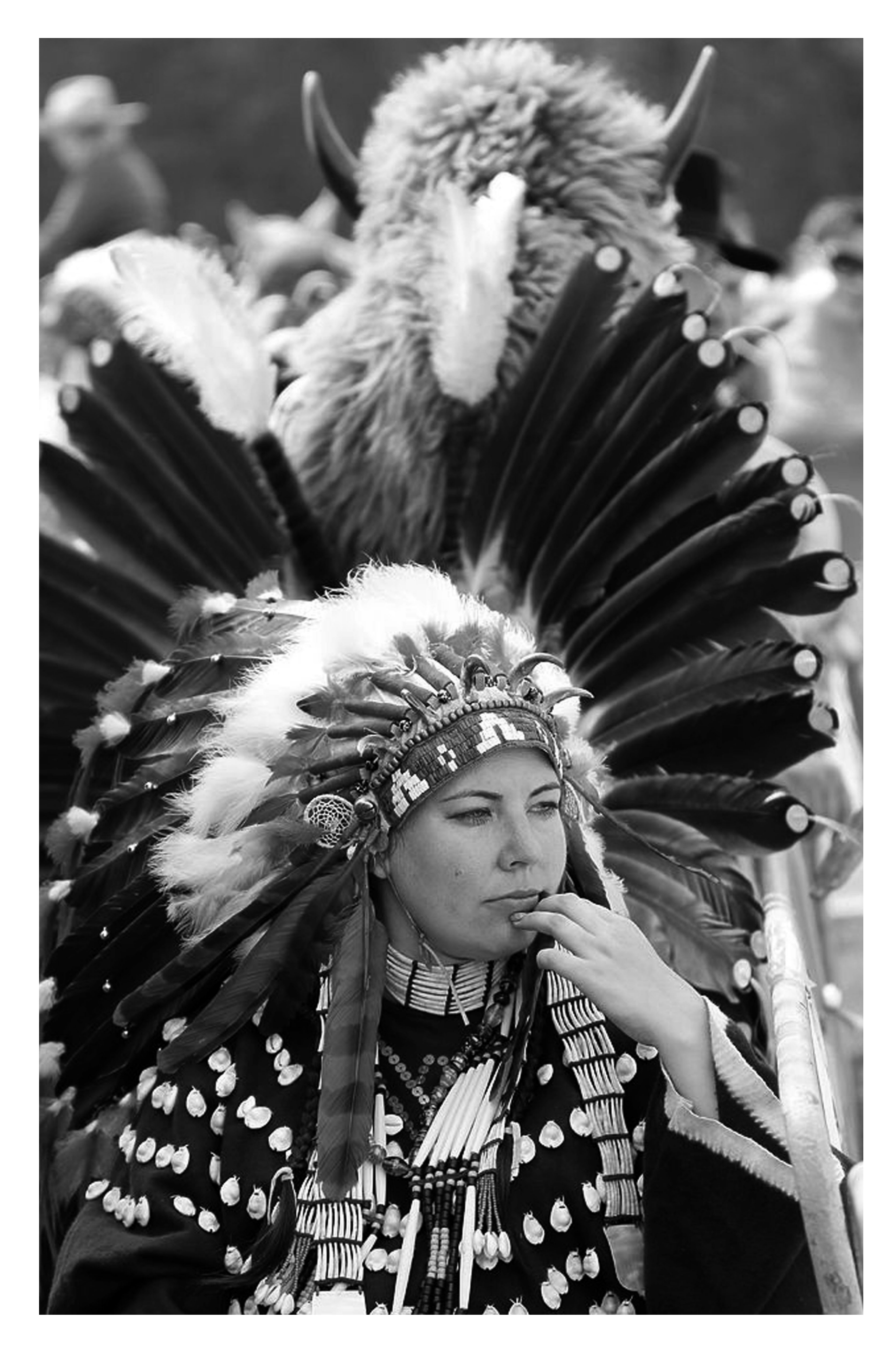
В переписке с Орлиным Пером, основателем алтайской Голубой Скалы, я поинтересовался, сильно ли досаждали ему спецслужбы. Он ответил: «Бывало, домогались. Меня вообще два раза чуть не посадили. Один раз даже сидел пять суток в КПЗ, потом даже был суд, Мне сформировали липовое обвинение и сказали: „Община была восемь лет, вот ты и сядешь на восемь“. Но это уже отдельная история и к индейцам не имеет отношения»...

Я наблюдал за Движением в основном со стороны. Впервые приехав на Пау, я был очарован и разочарован одновременно. Я оценивал всё трезво: внутренние противоречия, недовольство, высокомерие «стариков», обиды — всё было очевидно. Несмотря на длиннющие минусы, торчавшие из всех швов Движения индеанистов, мне нравилось их общество. Несмотря на разность наших взглядов, среди них я ощущал себя в родной стихии, ни в каком другом сообществе (телевизионщики, киношники, литераторы) я не чувствовал столь глубинных связей. И это по сей день не перестаёт удивлять меня.

Я познакомился с индеанистами в «славные» 1990-е, когда страна стала жить по-новому. Москву чуть ли не в одночасье наводнили бездомные собаки, проститутки и нищие. Пустые вчера дворы заполнились подержанны-

ми автомобилями, которые гудели, ревели и тарахтели глохнущими двигателями. На перекрёстки выплеснулись толпы детей, спешившие вымыть грязные стёкла машин и получить за это вознаграждение. Эти же дети предлагали водителями газированную воду, газеты, сигареты. В самом центре Москвы, на Манежной площади раскинулся гигантский лагерь беженцев, горели костры, пахло гнилью. Повсеместно так называемые «бригады» вершили свой бандитский суд. Их легко было узнать по безразмерным кожаным курткам, тренировочным штанам, коротким стрижкам, многие носили на шее золотые цепи толщиной в палец, чуть позже в моду вошли малиновые пиджаки (это уже у тех, кто выбился из рядовой «братвы» в бизнесмены). По ночам слышались выстрелы... В те годы, работая на телевидении, я с моей съёмочной группой не раз попадал в облаву (то в дневное время, то ночью), нас держали под прицелом, обыскивали, искали оружие и наркотики. Такое было время. Иногда на журналистов нападали и отнимали съёмочную технику (цена профессиональной видеокамеры в то время достигала двадцати тысяч долларов, и на этих разбоях быстро расплодились фирмы, сдававшие телевизионную аппаратуру в аренду).

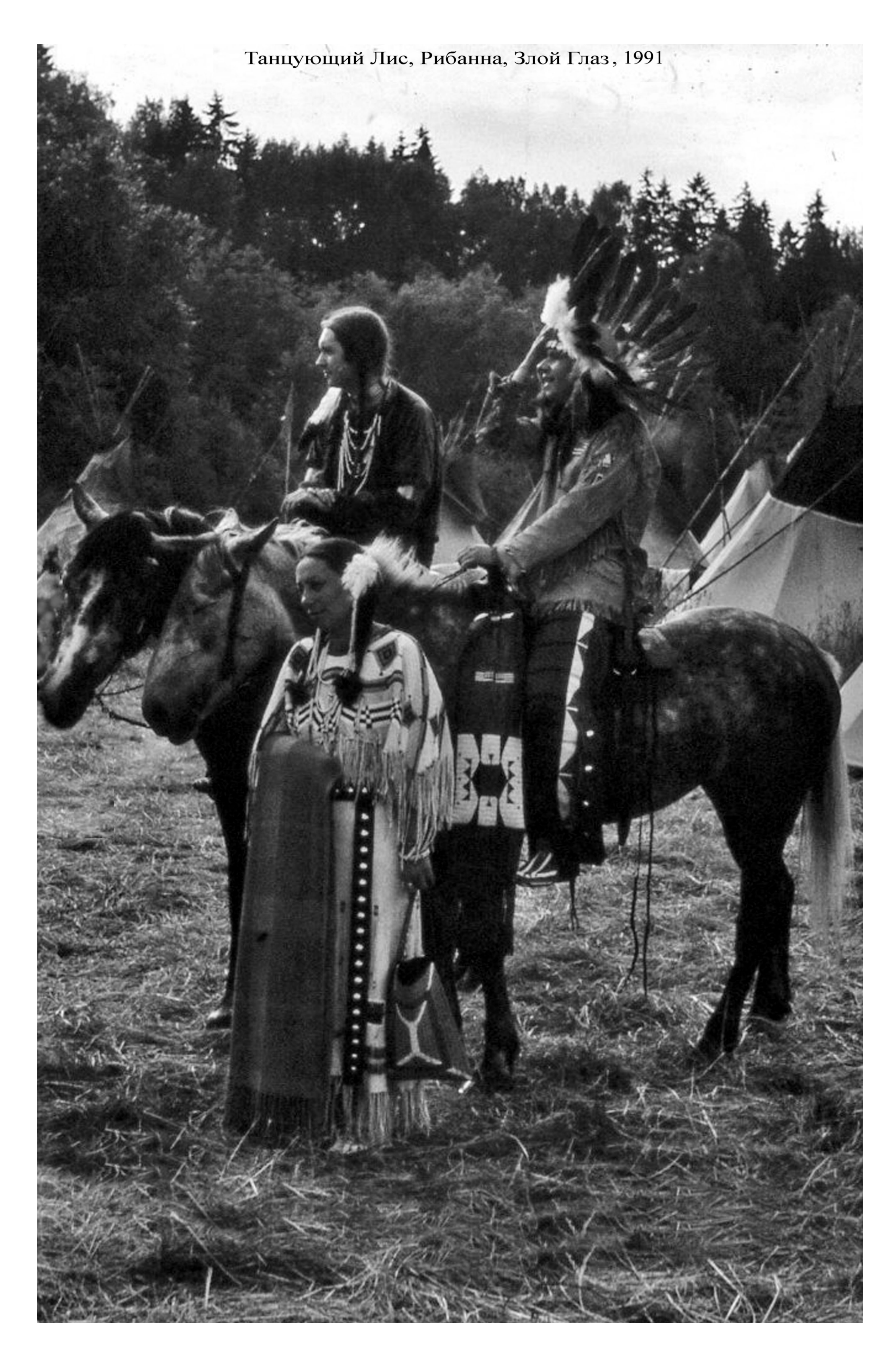
Мне посчастливилось попасть на государственный телевизионный канал, на штатную должность режиссёра. Удача несказанная! Нам никогда не задерживали зарплату, её регулярно индексировали по мере роста инфляции. У меня был бессрочный пропуск, с правом вноса и выноса кассет и документов во все учреждения, имеющие отношения к государственному телевидению. Вплоть до 1997 года я жил беззаботно (если говорить о финансовой стороне, а не об условиях работы и не о физическом здоровье). Но у подавляющего большинства людей жизнь сложилась иначе, многие едва сводили концы с концами. Москва была похожа на гигантскую помойную яму, посреди которой бесстыдно перемигивались разноцветные лампочки многочисленных казино.

Что же касается индеанистов в те годы, то нужно отметить их удивительную стойкость; они не расстались со своей страстью, несмотря на давление обстоятельств. Они отказывали себе во многом, но только не в том, что касалось индейцев: покупали книги, бисер, кожу, ездили на Пау, тратя на это последние деньги... Впрочем, «не сломили» — это лишь об увлечении индейцами. Люди-то пошли каждый своим путём: и бизнесмены выросли из них, и бандиты, и отшельники. Разные судьбы. Ничего общего меж ними, если не считать их индейства.

Именно тогда, в девяностые, я начал цикл телевизионных программ «Голоса». Руководство долго отказывалось ставить «Голоса» в эфир, потому что наше творческое объединение занималось только политическими и экономическими вопросами, и для индеанистов просто не было места в сетке телевещания. Пока я пытался хоть куда-нибудь приткнуть моё «индейское» детище, на Первом канале кто-то запустил другой цикл под названием «Голоса», поэтому я срочно переименовал мою программу в «Голоса и крылья», поскольку где-то у меня в закадровом тексте мелькнуло что-то про «расправленные крылья души». К тому моменту, когда мой опус вышел в эфир, чужие «Голоса» загнулись. В те

годы многое стремительно рождалось и так же быстро умирало. Поскольку я создавал мою программу в полулегальных условиях, отщипывая время от других моих официальных монтажных смен, у меня не осталось возможности вернуть первоначальное название моей программы, и она появилась как «Голоса и крылья», хотя я называю её просто «Голоса».

Книга «Голоса» стала естественным продолжением той телепрограммы, но с другим уклоном. Теперь я собираю вспоминания индеанистов, уделяя внимание в первую очередь советскому периоду Движения и тому, что происходило в 1990-е. Основная масса индеанистов по-прежнему отказывается участвовать в создании «Голосов». Один из моих корреспондентов объяснил это так: «Мне не жалко поделиться тем, что было, просто за все эти десятилетия многое в восприятии и эмоциях изменилось и потускнело. И ещё каждый хочет быть „вождём“, желает делать только „своё“ и не участвовать в „чужом“. Индивидуализм и эгоцентризм. Кто-то способен перешагнуть через эгоцентризм и быть проще, кто-то не умеет сделать этого, а кому-то вообще по фигу. Есть люди, реализовавшие свои амбиции в чём-то другом, от таких вряд ли дождёшься развёрнутого рассказа. Я сам где-то посередине этих характеристик. И придерживаю что-то для своих „мемуаров“, хотя они могут и не случиться». Другой мой давний знакомый сказал при встрече: «Подумаешь! Да что они там тебе рассказали! Я бы рассказал куда больше». Но дальше этих слов дело у него не двинулось. Поругивать других очень легко, это не обязывает ни к чему, а вот сделать что-то — это труд. В том числе и воспоминания — большой труд, поэтому я признателен всем, кто внёс посильный вклад в создание книги «Голоса». Во второй том включены воспоминания тех индеанистов, которые решились поделиться своим личным опытом и взглядами на жизнь. Здесь гораздо больше откровений, больше судеб, больше печали, больше горечи. Теперь эти голоса вписаны в историю.

Танцующий Лис, Рибанна, Злой Глаз, 1991

Обречённые на свободу

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Во все времена мальчишки играли в войну и в её разновидности — в пиратов, в мушкетёров, в рыцарей и, конечно, в индейцев. Но у нас были и «отягчающие обстоятельства», против которых устоять многие юные пионеры и октябрята были не в силах. В первую очередь это наличие рядом трёх кинотеатров «Таганский», «Зенит» и «Победа», где наперебой демонстрировались фильмы «про индейцев». Югославский немец Гойко Митич («Чингачгук — Большой Змей», «Сыновья Большой Медведицы», «След Сокола», «Оцеола», «Текумсе», «Ульзана» и др.) и француз Пьер Брис (цикл фильмов про Виннету) стали национальными героями нашего двора и школы №499. Франко-румынские фильмы по произведениям Фенимора Купера, американские «Золото Маккены» и «Когда умирают легенды», мексиканский «Избранник Великого Духа» и советско-румынский «Аткинс» подливали масла в огонь. Во-вторых, школьная программа по внеклассному чтению включала «индейские» произведения того же Фенимора Купера, Майн Рида, Джека Лондона, а также Марка Твена, где подлый герой индеец Джо почему-то вызывал симпатию, как и Том Сойер. И, конечно, все запоем читали «Сына племени Навахо» и «Ошибку Одинокого Бизона» Дж. У. Шульца. Что уж говорить о «Песне о Гайавате» Генри Лонгфелло с великолепными рисунками Ремингтона и о настоящем пособии «юного индейца» — «Маленькие дикари» Сетон-Томпсона! Журналы «Вокруг Света», «Пионер», «Костёр», «Ровесник» знакомили юного читателя с современным положением коренных американцев, конечно, с точки зрения коммунистической идеологии — все индейцы исключительно благородные жертвы, все белые американцы — угнетатели. Но главный правильный вывод мы всё же сделали — индейцы это существующий ныне народ, а не только колоритный атрибут вестерна. Как гром среди ясного неба грянуло подтверждение этому — в 1973 году вооружённые индейцы племени Сиу захватили посёлок Вундед-Ни в Южной Дакоте, объявив его территорией свободной от бледнолицых и независимым индейским государством Оглала-Сиу. Семидесятидневная осада повстанцев полицией и фэбээровцами, перестрелки, переговоры, обращение индейских старейшин в ООН, агрессивные заявления мятежников, эмоциональные репортажи с места событий, отказ знаменитого Марлона Брандо от «Оскара» за роль в «Крестном отце» в знак протеста против индейской политики США — всё это создавало индейцам ещё больший ореол героев и борцов за свободу.

А заключительным штрихом в этой картине «про индейцев» стали маленькие пластиковые фигурки — эдакие индейские солдатики. Они давали сто очков вперёд плоским и уродливым оловянным отечественным красноармейцам. И даже если б эти пластмассовые

фигурки не были индейцами, то всё равно брать их в руки было настоящее удовольствие. Вдобавок они несли заметный отпечаток этнографии, то есть по ним можно было изучать костюмы и оружие, конечно, с довольно большой долей условности, но всё же. Они были объёмными, некоторые даже цветными, некоторых можно было сажать и снимать с коня, давать в руки оружие, даже снимать головные уборы из перьев и скальпы! И все они имели своё выражение лица, то есть были индивидуальны! Их противники-ковбои также были весьма симпатичны. Эти невиданные у нас игрушки производились в Англии, Гонконге и ГДР. Восточногерманские были грубее, но доступнее, их иногда продавали в магазинах игрушек. Правда, мне ни разу не посчастливилось купить их в магазине, несмотря на регулярные набеги в «Детский мир» и «Лейпциг». Трафик движения индейских фигурок в СССР осуществляли, в основном, ездившие в загранкомандировки или редкие зарубежные туры чьи-то отцы, дяди, дальние родственники и знакомые. Ценность этих фигурок на нашем школьном рынке была огромна, обладатель нескольких индейцев слыл богачом, вызывая зависть однокашников. Ходила легенда о том, что один мальчик из параллельного класса имел столько индейцев, что после игр в песочнице он не досчитывался нескольких пластиковых воинов, но совсем не огорчался; их у него так много, что и не жалко потерянных, а в случае чего отец ещё сколько угодно привезёт. Мы, ясное дело, периодически проверяли ту песочницу, но безрезультатно. Я своего первого индейца выменял на настоящий «индейский» (кухонный) нож, а потом удалось уговорить брата того легендарного мальчика продать партию вновь поступивших фигурок за баснословную по тем временам сумму — 10 фигурок по 75 копеек за штуку (для сравнения — наш оловянный солдатик стоил 4 копейки, набор пластмассовых чапаевцев — 30 копеек). А дальше дело пошло — один из обладателей индейцев в нашем классе оказался патологически слаб в изучении французского языка и предложил мне расплачиваться бесценными фигурками за возможность списывать мои вытягивающие на твёрдую тройку домашние задания. Теперь подобные «сокровища», чаще всего хранящиеся в коробках из-под обуви на антресолях, может продемонстрировать каждый индеанист того поколения. По наследству передавать не пришлось, потому что современных детей такие игрушки не интересуют.

Другие предметы роскоши — перья хищных птиц. Главный источник поступления — чучела в школьном кабинете зоологии (я лично добыл четыре орлиных крыльевых пера, и два выменял) и зоопарк (я в число счастливчиков не попадал).

Книги про индейцев, фотографии и вырезки из журналов и газет тоже представляли собой великую ценность. Иногда можно было раздобыть их легально, то есть купить в магазине, но чаще приходилось совершать набеги в школьные и районные библиотеки. Иногда книга тайно «реквизировалась» на месте, иногда «терялась», иногда подвергалась той или иной степени коррекции виде сокращения картинок и страниц. Толстые энциклопедии и подшивки журналов, то есть, то, что не давали домой, и нельзя было незаметно «реквизи-

Во втором ряду: Огурцов, Тереник, Евчук
В первом ряду - Котенко (Москва, 1991)

ровать», нещадно подвергалось купированию на месте.

Ещё одна форма этнографического вандализма — граффити. Не дурацкие слова на заборе, а настоящие рисунки в относительно реалистическом виде на партах. В каждом классе было несколько парт, старательно разрисованных орлиноносыми профилями индейских вождей. А однажды я увидел настоящие произведения искусства, просто картины огромных размеров, мастерски выполненные неизвестным поклонником индейцев углем от костра на плитах в карьере в районе подмосковных Люберец, куда я ездил с родителями купаться и загорать. Потом я, естественно, постарался воспроизвести их на парте.

Итак, племена доморощенных индейцев набирались сил, знаний и «материальных благ». Налаживался процесс изготовления луков и стрел, метания ножей и «томагавков», пошива мокасин из клеёнки, отделка «техасских» брюк (джинсы появились позднее) бахромой от скатерти, сбор разнокалиберных перьев для боевого головного убора, сбор средств и продуктов для подготовки путешествия к индейцам, держащим осаду в Южной Дакоте, бесперспективные попытки отрастить длинные волосы (пионеру не позволялось быть с длинными волосами), разучивание на гитаре «Песни Индейца» Дж. Лаудермилка, «Эль Кондор Паса» Саймона и Гарфанкела

и «Старый гриф-стервятник» в варианте В. Ободзинского. За анекдот про индейцев мы могли обидеться, а то и морду побить.

Однако индейская тема, помимо забавы, представляла и некий научный интерес. Конечно, не для всех поголовно. У многих были тетрадки, куда выписывали в алфавитном порядке названия индейских племен, иногда сопровождая комментариями, в какую языковую семью входило это племя, какова его численность, кто был вождём, в какой резервации живут и т. д. Для этого, кроме художественной литературы, приходилось читать и специальную, начиная с энциклопедий и доходя до сугубо научных книг и брошюр, включая материалы на иностранных языках, в основном на английском. Приходилось расшифровывать и французские, и польские, и чешские, и венгерские — то есть всё, чем удавалось разжиться. Конечно, половину терминов понять не получалось даже на русском, но всё равно погружение в какой-то другой мир создавало ощущение собственной внутренней свободы и независимости. По большей части нас практически не интересовала общественная пионерская, а позже комсомольская жизнь — гораздо важнее был свой братский индейский мир с его книжками, фильмами, вылазками на природу. Таким образом формировался какой-то особый тип сознания, своя шкала ценностей. Конечно, в определённых рамках — ведь всё равно мы были советскими подростками, которым в скором времени, как ни крути, предстояло полноценно войти в то общество, от которого мы обособлялись как могли на правах детей.

Впереди было окончание школы, дальнейшая работа или учеба в ПТУ, техникуме или институте. И армия, конечно (тогда «косить» от службы было не принято). Само собой, любознательного и увлекающегося молодого человека в период взросления не могли не интересовать и другие аспекты жизни и модные тогда увлечения. Да и сама индейская тема у большинства окружающих была связана исключительно с подростковым возрастом. (Когда я учился в седьмом классе, мою маму пригласила наша классная руководительница, и поинтересовалась, чем я увлекаюсь. Так как моя успеваемость была хоть и стабильной, но средней, то со стороны учительницы было вполне логичным выяснить, чем же я живу вне школы, как провожу свободное время и есть ли у меня вообще в жизни какие-то интересы. Каково же было ее удивление, когда мама честно ответила — индейцы. «КАК!? В СЕДЬМОМ КЛАССЕ, И ВСЕ ЕЩЕ ИНДЕЙЦЫ?!»). Итак, пора возмужания открыла и другие интересные стороны жизни — рок-музыку (наше уже сократившееся до трёх человек племя одновременно представляло собой и рок-группу, а ваш покорный слуга и ныне периодически мучает бас-гитару), каратэ (мы в этом же составе дослужились до первых цветных поясов), вечеринки и танцы (сейчас это называется словом «тусовка»), и, разумеется, первые амурные переживания. Обретение специальности, которая должна в будущем стать главным источником существования также занимало много времени.

В итоге каждый воин нашего школьного племени пошёл своей дорогой, а у меня, как у самого упёртого «индейца» оказались уже обесценившиеся и никому кроме меня не нужные сокро-

вища — наконечники для стрел, перья, дубинки, книжки, вырезки из журналов, фотографии, сделанные в кинотеатре с экрана, и, конечно, пластиковые фигурки индейцев и ковбоев. В техникуме я уже был единственным «индейцем», но никаких смешочков и шуточек по этому поводу не было — всё-таки поколение моих ровесников в той или иной степени имело представление, чем Ирокезы отличаются от Апачей, кто такие Виннету и Чингачгук, что такое мокасины и томагавк. К тому же в кинотеатрах продолжал блистать великолепный Гойко Митич, и мои однокурсники с удовольствием составляли мне компанию.

А вот в армии мне повезло встретить единомышленника и друга. Он тоже был москвичом, и сделал приблизительно такую же индейскую карьеру. Оказалось, что нас призвали служить в один и тот же день, и вместе же мы и вернулись в родной город. Во время военной службы мы не забыли индейскую тему. Два с лишним года за полярным кругом на финской границе, среди бескрайних лесов, озёр и сопок стали для нас неплохой школой выживания. А познакомились мы весьма забавно. Мы были с одного призыва, то есть, как бы стояли на одной иерархической ступени, и иногда по-товарищески обменивались ничего не значащим фразами, но так как по роду службы исполняли разные обязанности, то очень долго не было случая разговориться на индейскую тему. Каждый был индейцем сам по себе. И однажды, увидев в руках у Макса невесть где добытый кусок какой-то мнущейся массы, напоминающей розоватый пластилин (это был медицинский пластик для изготовления зубных протезов), я высказал вслух первую, пришедшую мне в голову мысль: «Так из этого можно делать фигурки индейцев!» Ответ был обескураживающе прост: «Именно этим я и собираюсь заняться». Трубка Мира была раскурена, «племя» возродилось. Впрочем, «сочувствующих», или «социально близких» краснокожей теме во время службы встречалось немало. Время такое было. Получали мы иногда и подпитку извне — в нашу часть иногда привозили фильмы с тем же Гойко Митичем. Журналы и газеты периодически знакомили с внутриполитической ситуацией в североамериканских натовских странах-супостатах, где всё больше обострялся индейский вопрос. От друзей «с гражданки» тоже поступала кое-какая информация. Правда, почти весь мой скромный собранный за время армейской службы индейский архив был конфискован начальством (как не положенный по уставу хлам).

К нашему «индейскому» дуэту присоединился ещё один армейский сослуживец, проникшийся идеей во время службы, и, наконец, «дозревший». Нашу группу мы назвали «Типи». Мы строили планы, как бы замутить и у нас что-то наподобие Пау-Вау, но с кем и как — вопрос оставался открытым. Был предпринят поход в Дом Дружбы Народов, отправлено письмо советским учёным-индеанистам (в ответ — молчание), организована выставка и лекция по индейской тематике (положительная реакция). Оставались ещё походы в лес, зоопарк, книжные магазины.

Но настал и наш черёд — в период обострения всесоюзной политической акции в виде сбора подписей в поддержку томившегося в застенках амери-

КИНО УРАН ТЕАТР
СМОТРИТЕ НА ЭКРАНЕ
Апачи
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
ВЕРНАЯ РУКА – ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ
(ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ КАРЛА МАЯ)
АВТОРЫ СЦЕНАРИЯ:
ЭБЕРХАРД КЕЙНДОРФ,
ИОГАННА СИБЕЛИУС,
ФРЕД ДЭНДЖЕР
РЕЖИССЕР
АЛЬФРЕД ФОРЕР
В РОЛЯХ:
СТЮАРТ ГРЕЙНДЖЕР,
ПЬЕР БРИС,
ДУШАН АНТОНИЕВИЧ,
ЛЕТИЦИЯ РОМАН,
МАРИО ДЖИРОТТИ,
МИЛАН СРДОЧ,
ЛЭРРИ ПЕННЭЛЛ,
БАТА ЖИВОЙНОВИЧ
СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
«ЯДРАН ФИЛЬМ» (ЮГОСЛАВИЯ),
«РЕАЛЬТО ФИЛЬМ» (ФРГ)

Дмитрий Зорин (Зовущий Лось)

Вапити и Тан-Ви

Голубая Скала: общинники и гости

канской тюрьмы индейского активиста Леонарда Пелтиера, газеты запестрели материалами про судьбу и современное положение коренных американцев. Это было в 1985 году, и теперь не все помнят, кто такой Пелтиер (кстати, он и поныне в тюрьме — шутка ли — два пожизненных срока), но те, кто застал то время, наверняка смогут воскресить в памяти иные подобные шумные и модные тогда кампании с доктором Хайдером, школьницей Самантой Смит, безработным Маури и пр. Наша пресса подробно освещала визит к Пелтиеру нашего прославленного офтальмолога, а в Москву приезжали жена Пелтиера и его сподвижник. Так вот, среди массы публикаций по этому поводу попадались, естественно, и письма индеанистов, и нам удалось связаться с Питером и Новосибирском. Но это были «одиночки», они, как говорится, не делали погоды, но от них у нас появилась информация, что где-то в Ленинградской области с 1980 года проводятся Пау-Вау.

Мы испытали настоящий шок. Как же так? Почему мы про это ни сном, ни духом?

Дальше — больше. Удалось познакомиться с немецкой индеанисткой, обучавшейся в одном московском институте; она опубликовала в советской газете призыв к объединению всех индейских сил нашей страны с целью вызволения из тюрьмы Леонарда Пелтиера. Она уже имела в своей картотеке кучу адресов и телефонов, и, во многом благодаря ей, в начале 1986 года состоялся всемосковский индейский сбор. Сама она вскоре бесследно исчезла, ну да Бог

с ней — её планы по освобождению вслед за индейцами негров, папуасов и т. п. нас мало вдохновляли. Вдобавок она была категорическим противником изготовления индейских костюмов, исполнения песен, танцев, и эта позиция казалась нам почти кощунственной. Но «мавр сделал своё дело», и индейская Москва ещё больше зашевелилась. Проводились встречи, советы, вылазки в букинистические магазины, походы в леса, обмен книгами и рукописными переводами, перьями и бисером, налаживались связи с другими регионами. А главное, сколько новой информации! — оказывается, что кое-кто из москвичей бывал на ленинградских Пау-Вау, что кто-то из Новосибирска ездил даже на Пау-Вау в Германию, что в других странах Европы тоже проводятся Пау-Вау, что на Алтае существует «индейская» коммуна, которая также представляет и рок-группу, записавшую уже несколько альбомов. Словом, индейских дел было предостаточно, а летом нас ожидало Пау-Вау.

Наше Пау-Вау тех лет мало чем походило на индейское, разве что ставили типи, и кое-кто пытался исполнять индейские песни и танцы. Скорее, это был слёт реконструкторов индейской культуры, т.к. основной упор делали на изготовление исторических костюмов и воссоздание жизни в индейском кочевом лагере девятнадцатого века. И для многих это, конечно, была единственная возможность встретить единомышленников из других городов, обменяться информацией и продемонстрировать свои достижения в мастерстве изготовления индейских вещей. Проводились соревнования по стрельбе из лука, метанию томагавка, гребле на каноэ, спортивным играм. Устраивались выставки и конкурсы. Обязательно был глашатай и избиралась «полиция», которой в большинстве случаев делать было нечего, ввиду практического отсутствия конфликтов — в основном в её задачи входило поддержание порядка на территории — напоминание участникам об уничтожении мусора, затушении костров и соблюдении относительной тишины в ночное время. Конечно, чем-то это напоминало турслёт или пикник, но по тем временам несколько дней, проведённых в глухом живописном месте, в индейском жилище, вне городской суеты и бытовых проблем были подпиткой энергией на целый год. Так и жили — от Пау-Вау до Пау-Вау, стараясь максимально подготовиться к следующей встрече, собрав новый костюм, изготовив новый лук или томагавк и разжившись новой информацией.

В те годы Ленинград был чем-то вроде индейской столицы, и многие индеанисты из других городов частенько туда наезжали между Пау-Вау, а кое-кто и оставался жить. В Питере обитало несколько «индейских племён», существовал даже официальный клуб. Другими «индейскими» городами были Москва, Петрозаводск, Великие Луки, Харьков, Минск, Вильнюс, Арзамас-66, Новосибирск.

Пауваувское движение шло вперёд семимильными шагами, и вполне возможно, это в чём-то было связано с горбачёвской Перестройкой. Окончание холодной войны, официальное признание права на существование неформальных молодёжных организаций (вне формата комсомола), открытие железного занавеса — всё это стало предвестником перемен, и не только в нашем

Ланское, 1981
Орёл, Красный Волк, Маленький Барс, Мато Нажин, Таня Павлова

«индейском» мире. Ещё в 1986 году я, следуя какой-то внутренней уверенности, ничем не подкреплённой, заключил пари на ящик пива с одним коллегой по работе, что до 2000 года попаду к индейцам в Америку. Конечно, со мной трудно было согласиться — ведь по советским правилам самостоятельная поездка в капиталистическую страну некомсомольца и без предварительных выездов в социалистическую страну не имела никаких шансов состояться. Но я предчувствовал победу. Начиналось время перемен.

К нам стали проявлять интерес журналисты и телевизионщики. Мы вдвоём с Максимом Огурцовым, моим армейским другом, изготовили кучу индейских вещей для фильма «Следопыт» по одноимённому произведению Купера (кстати, это последний фильм с участием Андрея Миронова, а вождя ирокезов играл Евгений Евстигнеев). Нас пригласили на симпозиум учёных-американистов в Академию Наук. С 1989 года мы начали выпускать свой самиздатовский журнал. Появилось много новых людей — и наших ровесников, сохранивших детское увлечение, и совсем юных.

Стали чаще ездить к нам в страну индейцы из Америки. Встреча с музыкантами из традиционной группы «Badland Singers» (резервация Форт Пек, штат Монтана) перевернула все представле-

ния об индейцах. Оказывается, это живые люди. Именно люди, а не литературные или кино-герои. Каждый со своим характером, многие с внушительными животами, большинство с короткими стрижками и в очках, а один даже усы носил. Кто в джинсах, кто в тренировочных штанах, все в кроссовках. Но зато все, как и положено, в головных уборах из орлиных перьев (певцы), а один с длинными косами (танцор). И имена! Серый Ястреб, Пятнистая Птица, Две Звезды… Мы пообщались в неформальной обстановке в Парке Горького, нам даже предложили примерить настоящие головные уборы! Вопреки нашим ожиданиям индейцы не упали в обморок от счастья, узнав, что в Советском Союзе существует индейское сообщество. Тогда это показалось нам странным, но позже, поразмыслив, я представил, что если бы американцы или австралийцы показали бы мне собственноручно изготовленные лапти или балалайки, я счёл бы это забавным и премилым, но, скорее всего в обморок тоже падать не стал бы — это во-первых, а во-вторых мы всё-таки произвели на них довольно сильное впечатление, в чём я убедился несколько лет спустя. Итак, мы обменялись адресами и получили в подарок расшитую бисером в индейском стиле бейсболку и кассету с записью их песен, исполняемых на Пау-Вау. Как оказалось, песни звучат совсем по-другому, чем это представлялось по «индейским» фильмам или имевшимся у нас редким старинным записям. Это были первые песни в стиле Пау-Вау. Несмотря на всю свою необычность, они были интереснее и легче воспринимались на мой слух, чем всё из традиционной индейской музыки, что я слышал до этого. Однако воспроизвести их тогда хоть как-то похоже решительно не удавалось.

1990 год ознаменовался нашим самым большим по количеству типи и участников Пау-Вау — рекорд не повторенный и поныне — две-три сотни человек, включая немецкую делегацию из пяти посланцев (которые нещадно страдали расстройством желудка от непривычности к местной воде) и огромнейшая поляна, покрытая множеством типи. И, конечно, событие века — в Москве завершился Священный индейский Бег, супермарафон по маршруту Лондон-Москва. На Красной Площади десятки индейцев, а их предводитель — знаменитый Деннис Бэнкс. Тот самый, кто вместе с Расселом Минсом руководил восстанием в Южной Дакоте 1973 года, за которым мы пристально наблюдали ещё мальчишками. Эти индейцы по-разному реагировали на русских «краснокожих братьев», но в целом — положительно. Нас даже пригласили участвовать в заключительной священной церемонии, посвящённой завершению Бега, а одному из нас позволили присоединиться к певцам за барабаном. Более того, Бэнкс сделал наказ продолжить бег по России в следующем году, что и было воплощено его сподвижником Небесным Ястребом.

А в следующем году впервые приехал настоящий индейский вождь на наше Пау-Вау. Семидесятипятилетний бывший кок, дальнобойщик и полицейский, а ныне борец за права индейцев, отец семнадцати детей и хозяин микроскопической, но самой первой в Америке резервации — Вождь Большой Орёл из племени Погассетт, штат Коннектикут. Его сопровождал профессор Клод

Клейтон Смит — автор книги о вожде и друг индейцев. Обоюдным восторгам не было конца. Пау-Вау вызвало кучу эмоций, несмотря на отсутствие настоящих индейских песен, наличие злющих комаров, сердечный приступ «Деда» (как мы называли вождя между собой) и сложности проезда в поезде Москва-Ленинград (нельзя было говорить «по-иностранному» — с интуристов тогда брали за билет втридорога, плюс полное отсутствие сервиса, включая постельное бельё). Но каков результат! Три приглашения в Америку. И один из везунчиков — я. (О последующих индейских визитах я упоминать не буду, не потому, что я хочу кого-то обидеть или потому, что приезжали люди менее значимые. Совсем наоборот. Просто встреч было так много, что я боюсь кого-то пропустить. А эти первые контакты имели прямо-таки революционное значение).

1992 год. Америка. Год 500-летия географического триумфа Христофора Колумба. Индейцы относятся к Колумбу не очень... Сомнительный юбилей именуют 500-летием выживания. Я, единственный европеец, принял участие в индейском трансконтинентальном пробеге, посвящённом этому с индейской точки зрения антипразднику. Маршрут: от океана до океана, Нью-Йорк–Лос-Анджелес с заруливанием в индейские резервации, расстояние: пять тысяч миль, сроки: пять месяцев. Официальное название — Бег Выживания, организатор — «Красные Нации». До этого я навестил Деда, пообщался с индейцами в Коннектикуте и Нью-Йорке, и облазил все индейские музеи и точки, что сумел разыскать. Даже успел побатрачить, заняв освободившееся рабочее место и жильё только что отправленного в места не столь отдалённые краснокожего «работника Балды». Моё житие среди индейцев было бурным, и, как мне тогда казалось, бесконечно долгим. В глазах и голове пестрило от разных племён, резерваций, Пау-Вау, церемоний, молитв, обрядов, встреч и собраний, индейских центров, исторических и священных мест, о которых читал и мечтал ещё в детстве, и прочая, прочая... Боясь всё это позабыть и не успевая переваривать, я ежедневно вёл дневник, фотографировал на две камеры и делал зарисовки, когда фотоаппараты были недоступны.

Буквально в первые дни общения с краснокожими братьями, я ещё раз убедился, что современные индейцы бесконечно далеки от своих литературных собратьев. Но после некоторого переосмысления увиденного и своих прежних представлений, я сделал единственно правильный вывод. Индейцы сейчас не могут быть такими же, как в эпоху охоты на бизонов, но каждая резервация, и каждый индеец — это что-то особенное и неповторимое. Чем-то лучше, чем-то хуже, что-то или кто-то может мне нравиться больше или меньше, а кому-то я могу нравиться или не нравиться. Но индейцы есть индейцы, и это очень интересный и своеобразный народ, и я нисколько не жалею, что связал свою жизнь с этой культурой и горжусь тем, что меня принимали как своего. Кстати сказать, среди многочисленных национальных групп Америки индейцы (если с ними подружиться, конечно) наиболее близки нам по менталитету. В отличие от рафинированных белых американцев они просты в общении, эмоциональны, хлебосольны, любят позубоскалить и по-

прикалываться, обожают застолья и гулянки, любят петь, плясать, слушать музыку и, как ни странно, читать. Но вот чаю не пьют.

Мне удалось встретить кое-кого из участников того самого пробега Лондон-Москва, а также «моих первых индейцев» — Серого Ястреба, Пятнистую Птицу... Как ни странно, на этот раз встреча была по настоящему тёплой. К моему удивлению, они не забыли наше общение в Москве, а наоборот вспоминали с искренним удовольствием, отзываясь о русских собратьях с большим уважением. И сейчас меня принимали как старого друга, позволив даже вместе с ними попеть за барабаном. Пожалуй, именно живое звучание многочисленных песенно-барабанных групп по-настоящему перевернуло моё представление об индейской музыке, и я считаю это одним из важных обретений, сделанных мной в Америке. Среди участников нашего пробега также была своя барабанная группа, и мне всё чаще доверяли принимать участие в пении, а также поручили важное дело разрисовки барабана. В конце концов, у меня прорезался какой-никакой «индейский» голос, и, вернувшись на родину, я с нетерпением ждал Пау-Вау, чтобы попробовать свои силы вместе с нашими лучшими голосами.

За время моего отсутствия наше Пау-Вау претерпело некоторое изменение. Во-первых, стало меньше участников, так как многим жителям уже бывших союзных республик стало весьма проблематично добираться до Питера, а у некоторых россиян просто не было денег ввиду полного бардака с работой и жизнью, характерного для первых постсоветских лет. Во-вторых, в Пау-Вау наметился некий кризис из-за того, что его уже не хотели проводить по-старому, где акцент делался на романтику и демонстрацию исторических костюмов, но никто не умел ещё устраивать Пау по-новому, то есть в современном индейском стиле, когда основным событием являются танцы под песни барабанной группы. Но через год-другой всё же удалось как-то поднять эту тему, и наше Пау-Вау стало обретать правильные черты. Продолжали приезжать гости из Америки и Европы, и зачастили представители прессы и телевидения, как отечественные так и заграничные. Чуть ли не каждую неделю можно было увидеть на телеэкране или в газете репортаж о жизни «русских индейцев», часто довольно бредовый. Это, в конце концов, привело к тому, что мы перестали допускать на Пау-Вау журналистов и вообще «белых людей».

Изменились и способы зарабатывания на хлеб насущный. Кто-то занялся мелким бизнесом — от проката лошадей до изготовления на заказ сёдел, ковбойских сапог, индейской одежды и сувениров, кто-то начал издавать печатную продукцию по индейской тематике, кто-то ездил работать заграницу, используя индейские связи, а кому-то удалось заняться научной работой. Постепенно у нас в стране индейская культура, уже давно ставшая частью мирового культурного наследия, тоже становилась востребованной. Мне довелось поработать консультантом в нескольких российских и зарубежных художественных фильмах, участвовать в многочисленных телевизионных проектах, опубликовать две свои книги и около тридцати статей. Но главным достижением я считаю создание первой

в стране музыкальной группы, исполняющей индейские песни — «Greengrass Singers». В репертуаре коллектива есть и собственные композиции в стиле Пау-Вау, а также церемониальные песни различных племён Северной Америки. Главный инструмент группы — барабан, сделанный самими музыкантами из традиционных материалов — дерева и телячьей шкуры. Также используются свистки из орлиной кости, погремушки из тыквы или рога, медные бубенцы, иногда — флейта.

Основные выступления группы происходят на Пау-Вау, для этой цели коллектив и был создан. Однако музыкантов нередко приглашают участвовать в фольклорных фестивалях, выступать перед самой различной аудиторией, а также показывать свою программу в клубах, связанных с эзотерикой или американской историей («Путь к себе», «Здесь и сейчас», «Панчо Вилья», «Манхэттен экспресс», «Би Би Кинг» и др.), был прорыв и на телевидение («Антропология», «С добрым утром»). Но всё же своей главной задачей «Greengrass Singers» считает не популяризацию индейской музыки «среди населения», а выступления на Пау-Вау. И ещё важное условие успеха группы — музыканты сами получают огромное удовольствие от исполнения индейских песен. В мае 2000 г. «Greengrass Singers» были удостоены главного приза Академии индейских искусств «Виннету» в категории барабанных групп, и пока остаются основным коллективом, из исполняющих подобную музыку в России и странах СНГ. Сейчас группа продолжает выступать на Пау-Вау и концертах.

Впрочем, таким событием как Пау-Вау сейчас никого не удивить. Помимо Москвы и Питера, на постсоветском пространстве Пау-Вау проводятся в Тюмени, Твери, Вильнюсе и в других регионах. Проходят семинары по индейской культуре в одной из московских библиотек, проводятся международные чемпионаты по новому виду спорта, зародившемуся в России — это индейский биатлон (гребля на каноэ и стрельба из лука). Новому интернет-поколению русских индейцев теперь гораздо легче найти единомышленников, да и с литературой, информацией, кинофильмами и любыми материалами практически нет проблем. Но для меня остаётся загадкой, почему нынешняя-то молодежь приходит в индейское движение? Конечно, в весьма скромных количествах, не то что при Брежневе, но всё-таки... Наверное, романтика, красота, альтернатива массовой культуре. Впрочем, реконструкторских движений сейчас много — от «викингов» до рабоче-крестьянской Красной Армии и Белой Гвардии (такая есть даже в Японии). Но у «индейцев» есть один плюс (или минус — как посмотреть). Это полная индивидуальная свобода. Никаких официальных организаций и регистраций, посвящений и прописок, назначений и обязательных мероприятий. Каждый сам определяет свою степень заинтересованности, и ни с кем не носятся на предмет агитаций в наши ряды или исключения из них. Современная индеанистика включает массу различных направлений и течений от сугубо коммерческих до научных и религиозных. Я даже приблизительно не могу сказать, сколько человек в той или иной степени интересуется индейской темой в Москве, не говоря уж о других городах. Надеюсь, всё же не слишком много. Тем более, что занятие это

довольно дорогое. И надеюсь, что всё, о чем я говорил, не будет воспринято как пиаровщина. Меня категорически устраивает существующее положение вещей. Пусть всё остаётся как есть.

Моя жизнь среди индеанистов

Юрий Артюшкин

Намного легче писать, когда уже прочитал первую часть книги «Голоса»: уже примерно знаешь, о чём рассказывать; и уже многое по ходу дела вспомнилось из тех, уже далёких лет… Попробую изложить, как всё это прогрессировало лично у меня — поэтому, если мои мысли и впечатления категорически не совпадут с вашими, это вообще-то нормально. Все мы разные, хоть и единомышленники.

Я отношу себя к индеанистам «второго призыва». То есть, к тем, кто пришёл служить индейскому эгрегору уже после легендарных отцов-основателей, типа Орлиного Пера с Мато Нажиным, Поющей Лани, Соббикаши, и так далее, ну вы их сами хорошо знаете, чтобы не перечислять всех. Это те, кто всё и всех соединили, устраивали первые Пау-Вау, а потом учили нас уму-разуму — всему, что знали и умели сами.

Причём, эта их «первородность» отнюдь не зависела только от возраста. Ольга Пакунова, например, моя ровесница, мы с ней с одного года Огненной Лошади, но она, бесспорно, олдовая, а я — нет. Тут всё зависело от случая и круга общения. Повстречались бы мы в ранние годы с Пером в Новосибирске, кто знает — может, сейчас и я ходил бы в патриархах…

После нас ещё был «третий призыв», и этих новобранцев чему-то учили уже мы, а вот священного четвёртого призыва… уже не было. Дальше уже никто ни в ком не нуждался, и уже не будет нуждаться. Пришло племя младое и незнакомое, по ощущениям, очень… аморфное и поверхностное; и что у них там на уме, чем они там живут — никто из нас не знает; как не знают и они почти ничего о нас. Да и понятно: им самим-то по 25 лет, откуда бы им узнать, что тут вытворялось 25 лет назад?..

За «старичков-первооткрывателей» писать не буду, не имею таких полномочий, но хотел бы повспоминать, чем жили в своё время неизвестные в широких кругах, неприметные провинциальные индеанисты, скажем так, «второго эшелона» — исключительно на своём примере.

Мне кажется, помешательство на индейцах началось у излишне впечатлительных людей моего поколения (я родился в 1966 году), в детстве, и, *несомненно*, именно с фильмов «ДЕФА».

То есть, явление это *как раз совпадает по времени* с началом выхода «индейской эпопеи» на экраны — самый конец 1960-х, начало 70-х. Логично? Логично. Ведь книги-то «про индейцев» к тому времени уже были все давно изданы. А вот почему-то не появилось до этого в СССР — ни в 1950-х годах, ни, тем более, ещё раньше — никаких индеанистов. Я имею в виду не просто интересующихся, а вот прямо таких конкретных индеанистов, которые беспрерывно делают «индейские вещи», ищут малейшую информацию, переписываются с людьми со всех концов страны, и все помыслы с утра и до вечера у них только об индейцах — ну, все вы хорошо пони-

маете, о чём я. Поэтому именно с визуального кино-ряда всё и началось.

И даже скажу ещё точнее — именно с показа фильмов «ДЕФА» по телевизору! Ведь в кинотеатр случайно попал-не попал, а телевизор тогда смотрели все, и никто не пропускал ни одного интересного кинофильма, потому что программа была всего одна (ну, плюс ещё второй, местный канал).

Я хорошо помню, как в начале 1970-х показали прямо по телевизору «Чингачгук — Большой Змей», и даже ещё с повтором — спустя какое-то время. И уж тогда-то эти фильмы посмотрела вся страна!

Это был просто какой-то шок для детского воображения — на фоне серой городской жизни и повседневных дел. Невиданная прежде, фантастически-интересная, насыщенная приключениями и нездешней экзотикой жизнь! Что тут началось у нас детском саду! В смысле игр и причисления себя к разным индейским племенам. Подчёркиваю — уже в детском саду. Тогда ещё никаких книжек никто из нас не мог прочесть, прошу учесть. Ну, это ладно: поиграли и забыли — все в группе, кроме меня, который воспринял это «индейство» излишне близко к сердцу.

Тут всё зависело исключительно от врождённых свойств личности: от воображения, от силы сопереживания другим людям, наивности, романтичности, общей склонности к «прошлому», а не к настоящему — но свойств, не как у обычных людей, а... гипертрофированных, что ли. Доказательство: рано или поздно фильмы про индейцев, вестерны и книги пропускали через себя почти все люди на Земле, а вот упёртых индеанистов в итоге — жалкие десятки... Исключительно врождённая или приобретённая склонность отдельной личности к этой теме — по причине излишней чувствительности — больше ничего.

Причём, от настоящих, американских, вестернов ещё никто никогда индеанистом не стал. Я имею в виду, не от современных, где индейцы уже более-менее человечны и даже говорят что-то там по-индейски, а от классических вестернов, ещё тогдашних, 50-60-х годов. Хотя бы уже потому, что их нам и не показывали, разве что «Золото Маккенны». Там у них индейцы или злодеи, или просто экзотический фон для похождений белых героев — только и всего.

Но «ДЕФА» попали в самую болевую точку впечатлительной юности. Тут и красота, тут и геройство, тут и борьба с несправедливостью капиталистических хищников. Мы же все были воспитаны на советских идеалах... А тут вот оно — доказательство нашей исторической правоты! Там, у них, уничтожают и угнетают прекрасных, невинных людей... Как им помочь?! И вот тут-то начинается напряжённая душевная работа... Но, опять же — только у склонных к этому, неравнодушных к несправедливости личностей. В каком-то смысле, избранных. Но, вот вопрос — *кем* именно избранных? Индеанисты вообще любят ощущать себя избранными...

Кто-нибудь вообще слышал о конкретных американских индеанистах, типа наших? Чтобы вот так — обшивались в пух и прах, с ног до головы, собирались на свои (не индейские!) Пау-Вау, пели индейские песни, плясали?.. Казалось бы — вот они, индейцы, под боком, поезжай в резервацию, изучай, рассматривай, копируй, живи среди них! Так

нет же. Кроме Лаубиных, лично я ничего подобного ни о ком не слышал, может, они и есть, только что-то не видать, не слыхать о них.

Зато о польских, немецких индеанистах — сколько угодно! Как раз бывшие страны соцлагеря, между прочим, основные потребители той самой кинопродукции... И все-то к ним туда теперь ездят, и перенимают их ценный «европейский» опыт...

Почему такая разница в отношении к индейцам?.. Не задумывались? А просто давний кинообман и прекрасные иллюзии «ДЕФА».

А сами американцы относятся к своим индейцам прозаически, как мы к своим чукчам: ну, было дело, воевали с ними, ну, победили их, пусть теперь себе живут в отдалении своей нативной жизнью, а нас не касаются; но если вдруг нужна экзотика, причудливый фольклор, праздники, мы о них вспоминаем и гордимся, что ещё немного их осталось в природе.

И вот только потом, уже после сладко охмуряющих фильмов «ДЕФА», в ход пошли и книги, и малейшая информация, даже микроскопическая! Даже случайные карикатурные рисуночки индейцев из журналов и газет вырезались и складывались... ну, сами знаете, куда. Ну, понятное, дело, «святой» журнал «Вокруг света», долгожданные, потенциальные номера с индейцами в почтовом ящике... Неожиданные статьи про восстание индейцев в Вундед-Ни, «Свободу Леонарду Пелтиеру». Это уже классика, все тут об этом писали, а я что, рыжий?..

Причём, если натыкался на любое «про индейцев» — пусть даже просто на слово «индеец» в тексте — тебя прямо трясти начинало! В прямом смысле, такая мелкая внутренняя дрожь от радости и возбуждения, как будто получил весточку про давнего далёкого друга. Что это было?..

Понятное дело, у пресловутого Фенимора Купера были самовольно отредактированы все его тома: читались только строки, где идёт речь об индейцах — а остальную тягомотину с Чулками, пусть и Кожаными, прекрасными дамами и бравыми майорами, пусть он сам и читает.

Но я хотел бы остановиться чуть подробнее на нескольких книгах. Не пересказывать, конечно, их содержание, все мы и так их знаем чуть ли не наизусть, а немного выразить, что они для меня значили в то время.

В книжных магазинах здесь, в Новосибирске, естественно, не было ничего, кроме съездов КПСС, графоманских томов никому не нужных советских писателей, ну и тривиальных классиков. Все нормальные книги люди покупали только с рук, на книжной барахолке. Просто на задворках одного из театров, на тихой аллее, прямо на земле лежали книги, и люди делали там свой выбор.

Попросил я однажды маму, когда она туда собиралась — впрочем, безо всякой надежды: «Купи, мама, мне что-нибудь про индейцев».

И вот она невозмутимо приносит мне оттуда ни что иное, как «Мой народ Сиу»!!! Представляете??.. Как такое вообще произошло?? В какой-то Сибири, в сером захолустном городе... Даже сейчас для серьёзного индеаниста это — серьёзная книга, если, конечно, не в таком сокращённом виде и в нормальном переводе. Как именно в *тот* самый день и в *то* самое время она там оказалась, чтобы эта книга досталась именно мне?!

Попробуйте сейчас достать эту книгу! А я говорю вам — попробуйте! Её нет *нигде*! Ни на каких сайтах вам её не купить, ни на каких аукционах. Я уже смотрел, просто из интереса. Она просто вышла в 1964 году тиражом 65000 экземпляров, и... растворилась в народе! Осела у каких-то хороших людей. Больше нигде и никогда я её не встречал и даже не слышал, что она у кого-то там ещё есть. Вот кто и зачем решился её тогда продать, за какие-то там 2—3 рубля?.. Кто этот благодетель?.. Спасибо ему! Видимо, он знал, что мне эта книга намного нужнее...

О-о-о-о! Да ещё и написал её, оказалось, самолично *индеец*! И в первый раз я увидел в ней на фотографиях настоящих индейцев, да ещё каких — классических Сиу, причём самых, что ни на есть, столпов индеанизма: Сидящего Быка, Красного Облака, Крапчатого Хвоста... А не тех, бритых до синевы немецких актёров в париках со студии «ДЕФА»...

Но и на этом мама не остановилась. В другой раз она принесла мне оттуда... «Тридцать лет среди индейцев» Джона Теннера, 1963 года издания! Битлз тогда только-только ещё выходили в свет... Вот попробуйте и её где-нибудь сейчас купить. Нет, вы попробуйте, попробуйте! Поезжайте в Киев, и попробуйте... Уже тогда она была библиографической редкостью. И её тоже я больше не встречал нигде и ни у кого.

Как вот эти самые книги достались именно мне среди полуторамиллионного города, ума не приложу. Видно, судьба их такая... И моя.

Эта книга, кстати, послужила мне неким испытанием: брошу я после неё индейцев, или нет? Кто читал, тот знает, о чём речь... Бесконечные оджибвейские пьяные оргии с откусыванием носов, бесконечный голод, бесконечные описания каких-то тяжёлых зимних охот, спонтанных бессмысленных стычек, преимущественно неудачных военных походов, всё описано скупо-документально, ни малейшей романтики. Но я не бросил. Немного, конечно, озадачился, поудивлялся таким, совсем не романтичным индейцам... Но прошло. Как говорится, кто любит — тот простит.

Потом выменял на что-то ценное у одноклассника полуразложившегося «Маленького Бизона». Эта вообще была 1957 года. По-моему, сия книга вообще нигде не существует в природе в целом виде — без половины вырванных фанатиками страниц и крайне ветхой обложки. Все-все экземпляры, судя по рассказам в первой части «Голосов», зачитаны буквально до дыр. И оно стоило, её так зачитывать...

А мама по-прежнему не унималась: теперь принесла мне с толкучки самого Шульца! Такое клёвое старое издание, пензенского издательства, аж 1956 года...

А запах!! Она пахла... индейцами! Ничуть не преувеличиваю. Такие тёплые, старые жёлтые страницы провинциального издательства... С тех пор люблю только такие, а ослепительно белые, лощёные, бездушные листы московских издательств терпеть не могу.

А рисунки! В том характерном, старом книжном стиле, такими штришками, вроде гравюры. Общее название книги было «Ошибка Одинокого Бизона», в ней три повести, но в совершеннейшее упоение я приходил, конечно же, от «С индейцами в Скалистых горах». Ну, это та самая знаменитая

«индейская робинзонада» — как они выживали, без ничего, полностью с нуля, вдвоём с Питамаканом в горах. Настольная книга практика-выживальщика. Это просто… священные тексты для юноши-индеаниста. Девушки-индеанистки, мне кажется, не так впечалевались этой повестью, у них свои интересы.

Ну а потом мама доконала меня окончательно, Шульцем же — «Моей жизнью среди индейцев» Ну, тут слова бессильны… Даже сейчас не спеша перечитывать её с толком, с расстановкой — такой… кайф.

Сейчас вот думаю — как мама безошибочно находила книги именно про индейцев? Ведь она была совершенно не в теме, и очень далека от разных этнографических тонкостей. Как она не путала их с другими туземцами, папуасами, бушменами, древними людьми, да с теми же самыми индейцами, но только южноамериканскими?.. Видимо, и правда эта культура чем-то так самобытна, стоит особняком, что не спутать ни с какой другой.

Только один раз она ошибочно купила «Повесть о Манко-смелом» — там как раз про первобытные племена. Но тут и я бы обманулся — на обложке там чувак с пером в длинных волосах. Видимо, художник-оформитель тоже был не в теме, или тоже был слегка индеанистом. И иллюстрации внутри тоже почти «индейские» — тут я понимаю Мато Сапу, который написал в первой части «Голосов», что именно эта книга дала ему первый старт в нашу нелёгкую индейскую жизнь.

Вот мы и добрались до нашего, понимаешь, Сат-Ока…

Ну, что вам сказать?.. Напрочь испортил невинному человеку жизнь. Просто взял и поломал… Обзывать его теперь — не обзывать? Проклинать или превозносить?..

Это ж надо было какому-то недоумку в послесловии сдуру написать, а мне сдуру прочитать: «Сат-Ок не забыл своих далёких соплеменников. Ему удалось установить и поддерживать связь с племенами, заточёнными в резервации, а через них — с родным племенем Шеванезов, которое *всё ещё кочует* на Севере в районе Медвежьего озера, по-прежнему *не сдавшееся*, гордое, свободное, *независимое*»!

Вот и всё… Пропал мальчик. Раз такие дела, я твёрдо решил сбежать в Канаду через Берингов пролив, только чуть подрасту — и ага… Только и видели потом здесь меня. *Племя всё ещё кочует!!!* Прямо сейчас! Существуют настоящие свободные индейцы!! Совсем такие же, что и в книге, да что там — те же самые!!!

Я смотрел на год издания книги — 1976 г., а они там ещё кочуют!! А мне всего 10 лет… И даже ещё великий вождь Леоо-карко-оно-ма (написал сейчас это имя, между прочим, по памяти!) «хотя и весьма преклонного возраста, но попрежнему ведёт родное племя сквозь чащи и прерии». Блин!! Как бы мне его ещё застать-то на месте, поскорее вырасти-то!

Первым делом я скрупулёзно выписал из книги в тетрадку все-все «индейские» слова: уг, мей-уу, паучок зузи, и так далее (хотел было выучить весь язык Шеванезов, но там слов кот наплакал) — чтобы уж было о чём нам поговорить, когда, наконец, прибуду на место… Неистовая Рысь, Сильная Левая Рука, Танто, Овасес, Та-Ва, — сразу видно, от-

куда растут ноги у многих наших, обманутых поляком, индеанистов… Помню, ломал голову, где в имени Сат-Ок «перо», а где «длинное»? Принял волевое решение, что «ок» пусть будет перо, ну а «сат» — соответственно, длинное; а если нет, тем хуже для Шеванезов. Вот чем была забита моя бедная головушка…

Но сейчас ни капли не жалею! Я *реально* был тогда счастлив, был уверен, что всё это взаправду (не будут же взрослые врать? тем более, советские журналисты!), и всё это у меня будет ещё впереди. Мальчишеское длительное помешательство.

Как я себе всё это вообще представлял?.. Как буду там жить, и что делать?

Вот добреду я к ним сквозь чащу — если не пристрелят пограничники с обеих сторон, если не заблужусь, и медведь не укусит — и торжественно скажу: «Здравствуйте, уважаемые непокорные индейцы, примите меня к себе, я тоже хочу быть непокорным. Я ваш друг и брат». А они мне: «А что ты умеешь, друг? Охотиться на серого медведя? Сражаться с канадской армией в красных мундирах? Хоть что-то ты вообще умеешь из полезного? А в школе Молодых Волков ты обучался? Вот то-то и оно… Нам хилые и нахлебники без нужды. Уг!»

К слову сказать, этой знаменитой «синей» книги «Земля Солёных Скал» никогда не было в свободной продаже, и не могло быть: это была библиотечная серия. Вот я и сидел в библиотеке, с тетрадкой и ручкой, в тиши, странствуя по выдуманной чистокровным польским писателем блаженной индейской лесной стране… И что там такого видела на моём детском личике добрая библиотекарша, раз она так улыбалась, украдкой посматривая на меня?..

Стыдно на небесах должно быть Суплатовичу за такой обман… Тем более теперь, когда мы знаем о нём всё то, что мы знаем из Википедии… Что даже свои книги писал не он сам, а профессиональные писатели, не говоря уже о полностью выдуманной им своей биографии, и что даже в гестапо попал вовсе не потому, что «нечистой расы», а просто за элементарное воровство… Вот оно как всё повернулось…

Но всё равно — огромная благодарность ему за развитие моей детской души! Или, наоборот, за неразвитие её — надеюсь, она осталась почти такой же, как и в 10 лет, только внешне зачерствела малость на жизненном пути…

Вот сейчас мой 9-летний сын как раз начал читать Сат-Ока, и пока в восторге от него. Конечно, я не буду открывать ему всей правды. Зачем отнимать у человека сказку?

Просто скажу ему, что никто нигде давно уже не кочует…

А маленький я, тем временем, дома водрузил на подоконник, в укромный уголок, бутылку из-под шампанского, и бросал туда свои еженедельно выдаваемые мне на мороженое детские гривенники (возможно, и 15-копеечные влезали, уже не помню) — в помощь бедным индейцам… Ну, или на своё далёкое путешествие на берега Медвежьего озера — смотря, как сложатся обстоятельства. Может, пришлось бы взятку дать — сунул бы пограничнику эту бутылку шампанского, и прошёл к своим.

Естественно, я даже и не задумывался, как потом эту скопленную Сумму с большой, для меня, буквы, переправлю индейцам. Просто собирал и всё, не помышлял о каких-то там суетных мирских заботах. Куда потом подевались эти

... было

... стало

деньги, ума не приложу… Видимо, всё же вытряс и истратил на игрушку — в редкий момент просветления.

Ну, а визуально я зависал, конечно, на бесценных для меня (в то время) иллюстрациях-рисунках индейских вещей Ремингтона к «Гайавате». Сколько времени я провёл, детально рассматривая каждую деталюшечку, сколько их перерисовывал и систематизировал (все виды томагавков отдельно, все виды ножей отдельно и т.д.), и пытался по этим рисункам делать свои первые вещи — это вы представляете и сами… Сами этим занимались.

Наделал я, конечно, каких-то совершенно безумных, с сегодняшней точки зрения, «индейских вещей» и развесил у себя в комнатке на стене. А жил я на первом этаже, и иногда слышал, как какие-нибудь прохожие переговаривались под окном: глянь-ка, Зин, индейцы здесь живут! Очень я этим гордился. Ну а вещи были: лук из ствола новогодней ёлки — с тетивой из резинки от трусов; стрелы с наконечниками из жести консервной банки; томагавк — простой туристический топорик; бахрома, конечно, от штор; гусиные перья в уборе, ну и так далее… Но разве это важно, когда уверен, что всё так и должно быть?.. Потом, когда пришла пора менять тетиву на нормальную, из капронового шнура, был в недоумении: ведь она же не растягивается, как резинка — как же стрелять-то?..

Возвращаясь ненадолго к книгам, иногда в отделах иностранной литературы встречались таковые и про индейцев, но они все были на варварских языках, и покупались только из-за иллюстраций.

Помню, уже намного позже там появилась книга Кэтлина на немецком! Такая толстая, с серой глянцевой суперобложкой, с завлекательным индейцем на ней. Дорогая, по тем временам. Долго я решался, ходил, ходил, но купил. Пытался со словарём переводить с немецкого, и окончательно убедился, что нам от немцев всегда и везде одни лишь неприятности. Это ж надо: додуматься писать все существительные с большой буквы! И не поймёшь, то ли это имя вождя, то ли название племени, то ли просто ворон… Но всё равно, тщательно выписывал оттуда все слова на разных индейских языках, и до сих пор у меня где-то валяется общая тетрадь с солидными оглавлениями: «Язык Манданов», «Язык Хидатса»…

Вот на что я вообще тратил своё детство?.. Бежал бы во двор к пацанам.

Был в моей жизни и такой любопытный отрезок: когда мне было лет 10—12, мы с приятелем со двора смотрели двухсерийный фильм «Виннету — сын Инчу-Чуна» 10 дней подряд! Или даже больше. Это было просто как ритуал.

Представьте, лето, и солнечные утро, и ещё одно такое утро, и ещё, и ещё… Каждое утро приятель опять и опять заходит за мной, и каждый раз спрашивает только одно: «Идём?» — «Идём!» И мы бежим в кинотеатр по солнечным, гулким пустынным утренним улицам — все же разъехались на лето — покупаем билеты (20 копеек за 2 серии, на утренний сеанс) и… снова попадаем в знакомый волшебный индейский мир!

Мы же знали уже обе серии буквально наизусть, до последней царапинки на киноплёнке, до последнего щелчка в динамиках! И всё равно, каждый раз смотрели, как в первый раз! А музыка!! Ну вот та самая, раздольная мелодия из Виннету, на губной гармошке, в нача-

ле, на титрах, от которой просто разворачивается душа! И уже доооолго потом не сворачивается. И та завораживающая музыка с дрожащей флейтой, где Шаттерхенд и Инчу-чун борются в воде… И сам фильм широкоформатный и потрясающе цветной. И такие насыщенные цвета и звуковые эффекты!

И эти две кино-истории повторялись снова и снова, снова и снова — каждый день… Я-то ладно, со мной всё было понятно, но и товарищу моему не надоедало — вот что удивительно! Теперь это одно из самых волшебных воспоминаний моей жизни.

Жаль, что невозможно передать вот этот запах кресел огромного, почти пустого утреннего кинозала середины 70-х годов, с висящими пылинками в луче проектора, мощный звук из стерео-динамиков, дающий эффект полного присутствия… И такая волнующая, невыразимо притягательная *настоящая жизнь* на экране!

После сеансов мы выходили, и казалось, что мы очутились на сером тюремном дворе…

Удивительная судьба у этого моего приятеля. Он вырос и стал… попом. Это до того странно… Как непостижимы наши жизненные пути… Представьте, что ваш обычный дворовый приятель, с которым вы всё детство бегали, хулиганили, ругались, дрались; самый обычный мальчишка, который сквернословил, задирал девчонкам платья, ходил каждый день с вами на «Виннету», вдруг стал… батюшкой, которому бабки целуют ручку. То есть, святым человеком? Мало того, что это дико неожиданно, так ещё и несколько… обидно. Мне вот бабки при встрече ручку не целуют. Значит, он стал в чём-то лучше, выше меня?.. В чём?.. В том, что читает и почитает еврейские сказки и мифологию?.. Только-то?..

Примерно в то же время я повадился посещать киносеансы про индейцев с фотоаппаратом. Нелёгкое это дело, скажу я вам! Мало того, что весь зал оборачивается к тебе на спуск затвора в тишине (а я-то при этом — сверхзастенчивый!), так ещё и нужный кадр очень сложно уловить! Проворонил момент — иди на следующий сеанс… Приходилось примерно запоминать, где Зоркий Сокол вот-вот сейчас повернётся и подставит мне свой орлиный профиль. А дома проявишь, напечатаешь — а всё смазано или не резко: кадры-то в кино движутся… Да и тени какие-то вместо индейцев — освещение-то слабое на экране…

Так я и жил, потихоньку взрослея. Когда родители спрашивали, кем хочу стать, отвечал: буду жить в лесу. Как в лесу, почему в лесу? Лесником, что ли будешь? Нет, просто буду жить в лесу. Не мог даже для себя тогда сформулировать конкретнее.

Началась эта утопическая тяга к дикой лесной жизни ещё с раннего детства, когда прочитал «Маугли», и помню, стал в пионерском лагере тренироваться ходить босиком по сосновому лесу — а больно!! Шишки! И сучки. Да и зимой голышом в наших сибирских лесах не побегаешь с медведями Балу… Да и летом-то не особенно — с комарами. Причём не задумывался, что я-то потом вырасту, и тогда будет уже здоровый голый волосатый мужик бегать по пригородным лесам, шокируя бедных грибников… Так и не стал я Маугли-2… ну и ладно. Но желание было горячим.

А когда пришла уже крайняя пора определиться с родом занятий, методом

отсечения всех технических учебных заведений, поступил в училище на метеоролога. Это знаете, такие классические полярники или таёжники, каких обычно показывают в кино: наблюдают за погодой, а потом сидят на метеостанции за рацией и передают результаты наблюдений Морзянкой: пи-пи-пи-пи... Сама профессия мне была глубоко до лампочки, всякие там градусники, флюгера, метеобудки... Но вот то, что после выпуска надо будет жить в таёжной глуши — это да!

В училище три года у меня была кличка «Чингачгук», и это вполне понятно; но иногда меня ещё называли «сектантом». Последнее — это от моего неизменного нежелания участвовать во всех обычных развлечениях парней тех лет, начала 80-х годов. А так же из-за моего перманентно-мрачного вида. Я жил в своём придуманном мире, и мне было с ними не интересно. Этакий вечный одиночка в уголке.

Относительно моего мрачного вида. Как я сейчас понимаю, моим постоянным чувством тогда были горечь и обида на судьбу, отсюда и страдальческое выражение лица, которое я вижу теперь на всех фотографиях того времени. Я просто *изнывал*, что опоздал родиться, что я живу не в своё время, что я должен жить в прошлом, и как я сюда вообще попал, за что меня сюда закинули? Постоянная сильнейшая ностальгия по прошедшим временам. Ну вот такой уж я уродился, и до сих пор ненавижу всё новодельное и современное. А тогда я чувствовал почти физическую боль от прозаического серого Настоящего, да ещё плюс на это наложился юношеский максимализм и романтизм. Кошмар, короче.

Ну что, отработал я после окончания два года на труднодоступной таёжной метеостанции в Якутии. Возле полярного круга, как раз в тех же местах, что и у Сат-Ока, только по нашу сторону Берингова пролива. Хлебнул, как говорится, романтики. И охоты, и рыбалки, и полярной ночи и полярного же сияния... Там не требовались никакие внешние искусственные «индейские» атрибуты, всё и так было всамделишным.

Разве что, вот как-то раз мне надоел вид моих скучных чёрных валенок, и я, за неимением замши, обшил их поверху палаточной тканью цвета хаки и пришил, из неё же, бахрому — такую длинную, что она даже волочилась по снегу, и потом разрисовал цветными карандашами эти свои новенькие «высокие мокасины» индейскими узорами.

Как я теперь вспоминаю, то-то вертолётчики как-то странно переводили взгляд: то на меня, то на мои ноги — когда забрасывали нам продукты на точку, и почему-то подозрительно быстро улетали.

А больше ничего такого, по нашему с вами профилю, не могу припомнить. Природа, конечно, потрясающе дикая в Якутии. Вообще, про Якутию мало кто где упоминает — и это только к лучшему для неё. В общем, честно отсидел я свои два года там — на двух разных труднодоступных метеостанциях.

Ну, что я могу сказать в итоге?

До сих пор, когда я слышу об очередных маниакальных попытках вести настоящую «индейскую жизнь» на лоне природы, я по-доброму внутренне ухмыляюсь в свои внутренние усы. Ну-ну. Поглядим. Ну год, ну, два, максимум. Некоторые, особо одарённые упёртостью, дотягивают и до восьми. Дело вре-

мени. Все эти попытки изначально обречены на провал. Да и какой вообще смысл? Никогда городским индеанистам не привыкнуть до конца к такой бичевской жизни. Будут, конечно, какое-то время жить и терпеть, но внутренне постоянно мучиться. Выехать на Пау-Вау на десяток-другой дней — это да, милое дело! А потом, быстрей — по своим уютным каменным пещерам, заниматься индеанизмом...

То же самое, кстати, касается и неизбежной организации время от времени в глуши разных утопических «индейских общин». Все они — до создания семейных пар, и особенно до появления в них детей: женщины, в конце концов, развалят что угодно — от Битлз до общины. Им никогда не ужиться вместе, они всё всегда перетягивают на себя, в свою семью, своим детям — будут вечно делить домашнее хозяйство, деньги, лучшее жильё, кто из них больше работает, а кто, зараза такая, вообще не работает, постоянно ревновать и затевать интрижки, и т. п. Жить раздельно, рядом по соседству — это сколько угодно. Но это уже, извините, называется просто деревня, а не община.

Итак, уволился я с большим удовольствием из гидрометслужбы, и вернулся домой в жутком 1986 году и попал аккурат в начало хаоса так называемой «перестройки»... И стал жить-поживать среди «бледнолицых собак», как почему-то называет остальное народонаселение Монтана. Правда, первое время, по привычке, смотрел только под ноги, на следы — окружающее мне было не интересно. Вот кошка пробежала по свежевыпавшему снегу, а вот — собака (обычная, не бледнолицая). И я *знал*, куда и зачем они бежали, и о чём думали в это время! Удивительно, как успел научиться читать звериные следы за эти два года — а в тайге больше и нечего было делать, только охота и рыбалка, да непыльная работа сутки через трое. Но очень быстро потерял все навыки следопыта, и стал на некоторое время серым городским винтиком...

И вот однажды, 17 августа 1991 года натыкаюсь в местной газете на статью некоего Лукаша «Я — индеец по жизни», где он приглашает к знакомству индеанистов и даёт свои координаты.

А надо сказать, человек я крайне, просто крайне малообщительный. Недавно вот ездил на поезде до Владивостока, так все четверо суток не обмолвился с соседями по купе ни единым словом, они даже подумали, что я немой. А о чём вообще говорить? И так всем всё понятно... То есть, я классический образец интроверта, просто хоть на выставку интровертов.

Это я всё к тому, что долго думал — писать таинственному Лукашу, не писать? И зачем? Что я там вообще среди них буду делать, среди этих самых «индеанистов»?.. На самом деле я очень самодостаточный, для общения мне хватает своего внутреннего голоса. А вся необходимая информация об индейцах, думал я, у меня уже есть — в перечисленных выше книжках... Пока раздумывал — через два дня, 19 числа, грянул тот самый путч! По-моему, и переписку тогда хотели запретить, поэтому я уже думал всё, кранты. Но как-то потом всё рассосалось, и я решился и написал.

Ну, встретились. Оказалось, этот некто Лукаш сам не конкретный индеанист. Он за всю жизнь, похоже, сам ни одной «индейской вещи» не смастерил;

«Я — индеец по жизни»

Николай Лукаш считает себя «индейцем по жизни». Хотя внешне он больше похож на Б. Г., чем на Чингачгука. Увлечение индеанистикой началось у Николая еще в детстве, когда он вместе с пацанами играл в индейцев и не пропускал ни одного фильма с участием Гойко Митича.

— Николай, а тебе часто приходится про себя слышать, что, мол, уже взрослый человек, а все продолжаешь играть в индейцев!

— Да, и не раз. Действительно, если посторонний человек, к примеру, впервые попадет на индейский праздник «Пау-вау», который ежегодно (с 80 года) индеанисты всей страны отмечают под Питером, то ему это покажется игрой. Потому что «Пау-вау» напоминает самый настоящий индейский лагерь. Многие индеанисты носят головные уборы из перьев, их лица раскрашены в «боевой цвет». Постоянно звучат индейские песни, исполняются обрядовые танцы. И все живут в жилищах, которые называются «типпи». Но это все внешнее. Вообще «индеанисты со стажем» мало чем отличаются от тех же кришнаитов или буддистов. Но если кришнаитами становятся те, кому уже в основном лет под тридцать, то индеанистами становятся с детства. Просто ты сначала читаешь романы Майн-Рида и Фенимора Купера, а затем, став взрослее, или ты это все забрасываешь, или тебя начинают интересовать истоки индейской культуры и религии.

— А что проповедует индейская религия!

— Она учит людей добру и любви как к человеку, так и к природе. Для индейцев все, что связано с природой, одухотворено, все имеет «живую душу»: и травинка, и дерево, и человек. Они считают, что между человеком и космосом существует духовная связь. Но чтобы познать все тайны индейской культуры и религии, нужно, чтобы это стало смыслом и образом твоей жизни.

— Что представляет из себя индейская община в советском варианте!

— Она не выглядит так романтично, как об этом любят писать в газетах. Были попытки создавать общины под Питером и в Карелии. Но наиболее успешно это получилось у моих друзей-новосибирцев, которые обосновались в Горном Алтае в деревне Верх-Кукуя. Поначалу их жизнь там складывалась тяжело, почти как у северо-американских индейцев во времена колонизации. На Алтай они приехали в 1984 году, и руководитель экспериментального хозяйства, куда они пытались устроиться на работу, полностью их игнорировал. Так что первую зиму они перезимовали на воде и сухарях. Лишь после того, как о них стали появляться статьи в центральных газетах, их жизнь немного наладилась. Каждое лето в Верх-Кукую (что в переводе с алтайского означает «Голубая скала») приезжает потусоваться довольно много народа. Но постоянно живут лишь четверо основателей общины: Володя Кошелев, его жена Вера, Андрей Чикунов и Сергей Ненков.

Времени на индейские песни у них практически не остается. Больше приходится заниматься сельским хозяйством. Впрочем, такая жизнь их устраивает. К примеру, сейчас Сережа Ненков пытается создать ковбойскую школу, чтобы поднять престиж профессии пастуха. Он уже установил контакты с ассоциацией американских ковбоев.

— Были ли контакты между американскими и нашими индейцами!

— В прошлом году на «Пау-вау» приезжал вождь из штата Нью-Йорк. Его зовут Большой Орел, это очень крутой старик: ему за 70, но до сих пор с винтовкой в руках он пытается отстаивать права индейцев. О нем пишут книги, снимают фильмы. Он из семьи потомственных вождей. Когда Большой Орел увидел и услышал наших ребят, исполняющих индейский фольклор, он сказал, что мы обязательно должны приехать в Америку и показать нынешним молодым индейцам, как надо сохранять традиции. «Пусть им станет стыдно». Потому что сегодняшних юных индейцев больше интересует массовая культура.

Сейчас Николай мечтает создать в Новосибирске центр индейской культуры, где все желающие могли бы заниматься изучением индейского фольклора, религии и обрядов. Для музыкантов есть неплохой шанс создать собственную рок-группу. Ведь даже такой выдающийся рок-музыкант, как Джим Моррисон, использовал в своих песнях индейские мотивы. Будущие индеанисты могут писать Николаю по адресу: 630101, Новосибирск, ул. Есенина, 43/1, кв.16.

Игорь ШЕСТАКОВ.

но он просто такой, как бы это сказать, около-индейский музыкант, и набирает единомышленников в группу «Летопись Юга», чтобы, по его словам, «задвинуть БГ». А поскольку БГ до сих пор пока никем не задвинут, я так понял, что «задвижка» не состоялась, видимо, не хватило тяму.

Хоть я и сочинял музыку, но чисто для себя, интуитивно, вне всяких правил, и поэтому играть в его группе не мог. Поэтому Лукаш (а на самом деле его звали Громкий Голос, Хотонкайя, а для своих — просто Хóтя) пригласил меня с собой на Алтай, и, вместо не вполне индеанистского себя, обещал познакомить с матёрым человечищем Орлиным Пером, основателем всея индеанизма и лидером общины Голубая Скала. Кроме того, в будущем году ожидался какой-то там «индейский пробег», и даже с настоящим индейцем (но это я как-то пропустил мимо ушей, потому что звучало совсем уж нереально).

Но звучало заманчиво! И, как я не мучился от своей застенчивости, всё-таки решился. Это один из личных подвигов в моей жизни, я преодолел самого себя! А это самое сложное преодоление, какое только может быть.

И вот мы, наконец, на Алтае, у легендарного Орлиного Пера!

Ну что я могу сказать, действительно цельная личность. Вылитый Сидящий Бык! В резервационный период. Просто реинкарнация. Тогда он был в самом расцвете сил, всего-то 40 с лишним лет, и всё ему было по плечу. Мог и приголубить, а мог и томагавком навернуть. Правда, жил он уже не в своей общине (которая как раз была на излёте), а работал сторожем на Чистом Лугу недалеко от села Камлак. Так называется небольшая долина, окружённая горами и полностью засеянная, в научных целях, целебными цветущими и редкими травами. Цветущими! Вид и запах этого цветочного рая можете себе представить!

Короче, все люди, как люди, тусовались по живописным окрестностям, а я! Я безвылазно корпел над перовскими книжками, индейскими альбомами, индейской музыкой — короче, спешил наверстать упущенное, и срочно восполнял пробелы в своём индеанистском образовании. И в итоге всё наверстал, я усидчивый. А уж там было что посмотреть! Альбомы из общины, кучи фотографий индейцев и индеанистов — просто информационное море разливанное для бывшего маленького и печального одиночки…

С Пером жил ещё один, по-своему крутой, чувак-индеанист, приехавший из Ростова — Безумный Волк. Приехал-то он жить в общине, но обломался… Очень такой целеустремлённый человек. Внешне мне он всегда напоминал киноартиста Олялина, или даже временами самого Лекса Баркера (Шаттерхенда из Виннету). Великолепный рассказчик, с клёвым чувством юмора и потешным ростовским говорком. Язык подвешен, как мало у кого, заслушаешься, бесконечные истории обо всём на свете. Как сейчас оказалось, по его воспоминаниям в Интернете, он бывший «афганец»! А ведь тогда словом не обмолвился, не хвастал этим, как другие…

Совсем неподалёку от них, в лесу, на берегу горной речки Семы, в полностью собственноручно построенном уютном двухэтажном домике, жил (да и сейчас живёт) индеанист Вэша Куоннезин, Серая Сова. Настоятельно реко-

Юрий Артюшкин: "Я напечатал фотографию и стал рассматривать её"

мендую, замечательно-душевный человек.

Вот единственно кому я по-доброму завидую и буду завидовать всегда! Идеальное, живописное место — и от посёлка недалеко, если что, и вокруг никаких соседей... Живёт себе свободным одиночкой, ну, с детьми; живёт на свой индейский манер, как он сам его понимает, строит каноэ, скачет на лошади, летом живёт в типи, там же принимает друзей-индеанистов, проводит с ними инипи. И даже, с его согласия, к нему возят любопытных туристов — так как его типи у реки проезжающим видны уже сверху, с горной дороги. А не жалко, пусть завидуют!

Есть у него и электричество, и электрогитары, он и музыку свою записывает, и библиотека есть, и Интернет... И пчёлы, и живность разная домашняя... И индейские вещи мастерит из собственноручно добытых, натуральных материалов. Короче, всё, что надо. Вот это индеанизм так индеанизм. Лучше жизни и не придумаешь...

И никаких искусственно-выдуманных общин не надо.

Кстати, именно будучи у него в гостях, я и ощутил вдруг себя художником. Там я увидел своё видение, и даже сфотографировал его — как это ни парадоксально звучит. Вот оно.

Сидел я однажды у Вэши на его ранчо, на берегу речки, небо было синее-синее, полностью безоблачное. И тишина.

Только речка журчит и грохочет по камням — но это и есть классическая алтайская тишина.

Как вдруг неизвестно откуда взялись и стремительно (и синхронно, как будто связанные между собой), пронеслись по небу два облака, похожие на птиц с распростёртыми крыльями. Никогда не видел такого явления ни до, ни после. А ведь я-то — метеоролог! И облаков навидался на своём веку — дай бог каждому; наблюдать за ними входило в мою прямую обязанность. Это явление мне показалось настолько необычным, что я скорей побежал в палатку, схватил свою, плёночную ещё, мыльницу, и успел-таки сделать кадр, прежде чем облака быстро скрылись за горами.

Когда приехал домой, то напечатал фотографию и стал рассматривать. И мне вдруг неожиданно захотелось всё это нарисовать! Я ещё, помню, удивлённо подумал: а зачем? Ведь есть же фотография, вот она, смотри — не хочу. Я ведь раньше рисовал только в детстве, как все — но и только. Странное, неведомое мне прежде желание. Но всё же нарисовал, причём почему-то нарисовал в очень странной технике — на бумаге акварелью, но акварелью очень густой, как будто маслом. Даже бумага покоробилась. И сразу стало ясно, что мне ближе техника маслом по холсту.

И после этого случая всё потихоньку и началось... Я как будто стал... видящим, что ли, не знаю, как и сказать-то. Стали возникать в воображении какие-то необычные идеи для картин, а в городе я стал видеть странное в обычных вещах, и фотографировать их... Всё необычное как будто само бросается в глаза, я специально не ищу, не присматриваюсь. Странные люди, странные объекты... Чтобы стало понятнее, о чём вообще тут речь, вы можете просто зайти на мою страницу В Контакте (или в Фейсбуке), я там и там — Юрий Артюшкин. Люди мне пишут удивлённые комментарии: как вы всё это видите, как находите, а я, наоборот, удивляюсь: почему они этого не видят? И что я им могу ещё сказать? Каждый раз рассказывать эту историю? Просто отшучиваюсь.

В общем-то, самовольно взял, да и присвоил себе высокий титул художника, безо всякого художественного образования, и вообще — безо всякого на то основания.

Как в своё время и титул индейца.

Куда-то унесло меня... вернёмся на Алтай 1992 года. Слухи — слухами, что вот-вот прибудут — а тут и правда вдруг прибыл обещанный Пробег! Совершенно неожиданно! Телефонов-то тогда не было, никто не мог позвонить: мол, ждите, мы уже близко, встречайте.

На берегу Катуни, на территории турбазы «Иволга» поставили два типи, все участники пробега (и мы тоже) уселись на поляне в огромный круг, и вот он, с трубкой, *настоящий* индеец — Ричард Небесный Ястреб, в народе просто Скай Хок! Как он чёрен, почти что негр! И это ещё только лицо, а вот бы глянуть на его ноги — ведь он Черноногий — вот где, наверно, самая чернота... А невиданная толстая смоляная коса, спускается аж до попы!! Это не коса, это полено! Безо всякого преувеличения! Если таким волосяным поленом навернуть быку промеж рогов, то он и с копыт долой.

А когда они, уже с Мелиндой, его спутницей, сидели после бани в нашей с Волком комнатке на Чистом Лугу, то Скай Хок распустил посушиться волосы и... исчез! На месте Скай Хока просто си-

База "Иволга"
Орлиное Перо и Юрий Артюшкин

дел большой стог из волос и что-то неразборчиво изнутри квакал по-американски. Ну, вы все знаете это особое американское произношение, особенно буквы «р» — уэр, уэр, уэр… Мне всегда кажется, что американцы квакают.

А потом все стали есть сваренный Верой (женой Пера) суп, и Скай Хок взял в руки и стал чистить луковицу. Вот, думаю, наконец-то и сбылась моя детская мечта — увидеть *индейца с луком*!

И вообще, когда Скай Хок при встрече поздоровался со мной за руку, я потом её долго избегал мыть… Прикоснуться к настоящему индейцу, да ещё Черноногому, может, дальнему родичу самого Питамакана! Ну, как вам объяснить свои ощущения…

Как признавалась мне потом Птаха Одинокая Птица (Нонна Тараба, тоже индеанистка из Новосибирска, одно время она жила в общине, когда туда приезжал Скай Хок): «Занимаешься своими, как бы хозяйственными, делами, а у самой внутри всё дрожит, всё время незаметно косишься в сторону Скай Хока — настоящий индеец рядом! А ты делаешь вид, что так и надо, что ничего особенного не происходит…» Вот примерно так и я себя чувствовал.

Высшее создание удостоило своим присутствием, что тут говорить…

А потом мы со Скай Хоком — но без пробежчиков — из Камлака поехали в Верх-Кукую, на место безвременно почившей общины. Зачем именно поехали, уже не помню, какая такая была сверхзадача. Может, Скай Хок захотел именно там провести инипи. Да не «может», а точно — потому что и провёл его там в итоге.

И так оно вдруг странно и неожиданно вышло, что провёл он это инипи практически для нас с Безумным Волком; ещё приняли участие два бывших общинника: Чак Поднимающий Мустанга, Гордый Орёл; ещё Влад с Таллина, ну и были ещё два парня-индеаниста из Бердска, вместе со своим наставником Блэкфутом (о котором речь ещё впереди). Потому что все остальные участники пробега в это время по какой-то причине были в серьёзной ссоре со Скай Хоком, а какой именно ссоре — я до сих пор не знаю, да и знать не желаю.

А между тем, среди участников-то пробега были монстры индеанизма! Там-то я и познакомился с легендарными и Ольгой Пакуновой, и с Рысёнком, и с Мато Сапой, и с Глебом Пауни, и с… Ну, то есть, как познакомился? Я-то с ними как бы и познакомился, а они со мною — как бы и нет. Ну, кто я такой был для них? Малыш-ути… Потом уже, когда приехал в Питер на ПВ-94, познакомился с ними уже несколько поближе.

Мы сами всё подготовили к инипи, а Скай Хок руководил: что, куда и зачем. Для костра инипи Скай Хок приказал притащить снизу многолетние шесты от общинных типи и порубать их на дрова — видимо, в сугубо символических целях… Было нелегко! И жалко.

А потом, вы не поверите, мне пришлось быть в инипи… переводчиком! Мне, который почти только и знал по-английски, что «Лондон ис зе кэпитал оф Грет Британ». То есть, школьный курс в пределах двойки с минусом. Но произошло очередное магическое событие в моей жизни — я как-то умудрялся всё понимать и переводить! Да ещё с неразборчивого квакающего американского акцента. Правда, только в одну сторону — транслировал команды и объяснения от Скай Хока нашим парням. Видимо,

мой разум, каким-то сверхъестественным усилием воли, чтобы не опозориться, подключился к облачному хранилищу переводов с английского. Я сидел, и сам себе удивлялся. Потом это свойство сразу же исчезло, видимо, за ненадобностью. Вот как вштырило!

В том же инипи Блэкфут попросил Скай Хока священным образом проколоть ему ухо для серьги. И потекла тоненькая струйка крови на землю... Но ни один мускул не дрогнул на его бронзовом лице. Я смотрел и удивлялся: так вот они какие, настоящие упёртые индеанисты... это я удачно попал!

А потом, уже когда мы все уезжали обратно в Камлак, а Блэкфут — прямиком к себе в Бердск (это город-спутник Новосибирска), этот самый Блэкфут, сидя на травке, небрежно покуривая и, глядя как бы в сторону, сказал мне с невозмутимым видом: «Ты, это... Заходи, если что». Прямо как Волк из мультика про изгнанного пса. И адресок черкнул.

Вот так и началась моя регулярная жизнь среди индеанистов.

Стал я, когда вернулся в Новосибирск, наведываться к Блэкфуту в его сосновый Бердск. Любопытнейший оказался тип! Такой всегда из себя неторопливо-флегматичный, но как что-нибудь скажет, так все падают от смеха. Чувство юмора такое... изощрённое — это обычно бывает от большого ума и разных комплексов. Я с ним вообще никогда не мог общаться без хохота — именно хохота, даже не смеха. Хохочу, не могу... А сам втихаря знаний набираюсь... И очень скоро, через год, я уже по основным знаниям практически почти не отличался от «старичков».

Так вот, этот Блэкфут уже в то время знал всё — по крайней мере, всё, что мне было нужно по индейцам. И как именно сделать любую индейскую вещь, и где можно достать фотографии (сами понимаете, кого), и как связаться с остальными индеанистами... По любым вопросам я приезжал и получал... бесплатные консультации.

Но не забывайте, что телефонов в то время у нас не было! Не то, что мобильных, даже обычных домашних телефонов. Только личный визит: полчаса на автобусе от дома до электрички, потом ещё один час на самой электричке, потом ещё полчаса на окраину Бердска, подходишь к квартире, звонишь... а никого нет дома! Кьяйо! Облом... Разворачиваешься — и обратно. В том же порядке... И *никак* предварительно не договориться о встрече! Сейчас это уже сложно представить. Не письма же писать? Не телеграммы, же, в самом деле, давать? Типа, выезжаю, жди. Да я-то бы даже и давал телеграммы, но ведь он же на них не стал бы отвечать! Чуваком он всегда был прижимистым, в смысле, насчёт денег, и экономил каждую свою копеечку. Может, комплекс какой, или на работе чересчур мало платили... А в остальном был — очень щедрым, раздаривал направо и налево свои шикарные, кропотливо сделанные индейские вещи, причём кому попало, а мне вот ничего, ни разу, чего я ему не забуду, не прощу! Видно, просёк, что я и сам мастеровитый, любую вещь, если надо, и сам могу изготовить — так чего добро понапрасну переводить?..

Но, когда тебе 25 лет, смотаться впустую в соседний город — причём несколько дней подряд — раз плюнуть... Да, бывало и такое. Вот какой

заряд энергии двигал нами в то время…

Познакомил меня Блэкфут и со всеми остальными местными индействующими лицами.

И оказалось нас здесь до обидного мало. Монстры индеанизма — Орлиное Перо с Мато Нажином — уже к тому времени покинули навсегда родимый город. А, кроме них, больше-то в Новосибирске никого и не осталось! Разве что оставшийся беспризорным после роспуска алтайской общины Чак Поднимающий Мустанга…

Ну вот, а теперь в Новосибирске появился я; в резервации Пайн-Бердск влачил существование Блэкфут; да ещё в Академгородке, что под Новосибирском, жили Марго Белая Тучка (Та-Ва), и Нина Овсюкова. Да, и ещё рядом, в посёлке Кирова, жил Монтана (как же без него, хотя и видел-то я его всего несколько раз), он такой… сам себе гордый индеец, своего же собственного племени.

Ну, и ещё примкнуло несколько сочувствующих человек, вроде Андрея Тютликова, Осеннего Облака, классического гитариста, которого не знаю, каким ветром занесло в индеанистику и который, по-моему мнению, только испортил себе этим всю свою музыкальную карьеру. Композиции сочинял завораживающие! До сих пор слушаю, хотя и записаны они просто сходу, впопыхах, на коленке, на встроенный микрофон в кассетном плеере. А вот индеанистом был, чтобы не обидеть… ну, не очень; воображал там что-то своё, от себя, по-индейским мотивам…

Или вот ещё был, одно время, в наших рядах Голубая Скала (Виктор Милошевский) со своей женой, художницей Ночной Собакой (Ольгой Катраковой). Голубая Скала активно пытался занять у нас пустующую нишу шамана, но както всё без заметного успеха. Предсказывать погоду он не умел, и разогнать тучи на время проведения нашего Пау-Вау не мог — слаба была его магия! Так зачем нам такой шаман?.. Поэтому он однажды магическим образом здесь растворился, и тут же материализовался вновь — но уже в своём Екатеринбурге.

Интересно, наверно, со стороны выглядели мои визиты к Белой Тучке.

Приезжает такой… великовозрастный, в меру упитанный, юноша, говорит открывшим дверь родителям: «Я к Рите, насчёт индеанизма», и исчезает в комнате дочери… Некоторое время они там занимаются индеанизмом, потом он бесшумно выскальзывает и исчезает. И, удовлетворённый, едет себе домой. Уж не знаю, что там думали о моих зачастившихся визитах её родители. Но отношения с Марго у нас были самые, что ни на есть, расплатонические. Мне, кроме информации, не нужно было ничего от прекрасной индеанки; а ей, думается, от несуразного меня — и тем более. А уж она была из себя вся такая… златовласая пышка, мм… Имя Белая Тучка зазря не дают.

Правда, при моём первом визите, она, таинственно мерцая глазами, вдруг неожиданно приказала: «Понюхай моё платье!». Видя мою растерянность, она взяла со стола сложенное индейское платье и сунула его мне под нос: «Как пахнет дымом! Это я только что вернулась с Пау-Вау во Вьетнаме!»

Вот, думаю, какой крутой у нас тут филиал индеанистики — аж в самом Вьетнаме ребята имеют возможность проводить свои Пау-Вау; я тоже туда ко-

где-нибудь съезжу! Оказалось, правда, что они называют «Вьетнамом» одну дикую заросшую местность под Бердском...

Но платье я добросовестно обнюхал и подтвердил: да, запах дыма в наличии, Пау-Вау и правда состоялось, всё без обмана.

Нина Овсюкова, Погремушечная Змея, была подружкой детства Белой Тучки; но она же, к сожалению, была и инвалидом с детства, не могла самостоятельно передвигаться. Но при этом не теряла присутствия духа, была очень общительной, жизнерадостной и деятельной. Да что там, настолько крутой, что в конце-концов к ней на дом даже приезжала настоящая индеанка с Юго-Запада! А Нина и занималась как раз юго-западными племенами.

Она была координатором клуба индеанистики «Содействие», который был организован задолго до моего появления (и занимался, естественно, как видно по названию, политиканством), и, ввиду своего положения, всегда находилась дома и отвечала на звонки потенциальных индеанистов, или просто желающих продать литературу по индейцам. Для этой цели у них были повсюду в городе расклеены объявления.

Кстати, именно Нине я обязан тем, что нашёл свою жену, и у нас потом родились сыновья — то есть, получается, практически всем обязан. Это именно она попросила знакомого наклеить в Университете Академгородка на доску объявлений мою прокламацию, приглашающую к знакомству новых индеанистов, и будущая жена прочла её там и позвонила мне! Так мы с ней и нашли друг друга. И ещё по этому же объявлению нашёлся друг-приятель, живущий буквально через дорогу от меня, с которым мы тесно общаемся, уже почти четверть века.

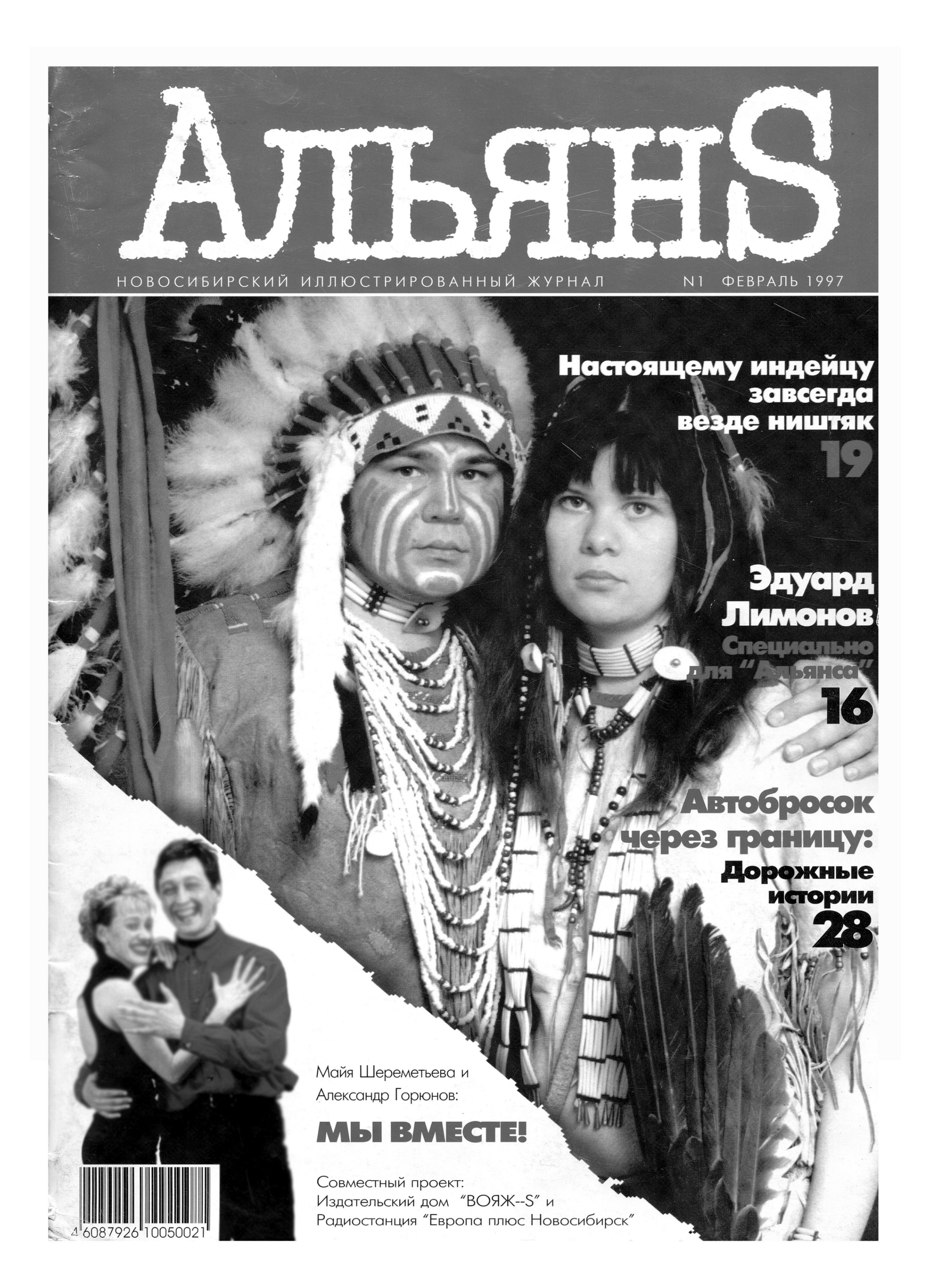
Вот, если вдуматься, как в моей жизни всё завязано на индейцах...

В Бердске, где обитал наш негласный «вождь» Блэкфут, на пятом этаже семейного общежития каким-то чудом ему была выделена отдельная комната-квартира под помещение индейского клуба. Блэкфут где-то подцепил нескольких мальчиков-подростков, и обучал их там индейским ремёслам. Захожу туда, а там какие-то шкуры выделываются, другие вымачиваются (с соответствующими запахами), отовсюду свисают какие-то сумки с бахромой, на столах незаконченные бисерные полосы, кучки перьев на бастлы, на полу каркас большого барабана... Недолго, конечно, всё это продержалось, выселили их.

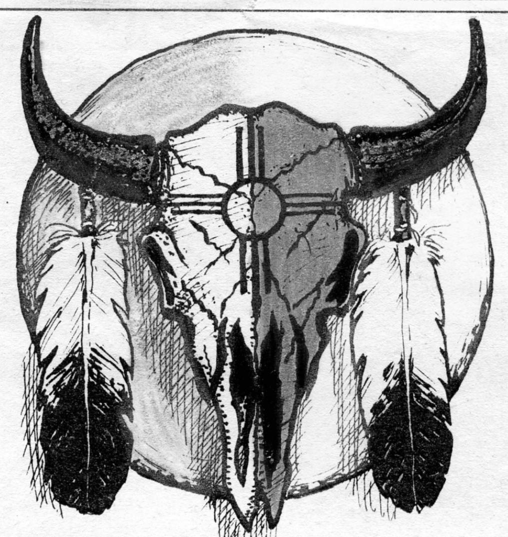
Я сам в изготовлении вещей, в основном, налегал на оружие, разные там палицы, томагавки, луки-стрелы, и на самые разные бытовые и культовые вещи; а особенно — на музыкальные инструменты: флейты, бубны, погремушки...

Эта необъяснимая склонность к изготовлению именно музыкальных инструментов была у меня с самых детских пор: а теперь вот дошёл уже и до колёсных лир, и даже до клавесинов...

Индейской одежды я за все эти годы не сделал ни грамма — не лежала к ней душа, да и не видел в этом смысла. На индейца я внешне мало похож, разве что своей угрюмостью, волосы у меня длинными не вырастают, и выглядел бы я поэтому в ней, как дурак (что иногда встречается на Пау-Вау — некоторым индейское одеяние идёт, как корове седло, только без обид, на правду не обижаются).

Юрий Артюшкин (Ишнала Вичаша) и его жена Ира (Высокая Сосна)

индейский клуб „ТатанкаЧесли"

ПРИГЛАШАЕТ К ЗНАКОМСТВУ ИНДЕАНИСТОВ

/тех, кого интересует история и культура индейцев Северной Америки/. Возраст от 20 лет и старше.

В нашей действующей программе:

- знакомства с новыми друзьями, переписка с индеанистами, встречи, обмен информацией и опытом;
- переписка и встречи с представителями индейских племён США и Канады;
- поиски, переводы и изучение научной исторической и этнографической литературы об индейцах;
- выпуск специальных индеанистских изданий;
- изготовление традиционных индейских вещей: одежды, снаряжения, украшений, музыкальных инструментов, предметов домашнего обихода, и т.п.;
- работа с кожей, костью, перьями; вышивание бисером;
- резьба по дереву и камню; рисунок, живопись, керамика;
- проведение выставок индейских изделий;
- создание Музея индейской культуры;
- разучивание традиционных индейских песен и танцев; выступления, гастроли, съёмки на ТВ;
- поездки на ежегодные всероссийские Пау-Вау /слёты индеанистов/, проходящие летом под г.С-Петербургом;
- участие в ежегодных местных сибирских Пау-Вау;
- открытие филиала Международного Центра "Традиционные Культуры и Среда Обитания";
- участие в международных индейских пробегах.

телефон в Новосибирске /3832/ 107 - 541

Клуб купит альбомы по живописи, фотоальбомы, журналы и документальные книги, посвящённые индейцам Сев.Америки; а также орлиные перья, медвежьи когти, латунные бубенцы, выделанную кожу, замшу, бисер.

Юрий Артюшкин: "Вот то самое объявление. Конечно, много в нём некоторого преувеличения. Так сказать, планов на будущее... Но в целом, мы занимались почти всем указанным".

С годами мы совместно постепенно наделали столько всяких вещей, что хватило на большую выставку в 1997 году, в Новосибирском краеведческом музее, и она там заняла целых два больших зала, там даже и типи стояло в полный рост. Причём моих вещей там была примерно одна треть, поскольку все годы своего индеанизма я даром времени не терял, да ещё специально форсировал деятельность перед выставкой. И выставка получилась такой, что её до сих пор вспоминают работники музея, как лучшую выставку за всё время их деятельности. И всё время при встрече просят её повторить. Но поезд уже давно ушёл…

Правда, прошла выставка почти совершенно впустую, без всякой отдачи… Додумались же её открытие устроить в предновогодние дни, и продолжить сразу после Нового Года, причём морозы все эти 3 недели стояли под 30 градусов… Какой дурак потащится по морозу, оторвётся от салатов?..

Это была выставка такого же типа, какую сейчас повсюду возит Мато Сапа. Там, в перечне экспонатов, было не забыто ни-че-го, вплоть до специальной палочки для чесания в Танце Солнца. Разве что вот только каноэ отсутствовало, не было у нас таких мастеров, да и особого желания его делать. Но весло от него всё же было!

Сама выставка называлась странно и длинно: «То, что затыкается головой». Это индейцы так в недоумении назвали шляпу, когда в первый раз увидели её. Идея с названием — того же выдумщика Блэкфута. Кстати, он и клуб наш предложил назвать «Татанка Чесли» (Помёт Бизона), раз индейцы так уважали бизоний навоз, что даже клали на бизоньи лепёшки свои трубки. Получилась игра слов — тут и помёт, в смысле навоз, и помёт, в смысле потомство бизонов. Очень потом было прикольно смотреть, как по местному телевидению передавали репортажи и новости о нашем клубе, невозмутимо расшифровывая народу его название.

А показывали по ТВ нас частенько. То репортажи с наших сибирских Пау-Вау (которые начали проводиться с 1992 года), то съёмки наших маниакальных индейских выступлений в городе и его окрестностях, так называемого «Театра Индейского Танца»…

До сих пор не понимаю: зачем нам нужны были все эти выступления?!.. Да и не только наши. Вот взять и питерские и московские. Это просто какая-то мания, с самого зарождения индеанизма. Что за альтруистическое популизаторство такое? Причём бесплатное и зачастую связанное с разными организационными сложностями. Ещё зачастую и самим приходится тратиться, скажем, на дорогу. Во имя чего индеанисты на это идут? Для кого?? Зачем?? Для случайных зрителей, для прохожих-обывателей? Так они смеются или улыбаются (сто раз сам видел) и принимают нас за циркачей, типа ряженых клоунов. Не так, что ли? Зачем метать бисер перед свиньями? Или просто для того, чтобы покрасоваться лишний раз на публике, потешить свой нарциссизм? Но это тогда, тем более, смешно и недостойно. Кто-то может мне внятно объяснить эту сверхзадачу?..

Ну, предположим, чтобы найти новых друзей-индеанистов. Но, опять же — *зачем*?.. Старых стало мало? Одним, что ли, скучно стало этим заниматься, раз хочется всё больше, и больше,

После танцев в Университете Академгородка

и больше окружать себя единомышленниками? И, опять же — зачем? Чтобы убедить себя, что то, чем занимаешься, не ерунда какая-то, не детская игра, а что-то очень серьёзное и важное, раз вокруг тебя занимается этим же самым «делом» воооон какое большое количество народа?.. Так вообще-то бывает от неуверенности в том, что ты делаешь. Это из той же оперы, что и «всем вместе умирать не страшно».

Однажды я видел по телевизору (давно, но это запало мне в душу) выступление китайского танцевального ансамбля «Клуба любителей русской культуры» — в косоворотках, картузах, сарафанах, *кокошниках*.

Всё! Этого мне хватило раз и навсегда, чтобы до боли понять, *что* именно чувствуют индейцы, когда индеанисты им при встрече суют под нос свои фотографии в индейских нарядах, с танцев на Пау-Вау и тому подобные свои жизненные «достижения», изливают душу о любви к их культуре, и интересуются потом их мнением: не правда ли, мы как настоящие индейцы?

Это всё равно, как если бы те китайцы подошли ко мне после выступления и самодовольно спросили на ломанном русском: «Ну, как? Правда же, мы как настоящие русские?!» А я бы ответил: «Нет! Никогда вы не будете ни русскими, ни даже похожими на русских, что бы вы не сделали, хоть вывернитесь наизнанку!» Обидел бы добрых китайцев,

но ладно, пережили бы как-нибудь... А если бы был в хорошем настроении, то максимум бы сказал: «Спасибо, китайцы, что интересуетесь нашей культурой, популизируете её, продолжайте в том же духе, это очень... занимательно». Но мысленно бы сатанински хохотал, потому что всё это выглядит просто смешно и нелепо и таковым и является по сути. Занялись бы лучше своей неисчерпаемой древней великой китайской культурой, а в нашу бы не совали свой китайский нос.

Абсолютно то же самое, что и говорят нам в таких случая индейцы.

А между тем, по-моему скромному мнению, прежняя «душевная индеанистика» как раз вся и ушла в бисер и показные танцульки...

Я не нахожу в ней больше ничего, и особенно главного — своего места в ней. И делать мне среди индеанистов больше нечего — потому, что не вышиваю бисером и не пляшу. А вся любая информация об индейцах, если вдруг понадобится — в один клик в Интернете, и для этого мне не нужен уже никто — кроме моей верной мыши. Тысячи и тысячи фотографий... Всё настолько обесценилось... Не требуется больше ни на что тратить душевных сил. Требуется лишь тратить своё драгоценное время — на вышивку бисером.

Кстати, по поводу старых индейских фотографий, точнее, их умопомрачительного количества. Индейцы вообще в жизни чем-то ещё занимались, кроме фотографирования в разных позах и группах?? Вы не задумывались по этому поводу? Складывается такое впечатление, что им вообще больше нечем было заняться, как только позировать фотографам. У меня мелькают смутные подозрения, что зачастую даже не бесплатно; мол, давай я тебе попозирую, а ты мне за это отрез на платье для жены.

Непривычно, вообще-то, писать без смайликов: теперь уже с тревогой ожидаешь, что без этих костылей любое твоё высказывание могут принять за чистую монету.

А если серьёзно, то где вы видели столько старых фотографий, скажем, русских типов, или там итальянских? Конечно, их тоже немало, но в таком диком количестве я встречал только старые индейские фотографии. Их тысячи и тысячи и тысячи...

Когда-то Глеб Пауни признался мне, что мечтает собрать *все* старые фотографии Пауни, которые только есть на свете. Но это было ещё в конце 1990-х годов, когда не было Интернета... Интересно, собрал ли он уже эту полную коллекцию, или у него теперь опустились руки при виде такого безобразного, тоскливого изобилия?..

А ведь я помню, как дорожил *каждой* фотографией, которую или получил в письмах от друзей, или же сам кропотливо напечатал, с присланных ими же негативов. Я все свои фотографии знал наперечёт, и изучил на них каждую мелочь. А теперь — максимум пять секунд на просмотр новой фотографии, и следующая, следующая, следующая... Чтобы успеть объять необъятное.

Насчёт переписки — это тоже отдельная песня. Конечно, получал я письма не пачками, но частенько! А сам писал ещё чаще, да очень помногу — как вы уже сами догадались, читая сейчас это моё эпическое произведение. А это я просто набил руку в те времена... И, каюсь, был в переписках эгоистом — чаще

задавал вопросы по делу олдовым индеанистам, чем отвечал начинающим на вопросы, скажем, про беспонтовость Фенимора Купера, или что это жилище называется вовсе не вигвам, а типи, и подобное, осточертевшее ещё с детства. Теперь я понимаю, что и олдовым было не очень-то интересно получать от меня вопросы на давно уже известные им ответы.

Кстати, то же самое явление я наблюдал и на питерском Пау-Вау в Толмачёво, когда приехал туда в первый раз в 1994 году. Чифы и олдовые тусовались отдельными группками, и общались в основном меж собой, что и понятно, а новички-ути — меж собой. Все как-то врозь… Я ожидал, прямо скажем, немного другого, и меня всё это несколько разочаровало… Естественно, не совсем тупой, и уже не ожидал встретить такого братства, как на самых первых, легендарных Пау-Вау, когда все поголовно братались и чуть ли не рыдали, расставаясь. Но всё же… Кроме церемонии открытия, и вспомнить-то особо ничего не могу, так… всеобщее постоянное купание в речке, посиделки в типи у костра с разговорами подчёркнуто не об индейцах, а о чём попало (типа, и так уже все всё знают); какие-то пьяные тусовки конфедерации хиппи-гопников, песенки под гитарку, ну, вылитый туристский слёт, если бы не типи.

Например, чтобы там просто нормально пообщаться о том, о сём, с Соббикаши, мне пришлось выдать себя за… оджибвея — хоть я и был в то время уже самым, что ни на есть, чистокровным хункпапой. Без этого вынужденного притворства дело бы дальше не пошло. Оджибвейская мафия бы меня к себе не приняла. Благо, что я читал в своё время «Саджо и её бобры» Серой Совы, и был несколько в теме; мог, например, как бы невзначай ввернуть при Соббикаши: «Кэгэт! Мино-та-кия!». И он на это одобрительно покачивал головой… Вот насколько была уже развита племенная клановость. Прости меня, о Ябебири-Соббикаши-Вапити, или кто ты там уже теперь, за эту маленькую невинную индейскую хитрость…

Из единственно действительно ценного — это то, что мне на том Пау-Вау какой-то бородатый американец, якобы индеец чероки, по моей просьбе объяснил, как делать настоящую индейскую любовную флейту. Переводить при этом помогал Великий Рысёнок, за что ему большое пиламая, плюс огромная просьба к индеанистам сокращать его имя не до Рысёнка, а до Великого.

Теперь в Интернете такую флейту называют пимак, но я терпеть не могу это название, напоминает мне пимы (валенки, по-сибирски). Называю её по-оджибвейски *би-би-гван*. И по звукоподражанию звучит похоже. До сих пор у меня где-то валяется чертёжик, который нарисовал в блокноте этот американец, а это своего рода раритет, потому что до этого никто (во всей стране!) не знал, как устроена индейская флейта. И, получается, что когда я её изготовил, я изготовил самую первую индейскую флейту в России! Теперь это уже нелегко доказать, когда в Интернете десятки, а то и сотни мастеров, которые специализируются именно на них, и делают их сотнями, самых разных строёв и моделей… А самая первая из них лежит до сих пор у меня, что иногда мне греет душу. Выходит, что и я, кое в чём, был первым в индеанистике, не всё Мато Нажину с Пером пожинать лавры первооткрывателей…

Первые флейты получались не очень, чаще они больше шипели, чем свистели, и те, кому я их дарил, могут это с грустью подтвердить; но в конце-концов, методом проб и ошибок, освоил технологию, и они зазвучали, как положено.

Помню, на первом же Пау-Вау, куда я привёз напоказ народу удачный экземпляр, Бывший Мёртвый, а ныне здравствующий, Бизон уговорил меня сменяться, и сходу насильно отдал за неё шикарные, полностью расшитые бисером мокасины, леггины с бисерными же полосами, и широченный кожаный пояс с железными дисками. Я ещё подумал, что как-то оно мне многовато будет, но не стал сильно сопротивляться. А это о чём-то, да говорит — Бизон Иванченко всегда врубается, что такое хорошо, и что такое плохо.

Я с некоторым облегчением покинул Пау-Вау-94, и бросился открывать для себя в первый раз Питер! Вот уж где действительно был праздник души. И в Кунсткамере мне показалось, что через витрины прямо пахнет настоящими индейцами…

Приютили меня на некоторое время в своей квартире Поющая Лань с Рысёнком, и я спал на полу на своём надувном матрасе. Очень меня этот факт радовал! Наконец-то и я «на полу, в Ленинграде…», как говаривал главный герой «Иронии Судьбы». И притом! Я спал под тем самым окном, которое упоминает Ольга в своей знаменитой песне, с любимых мною Перовских альбомов общинной рок-группы «Red Power»:
жающих и дальних регионов.

Вот Дядя Бык, например — удачной охоты ему в Стране Вечной Охоты… Душевный был человек! С его помощью мне удалось достичь последней верши-

Когда зажгут вечерние огни,
Я подхожу к открытому окну,
Чтобы опять увидеть, как уходят
корабли
В далёкую Страну…

Вообще, немало нового я там для себя почерпнул. Например, поручила мне Ольга сходить в магазин и купить хлеба и песку. Вышел я озадаченный и думаю: с хлебом понятно, но где у них тут продаётся песок — в хозяйственном магазине?.. Ремонт они затеяли делать, что ли? Так и не купил. Оказалось, это они в Питере так сахар называют! Но и Ольга не осталась в долгу. Рассказала, как её у нас в Новосибирске попросили купить булку хлеба. А она идёт и раздумывает: что же купить: то ли булку, то ли хлеба?..

Чем не междугородние лингвистические исследования?

Иногда от переизбытка питерских впечатлений начинала кружиться голова… Но стоило мне взглянуть на приземлённого, вечно бурчащего бывшего общинника Чака Поднимающего Мустанга (мы, вообще-то, приехали на Пау-Вау вместе с ним и с Блэкфутом), как я возвращался обратно на землю. Чак на самом деле только с виду кажется таким грубым, неотёсанным парнем, напускает на себя вид сурового индейца; а на самом деле душа у него нежная, как цветок… Как у того лешего.

Нет, всё же наши Сибирские Пау-Вау были душевнее! Во-первых, все свои, и во-вторых, тоже все свои. Почти родные уже, знакомые чуть ли не до боли, рожи. Стоило ли куда-то там ещё ехать в дальние дали, игра не стоила свеч — результат почти один и тот же. Тем более, на наше ПВ съезжались гости с окру-

ны всех моих индейских рукоделий — я сделал большой, четырёхрядный, полностью костяной нагрудник, вперемешку с латунными бусинами, в стиле кайова. Тяжеленный! Блэкфут, увидев его, так и сказал: «Ну, Юрик… это твоя лебединая песня!» На удивление, слова его оказались пророческими — после этого ни единой индейской вещи я на свет не произвёл, как отрезало.

Так я к тому, что это щедрый Дядя Сидящий Бык (в миру Юрий Копнов) добровольно (!) высылал мне одну за другой фанерные посылки с Алтая, полные отборных костей! Надеюсь, что не с деревенского кладбища… Это были толстые цевки — нижняя часть ног домашнего скота. Сколько времени я потратил на их распиловку, разметку, обтачивание до нужной формы, полировку, сверление — это уму непостижимо. Костяной пыли наглотался — на всю жизнь хватит. Плюс ещё бусы делал полностью с нуля — нарезал латунный пруток, обтачивал заготовки до идеальных шариков, потом полировал их, просверливал — больше 100 штук!…

А больше неоткуда было всё это взять! В то время индеанисты ещё не заказывали по буржуйским каталогам нужные вещички — что, по-моему, теперь просто нечестно, и скучно. Гнусность какая. И какой смысл-то в этом?.. Всё-всё приходилось делать самим! Включая латунные гвоздики для декорирования вещей — их выбивали на листе латуни полукруглой такой выбивалкой, вырезали ножницами, потом полировали, припаивали сзади ножки, короче, морока из морок.

Вот во имя чего это всё?.. За что мне такое наказание?.. Спросить бы у того Сат-Ока…

О некоторых вещах я жалею. Например, что ушла в прошлое знаменитая индеанистская «проводниковая культура». Это из-за отсутствия бисера брали и нарезали на бусинки тонкую разноцветную изоляцию от проводов — и расшивали этим псевдо-бисером вещи. На расстоянии и не отличишь. И это было, как я сейчас понимаю, стильно, и очень по-индейски! Подумаешь, что не исторично… Индейцы ведь непременно использовали бы такой материал, попадись он им под руку. Ведь иглы дикобраза тоже брали не от хорошей жизни, просто больше не нашлось ничего более подходящего. Ягоды ведь не будешь пришивать, стебли травы тоже — высохнет и развалится, а больше — чем? Абсолютно нечем. Вот и приспособили такой странный материал, как иглы, да ещё олений волос на Севере. А вот эта нарезанная изоляция подошла бы идеально, уж её бы они не упустили! Были у меня какие-то подаренные вещи из «проводниковой культуры», но я их после появления бисера сдуру то ли выкинул с презрением, то ли отдал кому-то — теперь жалею… И взять больше негде, ушло навсегда.

В первой части книги поднимались вопросы об «индейских» именах. Да, это точно: к кому-то имя прилипает намертво, а к кому-то ну никак не клеится.

Например, кто-нибудь говорит: «А вот у Злого Глаза…», тут его сразу же перебивают: «Это у какого ещё Глаза, у Юрки Котенко, что ли?» — «Ну да». — «А-а-а, понятно, так бы и сказал!». То есть, как видите, без уточнения, что Котенко, ну никак… общая привычка, что ли. Вот попробуйте сейчас мысленно его представить и… как вы его мысленно назвали? То-то же. Хоть и имя это насто-

ящее индейское — дали настоящие индейцы!

А вот что Блэкфута зовут Шурик Попов, я узнал случайно, чуть ли не через 5 лет знакомства. И до сих пор путаю, каждый раз мучительно вспоминаю — то ли он Саша Попов, то ли Паша Сопов. То есть, индейское имя слилось с его образом навеки.

Скажем, ни у кого же язык не повернётся спросить: «А Гуров был на Пау-Вау?» Мато Сапа и Мато Сапа — в любой ситуации. Причём, никто уже не смеет сокращать до Мато, потому что все знают, кто такой подлинный Мато. Вот Сапыч — другое дело...

Или вот, допустим, единый в трёх лицах Ябебири-Соббикаши-Вапити. Ну, что сказать, упорно ищет человек себя и своё место в этом мире... А вот остальные индеанисты теперь должны каждый раз мучительно выбирать — как же всё-таки называть-то его?..

Или взять меня — чтобы уже далеко не ходить. Когда только познакомился с индейской мафией, я типично назвал себя Одиноким Человеком — каким и был тогда по сути. Это имя я тогда вычитал в книжке Франсис Дэнсмор «Музыка Тетон-Сиу». Звучит оно как Ишнала Вича. Ну, понятное дело, его тут же и сократили, индеанисты ведь все очень занятые, вечно куда-то спешат (интересно, что они потом делают с этой кучей освободившегося времени?..). Никто ведь не будет тщательно выговаривать: «Ишнала Вича, иди сюда!» Скорее всего скажут: «Ишналыч, пшёл отсюда!»

А Синий Огонь — это я уже потом, на первом Сибирском Пау-Вау-93, на острове, лежал на песке, и священным образом в небеса смотрел, и представилось мне, что небо не однотонное, как всегда, а полыхает языками синего пламени. Никто, кроме меня, конечно и не подумал так меня называть; всегда называли или Ишналыч, или просто Юрик.

Хотя, по индейским обычаям, мне, по-честному следовало бы назваться Серая Мышь — ведь это была моя первая детская добыча из лука (она же и последняя). Добыча случайная! Стрельнул куда-то, подхожу, беру стрелу, а она попала в траве в серую мышь и пробила её насквозь, смерть была мгновенной. Долго я потом переживал... Мышку жалко...

Вообще, в целом имена у индеанистов (особенно у периферийных) чересчур часто заимствованы из прочитанных книжек. Своей фантазии не хватает?.. Или самопальные, но слащавые и красивистые, типа Утренняя Роса, Полная Луна, Быстрый Олень... Пошловато вообще. Оно и понятно, без комментариев. Если перемешать индейские и индеанистские имена и доставать из шапки наугад по одному, в 99% не ошибёшься, где чьё.

Лучший образец индейского имени я обнаружил в книге «Музыка Манданов и Хидатса». Вижу там фото с суровым индейцем, подписано: Pan. Беру словарь, перевожу, и вздрагиваю — Кастрюля! Вот это имя так имя! Вот жил же себе преспокойно индеец с таким, подлинно индейским именем, и не жужжал! А если потом ещё он поимел большие заслуги и стал вождём, то было совсем уже круто. Представляю, как к нему почтительно обращались соплеменники: «О ты, великий вождь Кастрюля!»

Мотайте, мотайте там себе на ус — я ж не просто так пишу. Чтоб в следующий раз на Пау-Вау уже была своя Кастрюля!

Будучи индеанистом, я, как и все мы (уверен в этом) не раз с отчаянья пытался найти и в наших местных аборигенных народах такой же интерес, как в индейцах. Чтоб далеко не ходить в Америку. Думаю, вдруг они окажутся такими интересными, что переключусь на них, а они тут, прямо под боком. Хоть успокоюсь малость. Дудки! Все они, конечно, по-своему хороши, но всё что-то не то… «Романтизму нету…», как грустно сетовал один герой из комедии Гайдая.

Вот монголы. Чем не степные индейцы? И юрты белые почти типа типи, и конное хозяйство, и из луков стреляют, и с виду есть вылитые индейцы, особенно если волосы отрастят подлиннее. Перьев только не хватает. А всё не то, всё не то… Может, дело как раз именно в перьях, а?..

Между тем, случались со мной и необычные вещи. Даже необъяснимые. Например, визит ко мне домой Ващенко. Да-да, того самого, профессора. Зачем он именно ко мне приехал, и кто его ко мне направил?.. То ли Глеб из Москвы, то ли Блэкфут… Абсолютный провал в памяти. И по какому такому важному вопросу?..

Помню, на пороге возник такой солидный пожилой мужчина в строгом деловом костюме, с дипломатом… Прошли ко мне в «индейскую», посидели какое-то время, о чём-то там говорили. О чём — убей, не помню. Видимо, что-то там насчёт пресловутого Международного Центра «Традиционные Культуры и Среда Обитания».

Одно время Блэкфут, помню, носился с безумной идеей открыть тут у нас филиал этого центра — а зачем, почему, с какого ляду?.. Что с ним потом делать? До сих пор не знаю, что это вообще такое, и знать не хочу. По бюрократическому названию уже ясно видно, что ничего хорошего там быть не может. Ну, Блэкфут-то у нас известный прожектёр. Выдумает что-нибудь этакое, а мы воплощай в жизнь. Да и ещё обижается, если не помогаем высосанное из пальца реализовывать.

Ну, так вот, посидели мы с Ващенко, друг напротив друга, подосвиданькались и разошлись, оба в крайнем недоумении — что это было?..

Другой памятный случай. Написал это я раз письмо самому настоящему лакоте Кевину Локку. Для малышей-ути поясняю, что это был одно время весьма популярный у индеанистов исполнитель на индейской флейте. Несколько кассет его записей было в ходу, да и лично он приезжал в Москву, выступал с попсовыми плясками, весь такой из себя в аляповатых лентах, играл на флейте. Красиво, но довольно однообразно, быстро приедается.

Блэкфут пристал: напиши, да напиши ему, расскажи о нашей жизни и вообще… может, в Америку к себе пригласит.

(А была такая в то время абсолютно у всех индеанистов навязчивая идея — что нас кто-то должен непременно пригласить в Америку, кому-то мы там прям ну очень нужны, и будут прямо нам рады и счастливы, причём, конечно, и оплатят ещё все наши расходы… А куды нам податься, в той ихней Америке?.. Что там делать вообще, без языка, без ничего — кто-нибудь себе это реально представлял?.. Смотри мою речь, подготовленную к встрече с непокорными шеванезами; видимо, всё должно было произойти по такому же сценарию. Или просто поцеловать священную землю,

и домой?.. Тогда ладно, согласен, пусть приглашают.)

Ну, я и написал этому Локку — примерно всё то же самое, что и вы сейчас читаете, ну, только чуть поменьше телегу, конечно, накатал. Излил всю израненную душу индеаниста, короче. Вам так никогда не написать, как я написал, просто выходил из себя, описывая всю нашу беззаветную любовь к индейцами, и чем мы тут плотно занимаемся, просто кипятком писил.

Потом Нонна Одинокая Птица, в народе просто Птаха, всё это мне тщательно перевела — за блок сигарет Мальборо. Утрамбовал я письмо, чтобы конверт не лопнул, да ещё и несколько фотографий присовокупил: мы на них и так, и сяк, все в роучах и бастлах, живём, значит, насыщенной индейской жизнью.

И что же? Спустя полгода приходит ответ: из конверта выпадает чей-то детский рисуночек с разноцветными воздушными шариками с приветствием Кевину, а на обороте — несколько небрежных каракулей со смыслом: всем привет, всем спасибо, все свободны. Я вот не буду ничего комментировать по этому поводу. Просто выдаю сам факт, а вы сами почувствуйте отношение. Даже чистого листка пожалел… А может, и специально, с намёком, выбрал детское творчество, типа, как раз подходит для ваших там занятий и вашего интеллекта. До сих пор у меня эта отписка где-то хранится — в назидание.

Пришла пора рассказать и о нашем печатном органе западно-сибирских индеанистов — журнале «Индейская флейта», который вышел в 1997 году (а готовился-то ещё раньше). Ну, как о «нашем» — делал-то я его полностью сам, абсолютно в одиночку. Несмотря на то, что указал потом в «редакционной коллегии» кучу наших; но это так, для солидности, а ещё больше для смеха — на самом деле, все же знали, что ни к чему подобному не способны. Ну, иногда только просил, например, Ольгу Ночную Собаку нарисовать иллюстрации по теме, или у Нины Овсюковой попросил её стихи.

Началось всё с того, что в какой-то момент я почувствовал, что скопилось уже столько материала, что необходимо уже начать и делиться с народом. Ход моей мысли: я-то всё это уже знаю — а мужики-то не знают!

Вот как теперь объяснить новому поколению, что это всё было просто так, безо всяких мыслей о какой-то там отдаче, о зарабатывании на этом денег — и, если бы не мизерные расходы на ксерокс и пересылку, то просто журнал даром бы рассылал!

Что двигало нами тогда вообще?.. Взять и просто так потратить на неизвестных людей почти год своего драгоценного жизненного времени? У меня-то самого всё это уже и так было! Полнейший альтруизм.

Ладно, решил — но как именно делиться? Рассылать каждому разные материалы в отдельных письмах? Это долго, сложно, и, по тем временам, даже уже нелепо. Проще объединить разные накопленные материалы это под одной обложкой — опыт «Томагавка» был перед глазами. Ну, я и взвалил на себя добровольно эту нелёгкую задачу.

Всё нужно было осваивать с нуля. Я и пишущую машинку-то до этого видел только в кино. А когда пришлось купить, вижу: какие-то рычажки, буковки разные повсюду, всё стучит, крутится, звякает, жужжит, ужас… Да ещё и располо-

жение букв на клавиатуре осваивать с нуля! Это сейчас все уже с яслей привыкают к компьютерной, а тогда... А если вдруг хоть разок (!) ошибёшься, ткнёшь случайно не на ту букву — сминай в корзину, и начинай *весь лист перепечатывать заново*! Это не на компьютере, мгновенно поправил, и дальше. И заклеивать нельзя — будет заметно, в макете всё должно быть идеально чистенько.

Название «Индейская флейта» — это с намёком, что упор будет на индейскую музыку. Мне лично эта тема была наиболее близка, а хозяин — барин. Да я в этой теме тогда вообще был монополистом: все налегали тогда в основном на разные сражения, разные тонкости по истории племён; хорошо хоть, что уже не на политику... К тому же у нас тут, в крупнейшей библиотеке, ГПНТБ, была куча томов настоящих американских научных изданий из серии «Бюро Американской Этнологии» — в основном толстые труды Францис Дэнсмор, с иллюстрациями, нотами, текстами (я просто пищал от этих шикарных книг) — «Музыка Тетон-Сиу» (!!!), «Музыка Чиппева» (в 2-х томах), «Музыка Манданов и Хидатса», и ещё, и ещё и ещё... Она ездила по разным резервациям и записывала на фонограф все-все-все индейские песни, которые только были, личные и общественные, и потом всё это расшифровывала, с нотами и текстами, с фотографиями исполнителей, со всеми подробными историями этих песен и их назначением... Крутая была женщина! Вот бы у нас, наконец, перевели и издали эти книги... А не эту, уже осточертевшую всем по десятому разу, белиберду про всякие исторические сражения. Не надоело самим ещё?..

Помню, заказал сдуру такую книжонку, то ли «Народ Красного Облака», то ли, напротив, Пятнистого Хвоста. Начал читать, а там: в таком-то году переселились на такую-то реку, там на них напал военный отряд, всех перебили, послали свой отряд, всех вырезали, встретили обратно по дороге группку Шайеннов, всех перебили, одного оставили для развода. В другом году перекочевали на другую реку, отправились за лошадьми, столько-то захватили, стольких-то пауни убили, потом напали солдаты, и почти перебили всех, за это напали на форт, сожгли его, предварительно, конечно, всех вырезав, и на обратном пути уже методично вырезали всех подряд... и без конца, без конца, одно и то же, одно и то же, только в разных вариациях, совершенно не запоминаемая, случайная и пустая информация... И так всю, довольно, толстенькую, книжку. Вот кому это надо вообще, зачем?.. Подробности всего этого мокрушничества знать и ещё смаковать?.. Не тоскливо? Или легче от этого жить на свете?..

Так я взял — да как засандалил со всей мочи эту книжонку в форточку...

Но вернёмся к журналу. Я делал в библиотеке с книг Францис Дэнсмор ксерокопии и потом их *сам (!) переводил*. Сам — без малейшего знания английского языка — со словарём! Причём тексты-то длиной страниц в 30—40! Поначалу ежесекундно приходилось лезть в словарь *за каждым словом*, но от многократного повторения слова запоминались (потому что опять лезть было лень — поневоле запомнишь) — так, благодаря индеанистике, я по ходу дела выучил английский! Теперь могу свободно читать, но и только, говорить не могу совершен-

но — как все эти слова должны звучать, понятия не имею. Да и говорить, собственно, мне не с кем, и слава богу.

Кроме нескольких серьёзных научных статей я поместил в журнал и наши местные индеанистские приколы, иронические рецензии на книги, отчёты с разных Пау-Вау, и т. п. — потому что издание было *исключительно для своих*! Вот прямо совсем не для посторонних глаз. И у меня на этот счёт не было абсолютно никаких комплексов, резвился я, как мог, отчитываться мне было просто не перед кем.

Это уже потом, когда экземпляр журнала попал к одному издателю «сурьёзных индеанистских журналов» (не будем называть имён), от него пришёл отзыв: «Ах, так воооот, оказывается, какое у вас несолидное, разгильдяйское, хиппарское, несерьёзное издание, а я-то думал, а я-то ожидал…». Как говорится, чем богаты. Зато… не пафосно, и перечитывать не скучно даже теперь — когда та же самая «важная и серьёзная» информация уже «устарела» и всем давно известна.

Я поместил туда и свои «Легенды западно-сибирских индеанистов» (такие миниатюры под Хармса), и уже скандально-известную индейско-юмористическую поэму «Кастер и его друзья — настоящие охотники за индейцами». (В то время на постоянном слуху было название америкосского, дебильного, как обычно, мультика «Каспер и его друзья — настоящие охотники за привидениями», вот я его и обыграл; теперь, боюсь, это уже не всем понятно).

Кстати, сочинилась эта поэма совершенно священным образом! Я как будто просто записывал строчки, которые сами возникали у меня в голове, без малейшего усилия — как будто эта поэма уже была кем-то сочинена, и уже лежала в готовом виде в каком-то облачном хранилище. Совершенно удивительное ощущение диктовки. Может быть, из какой-нибудь моей параллельной жизни?.. Я слышал, такое иногда случается и у других авторов.

Тираж журнала был по мере поступления заказов, а всего вышло плюс-минус около 50 экземпляров, они разошлись во все уголки страны, в основном друзьям и знакомым по переписке. Рекламу тогда было очень сложно распространить, вот если бы сейчас, по Интернету…

Я и переплетал ещё журнал сам — в твёрдые обложки! Иногда для этого скупал в книжных копеечные партийные тома (прекрасно, кстати, изданные), выдирал с корнем оттуда бред сивой кобылы, вклеивал туда свой журнал (в виде скреплённых в книжку уменьшенных ксерокопий с большого макета), и заклеивал сверху названия типа «XX съезд КПСС» листком своей обложки. А потом ещё и раскрашивал её немного цветными карандашами! Да… Вooот…

Следующий, 2-ой, номер «ИФ» убило изменившееся и ускорившееся время, когда вот такая кропотливая неспешная работа над ним потеряла всякий смысл.

Это было как раз переходное время от самиздата к настоящему книжному (и даже цветному) издату, и переход от пишущих машинок к компьютерам и Интернету. Все материалы постепенно становились доступными всем и это стало их обесценивать, точнее, стал нелепым и бессмысленным труд одного человека-энтузиаста для избранного узкого круга единомышленников при крохотном тираже. Поэтому уже делать второй номер не было никакого настро-

ения и желания. Но планы до этого были самые обширные — если посмотреть на оглавление второго, так и не вышедшего номера…

Если вдруг кого-то первый, и единственный, номер «ИФ» заинтересует в — исторически-ностальгических целях — пишите, вышлю ссылку на Облачное хранилище, я полностью оцифровал журнал с отличным качеством в документ PDF (108 страниц и 700 мб), в Контакт он не помещается, там ограничение до 200 мб.

Невозможно не упомянуть о такой важнейшей вещи в нашем тогдашнем индеанизме, как… видеомагнитофон. Как ни странно это звучит. Вот индейцы собирались по вечерам вокруг костра, а мы все 90-е годы собирались вокруг видика. У кого был видик, тот и был королём положения. А был он поначалу только у меня, поэтому все нити всегда тянулись ко мне. Съёмки с разных питерских, и настоящих индейских, Пау-Вау, старые и новые кинофильмы с индейцами, записи документальных телефильмов, фильмы того же Андрея Нефёдова, свои видеосъёмки и «индейские» клипы… Всё вертелось возле видео, постоянного переписывания с кассет на кассеты, кто-то постоянно что-то откуда-то привозил, потом увозил… Сейчас это трудно уже представить — что видеомагнитофон играл такую большую роль, и так объединял (а иногда и разъединял…). Примерно одна четверть всего индеанизма состояла из просмотра видео, так как визуальный ряд в индеанистике важен, как редко где ещё. Специально приезжали в гости из другого города посмотреть, если узнавали, что есть что-то новенькое. Это теперь каждый имеет возможность поглядеть что угодно и когда угодно — единолично, в своём уголке…

Удивительно, как быстро минул век видиков… Ещё не так давно могли и убить, если узнавали, что у кого-то дома есть видеомагнитофон, настолько они ценились. Ну, не прибили бы, так вынесли бы точно, в отсутствие хозяев. А недавно знакомая позвонила и предложила забрать совершенно новый видик, причём сделанный в самой Японии — а не то она немедленно выбросит его на помойку (!). Как быстро меняются времена…

А у меня к тому же ещё была и видеокамера, поэтому тот же самый некто Лукаш со товарищи привлекали меня и к съёмкам своих клипов на «около-индейскую» тематику. И мне это было самому интересно, даже мультики снимали покадровой съёмкой. И потом, я ещё сам снимал всех и вся, и на Пау-Вау наших, и на Алтае, и просто индеанистов в быту, поэтому видеоархив у меня скопился порядочный!

Опять же — непременно заходите ко мне на страничку В Контакте! Сейчас наступили такие времена, что просто вот такой текст в книге уже не торкает, требуется непременное визуальное подтверждение прочитанному. У меня там есть штук 40 видео из 90-х годов, упомянутое в этих мемуариках: и с наших сибирских ПВ, и с выступлений в разных местах, и видеоклипы, и интервью с индеанистами, и разное другое, и архив постоянно пополняется — по мере оцифровки с кассет. Нет, правда, заходите, если что. Это не самореклама, подписчиков у меня в сети и так уже тысячи, и я вовсе не жажду всё новых и новых. Там вам будет очень интересно — увидите своих старых друзей

и знакомых, спустя уже *четверть века* (!)

Кроме видео, через все годы моего плотного индеанизма красной нитью проходили записи Перовской общинной группы «Red Power». Это практически аудио-летопись всего русского индеанизма — начиная с надрывных песен о проблемах Вундед-Ни, и кончая сетованиями Пера о развале общинного братства. Иногда, когда у меня в организме начинает не хватать наивности и доброты, я включаю эти песни и восполняю потерю. Перо, уже после роспуска группы, беспрерывно, в течение многих лет, переделывал эти записи, что-то там подправлял, подчищал, дописывал на синтезаторе новые партии... Сейчас уже вроде притих. Хотя, признаюсь, мне ближе оригиналы, пусть и нескладно сыгранные, и коряво записанные, зато живые. На них атмосфера того времени. Но я Пера понимаю, сам перфекционист.

Опять же, эти песни исключительно про своих и *для своих*! Однажды я дал послушать несколько кассет левой знакомой, но она вскоре с недоумением вернула их: «Там же какие-то пионерские песни!». В первый момент я не понял, о чём это она, а потом дошло: да-да-да! Ведь там же сплошные слова: «дружба», «костёр», «братство», «сомкнёмся в круг», «пусть будет вечен наш союз»... Тут важно, в каком именно они контексте — поэтому группа «Красная Сила» эксклюзивная, не для чужих ушей. Все их альбомы выложены В Контакте, в группе «Красные Стрелы» — милости прошу!

Ну, а в промежутках между просмотрами видео мы урывками ездили и на Алтай — в гости к Перу или к Вэше, где они живут-поживают себе неспешной одинокой индейской жизнью. Или в зубриный питомник, где одно время работал Безумный Волк, точнее, выживал — по его литературным мемуарам...

Правда, лично я долго на Алтае не могу находиться — максимум дней 10, потом горы начинают давить на меня со всех сторон, мне очень хочется сравнять их с землёй и поглядеть, что там, за ними, на горизонте... Мне ближе лесостепь, где я родился, мне комфортно только тогда, когда вокруг меня бесконечные дали. Возможно, именно поэтому мне и близки именно прерийные племена. А может, и не поэтому. Кто бы взял и исследовал этот вопрос?..

А в один из моих приездов на Алтай, неугомонный, в то время, Орлиное Перо приказал мне немедля освоить бас-гитару и выступить вместе с его тогдашней группой «The Люди» аж на фестивале «Катунь-96»! А я бас-гитару до этого видел только издали, да и то на фотографиях, в руках у Пола Маккартни. Но, всего два дня репетиций, и вот я уже стою на сцене перед многочисленной публикой, что-то там играю, а сам поминаю недобрым словом всех индеанистов: это ж надо было так испортить бедного скромного юношу, который ещё недавно даже в булошную за хлебушком стеснялся выйти! А теперь вот маячит на фестивальной сцене и невозмутимо лабает на басухе перед подмигивающими ему гирлами... Вот до чего может довести человека неумеренный индеанизм!.. Ощущал я там себя, как таракан на кухне ночью, если вдруг неожиданно включат свет. Хотя, справедливости ради должен сказать, это было первое и последнее моё выступление на сцене. И разве я мог подумать, что мне там придётся выступать на одной сцене с Юрием Куки-

ным — автором знаменитой песенки «А я еду, а я еду за туманом...», гибкую шуршащую пластинку которого я крутил на радиоле в далёком детстве... Неисповедимы пути индеанизма нашего!

В 1998 году мы собрались с женой поехать в Америку, по приглашению её брата, который туда давно эмигрировал, официально как бы к нему в гости, а на самом деле — съездить к индейцам, по резервациям, да просто по святым местам нашего... индейского детства. И уже было всё полностью на мази; в Москве для нас уже даже Глеб Пауни где-то зарезервировал подешевле билеты до Нью-Йорка... Так в посольстве же на собеседовании не пустили в последний момент! Какой-то хмырь с физиономией святоши, выхолощенная американская крысообразная падла в золотых очёчках, посчитал, что мы не достойны посетить его сточную канаву для всяких отбросов со всего света, и прям-таки мечтаем у них там остаться, и навеки поселиться! Да чтоб ты провалился со своей вонючей Америкой, засунь её себе в задницу — нужна она нам была, жить там ещё среди вас... гнида бледнолицая. Это *ты* там не достоин жить! Мы там *своих* хотели повидать...

Очень потом Блэкфут матерился по этому поводу...

А теперь — мистическая история, о самом главном для меня. Индеанисты просто обожают такие магические происшествия — так слушайте. История про то, как меня священным образом отключили от индеанизма.

Шуток и преувеличений здесь не будет никаких — одна только голая правда; а уж поверить или нет — дело ваше.

Возлежали мы однажды с женой, пардон, на супружеском ложе, и болтали перед сном о всякой всячине. Абсолютно не об индеанизме, это уж точно — так, о разных мелочах, бытовых делах, и ни о чём другом вообще не помышляли... И вдруг оба разом услышали, что в углу комнаты довольно громко внезапно запел индеец, причём в сопровождении бубна! Мы быстро с ней переглянулись: ты тоже слышишь это??! Пение было абсолютно явным, ни о какой групповой галлюцинации и речи быть не могло.

Чтобы вот так, с бухты-барахты, без всякой предварительной психологической подготовки, и галлюцинация?.. Я ещё понимаю, идёт группа людей, скажем, по пещере, нервы напряжены, всем тревожно, все чего-то такого подсознательно ожидают, и вдруг что-то зашуршало и — бах! — что-то все разом увидели: групповая галлюцинация. Но чтобы у себя дома, в уютной постели, не ожидая вообще ничего, и даже близко не думая об индейцах...

Пение продолжалось не долго и не коротко — а ровно столько, чтобы мы успели всё, как следует, осознать и удостоверится: что это поёт именно пожилой индеец, в сопровождении бубна, ну или барабана. Песня была без слов, вернее, с типичным индейским: эйя, эйя, эйя, эйя... Причём не монотонным, а с разными человеческими интонациями и акцентами. То есть, именно песня, с определённой сложной мелодией, но без конкретных слов.

Мне ли не узнать с первых же звуков индейское пение? Я половину всего своего индеанизма именно и занимался индейскими песнями и музыкой, у меня скопилось много записей! Но такой записи у меня не было! Я все свои записи знал наперечёт, и чуть ли не наизусть.

А живу я на первом этаже, в крайней, угловой квартире дома — обычной кирпичной хрущёвки, и никаких соседей за стеной просто нет. Там уже улица. А наверху жила бабка — божий одуванчик — так что и там всё было чисто в этом смысле. И никакого магнитофона не стояло в углу, который мог бы сдуру вдруг сам собою включиться (да и я же говорю — не было у меня ничего подобного записано). Нет-нет, *никаких* объяснимых прозаических причин тут быть не могло.

Если честно, то было как-то жутковато... Ну, ладно, пообсуждали мы с женой немного это происшествие — что же это такое могло быть??? — и уснули.

А наутро просыпаюсь, и не могу понять — что-то со мной не то... Пока наконец вдруг отчётливо не осознал — у меня нет больше *никаких* мыслей и чувств об индейцах и индеанизме! Для меня это было что-то нереальное... Я вдруг кристально ясно осознал, что никогда в жизни не буду больше этим заниматься!

Сколько я себя вообще помню — просыпаешься, и сразу же в мыслях: сегодня надо сделать то-то, написать этому, отполировать палицу, закончить перевод... И вдруг — абсолютная свобода от всего этого! Никому ничего не должен — и в первую очередь самому себе!

Я — это только я, и никто другой, не индеец, и ни кто-то там ещё — а просто обычный я, с чистого листа, и всё; и вот это здесь — именно моя жизнь, а не чья-то там в прошлом.

Кто этого не почувствовал, не сможет меня понять — скажут, придуриваешься, темнишь... Или отмазку просто придумал, предал наши детские идеалы... Подался к бледнолицым собакам, променял нас на свои мирские интересы... Хочу сказать, что вовсе ни от чего я не закодировался, и индейцы мне по-прежнему интересны — но таким тихим-тихим, глубинным, спокойным интересом; и с прежними знакомыми индеанистами я тоже общаюсь — в основном, конечно, по Интернету. Но всё это уже без малейшего фанатизма и дрожи, ничего *там* уже не ёкает — и всем этим специально не занимаюсь, и впредь заниматься больше не намерен.

Первое время, я конечно, ждал, что индеанисты пришлют мне «чёрную метку» — ведь никто ещё просто так не выходил из индейской мафии без отступных — но как-то всё обошлось... Так, были кое-какие претензии по мелочам... Помню, объехал всех наших в последний раз с бутылкой «Зубровки» и спокойным заявлением, что больше *этим* заниматься не буду никогда. Принимали благую весть вроде спокойно, как бы с пониманием, но по глазам видел, что не верилось им...

Говорят, человек физически полностью меняется за 7 лет — до самого последнего атома, становится новеньким, как с иголочки. Возможно, я как раз эти самые 7 лет и провёл среди индеанистов — с 1992 по 1998 год, и вышел от них уже другим, полностью обновлённым.

Было небывалое ощущение ПОЛНОЙ СВОБОДЫ! И ощущение ОГРОМНОГО ОБЛЕГЧЕНИЯ! Как будто закончил, наконец, какое-то очень важное (и очень нужное, *кому-то*!) дело, избежать которого было абсолютно невозможно; ну, никак его иначе было не обойти — кроме как сделать его до конца.

У меня есть по этому поводу только два разумных объяснения:

1) что меня отключили от «индейского» эгрегора потому, то я сделал для него уже всё, что мог, что было в моих силах; выполнил все какие-то, неведомые даже мне самому, задачи.

2) что меня отключили (от него же) потому, что с меня, как с козла молока — всё равно не было никакого толку.

Решайте сами. Я всё же склонен считать, что проходил по первой статье. Хотя бы потому, что эгрегор никогда просто так не отпускает своих «рабов». Раз уж в кого-то вцепился мёртвой хваткой (как, например, в меня в детстве) — то использует без пощады до самого упора, не зная жалости, заставляет работать на себя день и ночь. Такова его природа — любыми способами приумножать своё могущество. Мы были сами виноваты — открылись ему. Эгрегоры других общностей ведут себя точно так же, все одинаково отовсюду тянут всю энергию только на себя, в свою индивидуальную копилку информации и силы — такая у них задача. Этот эгрегор ещё нормальный попался, раз проводил вот так, можно сказать, с почётом, и с… музыкой. Есть и бесконечное множество эгрегоров других общностей, даже совсем нехороших — эгрегоры чего-нибудь вообще… жуткого. Поэтому ещё надо сказать спасибо, что подключили к эгрегору индейскому, а не… людоедскому.

Предвижу вопрос: а что ты, собственно, вообще такого уж ценного сделал за это время в индеанистике, что тебя вот отпустило, а нас до сих пор тащит?.. Почему в нас интерес ко всему этому тоже, конечно, постепенно угасает, но слишком медленно, и, по-видимому, будет тлеть так до конца наших дней, а у тебя разом — чик — и всё, свободен?..

Я и сам себе не могу ответить на этот вопрос! Разве только то, что, возможно, *действительно нужная* индейскому эгрегору работа измеряется вовсе не в количестве проведённых Пау-Вау, или расшитых бисером одежд, или сшитых типи, или разученных и исполненных танцев, или сделанных переводов, или напечатанных фотографий, или снятых фильмов…

Возможно, тут засчитывается работа вовсе *не внешняя*. Возможно, эгрегором ценится и засчитывается (в счёт досрочного освобождения) исключительно высокая степень постоянной и напряжённой *внутренней* работы…

А уж как я поработал в этом плане — решать не вам, и не мне — а только Ему.

ЭПИЛОГ

Последний раз я был на Алтае аж в 2010 году (как летит времечко!), и приезжал специально, чтобы узнать у старейшины Орлиного Пера — в чём смысл жизни?.. Вовсе не прикалываюсь, так оно и было.

Я исходил из того, что если человек добровольно обрекает себя на одиночное заточение в алтайской глуши уже несколько десятков лет, то, наверно, не просто так, а усиленно постигает там сущность вещей. А иначе вообще зачем?!.. И вот я приехал и прошу: о мудрый учитель, расскажи мне! Как жить?

А он ласково смотрит на меня искоса, низко голову наклоня, своими васильковыми глазами, загадочно улыбается и… молчит. Только морщинки лучиками вокруг добрых глаз… Седой уже весь, как лунь — вылитый Клеки-петра, учитель Виннету.

Так и не дождался я ответа, повернулся и уехал — решил дать ему ещё лет

двадцать на размышления о сути жизни… Зайду попозже.

За горами, за долами, в соседнем селе, тоже постигает суть жизни его друг детства, легендарный Мато Нажин, а в промежутках между постижениями пасёт коров под видом ковбоя, ну или клеймит их, точно не знаю; во всяком случае, что-то там такое с коровами точно делает. А ещё шьёт сёдла, но уже не для них, конечно — для лошадей.

Наш старина Блэкфут обзавёлся за эти годы собственной усадьбой, очередной новенькой женой и новорождёнными детьми, стал оседлым земледельцем, и принялся усиленно хлопотать по домашнему хозяйству. Обсадил по периметру свой участок сплошь кедрами, соснами, да елями — через каждые полметра! — и теперь терпеливо ждёт, когда деревья станут большими и скроют его от взоров бледнолицых собак, а бледнолицых собак — от его взоров.

Но по-прежнему к нему изредка подтягиваются какие-то новые индеанисты, где-то он их постоянно цепляет, как блох. Потому что у него есть врождённое свойство вождя-лидера. Никто его не назначал у нас в клубе чифом, как-то естественно вышло, само собой, без вопросов. Просто сразу чувствуется: чиф.

А вот скажите мне: а вот Монтана… я что-то не пойму. Он в законе лидер, или как?.. По замашкам вроде бы чиф; но не чиф — это точно. Он вообще… в авторитете. Ему лося подстрелить — что тебе высморкаться…

Марго Белая Тучка, пардон, ныне пани Коновальчик, эмигрировала от нас в Тюмень, и плотно занята там воспитанием своего многочисленного потомства. Иногда она наезжает в Новосибирск, но мы с ней всё никак не можем… состыковаться. Всё же я не теряю надежды когда-нибудь снова понюхать её платье…

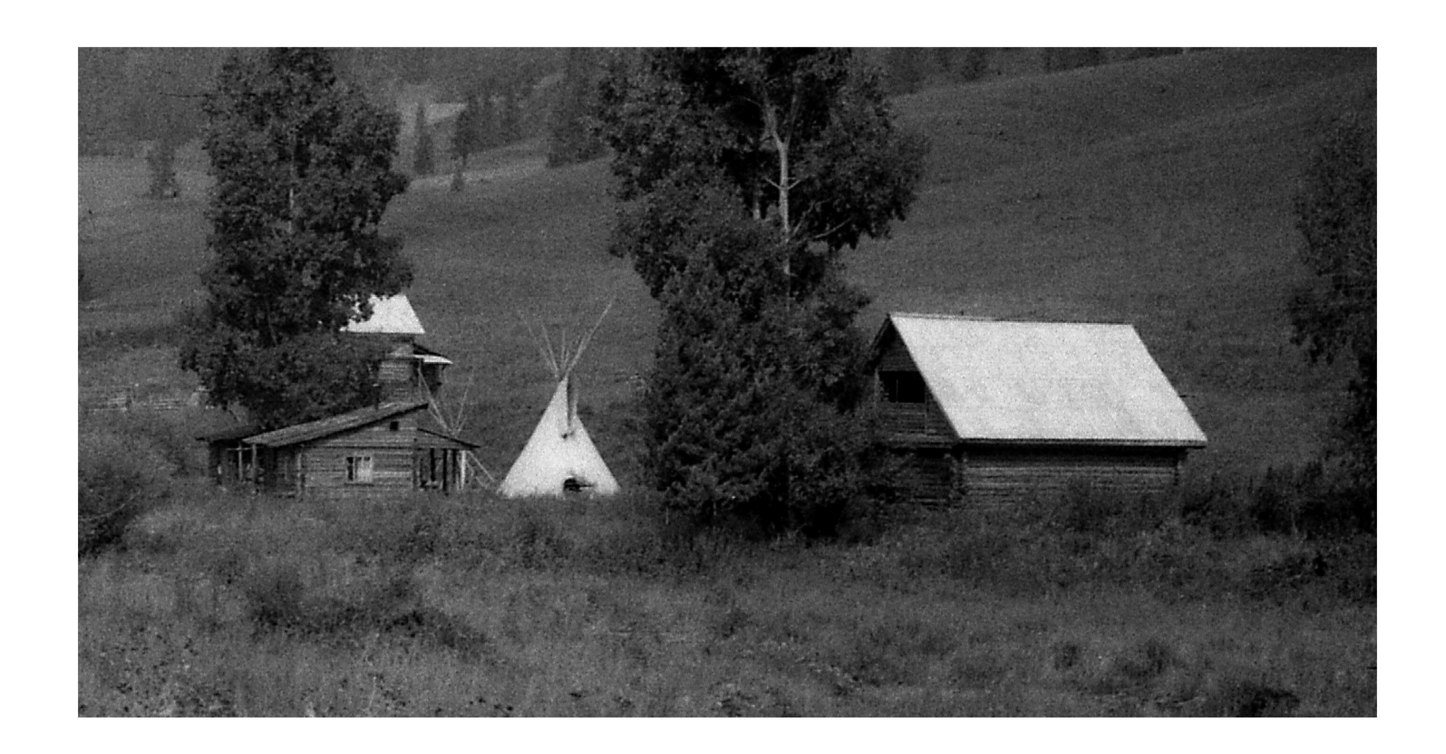
Бывший общинник Чак Поднимающий Мустанга, извините, Андрей Чикунов (не знаю, уважаемый, как вас по батюшке), стал то ли крутым бизнесменом, то ли просто крутым. Во всяком случае, на фотографии в Одноклассниках я его видел в белом смокинге…

Только некто Лукаш по-прежнему неутомимо поёт всё те же свои старые песенки… По идее, я бы должен его в первую очередь поблагодарить за ту статью, с которой и начался мой 7-летний путь в официальную индеанистику и обратно. Хотя этот вопрос спорный: если мне всё это было суждено и так, то это произошло бы всё равно, в любом случае, как-нибудь по-другому, и без этой статьи — разве нет?.. В любом случае, желаю ему поскорее всё же успеть «задвинуть» БГ — пока тот сам не задвинулся.

Дальше всех забралась Нонна Одинокая Птица — аж в Перу! Удивительнейшее совпадение; даже, если хотите, предзнаменование: много лет она ездила в общину на Алтай к Перу, и в итоге оказалась в Перу… Как она там очутилась, и что она там делает — Великая Тайна. По слухам, спасает Мир в каком-то «Белом Братстве»… Что ж, это очень на неё похоже. А так как мир всё ещё существует, чувствуется, что работает она там на совесть…

Хотя, нет — Птаха не дальше всех. Нины Овсюковой уже больше нет с нами, а это бесконечно дальше Перу…

Нескольких новых индеанистов, которыми в отчаянии попытался окружить себя Блэкфут после распада «Бизоньего

Помёта», я не называю, поскольку не знаю о них толком ничего. Пусть они напишут о себе сами — без обид.

Знаю только, что и Пау-Вау они в спортзалах устраивали, я даже там был разок; ну, орлы — что я могу ещё сказать? И даже индейцы к ним временами приезжали прямо на дом: один Атапаск, другой — Апач. И кого-то из них хозяева так попотчевали традиционной сибирской кухней, что он потом всю ночь блевал где-то за типи. Остальные интересные подробности их священной жизни для меня покрыты мраком.

Вот так и разметало нас всех по Красной Дороге, а некоторых и вовсе выкинуло на её обочину... Остались от нашего бывшего Сибирского филиала лишь воспоминания, да ностальгические видеозаписи.

Спасибище Андрею Ветру, что он всё это затеял, что растревожил ульи с нашими воспоминаниями. Пусть хоть что-то из пережитого нами впустую пройдёт для Истории не впустую.

А то археологи Будущего, лет через 500, станут натыкаться при раскопках на территории России на... индейские томагавки и, хм... костяные нагрудники в стиле кайова с латунными бусинами... И придут от этих находок в крайнее недоумение, и даже решат переписать всю историю человечества заново. Но потом возьмут в библиотеке эту книжку, и облегчённо вздохнут: «А-а-а! Теперь всё ясно. Это просто какие-то ненормальные баловались»...

Извините нас, товарищи археологи.

***

Вот, если вкратце, и вся энциклопедия русско-индейской провинциальной сибирской жизни 1990-х годов прошлого века...

Как видите, кое-какие события и у нас здесь происходили, на периферии. Я себе представляю, *что* тогда творилось в центрах — в Москве и Питере! Какие эпохальные дела там вершили настоящие матёрые индеанисты первого призыва — а не такие вот тихони, как

мы тут. Только почему-то мало кто из них рассказывает об этом подробнее...

Хотелось бы ещё напоследок добавить следующее.

Вот все говорят: «лихие 90-е годы, кошмарные 90-е годы»... А я их просто ***не заметил***! Безо всякого преувеличения. Меня здесь просто не было: я мысленно кочевал по равнинам, охотился на бизонов, сражался с враждебными племенами; а не мысленно — общался с друзьями, читал, переводил, смотрел кинофильмы, мастерил интересные вещи... то есть, был далеко-далеко отсюда, и был неуязвим для окружающего мира. Когда меня уверяют, что в то время были какие-то ужасные сложности в стране и мире, всё рушилось, закрывалось, распродавалось, мне не верится — лично мне было тогда хорошо и комфортно на душе. Я не могу вспомнить ничего ужасного из той жизни в 90-х. Может, просто мой возраст в то время был самый лучшим в моей жизни. Простите эгоиста-эскаписта.

Поэтому, низкий поклон за это всем: и строгому, но справедливому эгрегору; и индеанистике в целом; и всем индеанистам по отдельности, а особенно — непосредственно самим индейцам: выручили.

Не знаю, кем бы я тогда стал, чем бы я вообще занимался — просто не могу этого представить — если бы в самом начале 90-х не вошёл в нашу родную русско-индейскую общность.

И особенно — если бы вовремя из неё не вышел.

Ваш
Ишналыч,
с приветом.
Месяц Падающих Листьев, 2019 г.

Наедине с вопросами

Андрей Нефёдов (Ветер)

Мне не приходиось никогда жаловаться на память, в её мусорном ящике удавалось отыскать даже то, о чём я бы не хотел вспоминать. Но в последние годы выяснилось, что память основательно просела. Я пытался вспомнить, как я познакомился с Юрой Котенко, Борей Колобовым, Игорем Суровым и некоторыми другими, и не смог. Как ни странно, это касается только московских индеанистов. Они просто существуют с какого-то момента в моей жизни. Я помню многие мероприятия с их участием, но не помню день знакомства. С людьми из других городов всё яснее, потому что мы встретились либо на Пау, либо они приехали на съёмку моей телепрограммы: Танцующий Лис, Мато Нажин, Дима Кроу, Койот, Танто...

На мой вопрос в программе «Пророчества, которые сбываются», можно ли называть их настоящими индейцами, Дима Сергеев и Лёня Шардин чуть ли не в один голос ответили, что можно, потому что «индеец — это не процент крови, а образ жизни». Они не любили слово «индеанист», но сегодня оно стало привычным. Не знаю, когда возникло это слово и кто впервые применил его по отношению к людям, интересующимся североамеринскими племенами (в действительности многие индеанисты занимаются историей не только индейцев, но вообще всем, что связано с завоеванем Нового Света, а это и гражданская война в США, и бандиты всех мастей, и трапперы, и краснокожие племена лесов, равнин и гор). Сегодня по всему миру широко распространено реконструкторство, и как-то незаметно индеанистов стали тоже причислять к реконструкторам... На первом этапе Движения, в 1970-х годах, у ребят почти не было никакой информации о том, как и что шить, как исполнять музыку, как двигаться в танце, поэтому всё рождалось из обрывочных сведений, дополняясь богатым воображением и энтузиазмом. Затем наступило время знаний, одежда стала приобретать тот вид, который она имела в девятнадцатом столетии, она шилась уже не из тряпок, а из кожи. Танцы расслоились на традиционные и современные. Рукоделие, танцы, верховая езда, стрельба из лука, метание ножей и томагавков — это не полный список того, чем они могут похвалиться. Игравшие в индейцев детишки превратились в специалистов высокого уровня, равных которым не найти в иных реконструкторских сообществах.

Почему в Советском Союзе появились идеанисты, я не понимаю. В Германии был Карл Май, в Польше — Сат-Ок, эти популярные писатели создали «идейные» предпосылки для появления индеанистов в Германии и Польше. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР не было своих писателей, воспевавших «благородных дикарей». Совсем не было. У нас читали приключения об индейцах, написанные зарубежными

авторами. Казалось бы, литературная ниточка не должна связывать нас с индейцами, но в нашей стране мальчишки всегда интересовались ими, попадая под магическое влияние художественной литературы. Но главное, на мой взгляд, что привлекало всех нас, была не буйная красота первобытной дикости индейцев, а их история, которую Жозеф Диксон назвал «цепью непрерывных трагических событий». История Дикого Запада завораживала, трагизм и героика очаровывали. Но ведь не все попадали под это необъяснимое колдовство, большинству людей нет дела до индейцев и их истории. Лишь некоторые каким-то образом увидели в индейцах то, чего в них, может быть, и не было в помине, увидели и полюбили. Максим Горький объяснил эту любовь так (правда, говорил он не об индейцах, а о русском мужике): «Чтоб легче было любить мужика, его вообразили существом исключительной духовной красоты, украсили венцом невинного страдальца, нимбом святого и оценили его физические муки выше тех моральных мук, которыми жуткая русская действительность награждала лучших людей страны».

От многих индеанистов я слышал, что они в детстве хотели сбежать к индейцам, как те чеховские мальчики. Насколько мне известно, некоторые не только мечтали, но даже разрабатывали план побега, хотя в советское время это было лишено всякой реальной почвы. После развала СССР кое-кто из индеанистов уехал в Америку и обосновался в резервации или где-то поблизости, но таких — единицы. Мне никогда не хотелось убежать к индейцам. Мой индейский мир находился внутри меня. Мне нравятся горы, леса, реки, но они лишь дополняют мой внутренний мир, как бы подтверждая в действительности правильность картины, сотворённой моим воображением. Я могу подолгу смотреть на очертания скал, испытывая истинное блаженство от созерцания, но взбираться туда, к снежным покровам, у меня нет ни малейшего желания. Раньше было, но не теперь, сейчас я даже вспомнить не способен те желания. В юности я увлекал моих друзей в горы: «Я был там разок в детстве, там обалденно, поэтому мы просто обязаны туда поехать». И мы ехали, нагрузив рюкзаки аппаратурой, костюмами и бутафорским оружием, чтобы снимать там кино. Мы жили под открытым небом, жили в пещере, жили в палатке, но я никогда не ходил в поход ради похода, у меня всегда была цель — сделать фильм, то есть создать мой собственный мир, с моими собственными персонажами, с моим и только моим настроением. Этот выдуманный мир был важнее того мира, который меня окружал. Долгие годы я умел наслаждаться действительным миром только через призму моего воображения, моей внутренней реальности. Не думаю, что многие поймут меня, ведь большинство людей твёрдо стоит на земле, хорошо ориентируются в *здешних* реалиях, литература и кино являются для них подспорьем и отдохновением в действительной жизни, а не наоборот.

В недавно прочитанной книге Руала Амундсена меня поразило его воспоминание из раннего детства: «Описание возвращения одной из экспедиций Франклина захватило меня, как ничто из читанного раньше. Франклин рассказывает, как ему с несколькими товарищами пришлось более трёх недель бороться со льдами и бурями, причём их

единственное питание состояло из нескольких костей, найденных в покинутой индейской стоянке, и в конце концов, прежде чем они добрались до самых первых форпостов цивилизации, им даже пришлось для поддержания жизни съесть собственную кожаную обувь. Удивительно, что из всего рассказа больше всего приковало *моё внимание именно описание этих лишений, испытанных Франклином и его спутниками. Во мне загорелось странное стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания*. Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества. Я тоже хотел пострадать за своё дело».

Его желание «пострадать» за своё дело показалось мне диким, странным и даже нездоровым. А вскоре после прочтения книги Амундсена, я приступил к чтению воспоминаний Блуждающего Духа (Олег Ясененко), и там обнаружил то же самое! «Я хотел голодать, мёрзнуть и сгорать от жажды. Много раз я ловил себя на мысли, осознанно голодая, что муки голода доставляют мне радость. *Я хотел испытать холод и получал наслаждение от этого, зная, что когда-то так же замерзали в снегах бегущие после очередной резни индейцы*».

Получается, что это особая порода людей. Размышляя над их словами, я пришёл к умозаключению, что вполне могу понять их желания (то есть понять, *что* стоит за их желаниями), но я бы никогда не смог искусственно пробудить в себе такие же чувства — ни раньше, ни теперь (особенно теперь, когда я прошёл через безостановочную пытку болью из-за моей неизлечимой болезни). Испытания, страдания, трудности всех мастей придут сами, если так предначертано Создателем. На мой взгляд, их не нужно искать, не нужно специально выстраивать «коридоры событий», которые приведут к страданиям.

Полагаю, что людей, готовых «пострадать за своё дело», немало на нашей планете. Но вряд ли из-за желания страдать была основана алтайская община Голубая Скала, и Левая Рука (Альберт Осипов) уехал из города в неведомое, и на Урале ребята тоже пытались жить вне цивилизации, и легендарный Чёрный Ворон Кагаги (Виктор Козлов) отправился на Север, где кочевал много лет с Эвенками. Все они просто хотели жить по-индейски. Одни погружались в своё «индейство» со страстью фанатиков, другие лишь проверяли, насколько индейская жизнь возможна в современных условиях. Многие грезили индейским образом жизни, не понимая, каков он был на самом деле. Здесь важно слово «был», потому что те индейцы, которыми мы восхищались, и их героическая жизнь — это безвозвратно канувшее прошлое. Но юные советские индеанисты, порывая с цивилизацией, хотели возродить именно тот идеальный образ жизни, который существовал в их воображении. Отсюда возникли всевозможные прописанные на бумаге манифесты, программы и уставы, что само по себе противоречило духу любого индейского племени — сформулированные на бумаге правила жизни. Индейцы не были индеанистами, а индеанисты не смогли стать индейцами, хоть и старались очень сильно.

Фрэнк Дюмон, руководитель одного из тайных обществ племени Оджибва, сказал мне в интервью: «Чтобы быть настоящим индейцем, требуется не только умение проследить линию своих пред-

ков до самых истоков своего рода, до истоков человеческого существа. Истоки важны, но ещё важнее следовать естественному образу жизни. Когда Создатель выделил нам наше место на земле, он предупредил, что когда Он снова вернётся на землю, как бы сильно ни изменились условия жизни здесь, мы должны быть узнаваемы как народ Анишинабе, мы должны блюсти естественный образ жизни. Это вовсе не означает, что для этого нам следует уйти в лес, поселиться в типи или плыть на каноэ от Пентиктона до Торонто, мы вполне можем добраться туда самолётом или по железной дороге и при этом оставаться Анишинабе, то есть настоящим народом. Чтобы быть настоящим индейцем, человек должен осознать свою духовность, понять, кто мы есть как народ, *что мы представляем собой среди всего, что окружает нас сегодня*».

Понимают ли индеанисты, кто они есть на самом деле? Понимают ли они, что в них настоящее, а что игра?

Когда к нам приезжают индейцы и предлагают выкурить трубку, я отношусь с уважением к этому ритуалу. Для индейцев трубка — проявление их традиционной культуры. Есть священные трубки, есть обычные, повседневные, но индеец всегда чутко следит за тем, как белый человек реагирует на предложение выкурить трубку. Но когда я слышу от индеанистов, что их трубки священны, я с трудом сдерживаю улыбку. Мне однажды не разрешили заснять на видео церемонию «освящения» трубок на Пау-Вау. Кто же сделал их трубки священными? Откуда взялся среди индеанистов шаман, наделивший те трубки особыми качествами? Кто вдруг решил, что простое воспроизведение индейских ритуалов внезапно превратилось в подлинное таинство? Кто и почему однажды решил, что следует говорить «Mitakuye oyas'in» и что эти слова священны для индеанистов? Почему слова о единстве, любви и братстве следует произносить по-лакотски, а не на языке, например, Ирокезов, Апачей или Зуни? Индеанисты ведь не Лакоты, но все твердят про Вакан-Танку, а не про Яхве? Почему не говорят по-русски — Неведомая Сила Сотворения? Почему? И когда я начинаю думать об этом, вся серьёзность «священных» церемоний, проводимых индеанистами, предстаёт игрой. Получается, что индеанисты лишь изображают ритуалы, реконструируют их, они — актёры в этнографическом спектакле. От спектакля пытался отказаться Красный Волк, создавая племя Каучи. Индейцы, но не индейцы… Не получилось. По мере поступления этнографической информации ребята погружались глубже и глубже в культуру индейцев. В чужую культуру. И эту чужую культуру они воссоздавали на Пау. И чем дальше, тем основательнее были эти инсценировки и тем больше происходило сначала смешивание понятий, а затем их подмена. Главная проблема индеанистов, решивших жить «по-индейски», состояла, на мой взгляд, в том, что они учились по книгам. «Индейская жизнь» не была для них естественной. Она была желанной, но инородной. Они натягивали её на себя, как натягивают одежду с чужого плеча, а потом подгоняют её под себя, чтобы удобнее сидела… С какой стати индеанисты делят типи на женскую и мужскую половину? Если это правило перенимается у индейцев по-настоящему, то следует и городскую квартиру делить на женскую и мужскую половины. В противном случае, это деле-

ние является лишь игрой в традицию на Пау-Вау. И то, как женщина обязана сидеть — сложив ноги в одну сторону и сжав колени, тоже превращается в игру, ибо все строгие правила теряют свою силу, едва индеанисты покидают Пау-Вау.

Некоторые, наиболее смелые, уезжали в глухие деревни, работали на пастбищах, на сенозаготовках, становились за прилавок магазина, надевали через плечо сумку почтальона, то есть брались за любое дело, чтобы в той глуши заработать хоть какие-нибудь деньги. И это для меня самое удивительное: во всех воспоминаниях говорится о том, что они пытались заработать на жизнь. Они пытались жить на зарплату! Они оставались зависимыми от государственной системы, жили по правилам, навязанным государством. Они хотели свободы, но не воевали за свободу, как это делали индейцы, отстаивая своё право на тот образ жизни, который считали естественным. Для подавляющего числа индеанистов естественным образом жизни был государственный строй. Они не стремились уйти от государства. И никто, конечно, не собирался умирать за право жить вольно. Они лишь уходили из города. Индейцы, о которых мы читали, уходили подальше от белых людей, чтобы жить согласно своим традициям и не зависеть от белых людей. Индеанисты уходили из города, чтобы примерить на себя чужие традиции, но при этом не порывали с основами общества, в котором жили. Они играли в индейцев. Кто-то играл немного, кто-то увязал в этой игре глубоко. Но даже лучшие и самые упорные не выдержали, отступились от своих попыток стать индейцами...

Вопрос, где есть жизнь, а где лишь игра, не перестаёт интересовать меня по сей день. Но иногда игры индеанистов настолько пропитывают быт, что становится жутко. Вспомнить хотя бы, как общинники Голубой Скалы сожгли тело умершей девочки. Я пытался выяснить у них, почему они приняли такое решение, но внятного ответа не получил.

Вот фрагменты переписки с Ольгой Пакуновой.

Андрей Ветер: Сегодня вспомнил, что у Гордого Орла в Голубой Скале утонула дочь. Не могла бы ты сказать, что произошло?

Ольга Пакунова: Она погибла, её звали Каролина, мы вместе с Аллой это имя выбирали. Девочка только начала ходить, ей был год. Она открыла калитку в то время, когда все были заняты на огороде, дошла до реки и упала туда. Её сожгли на горе, для местных алтайцев это было шоком, когда они узнали. После этого события всё стало двигаться к распаду коммуны. По слухам, Орёл в итоге сошёл с ума и пускал по реке детские ботинки. Остался ли он с Аллой, я не знаю. У неё был ещё сын на Украине, у Орла — никого.

Андрей Ветер: Почему решили именно такое погребение устроить? Решили, что так делали индейцы?

Ольга Пакунова: Этого я не знаю, мы с Рысёнком не участвовали и жили тогда в другой деревне. У нас Маша как раз родилась, нам письмо пришло от Пера.

Андрей Ветер: У тебя сохранилось это письмо? Это ведь событие из ряда вон выходящее.

Ольга Пакунова: Нет, конечно. Я потом долго видела кошмары, что моя Ма-

ша соскальзывает с горки снега и падает в реку. Не знаю, это было настолько невероятно чудовищно для всех, что хотелось об этом никогда не вспоминать. Когда я видела в последний раз Аллу, они ещё там жили, но практически отделились от коммуны; она предлагала мне пойти с ней на гору трубку курить, я согласилась, но в итоге так и не пошла.

Андрей Ветер: Оля, они как-то объясняли своё решение сжечь тело? И раз местные жители были шокированы, получается, что в округе знали об этом. Наверняка знали и официальные власти.

Ольга Пакунова: Я там не была, поэтому не знаю, как там что с властями, про местных до меня дошли слухи, кто-то из Кукуи сказал, я не помню. Но сказали, что отношение с местными напряглись. Решение сжечь индейской традицией продиктовано, понятное дело.

Андрей Ветер: Но как ты думаешь, вопрос о погребении решался на общинном совете?

Ольга Пакунова: В принципе там всё так решалось. В любом случае, родители с этим согласились. Это для меня до сих пор не решённая тема — мы пытались делать всё, как индейцы, но, во-первых, мы не индейцы, во-вторых, *мы делали это так, как читали или видели в кино*. Я не знаю, хорошо ли это всё. С другой стороны, несмотря на то, что в разных культурах приняты разные способы погребения, я верю, что это не имеет большого значения, по крайней мере, для того, кто умер. Но тем, кто остался, может в итоге показаться, что это было не правильно и причинять боль…

«Как читали или видели в кино» — вот фундамент, на котором строилась «индейская» жизнь индеанистов.

Я пытался расспрашивать Орлиное Перо о сожжении утонувшей девочки, но он не стал отвечать и велел обратиться к Гордому Орлу. Сергей Лузин (Гордый Орёл), отец утонувшей девочки, написал мне предельно коротко: «Моя жизнь среди индейцев многому научила. Через язычество я пришёл в православие, пришло понимание того, что *наша попытка строить рай на земле без Бога была обречена с самого начала. Жизнь проходит, а я и сегодня ноль*. Так что прошу меня простить».

На мой взгляд, это очень страшные слова: «Жизнь проходит, а я и сегодня ноль».

Они пытались жить «по-индейски», они считали себя индейцами, их было много, разбросанных по необъятным просторам страны. Но откуда они взялись, откуда в их сердце взялась уверенность, что они должны быть индейцами? Почему они не хотели быть Чукчами или Хантами?

«Индейцы, погибавшие от рук белого человека, вымиравшие от голода и болезней, в наши дни неожиданно воскресают в многообразии и воплощаются среди разных народов Земли. Вот с чем связано это, казалось бы странное, увлечение индейцами во всём мире. Иначе говоря, индеец поднимается не во плоти, а в духе!» — написал Кагаги. Его слова удивили меня, потому что в программе «Пророчества, которые сбываются» (1992) я утверждал то же самое, и мне показалось, что никто не услышал эту мысль. Я верил в то, что индейцы возвращаются в облике индеанистов. Это же так просто — реинкарнация. Я искренне верил в это. Или искренне хотел верить, потому что не готов был принять, что наш индеанизм — это лишь игра. Для меня духовный мир ин-

дейцев, каким я нарисовал его себе, был чист в своей первобытной простоте. Грязь и кровь краснокожих дикарей (в моих глазах) легко смывались той самой очищающей первобытностью физической борьбы за жизнь. Жестокость внешняя без жестокости внутренней — это моя выдумка, и я никогда не забывал о том, что я выдумал для себя «духовный» портрет индейца. В индеанистах не было и не могло быь той духовной чистоты. Они были порождением цивилизации и государства. Они в самом начале своего «индейского пути» создали образ Идеального Индейца, который манил их, но который не был досягаем. Любой идеал недосягаем. Индеанисты очень скоро сошли с пути Идеального Индейца, отказались от своей мечты и превратились в людей, просто накапливающих предметы индейской культуры, они сделались реконструкторами.

Надо признать, что реконструкторы часто отличаются от самых серьёзных кабинетных этнографов в лучшую сторону. Реконструкторы не просто знают, они ещё и умеют. Настоящие реконструкторы — это живые хранители истории. И за это я глубоко уважаю их.

Но индеанисты, к моему сожалению, — вовсе не вернувшиеся на Землю индейцы, *как мне хотелось верить, когда я только повстречал их*. Если бы это была реинкарнация, то исчезновение индейских племён — через оспу и холеру, через расстрелы, через голод, через насильственное изменение образа жизни — должно было привести этих «возродившихся индейцев» к духовному очищению через страдания. Я всегда воспринимал идею реинкарнации как освобождение от «грехов» прежних воплощений. Для меня реинкарнация была Тропой, на которой человек становится лучше. Но индеанисты не справились с раздорами, основная масса их не освободилась от зависти, высокомерия, злобы и нетерпимости внутри своей общности. Многие по сей день враждуют. Они оказались не индейцами, проделавшими мистический путь реинкарнации, а обычными людьми. В школьные годы их наполняли чистейшие помыслы. Эти мальчишки и девчонки были уникальны. Они могли превратиться в нечто великое. Но они банально повзрослели, стали хорошими знатоками истории и этнографии. И всё…

И всё? Разве этого мало, спрашиваю я себя? Разве кто-то обещал мне что-то другое? Мы все искали дорогу «к индейцам», и мы вышли на эту дорогу, правда, каждый на свою. Некоторым посчастливилось выйти на общую дорогу. Но время показало, что даже по одной дороге можно идти в разные стороны…

Как бы то ни было, я провёл с ними много лет… Десятилетия… И если с кем-то я не был близок и чьи-то взгляды меня не устраивали, нас всё равно объединяло то, что называлось словом «индеанизм». Теперь же всё в прошлом…

Болезнь, которая не излечивается

Игорь Шишков
(Одинокий Пёс)

Начало

Началось всё в третьем классе. Однажды мой друг притащил в школу книгу «Земля Солёных Скал» и тихо сунул её мне, как будто это было что-то секретное или запрещённое.

— Почитай, — загадочно сказал он.

Это было началом. Великий Дух был милостив к нам, поэтому вскоре мы открыли для себя Шульца и, казалось, узнали об индейцах всё. Читали мы и Купера с Ридом, но это, на мой взгляд, любовные истории на фоне фронтира, и учебниками считаться не могли.

Было создано «племя» (без названия) из трёх человек. Помню, все мы были вождями.

Из школьной библиотеки была украдена книга «Ошибка Одинокого Бизона», и так как каждый хотел иметь её у себя дома, мы поделили её на три части. Мне достался «Сын племени Навахов». Я сделал ему обложку, и он занял почётное место на книжной полке.

Потом появились фильмы. Виннету и многочисленный Митич. На «Виннету» я ходил много раз, прогуливая уроки.

После прочтения биографии Сидящего Быка в каком-то альманахе и «Сыновей Большой Медведицы», моя душа уверенно поселилась на равнинах Южной Дакоты.

К тому времени наше школьное «племя» распалось и в связи с этим образовалось три новых народа, населяющих Кузьминки: Лакота, Навахо и Арапахо. Распад принёс большую пользу — теперь никто не опасался быть свергнутым с должности вождя, и мы полноправно могли созывать межплеменные советы. Кстати, вождь Навахо, мой лучший друг Вовка, представлял себя не иначе, как в великолепном уборе из орлиных перьев и живущем в типи. Вот такие у нас были глубокие познания об индейцах!

Охота

Летние каникулы я проводил у деда на даче. Большую часть этого времени я не вылезал из леса, который тогда ещё был в той местности. В те времена, а было мне лет тринадцать-четырнадцать, редкий поход в лес заканчивался без встречи с лосями. Они неторопливо шатались по всему лесу, как коровы.

Решив сшить себе настоящую рубаху (у меня была, но из ткани), я сделал из ветки дуба мощный лук, который я с трудом натягивал, и несколько стрел. Каждый наконечник представлял собой выпиленный из трёхмиллиметрового железа треугольник. Такая конструкция выдерживала несколько попаданий в дерево, после чего стрела расщеплялась. С таким оружием я отправился к лесному ручью, куда лоси приходили на водопой. По пути из тайника была извлечена рубаха с бахромой от скатерти и орлиное перо из зоопарка. В таком виде я занял позицию у ручья с подветренной стороны от лосиной тропы.

Минут через сорок пришла лосиха и принялась пить воду. Я поднялся из-за кустов и стал натягивать лук. Целился я в бок, где по моему разумению, должно было находиться сердце. Она, конечно, заметила меня, подняла голову, стояла она совершенно спокойно. Не знаю, как она поняла, что я буду стрелять, только в момент выстрела она прыгнула через ручей, а моя стрела ускакала вместе с ней, торча у неё в крупе.

Больше я сам шкур не добывал.

Об индейской храбрости

Годом раньше моей охоты, мы в полном составе трёх племен, осенью выехали в мой дачный лес. До нужного места, облюбованного мной для стоянки, мы не дошли. Стемнело, когда мы были в районе Дубовой поляны (посреди поляны рос огромный дуб, его именем я и назвал поляну). Решили заночевать там. Расположились в кустарнике, и только начали засыпать, как услышали совсем рядом громкий хруст валежника. Мы были уверены, что это лось. Сейчас я понимаю, что этим лосем мог быть и кабан, но тогда я не подозревал об их существовании. Итак, решив, что это лось и что он может в темноте на нас наступить, мы бросились к дубу, не забыв, правда, прихватить свои одеяла. Все остальные пожитки остались в кустах. Я долетел до дерева первым, подтвердив тогдашнее своё имя — Быстрый Бизон. Взобравшись наверх, двое уселись на развилках, а я, прекрасно зная это дерево, улёгся на большой ветке. Боковые сучья не давали упасть, и я довольно хорошо выспался, в отличие от моих краснокожих братьев, которым пришлось сидеть до рассвета.

Позже мы решили, что наши имена, которые мы придумали себе сами, недействительны. Был созван совет. Двое из нас решали, как назвать третьего. На том совете я получил имя Одинокий Пёс, которое и ношу по сей день.

Поиск видения

Примерно в то же время, я решил найти духа-покровителя. Жил я на даче, а в тринадцать лет меня на ночь (а тем более длительный срок), конечно, не отпускали. Устроился я на чердаке. Там у нас на полу валялась медвежья шкура, что меня очень устраивало. Вот на этой шкуре и с деревянной трубкой, вырезанной на уроке труда, я и начал поиск видения. Ни песен, ни молитв я не знал. Как мог, я мысленно просил Вакан Танка о помощи. На вторую ночь мне явилось крылатое существо, которое дало согласие быть моим тайным помощником.

Я очень редко вспоминаю о нём и ещё реже прошу его о помощи. Но кажется, он мне помогает.

Счёт ударов

В те времена мы, дачники, воевали с деревенскими. Бывали битвы, в которых принимало участие до двухсот человек. Одно время эти аборигены практиковали засады по пути от станции к дачам. Однажды я нарвался на такую. Было мне пятнадцать лет. Шёл я один, а их выскочило из кустов трое. Все изрядно пьяные. Остановив меня, они завели разговор, окружив с фронта и с флангов. Тот, что стоял напротив меня, был с разбитой мордой. Видно, ему хорошенько досталось от наших. Вдруг, в его руке я увидел нож, которым он собирался ударить меня в живот.

Игорь Шишков

Нож шёл точно в солнечное сплетение. Я инстинктивно закрылся левой рукой. Происходило всё как в замедленной съёмке. Нож воткнулся мне в локоть. Ударив парня по разбитому лицу и свалив этим с ног, я оттолкнул левого и победно бежал. Меня не преследовали. Может быть, они сами были удивлены, что один из них решил применить холодное оружие.

На дачу я пришёл весь окровавленный. Рука долго не действовала, но я был доволен — в этой стычке я получил ранение и посчитал два ку.

Позже, во время службы в армии, а служить выпало в Германии, я по любому поводу касался немцев и считал удары. Со временем, я сбился со счёта и перестал этим заниматься, но в дружеских беседах не упускал случая хлопнуть «фашиста» по плечу.

В роли лосихи

Однажды, когда мы с дачными друзьями торчали на поляне, где обычно собирались, кто-то принёс спортивный лук и несколько стрел. Одна из них была без наконечника. Конечно, все бросились стрелять. Когда большинству это

надоело, лук взял один не очень умный парень, по кличке Мутный, и начал пугать, что выстрелит в нас. Над ним посмеялись, а он и вправду выстрелил. Стояли мы кучно, я был в середине и не видел стрелка. Вдруг девчонка, находившаяся между мной и Мутным, резко нагнулась, и я увидел летящую стрелу. Уворачиваться было поздно, и я только успел повернуть голову в сторону и сжать зубы. Стрела вонзилась в щёку и, слегка повиснув, осталась торчать. Я выдернул её. Это была стрела без наконечника. Мои зубы остались целы. Крови было не много. Пока не затянулась рана я, куря сигарету и надувая щёку, мог выпускать дым из этой дырки. Только это было довольно больно.

Свободу Леонарду Пелтиеру!

На даче я тоже организовал «племя». Было нас, кажется, пятеро. Но это были люди, которым всё равно, чем заниматься. Я их подогревал романтикой, ночными набегами на участки за вишней и яблоками, едой, приготовленной на костре, и они держались возле меня.

Когда осудили Пелтиера, об этом писали все газеты. Я решил устроить демонстрацию протеста. Написал плакат на тыльной стороне обоев, нарисовал несколько индейских портретов. Меня только смущала наша малочисленность. Поразмыслив, я решил привлечь хиппи, благо все были длинноволосыми и в бахроме. Набралось нас человек тридцать. Собрались мы у магазина, который находился рядом с моей дачей, и пошли по центральной улице наших участков. По дороге к нам присоединился знакомый парень с гитарой и начал орать песню «Кто сказал, что в Измайлове шпана? Её здесь нет, здесь зелень одна...». Хиппи сзади запели «Битлз». Какой-то мужик начал нас снимать на кинокамеру (все мы были разряжены, кто как мог). Я ткнул ему в объектив два растопыренных пальца — виктория! Дойдя до пруда, половина участников демонстрации полезла купаться, остальные подались за портвейном.

Марш протеста закончился.

Потом, уже в Москве, была милиция, мне показали плёнку с моей «викторией». Назвали это антисоветской демонстрацией. Пришлось прочитать им лекцию об угнетённых индейцах и диком американском капитализме. Через пару недель меня оставили в покое.

Однажды, я нашёл свой тайник в лесу разорённым. Валялась только мокрая, затоптанная рубаха, да сломанное перо висело на ветке. Тёмно-красное с двумя жёлтыми полосами одеяло, томагавк (как у Виннету, только с прямой рукоятью), нож и ожерелье из клыков собаки пропали. Ничего не осталось с тех времён.

Вот, думаю, и все штрихи моего индейского детства. После службы в армии племя наше перестало существовать. Все пошли своей дорогой. И не думаю, что Красной.

Увлечения и жизнь

Юрий Мартыненко (Дым)

Началось моё индейское детство не с книг, по большому счёту, а со старших парней из нашего двора, которые таскали нас, мелких, за город и учили стрелять из луков, также мы принимали участие в разных играх, выполняя по ходу ту или иную роль. У старших были уже известные воины — Макемота и Дакота, которым мы старались во всём подражать. Это было в начале 1960-х годов. Надо сказать, что парни эти были вполне себе здоровые и в физическом плане очень даже неслабо развиты. Имели они много интересных книг, которые иногда выносили для просмотра. Книги были старые, дореволюционных изданий. Так что можно сказать, что с луком я дружу с детства, это точно, и на сегодняшний день имею их четыре штуки заводских, все разные, но традиционного типа. Кроме того, многие парни работали на заводах и делали там ножи, которые также, вместе с нами детьми, метали в цель. Томагавков было поменьше в те времена, единственная заводская конструкция, которая впоследствии изготавливалась и мной лично, это трубка с разрезом, в который вставлялось лезвие и обваривалось с боков сваркой, либо крепилось заклёпками. Томагавки эти были неплохие, хорошо работали и не ломались, но лично я сплющивал чуток рукоятку в месте хвата, чтобы не крутилась. Было у нас за городом, в районе Днепра и пляжа, место по названию «пески», представлявшее собой большие горы песка, оставшиеся после работ земснаряда, когда рыли котлован для лодочной станции. В их высокие песчаные стены, можно было спокойно стрелять и метать, а также можно было разогнаться и прыгнуть вниз, в качестве дополнительных нагрузок и преодоления чувства страха, ибо было довольно высоко, а сверху был перед глазами лишь край обрыва и прыгать, по сути, приходилось в неизвестность. С этих песчаных гор я прыгал долго, до самой армии. А по вечерам, во дворе на «столике», парни учили меня играть на гитаре, хоть родители и были против. Играть научился, но сейчас уже не практикую, гитары больно дорогие стали, да и времени нет.

Первая прочитанная мной книга была не про индейцев, а про первобытных, видимо, что-то из Рони-старшего. За этой книгой последовали другие. Я ходил сначала во взрослую библиотеку вместе с матерью, а позже записался в детскую. А ещё позже был записан практически во все библиотеки нашего города, двух соседних городов и в пару библиотек в Киеве, где бывал постоянно у родственников и даже жил там. Мой киевский дядя, брат матери, жил и работал тогда за границей, в Сирии и Египте. Помню, что был он энергетиком и строил ещё Асуанскую ГЭС, а жил в Алеппо, куда мы и отправляли письма. Он со своей женой Вандой, которая была полькой, объездил весь мир в путешествиях, и, бывало, баловал меня всякими мелочами, в качестве подарков. Книги я ему не заказывал, но игрушечный ков-

бойский револьвер он мне однажды привёз. Как сейчас помню, какая это была для меня, ну просто неземная радость. На нём виднелась надпись «Colt mustang», был он металлический и в никеле, полноразмерный и увесистый, а стрелял он пистонами. Кольт этот был очень знаменит в нашем дворе, и даже думаю, что не только. Мы с ним ходили в походы, устраивали фотосессии и всё такое. Потом сломался УСМ и уже не стреляющий, висел он на стене некоторое время, пока у меня его не выпросил мой друг Женя, который был «болен» оружием намного больше, чем индейцами, хотя любил и стрелять и метать, так же как и я, поэтому мы с ним часто выходили в поля, на тренировки и курсы по выживанию. Револьвер я тогда обменял у него на книгу «Харка — сын вождя». Женя его разобрал, чуток состарил и две половины закрепил на основании и повесил на стену, добавив там ещё всякого, для композиции. Мне, конечно, было жаль, но ствол уже своё «отработал», в моём понимании, а книга была намного нужней. Отец Жени, Евгений Александрович, тоже любил индейцев и хорошо рисовал. Как-то нарисовал он большой цветной портрет Гойко Митича, и он висел на стене у Жени дома ещё много лет после его смерти. Также висели цветные рисунки, который дядя Женя сделал с фронтовых фотографий, а был он во время Великой Отечественной Войны разведчиком, прошёл всю войну. Мы были с ним напарниками по походам за грибами и не только, он много чему научил меня, и я никогда его не забуду. Я писал про него на Прозе, правда, не очень много. Как раз в Киеве, купила мне мать книгу, ставшую первой в моей личной библиотеке. Это была книга Лизелотты Вельскопф-Генрих «Сыны Большой Медведицы», на украинском языке. Родился я в 1961-м, а книгу купили в 1972-м, помню, стояла она в книжном киоске, в районе «Главпочтамта», а мать долго упиралась, видимо, из-за цены (1 руб. 44 коп).

Как раз в те годы, шёл фильм «Сыновья Большой Медведицы», сделанный именно по этой книге. Гойко Митич подтолкнул меня к спортзалам, я начал работать над собой и всегда имел неплохое сложение, хотя в ВДВ так и не попал, не хватило 1 см роста, как ни тянулся. Это сейчас берут всех подряд.

Чуть позже, мои родственники подарили мне книгу «Индейцы без томагавков» Стингла, которую до того я видел в телевизоре, в руках Сенкевича, и фотографировал с экрана. Можно сказать, что в 1970-х я заимел уже много разных книг, включая и «Мой народ Сиу» и книги Шульца, и прочие. Выискивал атласы и карты Америки, приобретал их, как только они попадались. Читал книги, сверяясь по картам, чем и сейчас занимаюсь. Непонятное записывал, а потом рыл информацию в библиотеках, в разных справочниках и энциклопедии. К примеру, когда читал украинский вариант «Сыны Большой Медведицы», то не знал ещё значение слова «резервация», ну и так далее. К некоторым книгам претензий не было, но Джек Лондон все тесты завалил, поэтому ушёл в утиль навечно. Сат-Ок тоже завалил, однако, учитывая его благие намерения, а также истинно индейское сердце, на полке остался. С экрана телевизора я постоянно фотал разные фильмы про индейцев, разобравшись в плёнках и прочих нюансах. В кинозалах тоже фотал, тот же фильм «Золото Маккены», был у меня в итоге, отснят почти

Юрий Мартыненко, 1989

весь. Да, где кадр неподвижнее, там получалось лучше, а плёнки были с наибольшей чувствительностью. Использовал также «позитивную мз-зл», для пересъёмки книг и прочего, с помощью установки УРУ-1, покупал я её и тащил домой, из Киева. Были и специальные «удлинительные кольца», получалось всё просто отлично, приятно вспомнить. Переснято этой установкой было очень много всего полезного, вещь просто золотая, особенно — в хозяйстве у индейца, ха.

Во время учёбы в школе у меня были друзья по интересам в нашем городе,

а также в Киеве и Вышгороде, и я к ним ездил время от времени в гости, а они — ко мне, и продолжалось это до армии, то есть до 1981 года. В основном, всё у нас крутилось вокруг книг — покупка/продажа и обмен, конечно, на всякие другие вещи. Старшие ребята привозили кое-что из «загранки», это были знакомые моряки. В Германии жил ещё один товарищ, который тоже неслабо помогал, но к сегодняшнему дню у меня от него остались только открытки с видами экспонатов музея Карла Мая. В Киеве были магазины иностранной литературы, где можно было не всегда купить, но, по крайней мере, хоть просто подержать в руках и полистать, разные книжки с индейцами. В основном это были Карл Май и подобные, на разных языках. Я покупал на польском, немецком, венгерском и чешском. Польский и чешский можно было понять хоть как-то, а с венгерского очень трудно было переводить, даже со словарями, которых всяких-разных до окончания 10-ти классов у меня скопилось приличное количество. Также наезжал временами в Ленинград к сестре, и поездки те тоже сопровождались рейдами по «букинистам». Из старых книг были у меня Дж. Шульц, Капитан Мэрриэт, Густав Эмар и другие, включая и иностранные букинистические. На сегодняшний день, из тех книг осталась только одна — «Схороните моё сердце у Вундед-Ни», на английском языке, малого формата, она мне особо дорога, как память, покупал я её тоже, в одном из киевских букинистов. Вообще, охота за книгами в те времена — это было особое занятие. Что-то удавалось купить в магазинах, но крайне редко. Так что приходилось реквизировать из библиотек, отдавая взамен другие, либо расплачиваясь деньгами. Не скажу, что библиотекарям это сильно нравилось, потому что эти книги пользовались большим спросом. С вырезками из газет и журналов было проще — пошёл в «читальный зал» и вырезал спокойно всё, что надо. Вырезок всяких, статей, накопилось огромное количество. В иностранных книжных постоянно лежали стопки всяких журналов на разных языках, по теме кино. Как раз в те времена тема Гойко Митича, да и фильмов-вестернов вообще, была особо популярна, так что редко я выходил с пустыми руками. Это были просто замечательные времена, без вариантов. Уже будучи на Севере, я все старые книги с библиотечными штампами, поменял на такие же, отыскав их в букинистических интернет-магазинах. Я имел практически все книги про индейцев на русском и украинском, которые издавались в Советском Союзе.

Понятно, что индейская жизнь требовала и наличия определённой атрибутики. Первый свой головной убор из перьев индюка, сделал я где-то в 5-м классе. Это были хвостовые перья, а делал по руководству из книги Сетона-Томпсона. Надо отметить, что с детства я постоянно с фотоаппаратом, поэтому все свои работы запечатлевал, но не все снимки сохранились, не говоря уже про плёнки. Химикаты приходилось делать из порошков, которые приносила мать с работы, в магазинах не покупали, поэтому качество и негативов и отпечатков, поначалу редко получалось хорошим. В общем, этот головной убор попутешествовал со мной и моим другом, когда мы ходили по плавням и лесам. Потом был второй убор, тоже из индюшиных перьев, а са-

му мёртвую птицу эту мы нашли с товарищем, когда гуляли за городом. Друга я отправил дальше, а сам не успокоился до тех пор, пока не ободрал с тушки всё, что можно было — и пух, и перья. Второй убор вышел получше первого, было это в 8-м классе. С этим убором тоже ходили на природу, было нас тогда трое.

Если говорить конкретно по детству, то много рисовал индейцев, выжигал на фанере, делал и на заказ, даже большие картины. Также, занимался и занимаюсь резьбой, лепил из глины, шил, и так далее. К 10-му классу, у меня уже был большой хороший фотоувеличитель, в который я вставлял негатив с картинкой, делал проекцию на пол, развернув его на столе и в качестве противовеса установив на станину гирю. Таким способом срисовывал то, что надо, либо на фанеру, либо на бумагу. В основном это были портреты известных вождей. Хотя если на заказ, то срисовывал и обложки разных конвертов от зарубежных пластинок. Одну только обложку от «Назарет» делал столько раз, что уже позже, будучи на службе, воспроизводил по памяти нашим офицерам и прапорщикам, выжигал на фанере или рисовал на бумаге.

Будучи пацанами и насмотревшись фильмов, ну и начитавшись книг тоже, старались мы подражать индейцам в разных делах, типа как испытание на боль, и прочее. В этом плане, модно было резать руку лезвием и не кривить лицо при этом. Многие ходили с такими порезами, мы с другом Славиком тоже практиковали это «испытание мужества». У Славика была кличка Дакота, а в соседнем «стрелецком» дворе было ещё два Дакота — старший, который был в пару раз старше нас и все его очень уважали, и младший — его брат. У старшего Дакота рот был разрезан с двух сторон, после того как его в драке полоснули ножом. Ребята рассказывали, как однажды пили они воду у уличного автомата с газировкой, и кто-то говорит Дакоте, мол, хорош брызгаться, а он отвечает, что это из дырки в щеке льёт струя газировки, ну и смех весёлый сразу, это понятно… В общем, будучи уже лет по шестнадцать-семнадцать, мы с другом-Дакотой даже побратались, как в тех фильмах, опять порезав себе руки при этом. Но «вершиной» испытания на боль, были не порезы, а огонь. Для этого насыпалась горка серы на руку и поджигалась. Другой мой друг-индеец Вова, делал это дважды при мне. Но я сам не мог так сделать, ибо боялся отца, который драл меня вполне себе нормально, а такие шрамы скрыть было невозможно. Думаю, это могли себе позволить ребята из неполных семей, потому что над ними не было строгого надзора.

В 1979-м я уже работал на заводе и вовсю делал «индейские» ножи, благо, для этого были все условия. С рукоятками в форме орлиных голов и так далее. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я решил побрататься с Матерью-Землёй и сделал на предплечье, выйдя на природу, два разреза, полив землю кровью. Два — потому что это ровно вдвое круче, чем один. Я собирался уезжать из дома, и понимал, что уже не вернусь. Те два шрама оказались очень глубокими и никак не заживали, так как я работал всё время. Дошло до больницы и до милиции, однако я выкрутился. Эти метки остались на всю жизнь, но я не сильно жалею, что

смог пройти через это. Не Танец Солнца, конечно, но… тем не менее.

Бывая в лесах, в походах, мы старались не портить природу, а костёр всегда был в ямке, которую потом закапывали. На каждом из наших мест имелся тайник с консервами и прочими вещами, так что, в другой раз выходили в поход просто налегке, часто бегом, взяв с собой только луки и стрелы. Луки наши были стальными, а делали мы их из дуг, которые таскали с завода. Ручки на луках были деревянными. Тетиву каждый ставил по своему усмотрению. Лично я покупал крепкий кручёный шнур, такой, чтобы вошёл в него хвостовик стрелы, потом его вымачивал и подвешивал с грузом, чтобы полностью его вытянуть. Стрелы делались из алюминиевых трубок, к которым сложно было приделать оперение, но зато наконечником был простой гвоздь, который просто вбивался в трубку, а затем обтачивался на точиле. Луки эти были очень мощными, к тому же — совершенно «неубиваемыми», а стрелы — вполне боевыми. Делали мишени, ставили их на поле и начинали метания и стрельбы. Стрелы, также, запускались и вверх, с таким расчётом, чтобы, падая, поражали мишень внизу. Это было опасно, так как луки били с такой силой, что уходящую в небеса стрелу просто не было видно, а там её запросто могло подвинуть в сторону ветром… Ну да, однажды и подвинуло, да так, что чуть мне по голове не задвинуло. Тренировались мы тогда в городской черте, в приморском парке, а первой под стремительно падавшую сверху стрелу, чуть было не угодила древняя бабуля, но ей, видать, была ещё не судьба. Вторым оказался я: оперением мне оцарапало ухо, и нога моя правая пригвоздилась к матери-земле так, что было не отодрать… Выводы сделали, стали чуток повнимательней после этого. Кроме прочего, изучали следы животных, вели дневники, собирали литературу по теме. Обязательно этюдник, рисовал постоянно. Индейское детство закончилось в 1979-м году, с окончанием средней школы. Потом — училище и работа в цехах, на заводе, дальше — армия и Север, где живу и поныне. В соседнем городе есть два товарища по интересам — Николай и Виктор, и мы время от времени наносим визиты друг другу. Николай Денисов — человек очень разносторонний, обладатель огромной этноколлекции и библиотеки. Виктор Токмачев — талантливый художник и резчик, он делает уникальные традиционные индейские флейты и, в отличие от меня, посещает ежегодные Пау. В Питере я бывал часто, поэтому познакомился с Олегом Ясененко, были мы у них в гостях и с моей женой. Также заходили и к Алексею Кучменеву (Рысяну) в гости, больше никого не знаю лично, только по переписке. Если про интернет, то в последние годы я на связи периодически с Андреем Катковым, самым известным нашим переводчиком вообще, а по теме Юго-Запада США — в частности. Много лет общался с Виктором Агафоновым (Царствие ему…), который был уникальным художником, а также переводчиком, с разных языков. Чешский и польский он выучил ещё в детстве, а английский освоил буквально в последние годы жизни. Поддерживаю связь с Андреем Катковым, Игнатом Костяном, Олегом Ясененко.

Библиотеку я собрал огромную, но сейчас книг намного меньше, остался сам «костяк», плюс новые, которые время от времени появляются. Первые вырезки из газет и журналов, начал собирать примерно в 1973-м году, после событий в Вундед-Ни. До окончания школы, имел уже два толстенных альбома, но, к сожалению, оба они сильно пострадали в гараже отца, из-за протекающей крыши. Всё, что смог с них забрать, сейчас со мной, как память. Также, пропали все альбомы с фотографиями, сделанными на Украине.

Это всё, что могу сказать, разве что только добавить, что индейцы для меня — это как образ жизни. И в лесу, и в городе, и в квартире — везде это проявляется по-разному…

Моё индейство, или Друг краснокожих

Евгений Булатов

Могу ли считать себя индеанистом? Моё «индейство» длилось недолго и закончилось вместе с отрочеством. Наверное, это было увлечением, которое не вылилось во что-то большее. Оно осталось ярким событием в моей жизни. И я навсегда остался другом « краснокожих». Всё моё индейство напрямую связано с фильмами, шедшими на наших экранах, а всё остальное было приложением. Я родился, учился, формировался в период, как тогда считалось, развитого социализма в стране называвшейся СССР.

Термин ВЕСТЕРН считался идеологически вредным, фильмы, которые нам разрешалось смотреть, мы называли просто «про индейцев». Список этих фильмов не велик, чуть больше двух десятков. Это была продукция восточной и западной Европы. Правда, однажды проскочил один американский фильм — «Золото Маккены», но об этом позже. Недавно я решил пересмотреть весь репертуар индейской серии того периода и оценить по пятибальной системе. Увы, меня ждало разочарование. Ни один из этих фильмов выше, чем на 3 балла не тянул. Объект наших детских восторгов — это средняя коммерческая продукция, обыкновенная развлекаловка, возникшая на волне популярности к индейской теме в Европе 1960-1970-х годов. Но в те времена мы за всей этой бутафорской экзотикой разглядывали конкретную тему: борьба угнетённого *благородного народа* за свою независимость. Многие недостатки этой продукции уже тогда бросались в глаза, хотя я их пытался игнорировать. Например, в фильмах про Виннету меня раздражали вставные комедийные сцены с нелепыми персонажами. Я считал, что они мешают восприятию романтической истории о вожде Апачей. В некоторых фильмах студии «Дефа» огорчало, что мало показан быт индейцев и что всё действие сконцентрировано на коварной политике «бледнолицых» (фильм «Оцеола», «Смертельная ошибка»).

Тем не менее, Гойко Митич и Пьер Брис входили в десятку моих любимых актёров, наряду с Аленом Делоном, Лино Вентура, Владимиром Высоцким, Андреем Мироновым.

Но вернёмся к нашей теме. Как всё происходило. Такой хронометраж событий.

Тёплый, снежный зимний вечер, стоим с мамой на остановке. Только что посмотрели фильм «Верная Рука — друг индейцев». Я, второклассник, под большим впечатлением. Виннету, кровный брат главного героя, вождь Команчей Макемоте, друг индейцев ироничный Джон Гарден, стреляющий без промаха. Динамичное действие на фоне великолепной природы, яркие персонажи, загадочный народ индейцы. Чуть позже посмотрел «Виннету — вождь Апачей», копия была чёрно-белая. Удивился, что друга Виннету играл другой актёр. Живу

в г. Кирово-Чепецк, это Кировская область, Волго-Вятский район. В течение следующего времени довелось жить на берегу Чёрного моря в курортном посёлке Дивноморское. Днём — купание в море, ныряние с пристаней и волнорезов, лазанье по горам, вечером традиционно — поход в кино. Несколько летних кинотеатров. Просмотр кино с деревьев и заборов, не очень комфортно, зато бесплатно. Предпочтение, конечно же, приключенческому жанру, особенно фильмам, которое «про индейцев», смотрю по много раз, знаю наизусть многие эпизоды. Почему-то копии всех фильмов чёрно-белые. Обалдеваю от Гойко Митича. «Чингачгук — Большой Змей», «След Сокола», «Белые волки», «Смертельная ошибка». Произвёл впечатление франко-румынский «Приключения на берегах Онтарио», где в титрах указано «по мотивам произведений Д.Ф.Купера». Так очаровал Нат Бумпо в исполнении Хельмута Ланге, что решил ознакомиться с этим самым Купером. Осилил только знаменитую пенталогию: «Зверобой», «Последний из Могикан», «Следопыт», «Пионеры», «Прерия». Тяжёлый язык у Купера. Немного разочаровал книжный Чингачгук, дикарь в набедренной повязке с пучком волос на голове. Киношный, в исполнении Гойко Митича и Пьера Массими, более цивилизованный. А добило то, что Чингачгук у Купера превратился в спившегося Джона Могиканина.

Вскоре я вернулся в родной Кирово-Чепецк. Мой младший брат Валера, с которым не виделся год, оказывается, уже был в индейской теме. Налёг на книги. Читал стихийно, что попадало под руку и что было доступно. С книгами хорошими в те 1970-е были напряги. Не очень прокатил Майн Рид, за исключением «Всадника без головы». «Оцеола, вождь семинолов» в сравнении с фильмом студии «Дефа», показался плаксивой мелодрамой. Зато удачно прошёл Густав Эмар с его «Твёрдой Рукой». Летом 1972 года в журнале «Костёр» появилась повесть некоего Сат-Ока «Таинственные следы». Индеец с польскими корнями Станислав Суплатович меня заворожил. Прочитал книгу Н. Внукова «Слушайте песню перьев». Это позже я узнал, что индейство Сат-Ока — это мистификация, но этот факт никак не повлиял на моё первоначальное восприятие. Проглотил всё доступное: «Белый мустанг», «Земля солёных скал», «Тайна старого Сагаморы». Потом был Джеймс Щульц, «Моя жизнь среди индейцев», «Ошибка Одинокого Бизона». Ещё один псевдоиндеец мне понравился — Серая Сова. «Рассказы опустевшей хижины», «Саджо и её бобры». Книга Лизелоты Велькопф-Генирих «Харка — сын вождя». Харка — будущий Токей-Ито, его отец Маттотаупа, бледнолицый негодяй Красный Лис, это были прототипы моих будущих сценариев. В том же журнале «Костёр» публиковались главы из романа «Сыновья Большой Медведицы» под названием «Путь через Миссури». Сам роман я не смог найти, возможно, в то время он ещё не был переведён на русский язык. Фильм, с которого началась карьера Гойко Митича на студии «Дефа», я увидел значительно позже.

Чем привлекали индейцы? Благодаря фильмам и книгам сложился такой собирательный образ краснокожего: сильный, ловкий, благородный, немногословный, мудрый, борющийся за свою независимость. Идеальный человек. На него хотелось походить. То есть

Евгений Булатов и его киногруппа

в первую очередь привлекала чисто внешняя атрибутика. Красивый Виннету с мускулами Гойко Митича.

Меня, как и многих моих сверстников, это увлечение подтолкнуло к занятиям спортом. Я хорошо плавал, переплыть реку было плёвым делом. Неплохо бегал на длинные дистанции, занимался борьбой. Научился метать ножи и томагавк, который успешно заменял туристический топорик, купленный в магазине спортивных товаров. В одном из номеров популярного журнала «Вокруг света» последняя страница была посвящена искусству метания этого индейского боевого оружия. Фотографии с небольшими комментариями. Настоящая подробная инструкция, освоить которую было не сложно. До сих пор помню, что хороший бросок зависит от правильного захвата, в зависимости от расстояния.

Конечно же, мои попытки проникнуть в индейскую тему носили стихийный характер, абсолютно не целенаправленный. Нравилось и всё тут. Не было никаких попыток осмыслить тягу к этой теме. Продвигался вслепую, на ощупь. Посещал читальный зал, в энциклопедиях, журналах пытался отыскать хоть какую-то информацию об индейцах. Естественно, познания были чисто поверхностными. Восстание в Вундед-Ни воспринял как личное событие. Вырезал заметки из газет, сделал целый альбом, посвящённый этому событию. В школе на уроке русского языка, когда предлагалось написать сочинение на вольную тему, написал

о Вундед-Ни.

Появился первый фотоаппарат «Смена 8-м». Таскал его с собой по кинотеатрам, щёлкал «индейские» фильмы, раздражая зрителей, сидящих рядом. Пропуская мимо ушей замечания, закусив губу, продолжал фотографировать, а потом в альбоме для рисования клеил комиксы по этим фильмам с комментариями. Также к моим фотоувлечениям добавилась пересъёмка фотографий, картинок на индейскую тему. Например, мы с братом сделали целый стенд из фото Гойко Митича в различных ролях своей индейской серии.

Пластинка-миньон, на одной стороне песня перуанских индейцев «Эль кондор паса», на другой «Песня индейца», всё на английском языке. Правда, чуть позже появилась русская адаптация, до сих пор помню слова этой песни, которые для меня стали символом индейской темы. «Зачем опять мне прерии снятся, разве мало резерваций? И на всех одна судьба, и бьёт кнутом по спине нужда. Вы не смогли у нас отнять святое право умирать! Черки, брат мой, Черки, знай! Есть где-то рай, о нём мечтай! Из резерваций, брат мой, знай, одна дорога прямо в рай».

Как-то попался польский журнал «Птомушек», где публиковались комиксы по мотивам романа Карла Мая о Виннету. Так как произведения этого автора на русский язык не переводились, я решил восполнить этот пробел. Ходил в читальный зал, брал толстый польско-русский словарь и делал дословный перевод текста под картинками. Получалось неуклюже, типа: «Он меня высказать мнений, твоя лук не иметь смысла, когда нет тот человек, который им пользоваться...» и т. д. Естественно, я такой текст пытался «облагородить».

Конечно же, на летних каникулах играли в индейцев. Это были игры в стиле пионерской «Зарница». Жили мы на окраине города, где рукой подать до маленьких лесочков и реки. Зимой, через замёрзшую реку Чепца, ходили на лыжах в небольшой лес. Там находилось наше укромное место в виде самодельной хижины... Задача была для вновь посвященного проста — правильно собрать дрова и хворост и одной спичкой зажечь костёр.

В то время у нас во дворе образовалась небольшая компания «индейцев», где даже был свой вождь. Испытывая себя на храбрость, ходили к железнодорожному полотну. Задачей было запрыгнуть на подножку вагона проходящего состава с торфом, а потом спрыгнуть. Запрыгивали на повороте, когда состав замедлял движение. Опасные игры. Брата я с собой не брал. Одного нашего любителя экстрима затянуло под колёса вагона, и он потерял ногу.

Летом по нашей реке сплавляли лес, это толстые стволы деревьев, превращённые в брёвна. Иногда они шли плотным потоком, заполняя всю реку. Подвигом считался пробег по этим бревнам, хотя бы метров десять. Я со своим другом, который, кстати, плохо плавал, но очень хотел попасть в наше племя, пробегал до середины реки и потом возвращался обратно. Нельзя было останавливаться, остановка — это уход в воду, а выбраться потом очень проблематично.

Однажды наш вождь, который был старше нас года на три, а я был его правой рукой, пригласил домой и, достав мелкоисписанные листы, прочитал свой рассказ про стычку двух индейских пле-

мён. Сие произведение не являлось шедевром, но послужило стимулом самому что-то написать.

В детстве мечтал связать свою жизнь с кино. Стать режиссёром, или хотя бы сценаристом. Первые сценарии писал ещё в начальных классах. Это были, в основном, сериалы под впечатлением шедших тогда по ТВ «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше, чем жизнь», «На каждом километре». Как правило, на 2-й или 3-й серии написания пыл писательства пропадал, и рукописи навсегда отправлялись в отдельную папку с подписью «Незаконченное».

Безусловно, после соприкосновения с «индейской» темой должен был произойти творческий эмоциональный выплеск. Мой брат, например, рисовал комиксы, которые придумывал сам. Пробовал и я себя в этом жанре, но получалось примитивно. У брата были способности к художеству, и каждая картинка комикса являла собой законченное произведение. Если индейский вождь сидит вечером у костра, то прорисовано каждое перо в его головном уборе, виден костёр, луна в ночном небе. Конечно, все наши творческие потуги происходили под влиянием фильмов и литературных произведений.

Первый мой индейский сценарий назывался «Последние из Шайенов». Я его написал за пять дней во время осенних каникул. Помню, что шёл мокрый снег. Наигравшись в снежки до обеда, расходились по домам сушиться. Я сел за свой импровизированный письменный стол, который заменяла старая тумба из кухни, и чернильной ручкой начал писать. К тому времени я покупал в книжном магазине небольшие буклеты, сценарии популярных фильмов, их выпускало бюро пропаганды киноискусства. Они стоили 20—30 копеек. Так что представление о том, что такое киносценарий я имел.

Итак, мой первый серьёзный сценарий. В основе сюжета реальный факт. Во второй половине 19 века отрядом кавалерии США была уничтожена деревня Шайенов. Я предположил, что в живых могли остаться несколько воинов, которые во время нападения охотились в лесу. И вот они, узнав о трагедии, пробираются к своим (?) на лыжах через скалистые горы. И везде их поджидает опасность в облике коварных бледнолицых или природных условий.

Потом были ещё сценарии. Два из них я в дальнейшем объединил в один и назвал «Объявленный вне закона». Этот сценарий я, окончив школу, посылал во ВГИК на конкурс для допуска к экзаменам. Конкурс прошёл, но экзамены провалил. Для кого я писал? Моими читателями были всего два человека — мой брат и друг. Наверное, для себя.

Запомнился сценарий мини-сериала об индейце, сбежавшим из резервации. Его ловит весь округ. Правда, энтузиазм опять пропал на 3-й серии. Брат по этому незаконченному сценарию сделал впоследствии отличный комикс. Затем я как-то махом написал киноповесть «Быть нужным» об индейце-отшельнике, который ушёл из своего племени и живёт где то на отшибе, рядом с ним один верный пёс. Но после ряда событий в герое просыпается чувство самосознания, и он начинает борьбу против белых подонков, защищая племя, которое когда-то покинул.

Наша семья переезжает в Забайкалье. Необычная природа: степь, сопки.

Ну чем не прерия? Пишу последний сценарий моей индейской серии. Главный герой — старый траппер, живущий отшельником, он мечется между воинствующими группировками, с одной стороны индейцами, с другой бледнолицыми. В финале он погибает, и его смерть остаётся незамеченной. Нечто похожее я увидел годы спустя в фильме студии «ДЕФА» «Аткинс» с Олегом Борисовым в главной роли.

Но вернёмся чуть-чуть назад. 1974—1975 годы были очень плодотворные. Наш кинопрокат выпустил «Сокровище серебряного озера», «Апачи», «Виннету — сын Инчу-Чуна», состоящий из двух фильмов: «Хищники из Россвеля» и «Трубка мира». Но самое главное, вышел в прокат американский вестерн 1967 года «Золото Маккены». Он был не совсем про индейцев, хотя там и присутствовали Апачи. Помню мускулистого воина по имени Хачита, который состоял в банде разбойника Колорадо. Этот фильм произвёл переворот в моих мозгах. Всё там было почти идеально, и режиссура Дж. Ли Томпсона, и великолепные актёры Грегори Пек, Омар Шариф, Телли Савалас. Масштаб событий, лихо закрученный сюжет. Европа рядом не стояла. С выходом этого фильма термин ВЕСТЕРН перестал быть ругательным.

Увы, на этом контакты с американским вестерном советского периода прекратились, если не считать выпущенный в 1975 году фильм Джона Форда «Моя дорогая Клементина» 1946 года рождения.

Я стал придирчиво относится к вестернам Европы. «Ульзана» с Гойко Митичем показался тягомотиной. Нарушались все каноны жанра. В ущерб сюжету на первый план выпирала политика. «Братья по крови», где участвовал Дин Рид как сценарист, певец и исполнитель главной роли, показался недоделанным. Сюжет явно заимствован из шедевра «Маленький Большой Человек», который, конечно же, я ещё не видел, но много читал о нём. А здесь кино для подростков, каковым я себя уже не считал. Индейцы и белые общаются на одном языке. Финал вообще скомкан. Что-то должно начаться, но тут же кончается... Видимо, я взрослел, менялись мировоззрения, вкусы. Появились другие интересы. Студия «ДЕФА» выпустила ещё три фильма и на этом прекратила «индейскую» серию.

Я закончил школу, отслужил в армии, работал на производстве. Затем, в конце 1980-х, занялся предпринимательством. Индейство, как я считал, осталось в детстве. Перевёрнута страница жизни. Но тема не вычеркнута, интерес остался. Уже в зрелом возрасте прочитал романы Вельскопф-Генрих, которые ранее были недоступны: «Топ и Гарри», «Токей-Ито», «Ночь над прерией». Совсем недавно открыл для себя интересного писателя Андрея Ветра. На мой взгляд, так проникновенно про индейцев ещё никто не писал. Именно таких книг, как «Сны о Неистовой Лошади» и «Тропа» мне не хватало в детстве. Их и не могло быть в то время, мы с Андреем почти ровесники.

Ещё раз к индейской теме пришлось прикоснуться, когда я принимал участие в кинопроектах своего брата в качестве сценариста. Это забайкальские вестерны, сериалы «Угэдэчи», «Тайник красных камней» и фильм «Однажды на Диком Востоке». Действие фильмов происходит в Забайкалье в недалёком будущем по-

сле некоего апокалипсиса. Восточная Сибирь вновь стала дикой и очень напоминает американский запад середины 19 века. И в этой вымышленной стране Гурании нашлось место и для индейцев. Есть версия, что много веков назад коренные жители Сибири переселились на материк задолго до открытия его Колумбом через пролив, который в дальнейшем получил название Берингов. А сейчас они просто вернулись на родину своих предков. В «Угэдэчи» это безымянный Апач, который разговаривает только жестами. В «Тайнике красных камней» это вождь Вапаха. Тим Уланов, специально прилетевший для съёмок, предложил назвать персонажа своим индейским именем. Он и разговаривает на языке своего племени, а за кадром следует перевод.

Тим — настоящий индеанист, о нём нужно писать отдельно. Мы общались в течение нескольких дней, и я вновь окунулся в ту атмосферу моего «индейства». Наши фильмы с братом — это эхо нашего детства, дань уважения к любимым фильмам тех лет. Это не только фильмы про индейцев, но и «Искатели приключений» Робера Энрико, «Белое солнце пустыни» Владимира Мотыля, «Алые маки Иссык-Куля» Болотбека Шамшиева, «Свой среди чужих...» Никиты Михалкова, список будет длинным. Поэтому не случайно то, что в нашем кино среди персонажей есть, кроме индейцев, арабский шейх, представители национальных меньшинств, басмачи, кочевники, военные. Такой коктейль, состоящий из персонажей фильмов детства.

Ну, вот и всё. Хотя нет, вот постскриптум.

Однажды, в конце 1990-х мне позвонил брат: «Хочешь пообщаться с настоящим индейцем? Приходи вечером ко мне». Я пришёл. Полноватый, коротко стриженый, смуглый молодой человек действительно оказался индейцем племени Кри. Звали его Джеймс. Он, его подруга Сарджана из Ирана и переводчица посетили наш городок с целью пропаганды некоего религиозного течения БАХАИ. Девушка-переводчица была ученицей моего брата, Валерий преподавал восточные единоборства и живо интересовался культурой Азии и Востока. Вот почему состоялась эта необычная встреча.

Когда я зашёл в лоджию большой Валериной квартиры, где и должна была состояться встреча, Джеймс сидел на полу в традиционной индейской позе и дико хохотал. Брат показывал фрагменты своего вестерна «Воины Вакан-Танка», а Джеймс тыкал пальцем в экран, его повеселило несоответствие в одежде индейца, одного из главных героев фильма, и сопровождающая действие латиноамериканская музыка. Я не поклонник всех этих штучек, связанных с пропагандой каких либо религиозных течений. Дождавшись окончания вводной лекции о БАХАИ, мы с братом налегли на Джеймса. Конечно же, разговор шёл об индейцах, о настоящих, о «киношных», о том, как он, Джеймс из племени, которое никогда не имело своей письменности, покинул резервацию и принял другую веру...

Об этом нужно писать отдельно.

Было интересно, что-то всколыхнулось в груди. Почему? Я понял, что нить с «индейством» не теряю, оно всегда будет со мной. Я навсегда остался другом «краснокожих».

Выставки — выход к людям

Игорь Гуров (Мато Сапа)

В 1989 году в Русском этнографическом музее проходила выставка чешского бисера, куда было привезено огромное количество экспонатов. И каким-то образом параллельно с их экспозицией была организована выставка, которая называлась: «Искусство американских индейцев руками индеанистов Советского Союза». Все индеанисты, у кого имелись поделки, достойные того, чтобы их показать, приехали для участия в той выставке. Я привёз рубаху и детскую люльку. Это был наш первый «выход в свет». Для меня можно считать отправной точкой, хотя в то время нельзя было предположить, что когда-нибудь у меня будут собственные выставки.

В 1999 году, то есть десять лет спустя, кто-то посоветовал мне обратиться в краеведческий музей в Краснодаре, мол, вдруг их заинтересуют индейские вещи. Я пришёл к ним, рассказал о себе, об индеанистах, после этого заместитель директора приехал ко мне домой, посмотрел, что у меня есть, и сказал: «Давайте делать выставку». Вещей мы набрали на целый зал. Так летом 1999 года состоялась моя первая выставка под названием «Пау-Вау». В то время в обиход стали входить новые словечки, очень модным было слово «вау», и я подумал, что оно прозвучит удачно на афише, которую я нарисовал на большом листе бумаги обыкновенным маркером: два пышных головных убора смотрят друг на друга. И надо сказать, что выставка стала «бомбой», очень резонансное событие получилось. Газеты уделили той выставке много внимания, материалы были на целые развороты. Меня пригласили на краснодарское телевидение, взяли у меня интервью минут на сорок. Выставка сначала проработала в Краснодаре, затем я повёз её в Ейск, потом в Тимошевск. Из Ейска за вещами приехал сам директор музея, а дальше мне помогали с переездами друзья. Когда экспозиция была в Тимошевске, я уехал в Германию, поэтому не мог заниматься выставкой, и её развития не произошло, и осенью 2000 года она закрылась.

Вплоть до 2008 года я выставочной деятельностью не занимался, но потом ко мне опять обратись из краеведческого музея. Они знали, что моя коллекция значительно увеличилась, что я бывал в Америке, жил с индейцами. Я согласился. Целую неделю я приносил им вещи, они изучали их, думали, как лучше представить их. У меня-то музейного опыта не имелось, а там работал знающий человек, художник, специалист в области экспонирования, мой давний товарищ. Собирали выставку без суеты, вдумчиво. Её отличие от той, которая была в 1999 году, заключалось в том, что раньше все расчёты проводились наличными деньгами. Выручка от проданных билетов делилась между музеем и мной. Теперь же я должен был стать юридическим лицом, нужно создать ИП, чтобы выставка заработала. У моей жены было ИП, поэтому договор заключался с ней.

Я возил эту выставку по Краснодарскому краю почти год, и везде она принималась на «ура», поскольку выставлялись необычные вещи. Затем, объехав города Краснодарского края, мы отправились в Майкоп, в национальный музей Адыгеи. Там выставка тоже пользовалась большим успехом, на открытие приезжал министр культуры Адыгеи. Своего автомобиля у нас не было, поэтому мы пользовались машинами музеев.

На следующий год я поехал под Ростов на какое-то казачье мероприятие. Называлось оно «Дикое Поле». Я решил поинтересоваться, не хотят ли они мою выставку, встретился с директором, показал ему диск с материалами предыдущих выставок. И вот тут впервые афишами занимались художники. Выставка называлась «Дикий запад: индейцы и ковбои». Но раскручивали они выставку под слоганом: «Дикий Запад — Дикому Полю». Я объездил в тот раз Ростовскую область и Ставрополье. Переезд выставки с одного места на другое растянулся в общей сложности лет на пять. Мы охватили весь южный регион.

За это время я научился, во-первых, сам налаживать выставку, во-вторых, мониторить музеи страны, отправлять туда пресс-релизы. Я столкнулся с тем, что музеи обычно планируют свою работу на год вперёд. Нужно было искать лакуны в их графике, куда можно вклиниться, не нарушая их планы. Когда с музейщиками начинаешь вести конкретный разговор, выясняется, что нет витрин или нет манекенов или ещё что-то... Отдельный вопрос — транспорт. Мы стали уезжать далеко от Краснодара, поэтому нам требовался свой транспорт. Пришлось обзавестись собственной машиной. Я выбрал такую модель, чтобы можно было загрузить туда все двести экспонатов. Логистику нужно было выстраивать так, чтобы мы перемещались из одного музея в другой. Это задача не из простых.

Затем наступила пауза. Я даже стал думать, что пришло время заканчивать этот вид деятельности. Было ощущение, что всё идёт этапами, четыре-пять лет — и остановка. Мы с женой часто обсуждали это. И вот в очередной период затишья я познакомился на Пау-Вау с Прокопом, и он спросил, не хочу ли я провести выставку в Москве, в музее Российской армии. Он свёл меня с начальником эксплуатационного отдела, я посмотрел, какие там пространства, и принялся заново готовиться к выставке. Получилась огромная экспозиция. Там было представлено почти всё, что у меня есть. Больше двухсот экспонатов...

Самое главное — чтобы сами музейщики были кровно заинтересованы в том, чтобы выставка работала у них... Например, мне позвонили из города Чебоксары, сказали, что они хотят получить мою выставку. Но это более тысячи километров. Я там никогда не был. Близился зимний сезон. Я не хотел ехать так далеко на своей машине и сказал, чтобы они искали способ доставить экспонаты к себе самостоятельно. И вопрос как-то рассосался. Закончилась выставка в Москве, и через какое-то время мне вдруг позвонили из ижевского музея Калашникова. Сами позвонили. Мы, говорят, видели вашу выставку в Москве и очень хотим её к нам. Позвонили осенью с прицелом на следующее лето. Я опять твержу своё: ехать к вам далеко, организуйте транспортировку. Они отвечают, что не могут, но выставку очень хотят. И вот тогда я стал выстраивать

маршрут, пытаясь понять, в какие города можно заехать и показать там мои экспонаты по пути в Ижевск… Я разглядываю карту, и в эту минуту раздаётся звонок из Новочебоксарска. Речь о выставке на зиму. Они пригоняют машину, загружают мои вещи, и мы едем в Новочебоксарск. Выставка там идёт очень хорошо. Я понимаю, что это уже поближе к Ижевску, где меня хотят заполучить на лето. Значит, мне где-то нужно «зависнуть» на весну. Выстраиваю путь дальше. Внезапно выясняется, что моей выставкой заинтересовался музейный комплекс в Елабуге. Там очень интересная женщина-директор. Договорились, и я поехал в Елабугу на весеннее время. А там любопытная ситуация сложилась: в соседнем зале проходила выставка мексиканского атташе по культуре в России (какие-то национальные производства). Получилось своеобразное слияние разных americанких тем — Северная Америка и Мексика. И вот тут в Елабугу прислали машину из Ижевска. В музее Калашникова подошли к организации выставки очень тщательно. Меня порадовало яркое открытие выставки, присутствовали высокопоставленные чиновники Ижевска, мне подарили три огромных альбома по ижевскому оружию, выдали мне грамоту. Раньше ничего такого не случалось. В Ижевске выставка отработала просто фантастически, намного круче всё было, чем в Москве.

Самое интересное, что я понял после многих лет проведения выставки: посетителям музеев не важно, кто именно сделал эти вещи — американские индейцы или российские индеанисты. Им важно увидеть, что представляет собой культура индейцев. А у меня среди экспонатов есть и подлинные артефакты, привезённые из Америки, реставрированные мной, реконструированные, о чём подробно сказано в тексте, который мы заранее отсылаем в музеи. Для посетителей музеев всё — открытие, они ничего не знают об индейцах, они по-настоящему познают мир. Гойко Митич — это максимально «продвинутый» уровень их знаний об индейцах. Поэтому выставка потрясает их. Но не все выставки проходят успешно, удачно, и это зависит в первую очередь от самого музея — насколько они хорошо работают. Например, в Ульяновске впервые за одиннадцать лет хранители музея брали каждую вещь из моей коллекции в руки и описывали её состояние, задавали много вопросов. Это очень важно. Выставка работает хорошо, когда хорошо работают музейщики. С каждым годом увеличивается мой опыт, растёт моя коллекция…

Химкинские индейцы

Александр Азанов (Сэнди)

(стенограмма беседы, январь 2019)

Химки в 1970-е был закрытый город, чужие редко появлялись, даже машин почти не было. Большинство домов — двухэтажные, построенные пленными немцами. Мы все хорошо знали друг друга.

Поначалу мы, посмотрев фильм про трёх мушкетёров, играли в мушкетёров, бились на шпагах. Кому-то попали в глаз. Хорошо, что глаз спасли. Но папаша этого пострадавшего парня впал в бешенство, загнул концы всех наших рапир, чтобы мы больше никого не повредили, и обещал надрать нам задницы, если увидит нас со шпагами или рапирами. Все нас ругали, поэтому мы от всех прятались. Больше всего нам нравилось прятаться за столовой, которую в то время строили для военного завода. И вот туда на грузовиках привезли гипс, насыпали целые горы высотой чуть ли не с пятиэтажный дом. До сих пор не могу понять, зачем эту было нужно. После первого дождя гипс застыл и превратился в скалы. Точно такие белые скалы мы видели в фильмах про Виннету. И мы начали там играть в индейцев.

Как играли? Бегали друг за другом, из лука стрелы пускали. Стрелы делали из каких-то твёрдых стеблей прошлогодней травы. Не знаю, что за трава, но плотная, крепкая, полая внутри. Но стрелы эти такие, что летели чёрт знает куда. Могли крюк в воздухе сделать и попасть в того, кто стрелял. Стрела-бумеранг...

Первые «индейские» битвы начались у нас после фильма «Сыновья Большой Медведицы». Мой отец работал в ДК «Родина» (у каждого завода был свой Дворец Культуры). Отец был художник. Я ходил к нему делать уроки. Пока он рисовал, я тоже рисовал что-то. Вот там, в ДК «Родина» я и познакомился с индейцами... Уроки сделал и — в кинозал. Прятался там где-нибудь за шторой, смотрел всё подряд, даже «Анжелику». И «Великолепную семёрку» посмотрел. После «Семёрки» мы стали мастерить «пугачи» — самодельные пистолеты. Стреляли постоянно. Помню, зайдёшь в подъезд, а в тебя со всех сторон искры летят, что-то шипит, хлопает... «Расстреливали» в упор...

А когда начались «индейские» войны, мы ходили племенем против племени, шла война одной улицы против другой, и на меня устроили охоту. Они решили проследить за мной, чтобы выяснить, где наш лагерь в лесу находится. Поэтому я петлял, нарезал круги по улицам. И вдруг попал в засаду. И они в меня из луков начали стрелять. Одна стрела в меня вонзилась, я её вытащил. А наконечники с зазубринами! Когда я выдёргивал её, я слышал мерзейший звук «трррык» — кожа рвалась и мясо. А что было делать? Не бегать же, как ёжик, весь в стрелах?

И вот в той стычке на улице на меня бросился Сергей Юдин. Я швырнул

в него томагавк, и томагавк ударил его в лицо. Сергей упал, я подбежал и выдернул томагавк. Не по себе было, а Сергей вскочил и говорит: «Саня, всё нормально». Оказалось, лезвие скользнуло по челюсти, по зубам, глубоко не вонзилось, но в десне всё-таки застряло. Он на меня смотрит, из него струйки крови брызжут мне в лицо. Когда я томагавк швырнул, рядом шагали две старушки. Они как только увидели, что я топор метнул и в лицо попал, сразу обе в обморок упали. Рухнули и лежали без чувств…

У нас весь район был поделён на племена. Но племена были только Сиу, Дакоты, Команчи. Никаких Апачей не было, потому что Апач нам казался неинтересен. Апач как выглядит? Повязка на лбу и всё. А мы считали, что надо было что-нибудь сделать: леггины, мокасины, головной убор из перьев. Только тогда ты можешь называться индейцем… Мы все поделились на группы, и лес поделили на участки, каждое племя имело свой участок. Если взять всю улицу, то в каждом доме (по двенадцать домов с каждой стороны улицы) было по три-четыре человека «индейцев». В начале мая мы ставили в лесу четыре типи, и они стояли там до первого снега. Из школы мы бежали не домой, а в наш лес.

Мы прочитали «Мой народ Сиу» и стали называть себя Сиу, а наши «враги» называли себя Дакотами. Все эти Дакоты были спортсменами, занимались профессионально борьбой, очень крепкие парни. Мы-то тренировались самостоятельно: подтягивались, в лесу бегали, прыгали. Мы в лесу приспособили одну берёзу, на которой хороший сук имелся, и мы использовали его, чтобы отрабатывать прыжки, ну, как будто мы соскакивали с лошади, делали переворот и бросались на врага. Это был наш спортивный зал на природе. Но Дакоты занимались серьёзно, и когда мы устраивали поединки, то они легко швыряли нас. Особенно сильный был у них Барс. Имя он взял себе, посмотрев «След Сокола», ему понравился там индеец по имени Быстрый Барс. Драк между нами не случалось, но состязания для проверки своей силы мы устраивали постоянно. Борцы, конечно, в этих единоборствах брали верх.

Мы, конечно, без мозгов были. После «пугачей» некоторые ребята стали мастерить «дуры», трубки с фитилём, в трубку набивали порох, поджигали фитиль и лупили из них. По большому счёту, безобидная пальба, хотя иногда могло хорошенько искрой ожечь, или мог вылететь из ствола какой-нибудь мелкий кусочек мусора. Неприятно, но не опасно, хотя могло повернуться по всякому. Я однажды шёл по улице, и мимо моей головы просвистел шомпол. Это как? Нормально? Многие ребята вообще не соображали, и чем дальше, тем хуже. На моих глазах однажды прибежал кто-то из Дакотов и пальнул из «дуры» в одного из наших парней, в Грязева Олега. В упор выстрелил. А труба его была заряжена гвоздями, если не ошибаюсь. Жуткое дело. У того сразу весь живот кровью залился, всё рыхлое, раскуроченное. Никто так и не узнал, что между ними произошло. Поговаривали, что поссорились из-за девчонки, но никто не знает наверняка. Раненого залатали, а Дакоту устроили выволочку, но до уголовного дела не дошло.

***

Химки, 1975
Юджин, Сэнди, Красное Облако, Сидящий Бык

Мы катались на лыжах, и нам в качестве приза вручили фотоаппарат «Зоркий». С этим фотоаппаратом мы ходили в кино на фильмы про индейцев и делали фотографии с экрана. Иногда в тишине мы слышали, как кто-то ещё в зале щёлкал затвором фотоаппарата, и понимали, что это кто-то «свой». Первое наше типи шили сначала руками, а потом уже на машинке научились строчить. Кроили по схеме, взятой из книги «Маленькие дикари». Но мы не знали, что в типи должен быть полог, много чего не знали, задыхались там в жаре и в дыму, не понимали, почему тяги нет.

Вокруг города располагались военные заводы, и мы лазали туда через заборы, чтобы найти что-нибудь полезное для нашей индейской жизни, например, брезент для типи. Часто приходилось удирать от погони: за нами, пятнадцатилетними мальчишками, мчались двадцатилетние парни. Солдаты часто пытались нас поймать.

Однажды мы решили украсть американский флаг и сжечь его в знак протеста против угнетения индейцев. Американские и советские флаги висели вдоль всего шоссе, потому что кто-то из руководства США приехал с официальным визитом в Москву. Мы вскарабкались на столб и сорвали один флаг. Но вокруг, судя по всему, находились чекисты, и они сообщили куда-то о похищении американского флага. Через несколько минут за нами уже шли солдаты. И сире-

Сидящий Бык и Сэнди, 1971

на где-то завыла. Цепью шагали, перекрыв улицу, с оружием наперевес. Мы такие цепи видели только в фильмах про фашистов. Ясное дело, мы струхнули, мы же дети. Но мы были на велосипедах и удрали.

Сожжение американского флага мы намеревались осуществить перед американским посольством. А там всюду охрана. С нами был парень, который обожал иностранные автомобили, и он просил нас сфотографировать его возле американских машин. Он чуть ли не взбирался на них. Естественно, к нам подошли какие-то люди: «Что вы тут делаете? Пройдёмте с нами». Мы пустились от них прочь, они — за нами. Американский флаг у нас в портфеле был спрятан. Одним словом, ничего не получилось у нас возле посольства, и мы уехали в сторону Шереметьева. Мы подумали, что американцы там будут проезжать, и мы успеем продемонстрировать им наше к ним отношение. Разумеется, мы не дождались ничего. Но вот что странно: пока мы ждали в лесу, на нашей индейской поляне, сидели возле типи в наших индейских нарядах, появились вдруг иностранцы. Они заговорили с нами по-английски, но мы ничего не понимали. Мы поняли только, что они хотели сфотографировать нас. Мы молчали, приняв гордый вид, а иностранцы осмелели и стали фотографировать нас со всех сторон. Откуда они там взялись, мы не поняли, ведь наш лагерь в стороне от шоссе и довольно далеко от Шереметьева.

***

Я иду в школу, и тут меня кто-то из наших догоняет и кричит: «Сегодня „Белые волки“ по телевизору будут». Разумеется, мы про школу забываем тут же, разворачиваемся и шагаем домой… Дальше… Сидим, смотрим фильм. Квартира на первом этаже, лето, окно распахнуто. И вдруг мы видим, как за окном поднимается наша дворовая собака Тауга — кто-то набросил на неё петлю и тянет вверх. Оказывается, шёл отлов уличных собак… Мы забываем про кино, бросаемся в окно. Нас было то ли трое, то ли четверо. Коля каким-то образом выбивает палку, на которой петля, из рук ловчего, я подхватываю собаку. Хорошо, что петля не за горло её затянула, а как-то поперёк тела, под передней лапой перехватила. Собачников было человек пять взрослых мужиков, и мы, охваченные яростью, смогли расшвырять их! Ну, не совсем, может, расшвырять, но кутерьма была знатная. Я в петлю вцепился, а расслабить её не получается, она, видать, сильно затянулась. Но каким-то образом я вместе с верёвкой собаку унёс. Босиком бежал в лес. Вернулся я вечером. Оказалось, что моих друзей-индеанистов загребла милиция. Кто-то вызвал. Выясняли из-за чего сыр-бор. Вечером ко мне припёрся участковый, а я притворился, что уже сплю мёртвым сном, не шевелюсь. Меня трясут за плечо: вставай. Я делаю вид, что с трудом продираю глаза. Посреди комнаты стоит табуретка, на ней сидит милиционер. У него челюсть вытянулась, пока он оглядывал мою комнату: по всем стенам висят перья, бисер, головные уборы, фотографии индейцев, американские флаги. Смотрит на меня и спрашивает: где ты был. Я отвечаю, что в библиотеке. А мы в тот день договорились с отцом, что после школы я поеду к нему в ДК в библиотеку…

А Таугу потом трижды пытались отловить, приезжали бригады по ловле бездомных собак. Но мы берегли Таугу, по очереди забирали её домой, прятали под кровать, пока родители не видели. Я жил на втором этаже, а Ред Клауд (Коля Крутов) — на первом этаже в доме напротив, ему проще было, он через окно затаскивал Таугу. У него ещё три старшие сестры было, которые общались с мужиками взрослыми. А контингент у нас там был серьёзный, все с большими тюремными сроками, у них кожа была чёрной от татуировок, и мы с мальчишками находились в гуще этого общества. Из-за этого часто случались неприятности.

Мальчики взрослели, кто-то шёл затем заниматься в подпольные школы карате, кто-то ещё куда-то. Группировались уже по другому принципу. Началась горбачёвская перестройка, затем пришло по-настоящему бандитское время. Многие погибли. Сегодня из всех индейцев с нашей улицы осталось только двое: я и Юджин.

В Химках были улицы Чернышевского, Станиславского, Гоголя и Репина, это — район Лобаново. Там было много частных домов, старые дачные участки с садами. Мы совершали налёты на те сады, чтобы обтрясти яблони и груши. Один сад обтрясали и переходили на соседнюю улицу. Рано или поздно натыкались на чужую группу ребят. И вот у нас мелкие стычки происходили. А позже, когда мы сели на велосипеды, то мы вышли за пределы Лобанова и охватили все Химки. Лобаново славилось хулиганьём, опасной шпаной, но мы к той шпане не имели отношения. Однако никто же не знал, «те» мы или не «те», с этой ули-

цы мы или с той. Мы когда приходили гурьбой на канал купаться, от нас все сразу отступали, старались подальше держаться, сразу гул разносился, мол, лобановские пришли.

Милиция интересовалась всеми нами. И когда мы, которые постарше, ушли в армию, Коля Крутов (Ред Клауд) остался без нашего присмотра и очень быстро оказался в дурной компании. Из-за той компании и вляпался. Он был на четыре года моложе меня. Мы гораздо позже узнали о том, что он угодил в тюрьму.

Его дружки, уже бывалые мужики, отправили Колю в винный магазин. Им, видать, не хватило, и они велели ему сбегать за бутылкой. Дело было зимой. Перед магазином — гора и накатанная ледяная дорожка на склоне. Он по этому льду Коля и скатился. В тот момент возле магазина шла какая-то кутерьма, кто-то с кого-то шапку снял, потасовка завязалась. Как всегда: «Наших бьют», со всех сторон бежали на подмогу. Коля в эту толпу и влетел, в самую гущу. Мужики дрались серьёзно, кто-то кого-то пырнул ножом. Коля припустил оттуда во все лопатки, но потерял там валенок, так в одном валенке и вернулся домой. Милиция на месте драки нашла его валенок, а на валенке написано «Коля Крутов». Тогда многие надписывали и обувь, и верхнюю одежду, и трусы, чтобы ничего не украли… Вот Колю и забрали за участие в массовой драке с применением холодного оружия. Дали ему шесть лет. В суде устроили «показательную порку», чтобы приструнить район, посадили человек двенадцать. Милиция зачищала Химки от «подозрительных элементов» перед московской Олимпиадой.

Коля Крутов отсидел эти шесть лет от звонка до звонка и, вернувшись, влился в какую-то компанию. Тут подоспели новые времена, начался рэкет, бандитизм. Группировок появилось много, и всюду требовались люди, прошедшие тюрьму и зону, потому как сама их биография наводила жуть. А позже началась настоящая война: гранаты, пулемёты, автоматы. Те, кто в Химках раньше играл в индейцев и группировался по племенам, теперь стали группироваться по иному принципу. Понятно, что Дакоты, которые в детстве стреляли из самопалов просто ради развлечения, в девяностые годы заматерели и озверели. Для них убить кого-то не составляло труда, стреляли ведь не веселья ради, а рынок делили, большие деньги стояли на кону. Всех их со временем поубивали, расстреляли, посадили.

Жаль, что Коля втянулся в их дела. Его мама много раз просила меня: «Саня, забери его с собой в тайгу, пусть работает с тобой на метеостанции». Я его звал, и однажды осенью 2000 года он сказал: «Поеду, но только весной. Вот придёт весна, и мы с тобой рванём отсюда». Но он так и не уехал…

***

В армии я служил в 1975—1977. Там я наткнулся на публикацию в журнале «Художественная самодеятельность», мол, я увлекаюсь индейцами, пишите мне, приезжайте и тому подобное. Вернувшись из армии, мы опять сбились в нашу индейскую компанию, носили приметные куртки, на которых был нарисован профиль индейца. Милиция решила, что мы сколотили группировку под названием «Индейцы». Раз мы лобановские, стало быть, опасны для общества, так они думали. Москва уже готовилась к Олимпиаде, все окрестно-

Сэнди в 1971 и 2019 годах

Севастополь, 2018

сти основательно зачищались. Под это дело все наши химкинские гаражи спалили, чтобы через ту территорию проложить дублёр шоссе на Шереметьево. В один прекрасный день пришли солдаты с огнемётом и сожгли всё дотла. Наш гараж тоже сгинул в том огне, а там хранились все наши индейские вещи. Примерно тогда же мы встретились с человеком, чью статью я прочитал в журнале во время армейской службы. Это был некий Розенфельд, то ли дипломат, то ли ещё что-то в этом роде. У него было много альбомов с красочными фотографиями. Он спросил нас: что интересует, а мы как раз сумками занимались, и он выложил книгу перед нами, пролистал её, мы только глазами хлопали и слюну сглатывали. Как в поговорке: видит око, да зуб неймёт. «Приезжайте ещё через годик», — сказал он нам. Ему, видимо, уже изрядно надоели индеанисты. У него дочка родилась, не до индейцев стало. Он вынес нам толстую пачку писем, которые ему со всей страны присылали. Мы, конечно, письма взяли, там адреса, и мы принялись по этим адресам письма строчить. Мато Нажин, Лось — много людей было.

Не представляю, что было бы с нами через год, если бы мы остались в Химках. Коля Крутов писал нам из зоны: «Не высовывайтесь. Очень опасно в Химках. Лучше вообще уезжайте на время куда-нибудь». В Химках настоящая охота началась на людей, постоянные облавы, зачистки.

Вот мы с Юрой Копновым и решили, что надо уезжать от греха. Нас в Химках уже ничто не держало. В 1977 году мы направились в Екатеринбург (тогда ещё Свердловск), год учились там на радистов-метеорологов, в 1978 году сдали экзамены, и нас распределили по «точкам». Меня командировали на Урал, в Краснотуринск, а Юра отправился через Пермь на Север, в Усть-Чёрное, была такая «точка». Но через год он приехал ко мне, потому что он завёл романчик с женой своего начальника, за что и был изгнан с той метеостанции. Так мы стали работать вместе недалеко от перевала, который позже стал известен как перевал Дятлова. На триста километров вокруг ни одного поселения.

Восемь месяцев в тайге, затем отпуск. Из документов у нас на руках только справка о том, что мы работаем там-то, в таком-то Управлении и что паспорт сдан на хранение. Борода и длинные волосы...

С индеанистами мы понемногу наладили контакты благодаря тем письмам, которые нам дал Розенфельд перед нашим отъездом на Урал. По указанным в письмах адресам мы в первую очередь связались с московскими ребятами. Затем я вернулся на метеостанцию, а Юра Копнов уволился по собственному желанию, навёл мосты с общиной Орлиного Пера и уехал к ним на Алтай. Я вернулся в Москву в 1982 году, познакомился с девушкой, готовился к командировке на Шпицберген, но моя девушка забеременела, пришлось уволиться, я устроился на работу на Химкинский военный завод, где и проработал двадцать лет.

В 1991 году в Крылатском состоялся «Майн Рид шоу». Я в то время готовился с Лосем поставить типи в лесу, нарубил шестов, и тут Лось сообщил мне, что в Крылатском будет такое мероприятие. Там я познакомился со многими ребятами, увидел Юру Котенко, Макса Огурцова, Игоря Гурова, Димку Сергеева и дру-

гих. Чувства, которые охватили меня в тот день, не выразить словами. Эйфория. Помню, что я нащёлкал на фотоаппарат пять или шесть фотоплёнок, рассовал их по карманам, но все растерял, пока играл там в индейцев. Потерял и не заметил, вот какое было состояние! Казалось, что попал в родную стихию, в долгожданный «мой» мир: лошади, индейцы, головные уборы. К тому времени одежда была уже не примитивная, а качественная, настоящая. Я чуть с ума не сошёл от восторга, бегал и фотографировал, остановиться не мог. Помню, как Лис сидел на земле, а девчонки накладывали на него грим. Я и с этой стороны сфотографирую его, и с той, и так, и эдак. Лис краем глаза смотрит на меня и говорит со смехом: «Ты бы притормозил, что ли». А я как заведённый, пружинка какая-то разжалась во мне. Энергия через край хлестала...

***

Андрей Ветер: Расскажи про Николая Крутова. Он ведь был лидером одной из самых известных химкинских группировок.

Сэнди: В школьные годы у него была девчонка, он вместе с ней учился, женился, дочка у них родилась замечательная. Коля отсидел свой срок, вернулся, а в Москве полным ходом кипит «перестройка», плодятся всякие группировки, банды. И вот примерно в 1992 году его дочка попала «по малолетке» в колонию, куда-то под Рязань. Я в это время находился в Рязани, у меня там две бабки и дед, они разменяли Питер на Рязань, так как родом они из Рязани. Я приехал за ними ухаживать. Однажды прочитал в местной газетёнке, что в Рязани происходят постоянные перестрелки и что химкинская братва начала войну за передел рынка. Короче говоря, Коля Крутов там засветился. Приехал навестить дочь и втянулся в бандитские разборки. Чуть ли не весь путь из Рязани до Москвы его парни устраивали погоню за кем-то на машинах со стрельбой. Обошлось вроде бы без трупов, но раненых много. Вот такой был фельетончик... Позже, уже в Химках, я у Коли спросил, правда ли всё это. Он сказал, что это правда и что кто-то подставил его в Рязани. Честно говоря, я не поверил ему, ну, не из нашей это жизни — погони на автомобилях, гангстерские войны. Однако чуть позже я отправился в наш лес, на наше место, где мы устроили лабаз, там у нас типи стояло, укромный уголок, черепа, перья, тайник в торфянике под свалившейся берёзой. У меня была бутылка ликёра, я хотел припасти ей на день рождения и сунул под берёзу. Обычно там легко всё скрывалось, как по маслу уходило в торф, а тут вдруг чувствую, что там всё забито какими-то корнями. Ну что, пожал плечами, заткнул кое-как бутылку и ушёл. Через два дня вернулся. Бутылка стоит на пенёчке: кто-то вытащил её из тайника. Я оторопел: неужели кто-то следил за мной? Но бутылка оказалась закупоренной, никто не пил из неё... Прошло некоторое время, встретились мы с Колей, он говорит: «Кто-то раскрыл наше место, нас выследили». «Почему ты так думаешь?» — спрашиваю. Он объяснил, что недавно одна из банд назначила Коле «стрелку», туда же нагрянула и милиция. Колю едва не схватили, но он успел уйти в лес, в наше тайное место, там он отсиживался до утра. Услышав про наше место, я поинтересовался, не знает ли он, что за корни заполнили наш тайник. «Я умчался от ментов на машине, у меня

Николай Крутов (Красное Облако), 1975

в багажнике сумка с оружием, — объяснил Коля. — Куда деваться? Свернул в лес и спрятал стволы в нашем тайнике, в торфянике». А когда он вернулся к тайнику, чтобы забрать оружие, обнаружил там мою бутылку и решил, что кто-то выследил его и, чтобы посмеяться над ним, сунул бутылку в тайник с оружием. Вот так мы с ним напугали друг друга…

Среди наших химкинских индейцев был парень по имени Дюка, жил он через дом от меня. Дюкой его прозвали потому, что в коммуналке, где он жил, был маленький соседский мальчонка, который не мог выговорить «Андрюха» и говорил «Дюка». Так это и закрепилось за ним. На самом деле его звали Андрей Айздердзис. В девяностых он стал банкиром, организовал серьёзный бизнес, баллотировался в мэры города Химки. За него проголосовал весь город. Он купил себе двухэтажный старый дом, отреставрировал его, превратил во дворец, всё там сверкало зеркалами, висели шкуры, луки, стрелы, перья. Действующий мэр города натравил на Андрея бандитов, Химки кишели разными бандами. К его особняку приехала «бригада». Андрюха рассказывал мне так: «Выхожу я из дверей посмотреть на тех, кто приехал ко мне. Моя охрана на взводе. Я выхожу и вижу, там стоит Ред Клауд, то есть наш Коля Крутов. И тут последовала немая сцена. Мы с Колей обнялись, мы же давно не виделись. Его братва обомлела, моя охрана тоже. Все же думали, что дикое мочилово начнётся, что народу поляжет уйма, а мы вдруг обнялись». Сцена была, наверное, эффектнее, чем в голливудском фильме. Ну, устроили они общую гулянку… Ясно, что мэр, направивший Колю разобраться с Дюкой, был недоволен таким поворотом. Он вызывал Колю к себе, пригрозил. Коля отмахнулся. Он жил в своём мире, очень жестоком мире.

Андрея Айздердзиса убили из помпового ружья 26 апреля 1994 года, ему было тридцать пять лет. Дюка отпраздновал свой день рождения, и на следующий вечер был застрелен. На тот момент он был депутатом Государственной думы, раньше в депутатов не стреляли, поэтому по Химкам прокатилась волна арестов. Говорят, что это дело рук романовской группировки. Романовская группировка много лет воевала против бригады Крутова…

В 2000 году Коля Крутов находился где-то в Твери. Я вызвонил его, когда мы собирались устроить зимнее Пау-Вау в Подольске. Коля решил принять участие, но сначала приехал в Химки, там его поджидали киллеры. 5 января 2001 года в него выпустили целый автоматный рожок, когда он садился в автомобиль, стреляли в упор.

Такие судьбы химкинских «индейцев»…

Дядя Бык

Андрей Нефёдов (Ветер)

Чем дальше от тех необыкновенных лет, когда Движение индеанистов было молодым, тем меньше остаётся людей, которые могут поведать о том времени и о наиболее выразительных фигурах. А ведь «были люди в наше время»... Но уходят те, о ком можно вспомнить и те, кто может вспомнить.

Про Дядю Быка (Юрий Копнов) я услышал случайно. Заинтересовался его историей, потому что он жил на Алтае, а все побывавшие в алтайской общине Голубая Скала вызывают у меня живой интерес. Община создалась на энтузиазме четырёх человек, к ней быстро присоединились ещё несколько, там сложились семьи, родились дети, туда приезжали новые люди, гостили и убегали обратно, не выдержав суровых условий. Незаметно община обескровила, все разъехались, каждый пошёл своей дорогой, но некоторые всё-таки остались на Алтае, разбрелись по другим алтайским посёлкам. Один из таких алтайских индейцев был Дядя Бык.

В первую очередь я расспрашивал о нём тех, кто бывал в Голубой Скале. Некоторые помнят его, но смутно. Игорь Гуров написал следующее: «Я не так много общался с Дядей Быком. Он выделывал шкурки животных (вплоть до крысиных), у меня до сих пор есть мешочек вроде кисета, сделанный из бычьей мошонки. Это, пожалуй, единственное, что меня связывает с Дядей Быком. Не будь этого кисета, нечего было бы и вспомнить». Другие помнят не столько самого Дядю Быка, сколько исходившую от него доброту и трудолюбие: он постоянно что-то делал, всегда погружён в работу, правда, не в ту, к которой лежала душа. Алексей Кучменёв вспоминает: «Дядя Бык жил в Левинке. У него был свой дом. Выделывал шкуры, охотился, рыбачил, за всё брался. Мы к нему приезжали, гостили, у него был большой дом. Дядя подарил мне тогда фотографию, где он стоит с глухарём... В Левинке с Дядей жили Ольга и Рысёнок. Там Ольга родила Машу, к ней приехала помогать мама. Но условия жизни были ужасные — ни туалета, ни ванной, ни больницы, ни школы, так называемое сельское троеборье: дрова, вода, помои. Забытые богом места. Сначала оттуда уехала Ольга с Машей и мамой, затем свалил и Рысёнок... Дядя Бык был светлый человек и очень трудолюбивый». В письме, адресованном Александру Азанову, Юрий Копнов пишет: «Вот наконец-то после долгого перерыва у меня начали „вырисовываться“ изделия. Конечно же, хотелось бы постоянно заниматься индейскими ремёслами, но жизнь заставляет заниматься хрен знает чем. Но вот сейчас ситуация вроде бы хорошая. Заготовил кость, шкуры и прочее, технологии усовершенствовал. В общем, есть возможность работать стабильнее».

Юрий Копнов (Дядя Бык)

Александр Азанов (Сэнди)

У Юры Копнова странная судьба. В девятом классе, если не ошибаюсь, в нашей школе проходил сбор металлолома. И вот поехала загруженная до самого верха грузовая машина, какая-то труба торчала из кузова. Юркина мама выгуливала на улице ребёнка в коляске. Грузовик этой трубой сшиб Юркину маму, коляска попала под колёса. И мама, и ребёнок погибли. Юркин отец пропал задолго до этого, он, наверное, и не помнил его, жил с отчимом. А отчим был бешеный, я таких злых людей больше не встречал. Орал на Юрку так, что стёкла в соседних домах дребезжали, угрожал убить, гонялся за ним то с ремнём, то с палкой. Юрка постоянно прятался у меня, не хотел домой.

Так что после армии мы с ним рванули в Свердловск, прошли ускоренный курс обучения на метеорологов, начали работать. Затем приехали в отпуск в Москву, тут Юрка решил уволиться и уехал на Алтай в Голубую Скалу, в общину Орлиного Пера. Там его прозвали Дядя Бык. Среди химкинских индейцев он был Сидящий Бык, а в Кукуе стал просто Дядя Бык.

В Москву он вернулся, когда узнал о смерти отчима. Приехал, чтобы оформить документы на наследство. Он очень плохо чувствовал себя. С середины сентября до января мы с Юркой занимались оформлением документов. Юрка с каждым днём чувствовал себя хуже и хуже, но ничего не говорил, не объяснял, худел на глазах. Я спрашивал его: «Ты голодаешь, что ли? Ты хоть что-то ешь?» Но он ничего не ел. Мы ходили в магазин вместе, покупали продукты, а он их, оказывается, не трогал. После его смерти я заглянул в его холодильник, а там всё забито продуктами… В январе я звал его на зимний Пау, но он отказывался: «У меня сил нет». — «Что с тобой?» — «Болею»… Я всё понять не мог, почему он дышит как-то странно. Хрипы слышались. У него, оказывается, был отёк лёгких. То лето выдалось жаркое, нестерпимое, вокруг Москвы горели торфяники, всё затянуто дымом. Три раза мы вызывали ему реанимацию, они ничего сделать не смогли. Я в больницу ходил, просил докторов помочь. Они требовали страховой полис. Объясняю им: Юра с Алтая, полиса у него нет, и ему отказали в лечении. Ему очень плохо было, а врачей нет, потому что в стране зимние каникулы, до пятнадцатого числа всюду тишина. Пятнадцатого января у Юрки день рождения. Я пришёл к нему с тортом, мама моя тоже пришла. Он поздоровался и вдруг закрыл глаза. Я ему — что с тобой, а он жесты какие-то делает, мы понять не можем. Мы вызвали «скорую», я побежал встречать их у подъезда. Когда поднялись в квартиру, Юрка уже не дышал. Мама сказала, что он попрощался, поблагодарил и умер. Это было в 2011 году.

Наталья Янковская

Настоящему индейцу[1]

Редко, но ещё встречаются в этом суетливом мире люди с хорошей, доброй «сумасшедшинкой». Те, про которых го-

[1] «Семья», 2011, статья опубликована уже после смерти Юрия Копнова.

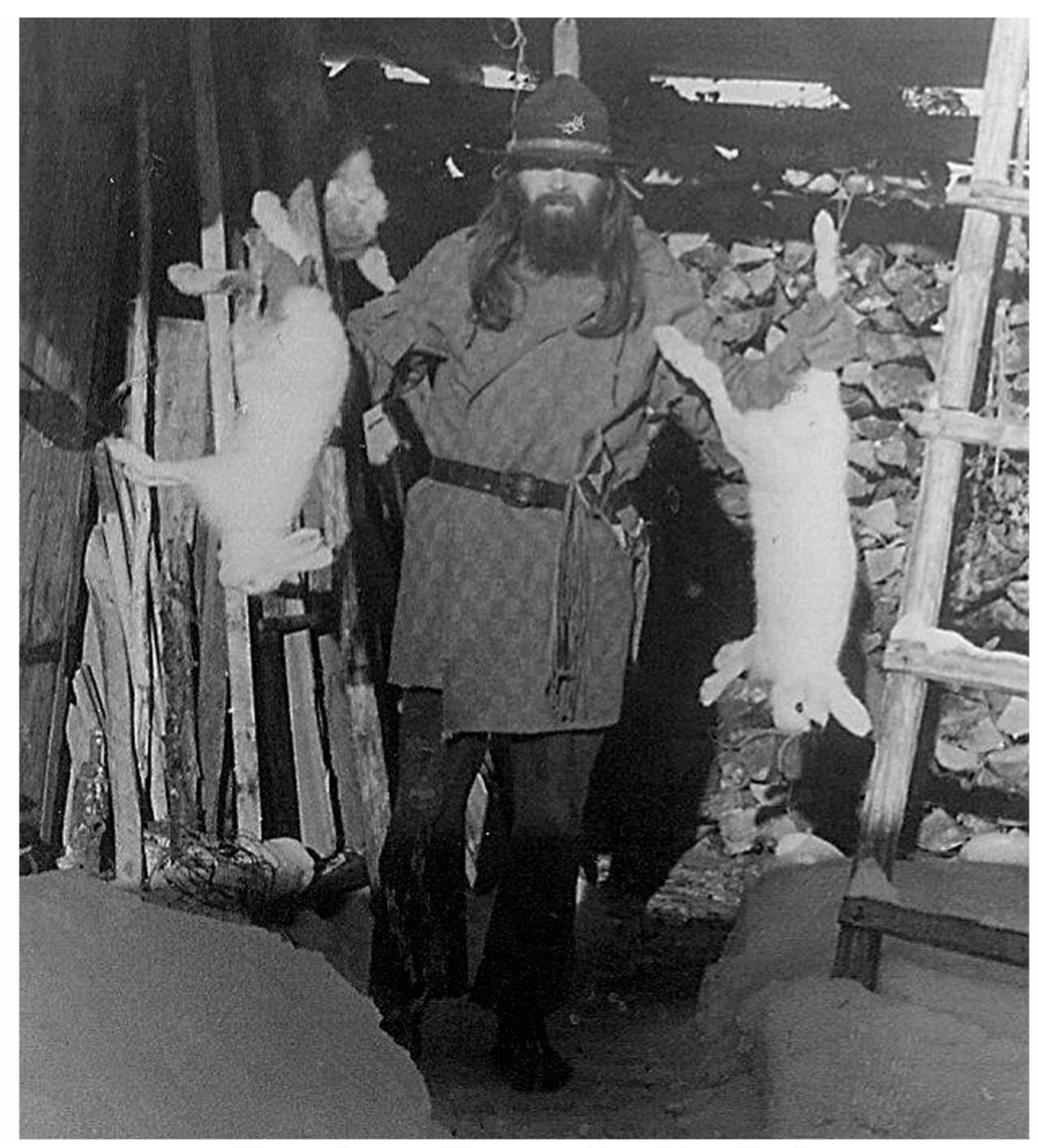
ворят: не от мира сего. На первый взгляд к Юрию Копнову это выражение подходит как нельзя лучше — кажется, что этот человек заблудился во времени и пространстве. Иначе как объяснить, что в эпоху, когда даже дети игре «в индейцев» предпочитают компьютерные «стрелялки», взрослый мужчина живёт по законам гордых индейцев. Любой желающий пообщаться со столь неординарной личностью может прочесть над воротами его жилища индейское имя — Татанка Йотанка, что в переводе означает Сидящий Бизон. «Имена индейцам дают при рождении, а когда ребёнок взрослеет, становится воином, то зарабатывает себе новые имена. Поэтому в разные периоды жизни человека зовут по-разному, — поясняет алтайский „индеец“. — Так что был я Сидящий Бизон, сейчас уже стал Дядюшка Бык».

В глухой алтайской деревушке «индеец» Юра осел десять лет назад — сам он коренной москвич, метеоролог по образованию. Увлечение индеанистской философией, по его воспоминаниям, нахлынуло неожиданно: «Году в 1883-м или 1984-м случайно встретил в московском Доме книги парня, который покупал какие-то альбомы по искусству индейцев. Постояли, разговорились, книжки посмотрели. А потом он мне говорит: так, мол, и так, есть такое движение по России. Он меня просто ошарашил. Обычно думаешь, поиграли в детстве „в индейцев“ и разошлись, а оказалось всё гораздо серьёзней. Потом я съездил в Питер к индеанистам на праздник Пау-Вау и втянулся. Сейчас, кстати, движение опять набирает силу, молодых много подтягивается».

Таких одержимых в России сейчас много. Самые крупные поселения — на Украине и под Питером. Всего несколько лет назад и на Алтае была довольно большая община Голубая Скала, но отношения с туземцами почему-то не сложились. На «белых ворон» всегда косятся подозрительно, поэтому Юре пришлось покинуть насиженное место.

Часть общины рассеялась по алтайским деревням, кто-то уехал в Барнаул, кто-то в Питер, шаман сейчас и вовсе живёт в Берлине. Говорят, в христианство ударился. Но оставшийся без общества единомышленников Сидящий Бизон не отчаивается: связи между индеанистами очень прочные и письма от «собратьев по вере» идут к нему со всех уголков страны. Некоторых даже расстояния не пугают, приезжают в гости — как раз во время нашего приезда у Юрия гостили ребята из Прибалтики. Алтайский «индеец» для единомышленников — это просто находка: для него достать перья или кожу для пошива национальных костюмов не составляет особого труда, а всем добытым он охотно делится с «индейцами», живущими в городах.

Когда мы спросили, не скучает ли он вдали от цивилизации, Юра после некоторой паузы ответил: «Бывает, накатит вдруг не пойми что, и подумаешь: на кой это всё — годы вроде уже вышли! Я тогда в горы ухожу, сижу, думаю. И внутренний голос говорит: надо! Сейчас уже внешними атрибутами я не увлекаюсь — это чаще по молодости бывает. Ну, мокасины — почему их не носить, если удобно. А философия, она уже внутри сидит. Причём философия-то очень простая. Надо лишь понять, что птица, бизон, трава, камень или человек одинаково важны природе. Только очень неумные люди могут само-

Юрий Копнов (Сидящий Бык, Дядя Бык)

уверенно кричать: „Мы — цари природы и всё перевернём!“ Индейцы считают человека не царём природы, а её частью. Тем и живём. Многие индеанисты, кстати, и в движении „зелёных“ участвуют».

Вроде всё просто, а невольно задумаешься: может, так и надо. Может, это мы все затерялись в пространстве и времени, в нелепой повседневной суете. На прощание я задала Сидящему Бизону вертевшийся на языке вопрос: «Не кажется ли вам вигвам без женщины слишком пустым?» Юра заметно помрачнел: «Семейный вопрос — это для нас проблема. Многие приходят в индеанизм уже в зрелом возрасте, а жёнам это, как правило, не нравится. Бывают и разводы. Но на Пау-Вау приезжают и девчонки „нашей веры“, так что браки на основе общего интереса случаются

довольно часто. В Барнауле очень хорошая пара живёт. А я… Был вообще-то когда-то женат, но эта история давно мхом поросла».

Уже в дверях «индеец» хитро взглянул на меня: «А то оставайтесь! Только жена индейца должна уметь доить корову». Ну что тут можно сказать? Корову доить я не умею…

Юрий Копнов (Дядя Бык)

(письмо от 8.12.2006)

Хау, кола!

Наконец собрался тебе написать. Доехал я нормально. Было очень интересно. Считай, половину страны проехал. Где-то под Челябинском сломалась коробка передач, и пришлось ехать только на одной скорости (на 7-й). на Алтай приехали вместе с весной. Пока разгружались, шёл дождь. Домой в Левинку приехал ночью. Я ночевал в холодном доме под двумя ватными одеялами. Было сыро и холодно. Утром (это было 1 мая) я осмотрел дом. Большие окна все целы, только в сенцах разбито маленькое окошко, в которое и залезли ребятишки. Пропало по мелочам — сковородка, внешняя антенна (цветной металл). Ружьё и боеприпасы, видео-двойка, кассеты — всё на месте. Ветром сломало два пролёта забора, и скотина всё вытоптала. Правда, я выкопал картошку, хватило на новую посадку и на еду, выкопал свеклу, что от неё осталось, моркови и луку немного. Погода стояла холодная, кое-где всё ещё лежал снег. Ещё была авария, зимой выпало много снега, а с крыши моего дома никто не чистил, так одна стропилина подломилась, от этого сломалась железная труба от печи. Последующий день трубочинил и протопил печь, благо дрова остались не тронутые. Потом с соседом вспахали огород на конях, я ходил за плугом. Посадили огород. На 9 мая я ходил к Володе, который приходил в музей, так он напился, у него начало «сносить крышу» (контуженный), стал тыкать ножом и нёс всякую чушь. Я понял, что я им не нужен и стал реже к ним приходить. Правда, они достроили баню, гостиный двор. Летом съездил к знакомым, они живут от меня 20 км в сторону Телецкого озера. Оказалось, что их осталось 4 человека: 2 женщины и 2 мужчины. Ещё 2 семьи живут в Чое и приезжают на выходные. Так что они меня сразу завербовали на покос. У них много скотины: 4 коровы, 4 тёлки этого года, 4 тёлки и бычка прошлого года, кобыла, мерен и 3 жеребёнка разных возрастов. Считай, что я у них прожил 2 месяца — август и сентябрь, правда, ездил на проверку в Левинку на велике, когда шли дожди. У них в Ишинске 2 дома, купили компьютер, есть Интернет, так что можно будет держать связь. Где-то в октябре я звонил Сэнди, он был в Ебурге у брата, говорил, что жена все его вещи из квартиры выкинула. А он не может ехать, нет денег. Тебе я тоже звонил, никого не было — ты на Дальнем Востоке, а твоя мама, видно, в деревне. Звякнул ещё Гачу — он болел, ездил в Польшу на Пау-Вау. Да, Лёша, я написал Духу в Питер, чтобы он тебе выслал книгу Шульца «Победная песня. Рассказы из палаток Черноногих». Прислал ли он тебе? Как съездил на Дальний Восток? Что нового там? Короче, пиши обо всём. Как дела в музее? У меня есть шкурка серой неясыти. Если надо, могу выслать. В ноябре переболел гриппом,

сейчас вхожу в норму. Передавай всем привет, поклонись своей матушке. Телевизор работает, временами даже даёт полный цвет. Чаще красный пропадает. Берёт 1-й канал и РТР. Шкурки белого кролика пока не нашёл, в основном все серые да чёрные. Но как только найду, вышлю. Поправлюсь — поставлю капканы на горностаев. Пока болел, читал вестерны, которые мы с тобой покупали. Очень мне понравился Ламур. Какие новые DVD с индейскими фильмами ты достал? Какую новую музыку приобрёл? Пиши обо всём, мне всё интересно. Сэнди приехал в Химки? До свидания, здоровья тебе и матушке. Всем привет.

Андрей Кирьянов (Безумный Волк)

Морогазм

В один из морозных дней моей последней зимы на Алтае я разжился свежим мясом, которого с лета не ел. Ярко светило Солнце, освещая избушку зубрятника, где я, радостно напевая магические песни, способствующие выделению желудочного сока, суетился у печки, варя и паря свежатинку.

«Надо было у скотников остаться на стоянке, — думалось мне. — Там и Саня Дьяченко, и Чет, и Елонин, прожорливые ковбои. Там и есть веселее на перегонки-то!»

За окном потрескивали от низкого градуса ветки, а у печурки тепло. Разрумянился я…

И тут слышу за дверью, как скрипит снег под чьей-то осторожной поступью.

«Индеец идёт!» — понимаю я, ибо шаги были плавные и неспешные, с должным уважение к матушке Земле. Белые не так ходят. Они идут, вбивая с силой ноги, будто конкистадоры по Теночтитлану.

Всё здесь наше! — говорит походка. И никакого уважения.

Вот у тувинцев и монголов даже обувка национальная с задранными вверх носами — чтобы Мать-Землю не пинать!

Дверь скрипит и отворяется. Вместе с клубом пара и снега в дом вваливается высокая фигура в тулупе и с бородой до пояса.

Дядя Бык! Прошу любить и жаловать!

Для меня это была легендарная личность.

Коренной москвич, отслужив в армии уехал в лес на метеостанцию, следуя песни перьев, там слушал мудрость зверей и шорох деревьев и мастерил дакотские «прикиды».

Оттуда его сдёрнул Перо в общину Голубая Скала, но Бык там не прижился. Он с Рысёнком, Ольгой Ланью и Хокши Глешкой уехал он в Чойский район, в деревню Левинка. Там он и жил, бородатый индеец. Вёл нехитрое хозяйство одинокого мужчины, трапперствовал и занимался всяким индейским ремеслом.

— Хау, кола! — приветствовал меня Дядя Бык сквозь заиндевевшие усы. — Погодка-то! А!!! От Вэши иду с Камлака, взмерз!!!

— Зиг хау! — отвечаю я. — Садись, грейся, а я как раз свежачка готовлю: скотники вот бычков резать стали, помог им и разжился.

— Ваштело, — выдыхает Дядя Бык и кряхтя усаживается.

Говорили много. Несмотря на внешне грозный вид косматого и бородатого де-

тины, в разговоре Бык был как задорный ребёнок, взахлёб говоря на интересующие его темы. Переговорили мы все индейские новости и таёжные дела, а тут и мясцо поспело.

Я скачу вокруг дорогого гостя, тарелочку ему с дымящимся мясом подвигаю.

«Кушай, гость дорогой, поди у тебя в Левинке кроме картошки да вина ничего и нет!» — думаю я. Вот старика-то порадовал!

Я увлёкся первым куском который в компании Дяди Быка очень даже ничего пошёл.

— Ну как мясцо? — спрашиваю.

— Хорошо, — невнятно бормочет Бык.

Смотрю и вижу такую картину. Дядя Бык нелепо изгибая голову мусолит кусок мяса в своём бородатом рту. А кусательных зубов-то у него всего два, да и те один слева другой справа! Вот он, сопя и слюнявя, пытается их друг над другом выставить чтоб кусочек жилистого мяса отгрызть. При этом лицо его корчит немыслимо-потешные гримасы, а большая коричневая родинка на щеке упоительно колыхается.

Я, откинув на хрен индейскую невозмутимость, ржу аки коняка. Дядя Бык удивлённо глядит на меня, наконец, выставив зубы в нужное положение, в его бородатом замызганном жиром рту торчит кусок мяса. От этого вообще падаю на колени! И тут Дядя Бык, поняв всю комичность ситуации, начинает смеяться. Медленно так заводится: гы-гы-гы — как мощный движок.

Вот так мы и ржём. Потом едим. Говорим много. Я ему шкуру зубрёнка на щит боевой подарил. Он мне — ложку из рога.

После хомутаю коня свого Серёжу, которого я звал Серко. Беру вожжи, Дядя Бык, кутаясь в тулуп, зарывается в сено на санях, и мы трогаемся в обратный путь до Камлака.

— Хей! Серко! — кричу я. — Давай, дарагой!

Сани припускают, скрипя полозьями о наст. Речки от мороза повздулись, лёд под снегом. Серёжа водит ноздрями и ушами — чует! Не подкованный он может и упасть ненароком. Подъёмчик небольшой. Серко поднапрягся. Хвост медленно подымается, оголяя огромный лошадинный анус, сфинктер (волшебно так) открывается. «Пуууууук!!!» — выпускает воздух Серёжа мне в лицо с тёплыми брызгами и снежной искрящейся пылью.

— На пониженные перешёл, — комментирует дядя Бык, и мы опять ржём как угорелые.

А день-то какой сказочный выдался!

Мясо, солнце, дорога, Дядя Бык!

Просто морогазм, то есть морозный оргазм какой-то!!!

Так и прём до самого ранчо Вэши, наслаждаясь дикой морозно-солнечной жизнью.

Я долго потом с Ростова слал Быку книги и снедь заморскую, в тайге не виданную. А он мне то череп колонка с подвижной нижней челюстью пришлёт вместе с отлично выделанной шкурой, то перо орлиное, то мошонку телячью выделанную вручную для хранения смеси благовонных трав к Потельне. Храню все вещи.

А года два-три назад он заболел воспалением лёгких и умер. Бродит, наверное, сейчас своей уважительной индейской поступью по Стране Вечной Охоты да капканы с силками мастерит, чёрт

беззубый. А я с его ложкой все свои походы прошёл и войну в Абхазии. А когда я, психуя и нервничая, собираю вещи Силы для новой Потельни, то ору своей любимой скво: «Тутотис!!! Где эта чёртова мошонка Дяди Быка???»

Про любовь к лошадям

Андрей Нефёдов (Ветер)

В телевизионном цикле «Голоса» я дал некоторым главам название «Дела» и рассказывал о том, во что вылилось у ребят их увлечение индейцами. Среди тех, о ком шла речь, был Саша Тереник, известный друзьям под именем Ястреб. Каждый идёт своей Тропой. Почему человек выбирает тот или иной путь, трудно сказать. Саша совершил поступок, которому можно только удивляться и на который способен не всякий. Он купил лошадей, оставил городскую суету, и его жизнь превратилась в нечто особенное. Насколько мне известно, деньги на покупку лошадей и конюшни он получил, продав свою квартиру. Это произошло на заре 1990-х, когда любое начинание, связанное с деньгами, неминуемо привлекало к себе криминальные сферы. Бандиты пытались подмять под себя любой, даже самый незначительный бизнес. Одна банда приходила, чтобы отнять деньги, другая приходила, чтобы защитить от первой (разумеется, не бесплатно). Нередко первые и вторые представляли в действительности одну и ту же группировку и работали по налаженной схеме: сами запугивали и сами «защищали».

Мы часто приезжали на конюшню в Кратово, нередко оставались там на ночь. Из кассетного магнитофона всегда звучала индейская музыка. Пахло соснами, сеном и навозом. Конюшня располагалась чуть в стороне от основной массы дач; местные наведывались не так уж часто. Иногда бабушки из окрестных домов приходили за навозом, чтобы удобрять свои огороды. Пару раз я видел каких-то людей, бравших лошадей на прокат. Казалось, что место было специально создано для нас, индеанистов, где мы могли укрыться от окружающего мира, от его страстей, грубости, жестокости… Лошади не приносили Саше никакой прибыли. Мне вообще казалось, что он не создан, чтобы вести бизнес. Впрочем, он, может, и не создан был для бизнеса, но он рискнул. «Деловая» сторона той конюшни никогда не интересовала меня, я даже не подозревал о ней. Для меня главным была кратовская атмосфера. Я вообще не задумывался, на чём там всё держится. После городского безумия мне казалось, что я, приезжая к Саше, погружался в атмосферу земного рая: сосны, тишина, лошади, кошки, собаки и коза по прозвищу Каштанка. Мы там отдыхали, мы там работали, мы там наслаждались настоящей жизнью и дыханием дружбы. Мы обязательно везли туда всякую снедь: крупу, колбасу, сыр, хлеб, фрукты. Постояльцев на конюшне всегда хватало, а еды — нет. Хозяйкой кратовского очага была Маша Большакова, мечтавшая о карьере фотографа. Позже её мечта осуществилась. Ещё одним постоянным обитателем там была Настя, дочь Маши, забавная девчушка в очках с толстенными линзами.

Трудностей и неразрешимых проблем на конюшне было много. Саша недавно признался мне, что ему не хо-

чется вспоминать о тех временах именно из-за суровой обстановки, связанной с бизнесом, чересчур много возникало неприятных ситуаций. Единственное, что радовало — это дух индеанизма. «Ты можешь вспомнить свои ощущения, — написал он мне, — ты там был, сам свидетель. Мы дышали вместе...» Да, ехать в Кратово хотелось всегда, потому что там будто ожила сказка индейской жизни. Впрочем, это сказка была для нас, гостей, а для Саши, тащившего на себе весь груз трудностей, никакой сказки не было.

(вопросы и ответы в письмах)

Юрий Котенко: Всё создавалось на моих глазах и при моём участии. Это была идея большого индейского центра в Москве, с музеем, конями в том числе. Журнал и издательство — тоже часть проекта. Как и деятельность Александра Ващенко, и некоторое его издательско-книжное дело, и частично природно-культурно-экологический проект. Саня взялся заниматься бизнесом под это дело.

Андрей Ветер: Откуда возникла эта конюшня? Её взяли в аренду у кого-то или построили с нуля? Откуда деньги? И почему не получился индейский центр?

Юрий Котенко: Деньги с продажи Саниной квартиры. На неё всё и было куплено. Плюс какие-то финансовые вложения в какой-то бизнес. То есть идея была сомнительна, а участие неких «структур» новорусского бизнеса и откровенных шарлатанов и прихлебателей, по-моему, повело всё не туда, куда хотелось. Индейский центр не получился — точнее, получился в зачаточном состоянии на той конюшне, там работало и проживало много наших, даже из других городов, и вроде были некие надежды и некие результаты, но коммерция — очень сложное дело, и тянуть это оказалось непосильным.

Александр Тереник: Началась вся эта «лошадная эпопея» сразу после Пау-Вау 1991 года. На Юру Котенко вышла одна девушка с предложением купить двух коней и использовать их для бизнеса, который мог бы помочь финансово будущему индейскому центру. Среди индеанистов никогда не умирала идея создать собственный индейский центр, поэтому мысль о лошадях всколыхнула многих. Я завёл разговор о лошадях со своими бизнес-партнёрами, и они вроде бы согласились. Но пока мы обсуждали, те два коня, о которых шла речь, были куплены кем-то ещё. Но мы уже «завелись», стали искать лошадей в другом месте. В результате поисков были куплены не два, а пять коней. Их поставили в Лобне, на частном участке. Но 1990-е — это время серьёзных проблем. Вскоре начались сложности с кормами для лошадей и прочие вопросы. Правительство поставило на грань выживания все хозяйства, в том числе и крупные, уж не говоря о нас. Лошади начали голодать. Работы почти не было, с финансами становилось всё хуже и хуже. Примерно через полгода, весной 1992, нам всё-таки удалось полностью решить проблемы с кормами. Понемногу началось оживление в мире бизнеса. Кто покрепче, тот оттеснял тех, кто послабее. Мои бизнес-друзья внезапно решили, что мы больше не нужны им с нашими лошадно-индейскими проектами. Не вдаваясь в детали, как и что именно произошло, скажу только, что они за-

брали всё себе и перевезли коней и всё имущество в Кратово, на территорию бывшего пионерского лагеря... Но к осени состояние дел у них настолько плохое стало, что они отказались от конюшни, передали её мне. Так я очутился в местечке под названием Кратово. С того момента надо было управлять этим маленьким, но очень непростым хозяйством. Началась совершенно новая для нас жизнь. Я предполагал, что будет прокат лошадей, конные маршруты, походы, сдача домиков в аренду до осени, участие в праздниках. Много разных мечтаний и, конечно, индейское направление... Однако всё пошло не так гладко, как предполагалось...

Андрей Ветер: Саша, вспомни что-нибудь бытовое. Я пытался расспросить Машу Большакову, но она ответила коротко: «Ничего не помню. Было крайне трудно, но весело». Думаю, что это «не помню» — способ спрятаться от страшных воспоминаний. Многие говорят, что они ничего не помнят о 1990-х, помнят только, что всё было хреново, что жрать иногда нечего было, и поэтому не хотят заглядывать в то прошлое.

Александр Тереник: Сегодня многое из того времени уже кажется ненастоящим, невозможным, такого быть просто не могло... Девяностые ведь... Я иной раз рассказывал о некоторых моментах той жизни близким друзьям, но они не понимают, не верят, по их глазам видно — они думают, что я сочиняю... Порой было невыносимо. Но всё же, наверное, можно вычленить чистую линию, то, чем я подпитывался, ради чего терпел, но эти вещи тебе хорошо известны, ты их красиво описывал... Кратовская жизнь была очень тяжёлой, но я ни на секунду ни о чём не жалею.

Я вспоминаю последнюю зиму там. Мороз 35 градусов. Доски конюшни трещат. Час ночи. На территории никого. Все давно свалили. Можно даже сказать бросили. Уже как десять дней кормов почти нет, лошади голодные, топчутся, ждут. Вырубился свет. Выхожу из дома. Кажется, что воздух можно ломать руками, как тонкий лёд. Всё, думаю, приехали. Дороги занесены уже давно, деньги кончились. Малейшая инфекция, и начнётся падёж лошадей. Отлучиться никуда нельзя, потому что может быть налёт. Козу уже кто-то утащил. Если сегодня что-то случится со мной, то первые люди придут через два дня, не раньше. Ветра нет, но из-за плотных туч не видно луны, темно. Надо ехать за водой и лезть на сосны — резать лапник, чтоб немного покормить лошадей. В кирзачах высоко не залезешь, а нижние ветки я давно обкарнал. Ладно, думаю, потихоньку справлюсь. Воду мы привозили на двухколёсной тачке, которую купили на ипподроме для очистки стойл от грязных опилок. В тачку помещалось три 50-литровых бочки для лошадей и одна 30-литровая для людей. Тачку надо тащить 150—180 метров до крана, который находится в домике сторожа. Наливаешь через шланг, ставишь опять в телегу и таранишь назад. Весь путь по корням сосен и грунту из сосновых иголок. Зимой корни обледеневают, сапоги проскальзывают на колее, постоянно падаю — настоящая пытка. Таких ездок надо было сделать при любом раскладе три или четыре в день, на каждую кормёжку. Эта ездка была последняя... Я уже возвращался, почти доехал, осталось пятнадцать метров. И вдруг на корне тачку мотануло, и она стала переворачиваться. Я попытался удержать, но это

150 кг плюс тачка, усталость и мороз. И эта штука, перевернувшись, ливанула на меня. Я упал, весь мокрый, и только одна мысль пульсирует: почему нога не сломалась? На ней же тачка лежит! Ну и глупости всякие на языке по-старорусски... Что делать? Сил нет, холод, я мокрый насквозь. Но кого это всё волнует? Воды-то нет. Развернулся и поехал опять. Туда минут 10—15 и обратно. А когда возвращался (язык на плечо), на этом же месте тачка опять переворачивается! Там ведь лёд после того, как в прошлый раз вода вылилась! И объехать было нельзя... Я лежу и не могу пошевелиться. Такое охватило... То ж были последние силы... Кожа на щеках ничего не чувствует, как и все пальцы. Кое-как поднялся, и в третий раз иванушка- дурачок поехал за водой. Эту ходку я сумел довезти, хотя уже сильно сомневался... В конюшне было темно но, понятно, теплее, чем на улице. Погрелся об коней и пошёл резать ветки сосен. У меня была длинная лестница, но старая... Ох, щас бы я обдудонился со страху, а тогда я уже отупел от этой бесконечности. В один момент лестница поехала, но обошлось. Кирза уже была во льду, сам понимаешь, что могло бы случиться. В общем, когда сапоги стали чавкать, меня начало отпускать. Напряжение спадало, но из-за этого я стал замерзать. Накрыл лошадей попонами и вышел на наше крыльцо, если его помнишь. Вдруг понимаю — небо чистейшее, ни облачка, ни дымки. Звёзды — бери и собирай. И пооооолная луна... Стало светло, просто непостижимо светло! Вся левада сияет! Просто не ожидал... В душе появилась как бы пронзительность, что ли... Какая красота! Сел на перила, снял мокрую шапку, заплёл волосы растегнулся, стал молиться и петь песню которой меня научила Джанет, (я песню ещё тогда помнил). Полное умиротворение. Высокое, непередаваемое чувство... Потом пошёл в холодный уже дом и разжёг нашу подругу-буржуйку. Мы её растапливали, когда не было света, и обогреватели, понятно, не работали. Когда пошёл жар, достал три оставшихся куска хлеба и кусок, не плохой такой кусок, колбасы. Больше вообще ничего не было. Всё пожарил на шампурах. Тут проснулись две мои мелкие собаки и кот, которые спали одним клубком возле уже остывшего обогревателя. Я поставил две пружинные кровати рядом, поближе друг к другу и к печке. Положил ещё матрацы, классические, полосатые (это ж бывший летний лагерь), укрылся, не раздеваясь, прямо в сапогах, четырьмя байковыми одеялами вместе с собаками и наглым Мусей. Так, согреваясь друг об друга, мы по-братски зачавкали все наши запасы под гул раскалённой уже печки. Собаки перестали дрожать. Да и я... Сонно, вкусно, уютно... Счастье... Завтра будет завтра, а сегодня всё хорошо...

Вкус индейской жизни

Алексей Кучменёв (Рысян)

Помню, как я пришёл впервые в ЛИК «Алькатрас», на Владимирскую, а там молодняк какой-то, дети Павловых и девчонки-девятиклассницы, бренчат на гитаре. Для меня они — детвора. Я-то после армии, взрослый дядя, прошедший «дедовщину» десантных войск, у меня уже жена, я на жизнь уже по-другому смотрел. А у них там детский сад. Помню, приехал Дин Рид в СССР, и мы потащились на Пискарёвское кладбище, потому что у Овасеса имелся замысел. Он был интернационалист с уклоном в чегеварство. Пел что-то о том, что «в панике отец, в истерике мать, летят на пол книжки, идёт борьба индеанистов». В то время начиналась заваруха с Пелтиером, борьба за его освобождение, и в Ленинграде эту борьбу возглавил Женя Малахов. Он сначала учился на астронома, затем отец заставил его в военное училище перевестись, после чего он попал куда-то лейтенантом в Евпаторию. Женя Малахов был умняга, закончил школу с золотой медалью, мы во всём отличались с ним друг от друга. Он отличник, я двоечник, у него в квартире порядок, ковры, хрусталь, учебники стопочкой сложены, а у меня бардак, можно было и на полу сидеть, и на столе, и для него моя комната — настоящая отдушина. Он испытывал тягу к интернационализму. А я, прослужив в ГДР, наелся этого интернационализма сполна. Меня интересовала традиция. Мне всё это казалось наивной детской вознёй. Я вернулся из армии, где меня поначалу били так, что хотелось повеситься, потому что сил не было терпеть. И на немцев я насмотрелся, познакомился с их «любовью» к Советскому Союзу. Так что подлинный вкус жизни я знал. А тут какая-то глупая суета: ЛИК «Алькатрас» всем составом прётся на Пискарёвское кладбище, прётся под мелким, противнейшим дождём. Ребята нарыли там какой-то земли, насыпали её в специально сшитый мешочек, Овасес отлил из олова маленький тотемный столб с надписью «Алькатрас», и они собирались вручить эту священную землю Дину Риду. Моё участие на этом закончилось, но они, насколько знаю, через газеты выяснили, где будет выступать Дин Рид, и прорывались к нему…

И я задумался: что мне делать в этом клубе индеанистской детворы? Сам я в то время много занимался пересьёмкой, собирал фотоархив. Малахов часто присылал мне всякие вырезки из журналов, я делал фотокопии, материал понемногу накапливался. Я переписывался с Красным Волком, от него узнал про Качи, про племя, которого никогда не было в действительности. Волк выдумывал обряды для этого новорождённого племени, пытался придумать новый язык. Мне это, с одной стороны, было симпатично, с другой стороны, я тяготел к традиционалистам. И у нас завязалась полемика, мы много спорили, но не ругались, не ссорились. Я тоже вступил в ряды Качи и даже однажды участвовал в их слёте.

Рысян: "Мы так долго называли друг друга индейскими именами, ни к чему было знать имена гражданские... Например, я узнал гражданское имя Койота только тогда, когда билеты брали в ж/д кассе - а до этого Койот и Койот, Рысян да Рысян... Три года жили так, пока социум не заставил познакомиться."

На Пау я попал только в 1983 году. Раньше не получалось, в том числе и потому, что я немного сторонился того молодняка, на котором всё держалось. Я как сноб смотрел на них, занимался индейцами, но тусовка индеанистов казалась мне не достаточно серьёзной. И всё же меня уговорили поехать в лагерь в 1983 году. Я не планировал задерживаться там дольше одного дня. Моя жена лежала на сохранении, семейных забот хватало. Индейской одежды тоже не было, приехал в штормовке, в чёрной широкополой шляпе. Приехал, а там — индейский лагерь! Я познакомился с Мато Нажином, Орлиным Пером, Сапычем, проговорили всю ночь. Никто в то время алкоголем не баловался. В тот год на Пау праздновали свадьбу Овасеса и Гали. Мато Сапа изображал лошадь, которую привели в качестве платы за невесту. Познакомился с Вапити, он тогда вернулся из Монголии, с военной службы. Он бегал по лагерю с длинным копьём. У него был головной убор с огромными рогами. Чёрный костюм, расшитый цветами. Он любил рассказывать о себе всякие небылицы. Например, он сразу стал заливать мне о том, что он служил в разведке, воевал в Китае, подорвался там на мине. Мы, конечно, не верили, тогда он показал шрам на спине: «Вот, след от осколка». На самом деле это был шрам от чирия. А на груди у него болтался кусок железа, очертаниями напоминавший Африку, и Вапити уверял, что это и есть тот самый осколок от мины. Мато засмеялся: «Как же осколок в спину тебе угодил? Ты, получается, врагу зад показал!» Но Вапити сочинял на ходу: «Там была скала, она нависала над нами, осколок ударил в неё и отскочил в меня. Рикошет — вот как всё получилось». Вапити (в то время его звали Ябебири, затем — Соббикаше) был везде, если верить его рассказам… Поскольку он увлекался племенем Оджибва, мы с ним сколотили бэнд Оджибва, к нам присоединился Чёрный Волк, Совёнок и ещё кто-то. С нами в союз вступил другой бэнд — лесные Дакоты (Медвежья Лапа, Крэк и Хозяин). Так образовалась лесная группа. Когда ЛИК распался, остались мы — лесной союз…

В 1985 году я развёлся, взял в жёны Алису, и мы прожили с ней семь лет. В то время почему-то наши мужики считали, что надо взять в жёны индеанистку, потому что «белая» женщина не поймёт. Сапыч развёлся, Бобёр развёлся, многие развелись и стали брать индеанисток в жёны.

До некоторых пор на Пау-Вау главным мужчиной был Мато Нажин. Но в 1984 году на Пау приехал Койот (Сергей Корнишев). Он был красавец, и все в один голос сказали: «Теперь Мато Нажин в отставку уйдёт». Раньше-то девчонки липли к Мато, а тут они начали крутиться возле Койота. Все они так или иначе пытались захомутать его. Койот на их внимание отшучивался: «А я люблю лошадей». Правда, у него случился роман на Алтае в 1987 году с Дашей, подругой Ольги. Случился и закончился.

У Койота интересная история. Он родом из Арзамаса-16, там с закадычными друзьями организовал группу Апачей. Будучи четырнадцати лет, Койот украл у цыган белую лошадь. Насмотревшись фильмов про индейцев, он стал учиться всевозможным трюкам верховой езды. Затем он приехал в Ленинград, поступил в каскадёрское училище, работал в труппе Мухтарбекова. В молодости Койот получил травму

то ли головы, то ли позвоночника, и однажды настал момент, когда эта травма дала о себе знать. Койот попал в больницу, он не мог понять, что с ним происходит, жаловался на полное отсутствие сил. Сильный и ловкий человек стал почти обездвижен. Он говорил так: «Я ничего не хочу делать. Только лежу и больше ничего». Он тихо сдувался. С ним в одной больничной палате лежал мужик, который заставлял Койота мыть полы. Койот: «Я не могу», а мужик ему твердит одно и то же: «Мой полы». И через это мытьё полов мужик вытащил Койота из неподвижности, спас... В Питере Койот долго жил у Серёги Павлова, но не в той квартире Анны Абакаровны, где индеанисты собирались в ранние годы, не в «фугасной комнате», а в другом доме. Это был заброшенный дом в центре города, на станции метро «Владимирская», там ютились бомжи, а Серёга Павлов отремонтировал там одну квартиру, и Койот там жил. Коля Хóтя тоже там жил. И Надя с детьми там была... Полученная травма постоянно давала о себе знать, у Койота периодически ухудшалось здоровье, и ему пришлось сесть на тяжёлые лекарства. Потом у него вдобавок развилась сильная клаустрофобия. Он не мог ездить в купе, покупал билет до Питера и убегал из поезда. Несколько лет он не был на Пау, но однажды всё-таки выбрался. И снова пропал. Закончилось всё тем, что он основательно ушёл в христианство...

А в 1987 году Койот жил у меня дома, в Ленинграде. Жил целый месяц. И он всё повторял: «Не могу, не могу, нет сил, небо давит, надо уезжать». Ютились мы на одной кровати, больше спальных мест не было. И вот решились ехать на Алтай. Вернее сказать, решился Койот. Пришли мы на вокзал. Я просто провожал его. Паспорт в те времена не требовался при покупке билета. Койот покупает билет, я смотрю на него и говорю: «Койот, бери два». Кассирша спрашивает: «На чьё имя второй билет?» Койот смотрит на меня: «А тебя как зовут?» — «Лёша» — «А меня Серёжа». Так мы познакомились. А до этого он был для меня просто Койот, а я для него — Рысян.

Ехали мы через Москву, там захватили Юрку Котенко и Макса Огурцова. И дальше — трое суток в поезде. Устали. Едем поезде одни, пассажиров не осталось, кроме нас... Юра с Максом не хотели оставаться в Голубой Скале, а мы с Койотом хотели. Я приехал туда жить, не предполагая, какая там жизнь. Никто из приезжавших туда не понимал, что там за жизнь. За три месяца я заработал 11 рублей, 83 копейки. Мы делали изгороди, крыши, заготавливали силос, пасли гурт, брались за всё.

У меня в то время были короткие волосы, потому что я в пароходстве работал, ходил в загранку, и от нас требовали, чтобы соблюдали «приличный вид». Попасть в пароходство было очень сложно. Чтобы устроиться туда, я специально пошёл учиться на официанта. Мне хотелось попасть за границу, потому что там можно было купить книжки про индейцев. Никакой другой цели не было. Я отходил два года по Европе, стал пекарем, но письма-то от индеанистов идут. И меня гложет мысль: чем я занимаюсь! Два месяца плаваю, два месяца торчу в Ленинграде.

В эти-то два месяца я впервые поехал на Алтай, зимой поехал и встретил там Рысёнка. Вернувшись оттуда, я подал за-

Рысян, Алиса, Койот (Ленинград, апрель 1987)

Алтай, Голубая Скала, 1987
Алексей Кучменёв: "Откуда тогда ватников понабрали? Вроде ехали без ватников".
Юрий Котенко: "У Мато Нажина этих ватников было - просто завались.
А в сундуке лежали буханки чёрного хлеба.
И была огромнейшая сковорода со свежей печёнкой. Запас был, значит.
Кстати, шляпа только моя личная, остальные тоже из запасов Нажина".

явление на увольнение из пароходства. Меня вызвал начальник пароходства Харченко: «Кучменёв, вы написали заявление на увольнение. Куда вы собираетесь устраиваться? Где будете работать?» — «На Алтай. Коров пасти» — «Что? Ты больной?» Но заявление он подписал.

После этого мы с Койотом и уехали на Алтай. Шёл 1987 год. В Голубую Скалу приезжало много людей в то время, не только индеанисты. Даже рыцарь Женя Герцог был там. Зрелище было... Типи, индейцы, рыцарь. Водители проезжавших КАМАЗов чуть в кювет не падали, когда видели всё это.

Решив остаться там, я отправился устраиваться на работу в Кукую, и директор предупредил меня: «Там одни панки и фашисты. Знаешь, что они делают? Зацепят корову арканом и волокут её, пока у неё башка не оторвётся. А потом они глаза у неё высасывают. Вот ты нормальный, у тебя причёска хорошая, а они там волосатые все и голышом купаются»...

В избе жили Койот, Мато, Билли Бонс и я. А Койот ведь очень своеобразный

был, мог сидеть подолгу и думать о чём-то, никому ничего не говоря. И вот как-то раз Мато говорит, глядя на седло: «Хорошо бы не на строевике ездить, а на ковбойском седле». Койот послушал и задумался в своей обычной манере. Я видел, как он открыл альбом Ремингтона, а там ковбой набрасывает лассо на лошадку и заваливает её. Койот сидел над тем альбомом час, два, три. Потом встал, пошёл за седлом, разобрал его, вставил туда рог и т. д. Сделал ковбойское седло и научил Мато, как делать сёдла. Он же научил Мато кидать верёвку. Койот рассказал ему много полезных разностей про лошадей. И вот тогда Мато заболел ковбойством. Это при нас случилось. А мы с Бонсом только смеялись над ним, потому что нам эти лассо и кони за целый день верховой езды по горам так надоедали, что и думать о каких-то ковбойских прибамбасах не хотелось. Комары, гнус, мы искусаны, лошади искусаны... У нас был смешанный гурт, там и дойные коровы и быки, а быки страшные, дикие, растоптать могут запросто.

Помню, там был здоровенный чёрный бык. Огромный, как вагон. Он забрался в силосную яму, налакался этой жижи и захлебнулся. Весил он больше тонны. Вроде бы — мясо, но достать его оттуда не получалось. Он умер, кровь не спустили, и тонна мяса пропала. Собаки-то его сожрали, а мы не получили ни куска... Вот такие были дела. На охоту ходили, рябчиков стреляли. Но охотой прокормиться не получалось. Мато на охоту при мне не ходил. У Орлиного Пера было ружьё, но он сидел в избе, сочинял песни и читал Ленина... Денег не было, но всё нужное приходило всё-таки. Они смогли купить музыкальные инструменты, ударную установку, звукозаписывающую аппаратуру. Им помогали...

В Кукую приехала моя жена с ребёнком. К зиме положение обострилось, тяжело стало. Короче, я свалил оттуда. Там бывали времена, когда жрать нечего. Постоянно посылки приходили, а там конфетки. Мато Нажин ругается: «Хоть бы колбасы прислали!»

Вернувшись зимой в Ленинград, я несколько месяцев перекантовался сторожем где-то, а потом решил, что нужно создавать общину в Карелии. Собралась группа людей: Хозяин, Чёрное Перо (Крэк), Вапити и ещё несколько человек. Мы хотели заниматься пчеловодством. Нашли хутор, вокруг ничего нет, двенадцать километров до посёлка. Места красивейшие. Но что-то не сложилось у нас с директором. Мы долго туда ездили, бодались с ним из-за того, что нужны какие-то подъёмные средства, трактор и так далее. И мы решили искать другое место.

К нам прибился пчеловод дядя Коля, мужичок лет шестидесяти, он нас обучил азам пчеловодства. Мы сделали двенадцать ульев. В 1988 году мы нашли деревню под названием Горушка, заброшенная деревня на стыке Псковской, Новгородской и Ленинградской областей, настоящий медвежий угол. Восемь пустых домов. А неподалёку находилась деревенька, название которой я не помню. До совхоза от нашей деревни было пятнадцать километров. На всех ключевых должностях в том совхозе сидели чечены, а местный народец занят был в основном алкоголизмом. Таких персонажей даже в кино не увидишь. Нам был нужен для какого-то дела тракторист Григорий, и мы по-

шли к нему в избу, которая накренилась чуть ли не на тридцать градусов. Посреди комнаты стояла железная кровать, стол, табурет, на столе бутылка. Кровать укрыта промасленными ватниками. На кровати лежал Григорий. Когда он встал, мы увидели, что руки ниже колен, казалось, что чуть ли не до пола достают — такие длинные. И ни разу, похоже, не мытые. Лицо дегенерата: огромная челюсть, пустые глаза...

Ханов, директор совхоза, вёл хозяйство так: перед сенокосом он привозил бочку пива, всем наливает. Они напиваются. Утром встают, хотят похмелиться, а он говорит: «Когда скосите всё, дам ещё бочку».

И вот мы поехали в Горушку: Крэк, Серёга Павлов (Большое Сердце) с женой и ребёнком, Анна Абакарована, Кеша и я. Вапити откололся. Мы поселились в Горушке и взяли пасти сто голов нетелей, потому что с пчёлами у нас не получилось ничего. Мы взяли откармливать скотину. Двух коров сразу загрызли волки (одной ногу отгрызли, и она сдохла, второй горло прокусили и кровь выпили) ... Они, эти нетели, родились зимой и простояли в стойле. Как только ворота открылись, они увидели солнце и траву и помчались в разные стороны, ошалевшие от счастья. И мы бросились на лошадях собирать их. Они разбежались кто куда. Мы потеряли тогда семнадцать голов, но затем нашли их, вернули. Многие залезли в пруд по самые ноздри, прячась от слепней. Две коровы провалились в выгребную яму и начали там тонуть. Только ноздри торчат и рога. Мы одной из них набросили лассо на рога, а рога отломились! Я вцепился ей в ноздри и давай тащить на себя, а она — ноль внимания. В конце концов как-то выдернули её, но она легла и отказывалась вставать. А поскольку она вся вымазана дерьмом, то потихоньку начала соскальзывать обратно в яму. Я её ткнул в ляжку ножом, чтобы заставить подняться, но она и ухом не повела. Мы с Крэком сели на землю, отчаявшись, и тут корова встала сама и пошла... Но у этой коровы позже начался сепсис, она начала хромать. Мы вызвали ветеринара. Приехал трактор, открылась дверь, и оттуда вывалился мужик. Лицом в коровье дерьмо. Ветеринар. Пьяный вдрызг. Мы ему: «Помогите нам с коровой», а он в ответ: «Резать, только резать». — «А как резать-то?» — «Очень просто. Берёшь молоток и лупишь её по рогам. Она падает, и ты режешь ей горло». Поскольку проку от ветеринара было мало, мы погрузили его обратно в трактор, а сами пошли к корове. Она была привязана. Крэк, с голым торсом, в просторных белых штанах, как у Джеронимо, принёс кувалду и со всего маху вдарил корове по башке. Она кашлянула, но даже не покачнулась. Он опять ей шмякнул, она кашлянула и опустилась на одно колено. Одним словом, у нас не получилось. Из деревни приехала шаланда, мы погрузили корову и поехали в совхоз. Там нас встретил другой ветеринар: «Что у вас?». Объяснили. «Так, за пятнадцать минут всё закончим...» Он достал из кармана малюсенький молоточек, легонько тюкнул корову в какую-то ямочку на голове, и корова рухнула. Он тут же перерезал ей горло, кровь хлещет, а он уже начинает её пластовать. «Печёнку берёте? Нет? Тогда беру себе. Мозг берёте? Нет?..» И за пятнадцать минут он разделал её, вычистив все кости от мяса...

Как мы там жили? Топили русскую печь, кололи дрова. Ездили в совхозный магазин, брали там хлеб, подсолнечное масло, консервы, чай, сахар, сигареты. В то время мы совсем не потребляли алкоголь. Когда деньги кончились (нам ведь ничего не платили), мы набрали желудей, я прокрутил их через мясорубку, получилась каша, я замочил их на три дня, чтобы горечь вышла, затем прокалил эту массу в печке, а потом толкушкой размяли и сделали муку. Из этой муки я пёк хлеб. Очень вкусный хлеб. Мы всегда собирали ягоды. Анна Абокаровна притащила с собой двенадцать кроликов, но каждую ночь к нам приходила из соседней деревни собака и душила по одному кролику.

Никто из местных за просто так никому не помогал. Нужно нам, к примеру, мясо, мы шли к дяде Косте: «Дай нам картошки». Он давал, но взамен требовал, чтобы мы вспахали ему огород. Либо выменивали картошку на талоны (тогда водка только по продовольственным талонам продавалась).

К нам приезжало много индеанистов. Постоянно приезжали. Все же хотели вкусить дикой жизни. Однажды Лось приехал. Как-то раз мы оставили его пасти стадо. Объяснили, за кем присматривать зорче, что делать и чего не делать. Когда вернулись, увидели Лося, он сидел в позе лотоса, на голове намотана майка. И ни одной коровы. Мы к нему: «Лось, где стадо?» — «Не мешайте, я ещё мантру не дочитал». Сели на коней, поехали искать. Обычно коровы лезли в болото, прячась от мошкары. Днём — слепни, вечером — комары. Так что мы догадывались, где искать стадо, но это ж лишний труд, собирать их надо, выгонять из болота…

Когда мы приехали сдавать коров в совхоз, директор совхоза должен был нам примерно пять тысяч рублей. По тем временам, это очень большие деньги. Но он отказался платить. Мы начали судиться. К нам приходила милиция, запугивали нас, угрожали оружием. В результате мы шли всё выше и выше по инстанциям, дошли до Агропрома, а там нам объяснили, что закона об аренде не было, имелось положение, но не закон. «Вам пять тысяч должны? Не смешите. Только что приходили ребята, которым двести восемьдесят тысяч задолжали. И никто не смог им помочь, потому что нет такого закона. А по закону вы — работники совхоза, и вам положена зарплата восемьдесят два рубля».

Повесть с Холмов Оленьего Мха

Егор Черкасов (Роговая Трубка)

Меня зовут Егор — Роговая Трубка. Я родился в 1982 году в семье военного в городе Минске. Но первые десять лет моей жизни провёл в Эстонии. Отец много охотился, хорошо знал местного егеря и постоянно брал меня с собой в лес.

Из записанных воспоминаний о детстве:

«Пасмурно. Еще недавно дорога была раскисшей настолько, что проехать по ней было довольно затруднительно. Однако, сейчас когда ударили первые морозы, машина проламывая колёсами тонкий ледок на лужах пробиралась вглубь леса. По лобовому стеклу УАЗика били оголённые ветви орешника и еловые лапы. Вскоре дорога закончилась огромной трясиной. Мы с отцом вышли из машины и под ногами у нас зашуршали припорошенные снежной крупой листья клена и лещины. Справа, слегка не доезжая, располагалась большая кормовая площадка для диких животных: под навесами были заготовлены веники для зайцев, сено для косуль в особых кормушках, здесь же неподалёку солонцовые пни для лосей, подрубленная осина... Отец часто ловил капканами пушного зверя и вскоре мы подошли к ловушке, в ней — уже окоченевшая куница... Помню заимку лесничества Кооса, вольер с лайками, егерский дом с небольшой жилой комнатой и громадной кухней, в которой во всю длину помещения вытянулся массивный стол. На этом столе было всё, начиная от хрустальных салатниц, из которых почему-то ели лайки, заканчивая цепью для бензопилы. На стенах вдоль него висело много рогов лосей и косуль... Как-то раз мне показали медвежьи следы отпечатавшиеся на дороге, метрах в 50 возле егерского дома... Помню заболоченный бурелом, где идёшь по икры в воде и то и дело приходится перебираться через поваленные ветром стволы деревьев. Вскоре мы вышли на дорогу. Прозрачный, чистый воздух, кажется, даже сейчас чую те запахи... Небо было безоблачным и залитым солнечным светом, а высоко над нами тянулся журавлиный клин...

Однажды мы поехали смотреть один старый хутор с целью покупки... Дом был очень старый и совсем обветшал. Половицы давно прогнили, из-под них росла крапива. Сквозь окно, затянутое паутиной, в помещение пробивались лучи заходящего солнца, о стекло билась красивая большая бабочка. Тогда она мне показалась особенно большой, должно быть, потому что я был ещё маленький... Место, где стоял хутор, со всех сторон было зажато лесом, а совсем рядом, на поляне, протекала ручей-речушка, кристальная вода, весело журчащая в густо поросших травой берегах, позволяла видеть каждый камешек на дне...

Одна из моих первых в жизни рыбалок. Я учился тогда в 1-м классе. Отец забрал меня прямо с уроков... Чудское озеро, вечер тёплого весеннего дня, уже

не помню, был это май или апрель… Мы отплыли на лодке, и я немного боялся, может я вообще тогда сидел первый раз в лодке. Полнейшее безветрие, синее чистое небо, солнце клонится к закату, и над нами снова журавли, возвращающиеся на Родину… Может быть, именно с тех пор, я так люблю смотреть в высь, наблюдая за облаками и птицами парящими в ней… Рыбы ловилось очень много и на удочку и сетями — их ставили тут и зимой под лёд… Я не могу не упомянуть свою первую охоту… Однажды отец привёз мне из Москвы игрушку — детское ружьё довольно далеко и сильно стреляющее пульками наподобие пластмассовой пробки, настолько сильно, что я даже поинтересовался, можно ли из него сбить утку, на что получил утвердительный ответ. Воздух для выстрела нагнетался в нём с помощью рычага под шейкой ложи совсем, как в «винчестерах» ковбоев которых я видел по телевизору… Это ружьё приносило мне много радости, и я всегда брал его в лес, когда брали туда меня… Одним осенним вечером мы стояли на дамбе: отец со своим ИЖ-54 смотрел в одну сторону, а мне велел смотреть в противоположную и, если дичь будет налетать с моей стороны, известить его… Но он не принял в расчёт мой «винчестер»… И кряква налетела с моей стороны… «Чпок»… Утка удалялась, а я стоял со своим «оружием», гадая, куда же упала «пуля», далеко не долетевшая до цели…»

Уже в те годы я испытывал интерес к книгам, и если таковая была сложна для меня, я пролистывал её в поисках картинок. На полке у нас стояло пятикнижие Купера, а там изображены те самые индейцы, о которых частенько показывали фильмы по телевизору. Эти индейцы чем-то очень мне нравились. Ребёнок не знает почему, об этом могут рассуждать взрослые, а туземцы меня зацепили и всё тут… «Папа, о чём тут написано?» — спрашиваю я, пролистывая «Прерию» Фенимора Купера. «Почитай, узнаешь…»

Первая книга, которую я прочитал была, разумеется, не «Прерия», а «Робинзон Крузо» или «Остров Сокровищ», сейчас уже не помню точно, но образы форта, аборигенов и человека с мушкетом, ружьём в лесу не оставляли меня. Не сильно помню фильмы с Гойко Митичем, но очень хорошо помню, что меня впечатлил дефовский «Георг — Синяя Птица» и отечественные картины по романам Купера… Приключенческие фильмы для детей в конце 1980-х-начале 1990-х вообще крутились с завидной регулярностью, а ещё люди стали вешать спутниковые антенны «тарелки», и, хотя у нас таковой не было, почему-то появилась трансляция какого-то немецкого канала. По нему часто шли вестерны, не подскажу уже, что именно это были за фильмы и каких годов, но смотрел я их с удовольствием и без всякого перевода. Разумеется, ничего другого, кроме как солдатиков- индейцев, ковбоев или оружие я и желать не мог от Деда Мороза. С ребятами во дворе я общался мало (да и не особенно мне это было интересно), а в лес меня брали много… Так я и входил в возраст младшего школьника — в кузове часто буксовавшего в лесу УАЗика или в гостях у егеря, или на лесной тропинке, сам себе играя в индейца или Соколиного Глаза, с соответствующими образами и мечтаниями в голове… Семена ложились на подго-

Егор Черкасов с упомянутым в тексте ружьём, в барсучьей шкуре, 1989-90

товленную почву, всё вызывало соответствующие ассоциации, всё было рядом, здесь же...

***

Зимой 1991—92 года с аэродрома города Тарту нас поднял Ан-26, и со всем нажитым имуществом мы были переправлены на авиабазу Мачулищи в Республике Беларусь. На стремительно обесценивающиеся деньги, вырученные от продажи имевшейся в Эстонии недвижимости, мы купили дом недалеко от деревни Талька, что располагается на границе Минской и Могилёвской областей. Тут поселились и жили круглый год мои бабушка и дед (по отцовской линии), также переехавшие в Беларусь. Каждые летние, осенние, весенние и зимние каникулы от звонка до звонка я проводил здесь с ними, потому что вокруг на многие и многие километры простирался лес. Зверя было меньше чем в Эстонии, но достаточно, чтобы, взрослея, я учился читать следы. Помимо следов, я стал много читать ещё и книг, правда, исключительно про индейцев. Их мне покупали родители, удовлетворяя мой запрос и подпитывая таким образом интерес. «Да что ты застрял на этих индейцах! Зачем я только это делала?!» — сетовала мать через несколько лет... Поначалу Сат-Ок и Карл Май, а чуть позже мне в руки попали «Ловец орлов и другие повести» Шульца и «Сыновья Большой Медведицы». Последних я перечитывал ежегодно с периодичностью в три-четыре месяца, если не чаще. А лет в тринадцать так же часто пересматривал «Танцы

с Волками», аж подскакивая с дивана каждый раз во время атаки на ряды U.S. Army на речной переправе, а в конце фильма у меня по коже как правило бежали мурашки…

Общение с одноклассниками и сверстниками в черте города не интересовало меня по-прежнему, и, пока они в первой половине 1990-х шатались по дворам да подъездам или ходили район на район, я жил в ожидании окончания очередной учебной недели и четверти, чтобы уехать к бабушке в лес на выходные или каникулы. Тут же мне суждено было обрести друзей.

По соседству были дачи Андрея и Павла, моих сверстников, с которыми мы начали играть в индейцев. Павел жил в Швеции, потому что его мать вышла за иностранного студента ещё в советские годы, а теперь регулярно приезжала сюда на лето к родителям с сыном.

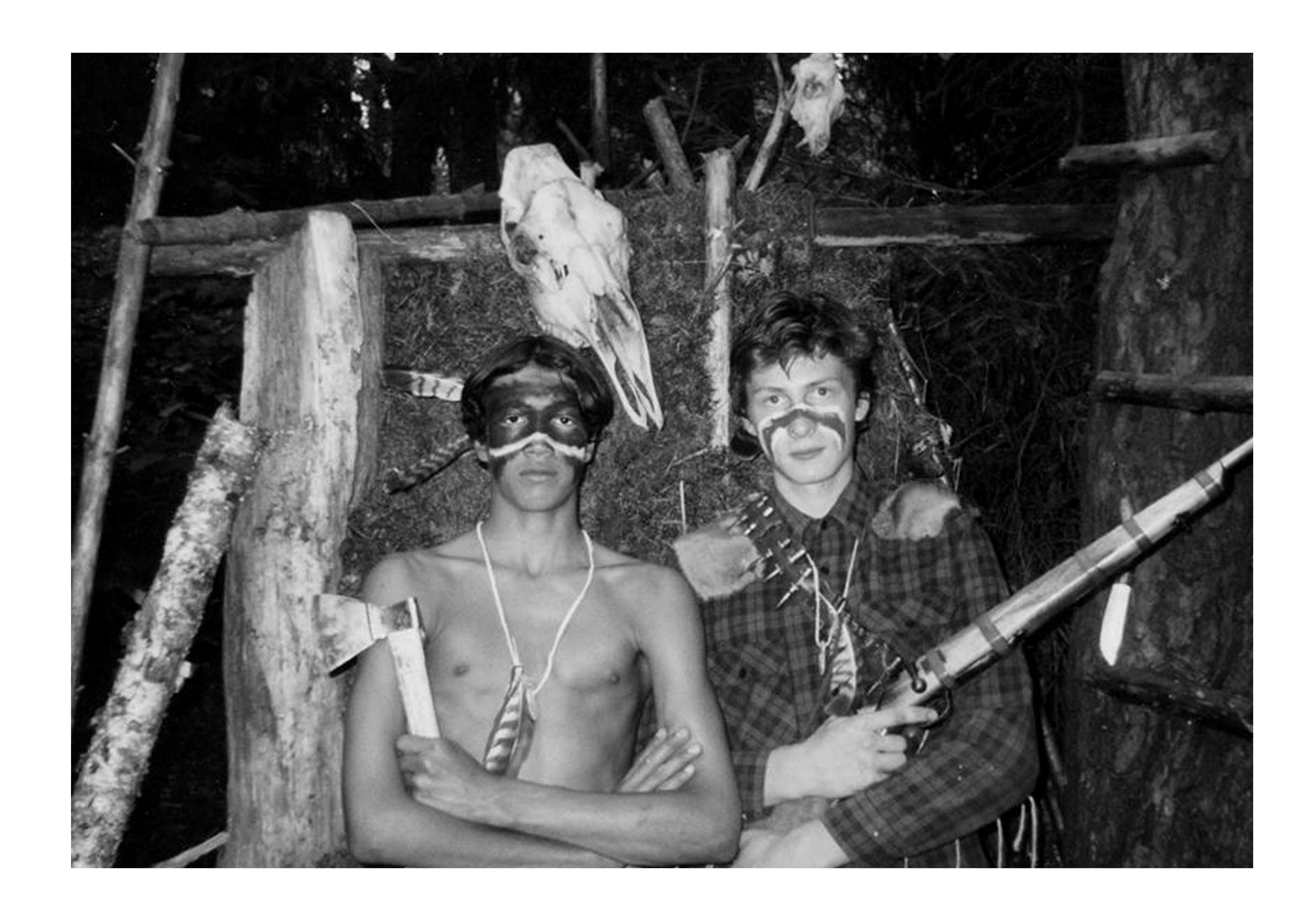
Поначалу я пользовался раскладным ножом, но лет в 12—13 отец сделал мне хороший охотничий нож, посадив клинок в рукоять из лосиного рога. Андрюхе батя тоже сделал нож. У нас были луки и стрелы, опять-таки изготавливать их научил нас мой отец. Использовали древесину рябины и дуба, предварительно высушив в течение года. Наш детский лук был круглым в сечении и бросал стрелу метров на 70—80, при угле выстрела под 45 градусов. На стрелы шли побеги ирги и утиное, воронье оперение. Строгать древки из соснового бруска/планки, как показал мне отец, я научился позже, а тогда мне было лень. Мы ходили охотиться с этим оружием на уток, что взлетали с мелиоративных канав на лугах; стрелы часто пролетали рядом с дичью, но ни разу не было результата… А ещё я помню прекрасные закаты и как ложился туман на пастбищах, куда мы шли летом пострелять, потому что стрелы там не так терялись, как в лесу. Строили шалаши, а потом хижины — на наклонный каркас из шестов клались горизонтально жерди и сверху укрывались/конопатились мхом. Такое жильё не пробивал никакой ливень… У нас были небольшие туристические топорики, мы часто тренировались и устраивали состязания в их метании. Метали, как правило, на один оборот, но стабильность броска была хорошей и шла на десятки раз. Я сам выглаживал рубанком топорища для них. Очень часто мы состязались, кто первый пригвоздит дубовый листок, прицепленный к стволу сухой сосны. Иногда, сидя после этого у костра, с помощью шишек и веточек мы изображали определённую местность с реками, высотками, болотами и обсуждали наилучшее место для стоянки, расстановки часовых, варианты тактики военных действий на такой местности. Нам нравилось мыслить над такими задачами. Мы учились жить в лесу, чтобы быть такими, как наши непререкаемые авторитеты, люди которыми мы восхищались — североамериканские индейцы… Нам было лет по 14 на тот момент, и мы решили, что должны как-то называться, обозначив себя в результате, как общество «Дикие Волки», хотя в действительности были совсем щенята… Эмблема у нас была — волчья голова, которую мы рисовали наподобие той, что сейчас на гербе Пауни, хотя я тогда его ещё не видел, а к Пауни относился, так как может это делать подросток, растущий на уже упомянутых книгах и фильмах. Павла, который был черно-

кожим, звали Чёрный Сокол. Андрея — Маленький Бобр (он души не чаял в произведениях Сетона-Томпсона), а меня — Летающий-По-Лесу-На-Крыльях, или Лесные Крылья.

Из воспоминаний о детстве: «Однажды, когда надвигались сумерки, я предложил Соколу: „Ты разведёшь костёр, а я пойду прогуляться при этом позже я постараюсь подкрасться к тебе на такое расстояние, что можно было бы метнуть томагавк или нож (4—10 метров), своим выбором местоположения и анализом местности ты должен помешать этому“. Я отошёл и стал наблюдать за ним. Четансапа походил вокруг, подумал и, в общем-то, развёл костёр там, где к нему труднее всего было подобраться. Он разложил его в небольшом ровике между участком, где густо устилали землю сухие ветви, и сосновым бором, в котором была хорошая видимость. Во-первых, края низинки хорошо скрывали свет огня, во-вторых, именно в этом месте со стороны соснового бора не было ни малейшего кустика, за которым можно было бы укрыться при продвижении к костру. Спиной же Павел уселся к сухостойному участку с обилием ветвей на земле. Таким образом, бор он просматривал полностью, а сзади от него всё хрустело, как вафли, и ситуацию мог контролировать на слух. Мне ничего не оставалось делать, как снять обувь и продвигаться через сухие ветви босиком. Если бы прошёл дождь — моя задача облегчилась бы в сотни раз, но этого не произошло, и теперь, даже не наступая на ветки, я еле слышно похрустывал ягелем и опавшей хвоей. Но вот я увидел огонёк. Павел постоянно мельтешил туда сюда в поисках хвороста... Зная, что к нему подбираются, ему бы следовало отойти на несколько метров от пламени и присесть у сосны прислушиваясь и наблюдая... Потеряв его из виду, я бы быстрее выдал себя... Таким образом, наблюдая за своим другом и осознавая, на что акцентируется его внимание в тот или иной момент, я понимал, когда стоит двинутся, а когда замереть. Один раз мне довелось так довольно долго следовать за лисицей, что бежала по дороге. Как только она, заслышав мою поступь, настороженно останавливалась, я тоже замирал, оставаясь в тени ивняка. Когда же зверь снова начинал неспешно рысить, я осторожно продолжал красться за ним... В одном километре от костра, что развёл Павел, находилась железная дорога, и я использовал шум проходящих поездов для маскировки своего передвижения (если бы у огня сидело несколько человек, можно было бы двигаться во время звучания реплик, или в случае ненастной погоды, при сильном порыве ветра). В конце концов, я подобрался к костру примерно на 25 метров. Я ждал очередного поезда. Под его шум надо было сделать быстрый рывок и остаться незамеченным до последнего момента. Вот и он! Прыгая на носочках в „окна“ между сухими сучьями, устилавшими землю, я рванулся вперед. Но... мне не хватило каких-то семи метров до установленной дистанции. Зато сколько было хохота, азарта и восторга!»

Очень часто я бродил по лесу в одиночестве, особенно в пору зимних или осенне-весенних каникул; с Андреем-Бобром у нас не всегда ладились отношения, а Павел Чёрный Сокол появлялся только летом...

Я сидел на старой высохшей коряге у кромки болота. Вечерело. Небо было

необычайно красивым. Складывалось ощущение, будто кто-то взял два золотисто-красных пера и разметал размашистыми мазками всю окраску с их кончиков по голубизне прекрасного чистого неба. Над болотом медленно протянули два журавля. Долго я смотрел им в след. Мне всегда нравилось провожать взглядом птиц. Какими же свободными они мне казались. Мысленно я парил рядом и тогда тоже ощущал частицу этой свободы... Совсем рядом, метрах в двадцати пяти, я услышал тихое покрякивание, пригляделся и увидел в окнах воды, среди болотных трав, плавающих уток, потом ещё и ещё, сколько же их тут?! Птицы чистились, ныряли, а я, замерев, наблюдал за ними и от того чувствовал себя счастливее и не так одиноко. В лесу человек никогда не бывает один, вокруг него всегда есть духи, голоса: дуновение ветерка, шелест листвы, пение птиц... Есть разные народы: летающих, ползающих, четвероногих. Каждый из их представителей живёт среди себе подобных, но так должно и человеку, ему необходим друг или хотя бы мысль о том, что где-то есть люди, которые дороги его сердцу и разделяют его мысли взгляды — его народ. Когда-то таким народом был Павел-Четансапа, зимой мы переписывались на английском (поскольку по-русски он только разговаривал, а читать и писать не умел), а летом приезжал, и эти дни перед его прибытием всегда были наполнены радостным ожиданием.

Помню, однажды вечером, когда он приехал, разразилась жуткая гроза. Мы просидели допоздна и не могли нарадоваться, что увиделись, наконец. Он привёз мне в подарок небольшую картину где был изображён индеец, волосы в косах, седло со шкурой горного льва, на голове — роуч. Это, наверное, какая-то репродукция была: «У нас в Стокгольме сидит настоящий индеец и вот такие картины рисует». Сейчас, я думаю, что художником, возможно, был индеанист, но мы были всё-таки ещё детьми и многое принимали за чистую монету. Мне было очень приятно. Представьте себе информационный голод одиночки, варившегося в своём соку, да ещё при отсутствии интернета… Вырезки из газет, походы старшеклассника в библиотеку, где можно было урвать хоть крупицу по интересующей теме, постоянный контроль книжных магазинов, ТВ-каналов, сопоставление информации иногда научной, а иногда и весьма далёкой от этого. Однажды мой одноклассник подарил мне книгу «Тропою слёз и надежд» о современных индейцах США и Канады; с картой расселения племён в прошлом, фотографиями современных Пау, краткой хронологией исторических событий периода освоения континента. Я был безумно счастлив. Оказывается, их наградили этой книгой на какой-то спартакиаде. Вот, спрашивается, чем объяснить такой выбор литературы для награждения?

Всё это происходило во второй половине 1990-х годов. А где-то под Питером движение уже переживало рассвет… Интересно думать об этом… Но мне кажется, что я узнал то, что должен был узнать, именно тогда, когда это должно было случится. Через несколько лет Птица, сидя в типи, скажет мне: «Всё происходит тогда, когда должно произойти». А в тот день, когда приехал Чёрный Сокол, из-за грозы отключили электричество, за окном сверкали молнии, а мы зажгли с Чёрным Соколом свечку и всё никак не могли наболтаться. Когда он ушёл к себе, я долго не мог заснуть, предвкушая наш завтрашний поход в лес…

По мере взросления наши переходы уводили нас всё дальше, мы стали ночевать в лесу…

Из записей о детстве: «В те далёкие дни мы чувствовали себя счастливыми и беззаботно проводили долгие месяцы в лесу, где учились жить. Учились работать топором и ножом, лопатой и веслом, натирая мозоли и укрепляя мышцы рук. Учились зимой и летом проходить без устали десятки километров в день, с рюкзаком за спиной, выбирать наилучшее место для стоянки, разжигать костёр в любую погоду и готовить еду на огне, строить шалаш и устраивать мягкую постель из еловых лапок, ориентироваться на местности с помощью компаса и карты, предполагать, какая будет погода сегодня вечером или завтра утром. Мы учились охотиться, хотя тогда у нас ещё не было настоящих ружей, но они и не нужны были нам для такой учёбы: мы учились ходить по лесу как можно тише и наблюдать за повадкам зверя, замирать, когда тот замечал нас, но благодаря слуху, зрению и даже обонянию старались обнаружить его как можно раньше, распознавать следы и их относительную свежесть. Мы старались всем своим естеством внять тому, чему нас учил лес…

Тёплое летнее утро, накануне прошёл ливень с грозой. Ветер прохладен

и свеж. Он наполнен ароматами луговых цветов, трав, мха, сосновой и еловой хвои. Часто приходится пригибаться, чтобы не налепить на лицо паучью сеть. То и дело попадаются следы лося, косули. В лесу поспело много земляники, и, несмотря на тяжёлый рюкзак, ты часто приседаешь, чтобы сорвать несколько ягод, прячущихся в мокрых от росы листьях. Над головой смыкаются тёмно-зелёные лапы ельника. Воздух тут сырой, а дуновения с пойменных лугов реки Таль гуляют лишь в вершинах деревьев. Кое-где сквозь зелёный занавес пробиваются лучи солнца, в которых сверкают задержавшиеся на нежно-зелёных молоденьких побегах прозрачные капельки недавнего дождя. Лес… насколько же он загадочен и непостижим. Он живой, он величественен и таинственен. И тех, кто благодарит это Таинство, уважает его, Дух леса щедро одарит полным лукошком грибов или дичью, посланной под выстрел…»

Через пять-шесть лет я узнаю людей которые познакомят меня с тем, о чём говорил Чёрный Лось… Сегодня я могу сказать, что в те подростковые, юношеские годы уже чувствовал всё то, о чём узнаю некоторое время спустя… Подобно горячо любимому мною герою «Танцев с Волками», я вёл дневник, записывая туда всё, что произошло со мной в лесу, любой опыт, всё что видел и слышал, наблюдения за погодой, мысли: «Это был пасмурный летний день. Сверяясь с показаниями компаса и карты, я и Сокол продвигались по тропинке, уводившей всё дальше и дальше в сумрак еловых лесов, покрывающих Холмы Оленьего Мха (так мы называли места приблизительно в 15 километрах от дома). Кое-где встречались отпечатки лосиных следов. А вот тут лежала косуля и относительно недавно: трава всё ещё оставалась примятой. В полдень мы вышли к месту стоянки. По прибытию сразу же занялись установкой односкатного балагана, заготовкой дров, лапника для постелей. Пошёл дождь, погода давала знать, что осень уже не за горами. „Смотри, как разводиться костёр в такую погоду“, — с этими словами я взял нож, толстую сосновую палку-верхушку только что срубленной сухостоины и стал сводить её конец на стружки. Аккуратненько собрав их и уложив горкой, я приладил сверху расколотые части бревна, а потом остатки комля, и просунул зажженную спичку в глубь к стружкам. Важно лишь найти засохшую на корню сосну и развести этим способом костёр возможно даже в самый слякотный, промозглый день. Благодаря строганию и раскалыванию вы добираетесь до сухих слоёв древесины, ведь во время дождя или снегопада вода скатывалась по стволу вниз, а не впитывалась в него заставляя гнить, как если бы он лежал во мху. Очень скоро мы развесили над огнём вещи, которые следовало просушить после дождя. Сняв с перекладины котелок, принялись за обед. Бывают дни, когда спишь в лесу как убитый и очень сладко. Так было и тогда. Немного моросил дождь, я завернулся в одеяло, надел накомарник и, согреваемый теплом тихо потрескивающего пламени, уснул. Пару раз за ночь я просыпался, чтобы подкинуть дрова в огонь и снова моментально проваливался в сон. Утром небо прояснилось, и мы увидели взошедшее над лесом солнце. Чистый лесной воздух благословил аромат жаренной над углями колбасы, дымка и свежезаваренного чая»… Мне было

16 лет, и казалось, что я был по-настоящему счастлив и свободен, я чувствовал, будто мой дом был под каждой сосной в этом лесу. Абсолютное ощущение безусловной свободы и беззаботности…

Мы часто мечтали, что когда повзрослеем, будем ездить к друг другу в гости и даже планировали совместный поход в Лапландию, но жизнь распорядилась по иному и одним пасмурным августовским днём Павел уехал… Мы еще вели с ним переписку в течение нескольких лет, и я надеялся, что он появится, но он уже так никогда ни не приезжал в наши места. Казалось, он выполнил свою миссию в моей судьбе и, поспособствовав укреплению и развитию моего интереса к североамериканским индейцам, исчез из неё в силу определённых жизненных обстоятельств. «Дикие Волки» перестали существовать, их хижина в лесу окончательно сгниёт и развалится через несколько лет, но впереди были новые горизонты…

Из дневниковых записей: «Пришла весна. Высоко в облаках прогремела Вакиньян. Первые крупные капли упали на иссушенную вешним солнышком почву, сбивая с её поверхности пыль. Земля жадно впитывала обрушившийся на неё поток. Лесные тропинки превратились в русла ручьёв. Родная страна, ветры свободы, глухие леса и болота, обширные луга полные благоухающих трав, над которыми проносятся штормы с громами величественные облака, воздух, которым невозможно надышаться. Как давно не ступал я по мягким травам, наполненным росой, по узеньким тропинкам в сосновом бору и еловой чаще. Не говорил со старым хранителем тайн — вековым дубом, раскинувшим свои ветви у окраины луга. Я часто приходил к нему и садился у валунов, высившихся из травы у его корней. Я почитал его, как воина и мудреца. Он словно сообщал мне свою силу в минуты печали. То было святое для меня место».

С Андреем–Бобром мы продолжали ходить в походы. Мне было 17 лет, когда в августе 2000 года я решил отправиться на поиск видения. Я не знал, как проводится обряд Уанаблечейяпи, и опирался на то, что было мне известно из книг Д.У.Шульца. Я отправился один на отдалённую еловую опушку, пробыв там сутки без еды и воды. У меня с собой был лук со стрелами, фланелевая рубаха с бахромой и громадное перо филина, которое я подвязывал в волосы.

Из дневниковых записей: «С утра шёл дождь, а когда облака рассеялись, высоко в небе парил канюк. Вокруг ползали муравьи, изредка прилетали осы. Сгустилась тьма. На небе засияли звёзды. Иногда чувствовалась тревожность. В первый раз я был в лесу совсем один, однако не могу сказать, что это был страх. Я не боялся, хотя уснуть у меня так и не получилось, и я пролежал на сырых ветвях и мху, смотря в бесконечную мглу ночного неба, не сомкнув глаз».

Я не был подготовлен, ничего не знал и практически всё делал неправильно, — просто мальчишка, силою воли оставивший себя на сутки без пищи и воды в глухом лесу. Конечно, ни о каком видении не могло быть и речи, учитывая, что и индейцы не всегда их получали. Но тогда я этого не знал. Утром я пришёл к Андрею, ночевавшему где-то в двух километрах от меня, наелся сваренной на воде пшёнки и завалился спать.

В те летние дни на нашей стоянке на Холмах Оленьего Мха я установил столб, на котором вырезал изображения

ястреба, молнии, солнца и утренней звезды, у его основания я сложил несколько тяжёлых камней. А под изображением ястреба сделал небольшую выемку, куда сыпал табак для духов, когда приходил в эти места.

Из записей за середину 2000-х: «Каждую весну вокруг него расцветают ландыши, он и сейчас возвышается там, словно символ тех времен, когда мы, будучи детьми, приходили на Холмы Оленьего Мха, чтобы жить беззаботной жизнью».

Я чувствовал, что что-то меняется, что-то безвозвратно уходит в прошлое и от этого мне становилось безудержно печально: «На чёрном бархате небосклона нарастает луна, чётко обозначился Волчий Путь. В августе самое прекрасное звёздное небо! Ты смотришь в него, и твои мысли уносятся далеко в бесконечность. Что ждёт нас там за горизонтом?»

Осенью начались занятия в университете. Университетские читальные залы, новые крупицы информации, уже научные монографии, анализирующие первобытнообщинный строй. У меня не сохранились ксерокопии, но я отснимал что-то вроде конспекта Карла Маркса касаемо североамериканских индейцев. Я продолжал бродяжничать по лесу в свободное время.

Из дневниковых записей: «Через пару недель наступила небольшая оттепель. Я и Андрей спустились с Холмов Оленьего Мха и отправились в юго-западном направлении, чтобы перейти через Таль несколько выше по течению. Местами в лесу снег был довольно глубок. Из-за сменяющих друг друга морозов и оттепелей образовался наст. Поскольку мы шли без лыж, он лишь затруднял ходьбу. Около полутора часа до сумерек мы достигли соснового бора к югу от реки, где решили устроить бивак. Становиться всегда лучше засветло, особенно зимой. Нарубив дров, мы сварили суп и неплохо пообедали. Пошёл небольшой снег. Я взял небольшую лопатку, что была приторочена сбоку к рюкзаку, и принялся расчищать от сугробов место под палатку. Вслед за этим нарубил лапника и пышно устелил им оголённую землю. Сверху поставил палатку. Когда мы завершили все приготовления к ночлегу, я снял промокшие ботинки и пристроил их сушиться у костра. Стемнело. Мы сидели на ковриках у костра, уплетая ужин, и думали каждый о своём. Я вспоминал одну очень снежную, морозную зиму… Четырнадцатилетний мальчишка резво пробирается на лыжах среди старых сосен. За поясом топорик, на боку охотничий нож и сумка. Обнаружив в лещиновых зарослях заячью тропку, он скидывает рукавицы и коченеющими от холода руками, ставит силки из медной проволоки. Стараясь оставлять как можно меньше следов, маленький траппер продолжает свой путь… У меня из силков тогда ушло два зайца. Выбив в снегу громадные лунки, они всё-таки оборвали проволоку, которая оказалась слишком тонкой, и спаслись от мучительной смерти… С тех пор я больше никогда не ставил самоловы, решив дождаться той поры, когда у меня будет ружьё и я смогу охотиться менее жестоко… Когда мне исполнилось восемнадцать, отец передал мне своё ружьё, и я стал охотиться. Много опыта мы с Андреем-Бобром переняли, совершая походы с ребятами из турклуба «Горизонт». Но они были

чужды мне по духу, меня не объединяло с ними мироощущение, поэтому в будущем, уже после второго курса я перестал с ними общаться. Эталоном для меня оставались североамериканские индейцы, которых я немыслимо на тот момент идеализировал и которые Андрею Маленькому Бобру к тому времени были уже абсолютно до лампочки. Я очень хотел наконец-то найти «своих».

Ещё одним священным для меня местом, о котором стоит упомянуть, было находившееся в 10 км на юго-восток от Холмов Оленьего Мха — озеро Гремячее. Часто сидел я на его берегах и дымил самодельной деревянной трубкой, которую в те дни набивал табаком, выпотрошенным из дешёвых сигарет. Это было удивительное место, весьма таинственное и загадочное. Мы там останавливались с ночёвкой иногда.

Из дневниковых записей: «Там всегда можно было услышать, как ухает сова во мгле бескрайних топей, что перемежались с островками леса и уходили далеко восточнее. Оно располагалось в лесу на границе с верховым болотом, где росла голубика и клюква, рассыпавшаяся красными бусами по влажной зеленой поверхности моховых кочек. Сюда мало кто заглядывал. Озеро было круглым по форме, и вода в нём была чистая, но из-за торфяного дна казалась чёрной. Похоже, что оно было бездонным. Берег омута представлял собой моховой ковёр, расстеленный над водой, подступится к которой, можно было только по кинутым поверху брёвнам. Необычайное своей гладью, оно смотрело чёрно-зелёным оком в синеву неба, перенимая голубоватый оттенок, либо же если наползали свинцовые тучи и вовсе становилось цвета вороненой стали, а в воде отражались кроны сосен, что росли вокруг... Это озеро... В нём было нечто колдовское... Рыба тут не ловилась, хотя вода была вполне пригодна для питья, а по утрам над ним клубился густой туман. Он не просто стоял над ним или стелился, как это бывает на реке, он именно клубился... Ветра нет, а воздух над водной поверхностью, что застыла, как зеркало, так и гуляет. Под действием потоков клубы тумана кружатся, переваливаются друг через друга, кажется вот-вот из густой завесы облака, что повисло над лесным омутом возникнет древний старец и исчезнет вновь, будто и не было его... То дух озера совершает свою магическую пляску, приветствуя новый день. Но лишь лучи восходящего солнца пробьются из-за крон деревьев, как туман моментально рассеивается. Долгое время мы не понимали, почему озеро называется Гремячим, пока не очутились на нём как-то рано утром весной. Снег в лесу уже полностью сошёл. Но озеро ещё было сковано льдом. Когда, наконец, лучи солнца пали на его поверхность, раздались странные звуки, напоминающие стон, скрип деревьев и грохот одновременно. Они доносились из-подо льда, и мы были настолько поражены их необычайным звучанием, что замерли и удивлённые слушали их. Сколько же тайн и всего интересного продолжал хранить для нас наш Великий Отец-Лес. «Так лёд реагирует на нагревание», — объяснил бы учёный. Но я верю, что то озеро — живое, в нём есть дух и оно магическое... Грустно, что практически не осталось сегодня тех, для кого лес — храм, а всё больше тех, для кого он — лаборатория или склад древесины... Но у меня был свой путь..

Однажды по телевидению прошёл репортаж об индеанистах... Как я узнал спустя пару лет, снимали в Холмах на Каннельярви... Однако подано всё было таким образом, словно стойбище находится где-то в глуши на границе с Карелией. Я воспринял всё так, будто индеанисты живут там постоянно и круглый год, охотой и рыболовством, подобно кетам в сибирской тайге, при этом духовно и материально реконструируя культуру североамериканских индейцев. Я не помню уже, у кого конкретно брали интервью, по-моему, у Сергея Бычко и Мато Сапы. Репортаж произвёл на меня сильное впечатление. Увидел я его зимой, а летом хотел отправиться с Андрюхой на поиски лагеря. Мы рассматривали топографические «двухкилометровки» карело-финской границы, выискивая местность поглуше и гадая, на каком участке располагается стойбище. Мы думали о том, как представимся и что будем говорить, когда обнаружим лагерь... В первые годы 2000-х интернет так ещё не объединил постсоветское пространство, как позже... Дома разразился небольшой скандал. Отец мне сказал, что я ненормальный, говорил об опасностях пути, бандитизме на железных дорогах и станциях. Поэтому летом я всё-таки внял убеждениям родителей и, взяв сезонную охотничью путёвку, остался на Родине, где весьма успешно охотился. Не стану подробно описывать мои охоты, скажу лишь, что много тренировался и скоро без труда добывал дичь. Зная окрестности, я понимал где её искать. В основном стрелял и уток и рябчиков, но однажды добыл тетерева, а ещё через месяц косулю. Бывало, мы поджаривали битую птицу над углями на прутьях или варили суп из утки в котелке...

Из дневниковых записей: «Стоял конец октября. Тёплый солнечный день. Я миновал Холмы Оленьего Мха и шёл теперь вдоль ручья, где так часто под выстрел взлетали кряквы. У берегов уже образовались наледи, но середина русла ещё не замерзла, и сквозь кристально-прозрачную воду можно было видеть песчаное дно. Солнце красиво пробивало лучами, кое-где сохранившуюся на деревьях разноцветную листву. Я уже оказался на углу опушки, когда заметил полевого луня сидевшего неподалёку. Мне интересно было взглянуть на птицу поближе, и я стал подкрадываться. То ли заметил он меня, то ли нечто почувствовал, но, нехотя взмахнув крыльями, пернатый поднялся в воздух. Было совсем не похоже на то, чтобы я его вспугнул. Я сделал ещё один осторожный шаг и увидел косулю. Она стояла на лугу, метрах в восьмидесяти выше по течению. Не привлеки моё внимание лунь, я вышел бы на луг, не скрываясь, и видел бы сейчас удаляющееся „зеркало“ животного. Но птица словно предупредила меня, и, сделав нужное, улетела. Вот почему я считаю, что лесной дух, благоволивший ко мне, мог быть там, среди травы, в обличии луня. Случай этот лишний раз показал, как важно внимательно осматривать луга и поляны из леса, прежде чем появится на них. Для выстрела было далековато. Я медленно присел на землю и стал наблюдать. Стояло полное безветрие, и зверь не мог меня почуять. Вскоре, довольно быстро, животное направилось в мою сторону — к кромке леса, только по другому берегу ручья, и остановилось, как раз напротив, у самых зарослей — будто кто-то направлял его ко

мне. От дичи меня теперь отделяло около двадцати метров. Я плавно поднялся, двигаясь вместе с тем быстро и бесшумно. Косуля заметила меня, и замерла от неожиданности. Я не промахнулся. Зверь рухнул. Не обращая внимания на ледяную воду, я пересёк ручей и обухом томагавка добил зверя по голове».

Прошло одиннадцать месяцев. На землю, устланную ковром золотистых листьев, просачиваясь багрянцем красавцев-клёнов, падал солнечный свет. Передо мной лежал выбеленный череп косули. Я принёс его и свою старую трубку, набитую табаком, чтобы сделать подношение духам. И они приняли мою жертву, уже через месяц направив мне под выстрел ещё одну козу и прямо в том же месте, только на этот раз я её отпустил… Какой смысл убивать, когда за те же деньги, что потрачены на приобретение лицензии и патронов, можно купить в разы больше мяса?

Вот что я написал тогда в дневнике: «Спокойно развернулся и, разрядив ружьё, зашагал на северо-восток. Передо мной расстилались широкие луга, окаймлённые позолоченными дубами и березами. Что я чувствовал? Сложно сказать. Иногда по коже бегали мурашки, будто мне довелось пережить нечто прекрасное и необычное, что-то словно росло у меня в душе — непонятное, волнующее и в то же время успокаивающее. Я вспоминал слова замечательного канадского писателя Д.О.Кервуда: „Величайшее наслаждение на охоте составляет не убийство, а именно возможность предоставить животному жить“. Беги мой младший брат, беги. Пусть быстрые твои ноги уносят тебя подальше от злого свинца, пусть жизнь восторжествует над смертью, пусть ждут тебя любимая и дети когда-нибудь. Пусть сможешь ты видеть это небо, закаты и восходы, вдыхать воздух сырого, туманного утра и свежесть соснового бора после грозы. И я понял, что это великое переполнявшее меня чувство, было нежеланием больше стрелять, но желанием жить и любить, что есть одно и то же на самом деле».

Мне тогда исполнилось двадцать лет, и с тех пор я не охочусь…

Примечательный случай произошёл со мной через пару недель. Первого ноября 2002 года я пошёл на концерт белорусской фолк-кантри-группы «Рагнеда». Ожидая выступления музыкантов, я обратил внимание, как в первых рядах занимают места несколько человек в стэтсонах. Угадайте, кто это был? Ну, конечно, Танто, Птица, Майор и Павел Калинков. Судьба распорядится так, что я познакомлюсь с ними меньше чем через год, а пока на этом концерте я впервые встретил свою будущую жену… Вот так люди, которые будут играть в моей жизни первую скрипку все оказались рядом, в одном помещении, сами не зная того…

***

Во время учёбы в университете одной из моих любимых дисциплин была история восточных славян, а именно её раннесредневековый период. Преподавал у нас Груцо Игорь Алексеевич — доцент, а помимо этого, ещё член научного общества «Центр наполеоновских исследований» (Франция), почётный член «Международной наполеоновской ассоциации» (Монако-Канада) и, что самое главное в этой ситуации, — реконструктор. Лекции были интересными, а семинары даже более того, поскольку их он строил таким образом, что заставлял мыслить,

вскрывать те или иные причинно-следственные связи исторических процессов. И вот однажды я подошёл к нему с просьбой быть моим научным руководителем в написании курсовой (позже на её основе я буду защищать дипломную — «Роль норманнов в становлении государственности на восточнославянских землях»). Он внимательно и изучающе на меня посмотрел, и, слегка растирая мочку уха, протянул: «Ну а почему вдруг славяне…?» Не помню уже дословно, что я ему ответил, но смысл был таков, что всю жизнь мне были интересны североамериканские индейцы, но, поскольку количество доступных серьёзных источников крайне ограничено, научного руководителя, который мог бы вести по этой теме в Беларуси нет, то славяне периода раннего средневековья мне представляются наиболее оптимальным вариантом для изучения в связи со схожестью климатических условий обитания, фауны и флоры мест расселения и приблизительно одинаковым уровнем социального развития (переход от первобытнообщинного строя к военной демократии) … Когда я сказал про индейцев, у него от интереса, по-моему, даже загорелись глаза: «А Вы знаете, у нас есть человек, которому тоже интересны индейцы. Его лично я не знаю, но дам Вам телефонный номер знакомого, который с ним контактирует». Позвонив по телефону знакомому моего преподавателя (он, я полагаю, тоже был реконструктором наполеоновской эпохи), я узнал, что интересующего меня человека зовут Артур, и выяснил, как с ним связаться. Я понятия не имел, кем был Артур по профессии и думал, что раз речь идёт о научной работе, скорее всего из соответствующих кругов. Поэтому, когда я связался с Арчи Койотом, выпалил ему, что хочу писать научную работу касаемо племён языковой группы хока-сиу, и договорился о встрече…

Не помню, было это начало марта или конец февраля, но, как случается в наиболее счастливые дни моей жизни, солнце светило мне особенно ярко… «Здравствуйте, я Артур»… На меня смотрел человек небольшого роста, с очень худым, смуглым лицом и длинными чёрными волосами с проседью, завязанными в хвост на затылке, в ухе серебряное кольцо, на ногах ковбойские сапоги, джинсы, за спиной рюкзак соответствующего стиля… К Артуру-Койоту я наведывался приблизительно раз в две недели. Информация на меня лилась просто рекой… «Чёрный Лось» и «Священная Трубка» Нейхардта стали для меня откровением… Вот это да! Вот оно всё то, что я чувствовал все эти годы в лесу, выражено в конкретных религиозно-философских посылах, обрядовых формах!!! Много информации было распечатано из интернета: анализ книги Денига «Пять племён верхнего Миссури», сделанный А. Нефедовым, материалы из электронной версии альманаха «Первые Американцы», кинофильмы… Образ благородного дикаря тоже рушился довольно стремительно, но это меня не смущало нисколько. Я наконец-то знакомился с ними — настоящими, многогранными и в сотни раз ещё более интересными, чем те герои «с картинок», что были у меня в детстве и юности.

В то время я учился в автошколе, чтобы сдать экзамен на водительские права… Какие на фиг права! Я не хотел никакой учёбы!!! Ничего, кроме того, чтобы впитывать и впитывать живительный поток информации! Через го-

дик я тоже познакомился с загадочной новой технологией интернет и стал забивать полки распечатанной информацией, которую уже искал и сам...«Да ты динозавр вообще!», — по-доброму шутил надо мной один мой бывший одноклассник, мир которого составляли ночные клубы, интернет и электронная музыка. Первые вещи, которые я расшил бисером, были ножны, пайпбэг и мокасины. Сейчас я не стал бы говорить в традиции какого народа они были выполнены, скажу лишь, что расшиты они были ленивым стежком и в изготовлении их я пытался копировать лакотские и шайенские артефакты. Ещё я расшил мокасины, скроил леггины из материи, и вырезал курительную трубку из лосиного рога (я узнал об использовании такого материала с этой целью Проткнутыми Носами). Трубка, кстати, как говорил позже Танто, получилась на редкость удачной и хорошо курилась. Использование такой трубочки дало повод окрестить меня соответствующим образом. Имя дал мне Танто, и произошло это через лет пять-шесть после описываемых событий на Сябрыньских озёрах, в Налибокской Пуще. Эту трубку я храню и сейчас...

10 мая 2003 года я познакомился с Танто. Мы заехали за ним с Койотом. Танто жил тогда в городской квартире. Стены комнаты были густо увешаны изготовленными им вещами. Я такое видел впервые. Когда выходили, Артур, хихикая, спросил: «Ну как, слюнки не потекли? Я тебя специально сюда притащил!» И мы поехали в лес...

Из старых записей: «Это был прекрасный день в месяц новой травы. Листва только-только распускалась. Каждую весну маленький бэнд индеанистов становился на реке Волме. Из ветвей старой поваленной ели мы извлекли шесты для брезентового типи. Их спрятали тут в прошлом году, но тогда меня ещё не было с этими людьми. Через какое-то время мы установили жилище (я помогал в установке, и в типи оказался впервые в своей жизни). На старом кострище заполыхал огонь. Танто взял ивовыми щипцами уголёк и положил его на большую ракушку, куда насыпал до этого полынь. Каждый по очереди окурил себя ароматным дымком. Лакоты верили, что полынь изгоняет злых духов. Вслед за этим по кругу была пущена тлеющая косичка свитграсс, растение притягивало добрые силы. Эти травы были подарены нашим индеанистам в 1990 году Деннисом Бэнксом, лидером Движения Американских Индейцев... В дыму этих трав была очищена, а затем составлена и набита священная трубка. Её пустили по кругу... Помню, Койот сказал мне тогда: «Это Путь...». Затем Танто выбил пепел на священный алтарь и положил трубку и священные травы обратно в расшитый мелким чешским бисером пайпбэг, который подвесил к одному из шестов задней стенки типи. Я разглядывал Танто — вождя белорусских индеанистов. Ему было около сорока лет. Длинные волосы, в ухе серьга. Всю жизнь он посвятил Красной Дороге, и производил впечатление человека уравновешенного и отчасти скрытного. «О чём говорят знаки на твоей сумке для трубки?» — спросил я его. «Когда-то давно я его расшил... Видишь эти треугольники? Это типи, стойбище. Я лежал в типи и смотрел на небо через дымоход. Там парило пять ястребов. Я

понял, что это знак... Тогда я сделал трубку и вышил этот кисет...» Вечером приехал Птица. Помню, я отметил тогда, что он несколько отличается от Танто и Койота. Коротко стриженный, со спортивной сумкой, в которой были капот и камуфляжная куртка. Мы не сразу стали общаться, и первую встречу я как-то больше к нему присматривался, а позже я буду очень прислушиваться к его словам...

В тот вечер мы с Танто обменялись подарками. Не помню уже, как разговор коснулся моей личной жизни, но Олег взял одну из своих флейт (их у него было две) и протянул мне: «Держи, пусть она поможет тебе в отношениях с твоей девушкой», — сказал он. Я в свою очередь протянул ему свой нож в ножнах. (Клинок пчака, привезённый ещё в советские годы из Самарканда, посаженный в рукоять из лосиного рога.) «То, как ты поступаешь, делать не обязательно, но это хороший поступок. Давай так, нож я возьму, а ножны пусть будут у тебя», — мягко сказал он. Ха! Конечно, мои первые начинания в вышивке бисером, не могли заслуживать высокой оценки, и вместе с тем Танто не хотел меня обидеть. Флейту, кстати, я использовал по её прямому назначению. Как-то вечером приехал под окна пятиэтажной хрущёвки, где жила моя возлюбленная, и играл для неё, не обращая внимание на прохожих.

Целую ночь Птица, Танто и Артур пели Hunkpapa Olowan. Тогда я не знал слов, однако мне протянули барабанную палочку, и я с радостью занял место у барбана, чтобы вместе отбивать ритм. Запевалой был Птица. Это сугубо моё личное мнение, и я ничуть не хочу умалять заслуг «Гринграсс Сингерс», но я считаю его лучшим певцом из всех индеанистов, которых мне доводилось слушать. Позже я перепишу и выучу слова всех песен из упомянутого сборника. Моменты, когда мне доводилось сидеть с Птицей за барабаном, являются одними из лучших воспоминаний о прошедших днях. Сейчас, к сожалению это редко происходит. Бой барабана — это биение сердца Матери-Земли, и ритм его сливается с ритмом биения твоего сердца, когда ты сидишь рядом. Я верю в это. В один последующий выезд был случай, когда у меня просто раскалывалась от боли голова. Я лежал у костра уткнувшись в спальный мешок, когда в соседнем типи начали петь Птица с Тантычем. Меня словно подняло с земли, я надел расшитую бисером жилетку, брэстплейт, пошёл туда и занял место у барабана. В считанные мгновения моё самочувствие стало идеальным, словно и не было никакой боли... Я не знаю, как это объяснить.

В ту ночь мужики не только пели, но и пили, однако не было видно ни малейшего признака какого-то опьянения или неприличного поведения. Для меня это было просто удивительно, поскольку ранее мне уже доводилось в жизни наблюдать компании выпивших людей.

Из записей об упоминаемом событии: «Завернувшись в одеяло, я вышел из типи и смотрел на вершины окружавших поляну елей, упиравшихся в усыпанный звёздами небосвод. Типи было освещено пламенем горевшего внутри костра. Оттуда доносились звучащие под бой барабана песни на Лакота. Казалось, время и пространство перестали существовать. Я не был у берегов реки Волма, я находился где-то в верховьях Миссури или Миссисипи 120 лет назад».

Мы так и не спали в ту ночь, а когда рассвело, вышли метать томагавки в столб, заранее вкопанный на поляне.

В августе 2003 года на нашей поляне стояло уже три типи, а рядом паслось несколько лошадей. Погода была пасмурной, моросил дождь. Птица, Койот и я сидели в палатке и курили трубку. На предплечье первого выделялось три большущих шрама. Он рассказывал мне о них потом. Его юность прошла в 120 километрах на юго-восток от моих Холмов Оленьего Мха. В лесах у посёлка Паричи, на берегах реки Березины. Там начинается Полесье. В тех местах он проходил пост и видел сон. В знак того, что может терпеть боль, Птица прижёг себе руку головнёй трижды. У него тоже была своя индейская одиссея юных лет. Однако лучше будет если он сам о ней расскажет. Я боюсь ошибиться в изложении каких-то фактов, и это будет нехорошо с моей стороны. Скажу лишь, что когда его хотели забрать в армию, он ушёл в лес и жил там несколько недель, потом всё-таки вернулся и служил в пограничных войсках. Запомнились мне его слова: «Сейчас нет охоты на бизонов, и воины не ходят в набеги за лошадьми, но смысл того, что делает человек, остаётся прежним. Поэтому важно, какую дорогу ты выбираешь, и как идёшь по этой дороге жизни...» У него есть семья, о которой он заботится и которую любит, и я весьма уважаю этого человека. В тот раз он отозвал меня в сторонку и показал мне свою старую тетрадку с записями песен Assiniboine Juniors, а ещё достал чокер и протянул мне: «Это тебе. Не для обмена, на память». Этот чокер и сейчас я бережливо храню на полке, рядом с трубкой из лосиного рога, которую курил в те дни.

Ещё одним человеком с которым я сблизился в те августовские выходные был Павел Калинков. Он не был индеанистом, но занимался реконструкцией вестерна. Много играл на банджо и пел, а самое главное был владельцем пары лошадей и пришёл на нашу стоянку верхами. Всякий раз воспоминание о том, как началось наше общение, вызывает у меня улыбку. У меня привычка рано просыпаться, и в то утро я тоже поднялся одним из первых в лагере. Куда отправится молодой Лакота первым делом? Конечно же, к лошадям! Я подошёл к одному из навязанных в поле Пашиных тёмно-гнедых коней, погладил. Лошадь вела себя спокойно, тыкалась иногда в меня мягким носом и не проявляла никакой тревожности или агрессии. Мне нравилось прикасаться к ней, и я никогда ещё не сидел верхом. Заскакивать по-индейски, делая мах ногой, я тоже, разумеется, ещё не умел, а забраться на неё хотелось! Все спят... Я вцепился в бедную конягу, как клещ, и стал карабкаться ей на спину. Сейчас я пишу об этом, представляю себя со стороны в тот момент, и меня разбирает хохот! В конце концов я забрался на терпеливое животное, выпрямился, довольный собой, и увидел, что на меня смотрит Паша. С тех пор началась наша дружба. Наши отношения не всегда протекали гладко, но я безгранично благодарен этому человеку за то, что он абсолютно бескорыстно научил меня в те годы ездить верхом, и во многом помогал мне. Когда-то мы с ним ходили в конные походы в летний и зимний сезон, а сейчас он является владельцем большого ранчо «Золотая Шпора» в 45 километрах от Минска и реконструктором эпохи наполеоновских войн...

Я не могу не вспомнить про Славу Корзуна, он тоже был с нами в те дни. Одежду он носил в стиле вестерн, но души не чаял в Шайенах. А кони и вовсе были для него всем в жизни. Он и сейчас живёт на побережье Нарочи, один в небольшой комнате при агро-усадьбе, на хозяина которой работает. Там стоит конюшня с большим количеством лошадей, среди них есть жеребец, которого он воспитывал. Вокруг простираются луга и леса, и этот простор — самое дорогое, что есть у Славы и его коня...

Ещё одним ярким участником той встречи, о котором нельзя не упомянуть был Майор. Весельчак и бравый американский кавалерист, а вернее реконструктор соответствующей эпохи и воинского подразделения, был душой компании. Где Майор — там смех и веселье, в те дни гитара, а сегодня губная гармошка являются признаками отличающими его куда больше, чем кольт, который он с собой носит. Чуть позже Майор стал заниматься и реконструкцией Лакотов и Шайенов, ещё одно его имя — Дикобраз-Медведь. А вообще у него их много, и этого шутника нельзя вспомнить без улыбки. С тех пор прошло пятнадцать лет, а он, кажется, ни капельки не постарел. В 2009 году он появлялся на Пау-Вау под Питером. «Даже старый пьяный гризли — все друзья мои» — это слова песни, автором которой он является, и они говорят сами за себя...

Тем летом я съездил в Питер к тётке и, зайдя в книжный магазин на Литейном, пробрёл два номера «Первых Американцев». В журнале был телефон Блуждающего Духа. Мы созвонились и встретились. Он пригласил меня к себе домой. У него я приобрёл ещё шесть журналов «ПА», четыре номера «Иктоми», «Собачью Могилу» Истмана и «Шошоны — сторожевые Скалистых Гор» Тренхолма и Карли. Потратив таким образом почти все деньги, которые у меня были с собой, счастливый я отправился восвояси. Дух неоднократно присылал мне приглашение на Пау в Турово, но мне то было некогда, то я был вполне удовлетворён индейской жизнью в отечественных пределах.

В последующие годы я постоянно наведывался к Танто, и он щедро делился со мной своим опытом, знаниями и литературой! Я знаю, что он прочитает эти строки, и на страницах этой книги хочу выразить ему огромную благодарность, как своему учителю и другу, которым он продолжает оставаться и по сей день! Лес и походы никуда не исчезали из моей жизни, но в ней наконец-то появилось столько интересных, замечательных и близких мне по духу людей...

Многие мои однокурсники в эти несколько лет уехали на работу в США по студенческой рабочей визе и остались там навсегда. Я тоже собирался поехать поработать, но моё стремление не очень было поддержано родителями, поскольку рассматривалась возможность того, что я буду работать в структурах, вхождению в которые такое путешествие помешало бы... Что же касается того, чтобы остаться в Штатах навсегда, то, во-первых, такую дальнюю перспективу вряд ли можно было рассмотреть, не выехав сначала туда и не осмотревшись, во-вторых, я и сам не особо горел желанием штурмовать дальние рубежи овеянные романтикой ещё в детские годы... Зачем стремится за океан? Индейцы? Да вот здесь они! Настоящие, авторитетные и вообще скоро поедем в лес

и поставим типи! На вопросы жизненного, бытового плана, карьеры и устройства в социуме я смотрел в розовых очках, а последнему даже противопоставлял себя. Я словно и не жил в нём. Все мои мысли и дух были там, в типи индеанистов, в лесу. У меня был мой народ!

Иногда бывают яркие примечательные сны, которые помнишь потом всю жизнь… Я шёл в ночной тьме, по заснеженной равнине, и увидел стаю волков. Один из них спросил меня: «Зачем ты пришёл к нам?»… «Чтобы молиться с вами», — ответил я. И волки исчезли…

В 2005 году я заканчивал университет. Мы стояли у Волмы весной и в начале октября в тот год. У нас появился ещё один человек, его звали Саша, он славился своим умением ездить верхом и хорошо разбирался в лошадях, он пошил себе одежду маунтинмена, и мы с ним, взяв Майоровское типи, отправились на нашу поляну на два дня раньше, чем Танто, Птица и остальные люди нашего бэнда.

Из старых записей: «Май того года был очень холодный и дождливый. Иногда шёл дождь, но вскоре тучи уходили, и снова выглядывало солнце. В те дни мы большей частью сидели на поляне, курили трубки, обменивались табаком, ходили за дровами, заготавливали шесты для типи, стряпали и смотрели в небо… Через два дня приехал и Паша Калинков со своей новой женщиной, вооружённый армейской моделью „кольта“ 1860 года (реплика испанской фирмы „Деникс“). Они расположились в типи Майора, где продолжал жить и я, а Саша-маунтинмен перебрался в типи вождя. Пашина девчонка накормила меня макаронами и кукурузой. Дождь продолжал барабанить по покрышке жилья, а внутри было тепло и уютно. Погода стояла не ахти, и народ многовато употреблял для согреву, но в этом типи царили звуки моей флейты — Паша попросил меня сыграть для них… Поскольку было сыро, мы старались постоянно поддерживать в типи огонь, вне зависимости от того находились мы внутри или нет. За счёт этого воздух в палатке был всё время сухим и наши вещи не отсыревали. Кроме того, вода не лилась внутрь по шестам, как это бывает даже во время несильного дождя, в случае если внутри не горит костёр… Мне очень хотелось в инипи в те дни, хотелось обретать опыт участия в обряде, совершенствоваться и утверждаться, как индеанист через это… Но Танто не видел необходимости в проведении обряда…».

Летом я работал на Пашу. Недалеко от Минска было одно придорожное кафе, построенное в стиле салуна. Там были даже коновязь и ясли. Паша заключил соглашение с хозяином заведения, о том, что к нему будет наведываться «ковбой» и катать на лошадке женщин и детей за определённую плату. Этим я и занимался. Путь к заведению лежал через перелески, кустарник, а кое-где по лугу. На нём я пускал лошадь галопом и раскидывал руки в стороны, уносясь к заходящему солнцу, совсем так, как в той самой кинокартине здорово повлиявшей на мою жизнь. Ветер выбивал из глаз слезу восторга и упоения свободой… Учёба была позади, неопределённое будущее где-то там впереди… Было только здесь и сейчас, пульсирующее единым ритмом с сердцем всадника и лошади…

Как я уже сказал, в октябре мы снова собрались. Это были очень хорошие дни,

погода стояла тёплая, настоящее индейское лето! Мы много пели, танцевали. Было много шуток и веселья. Я был счастлив и совсем не предчувствовал те трудности, с которыми вскоре мне придётся столкнуться.

Служба в армии подкралась незаметно, хотя видна была издалека. У меня был выбор пойти служить в войска или в милицию. Я выбрал второе. В наивности своей я думал, что так смогу избежать казарменного положения, сохранить знание английского языка, психологии (параллельно с историческим образованием я получал в институте переподготовки специальность практического психолога), а самое главное — по-прежнему уделять достаточное внимание изучению традиций и культуры коренных американцев... Когда, уже будучи доставленным в расположение учебного центра, я узнал, что предполагается моё размещение на казарменном положении в течение полугода, для меня это был шок... Ещё каких-то две недели назад я любовался типи, окружённым печальным очарованием золотой осени, а сегодня меня обступили серые стены и грубые, невежественные люди, до боли похожие на тех солдат американской армии из книги Майкла Блейка, что расстреливали из «спенсеров» волка, стоящего на холме. И я больше всего на свете хотел не оскотиниться, не опустится до их уровня... Это не было похоже на военную часть, где учат воевать. Да, у нас была огневая и физическая подготовка, но я чувствовал себя в трудовом лагере... в плену. Я был как дикий мустанг, которого загнали в стойло и остригли. У меня отняли самое ценное, что есть у человека — свободу... Холодный подвал со сквозняками, откуда не видно солнца, вонь коридоров и кухни... люди без всякой мысли во взгляде толкаются, слюнявя бычки у помойного ведра, и ждут построения. Я стою в стороне... Когда мог я смотрел в небо, смотрел на движимые ветром ветви деревьев, вспоминал родные места... От курилки доносится тупое ржание: «Что ты там увидел? Ты что, ждёшь инопланетян?» Они были неспособны мыслями отправится дальше обыденного и грязного... вряд ли стоит о них говорить... На второй год службы я почувствовал, что очерствел, озлобился, стал агрессивнее и жёстче... Мне было невыносимо более такое существование и, наконец, я был уволен в запас...

Уже спустя пару недель, 31 марта 2007 года мы с Полем (Павел Калинков) навьючили на лошадей уйму походной утвари, типи, которое я заказал у Блуждающего Духа годом ранее, и двинулись в путь лугами и перелесками, не планируя возвращаться в город ранее, чем через три дня...

Что было у меня впереди? Долгие поиски работы, привыкание к семейной жизни и вообще к жизни в обществе, от которого я так хотел убежать к своей мечте... Кто-то из индеанистов сказал: «Я смог ощутить тень моей мечты...», и это действительно так, — лишь тень... Заведомо проигрышная борьба длинною во многие годы, не ведя которую, мы просто не были бы сами собой... Всё, что происходило, должно было случиться, потому что будь оно по другому, мы — были бы не мы...

К 2010-му году я приехал на Пау-Вау в Громово и увидел всех тех, о ком так много доводилось слышать. В то юбилейное Пау-Вау я выиграл соревнование по метанию томагавков и, простудившись, скрипел из последних сил

пропавшим голосом у барабана с Птицей и Танто. По вечерам я был выжат как лимон, поскольку не хотел тогда афишировать своё состояние и, несмотря на него, делал всю необходимую работу по хозяйству в своём типи. Попросив у Одинокого Волка соль, лечился её водным раствором, оклемавшись, таким образом, только к концу Пау-Вау. На этих страницах я хочу выразить особую благодарность Одинокому Волку, угощавшему меня обедом своего приготовления, Лёне Блэкфуту и его супруге, оказавшим нам исключительно тёплый приём, Ольге Пакуновой, подбодрившей меня к участию в выставке индейских вещей и одобрившей мои изделия, Михаилу Иванченко, любезно предоставившему своё каноэ для прогулок, Гачу, никогда не скупившимся на информацию, Вампуму с которым так приятно было общаться и Глебу Борисову за искреннее дружеское рукопожатие при прощании. Ребята, я всех вас помню! Знаю, что бываю резок в суждениях и хочу извиниться, если вдруг когда-нибудь обидел этим кого-то.

Как бы ни было интересно на питерском Пау Вау, я был рад снова очутиться у себя на Родине на Холмах Оленьего Мха, где мне доводилось ощущать такую близость с природой и концентрацию присутствия Великой Тайны, как нигде более.

У нашего белорусского бэнда индеанистов было ещё много встреч и различных мероприятий. Мы и сейчас по-прежнему собираемся в лесу, и это событие называется Indian Time — индейское время, особое понятие, охватывающее «здесь и сейчас» и то, что произойдёт через N-ый временной промежуток и так же в конечном итоге будет «здесь и сейчас». Понятие, в котором нет места нервно тикающим стрелкам часов, отсчитывающим грани суеты, а есть лишь размеренный ход солнца по небосклону Вселенной, которая вечна, и есть время, когда следует достать из пайпбэга трубку и ощутить единение с Великой Тайной, которая тебя окружает и частью которой ты являешься…

***

Сегодня всё чаще мы слышим понятие реконструктор, в отношении тех, кого раньше называли индеанистами. Но индеаниста можно назвать реконструктором лишь формально, это сильно девальвирует смысл определения. Это понятие намного уже, это лишь одна из граней индеаниста. Реконструктором (униформистом) при желании может стать в любой момент, любой обеспеченный богатый человек. Достаточно хорошо раскошелиться, и ты, нормально упакованный, будешь вхож в круги униформистов. Подковаться по теме — уже вопрос времени, и опять таки наличия финансов. Индеанист же — это прежде всего особое мировоззрение сформированное традиционными верованиями и взглядами коренных североамериканцев. Это «титул», выстраданный в противопоставлении себя тенденциозным явлениям современного цивилизованного общества. Это принесённая в жертву карьера, связи, а зачастую и семейная жизнь. Внутри индеаниста в абсолютном значении этого понятия сидит его духовный предок — Бешеный Конь, поэтому в идеале такой человек не может прогнуться под начальство, лебезить, подхалимничать или голосовать за ограничение свободы как таковой. Это соответствующая судьба и жизненный путь. Это скрытое или явное бунтарство и непо-

корность по отношению к определённым нравам нынешнего общества. Бунтарство и стремление к свободе, сформированные и вдохновлённые образцами в лице коренных североамериканцев и их сопротивления пути белого человека с его неестественными и чуждыми свободе и истинной природе человека законами. Это уникальное понятие, возникшее в истории, достойно гордости. Его необходимо оберегать и ни в коем случае не смешивать, не делать идентичным понятию униформизма, представителей которого мы можем видеть на многочисленных фестивалях исторической реконструкции сегодня. И только уже после всего перечисленного индеанист это реконструктор — человек, воспроизводящий соответствующую старинную материальную культуру. Быть индеанистом — это великое счастье и несчастье одновременно. Это судьба, дорога, путь... Присутствие такой дороги в жизни человека (или в какие-то моменты его жизни), описанные характерные приметы такого пути, служат основным моментом при определении человека как своего; и даже если он надевает индейскую одежду, но личностного формирования под влиянием упомянутого пути у него не было, то вряд ли у меня возникнет желание развязывать перед ним свой пайпбэг... Мне очень жалко, что молодые индеанисты практически не появляются в наши дни. Я пришёл в движение пятналцать лет назад, но за этот период в белорусском бэнде не появилось ни одного но-

вого человека, которого можно было бы назвать так…

Изменились ли как-то мои взгляды с годами? Если говорить о видении индеанистов в их единстве как о некоем народе, то на это я конечно стал смотреть реалистичнее… Так ли идеально всё то, чему я пытаюсь тут дать определение, — вопрос риторический. При всём изложенном, единство членов движения является относительным, а зачастую и иллюзорным. Каждый из нас, в конечном итоге, живёт своей жизнью, с её проблемами, ползущими из города и из-за пределов поляны, на которой стоят типи. Эти проблемы, заставляющие ставить личные интересы в приоритет, возникают, когда заканчивается «индиан тайм», когда приходится возвращаться из леса… Мне не очень важно сегодня, что в плане материальной культуры я реконструирую не Лакотов или Шайенов, а юго-восток США и Средний Запад, или просто жителя пограничья. В этом выборе я прежде всего отталкиваюсь от своих художественных вкусов и того, реконструкция одежды какого народа будет наиболее правдоподобно выглядеть в моём случае, на фотографиях и в повседневности проводимого мероприятия. Что же касается моего личного мироощущения того, во что я верю, то оно осталось прежним, просто ушло вглубь… Я хожу молиться в католический кафедральный собор Святой Девы Марии, построенный в Минске иезуитами 300 лет назад, но это не мешает мне сделать тоже самое под открытым небом, при этом я не верю, что всё было именно так, слово в слово, как о том говорится в Библии. Наверное, с этой точки зрения я не очень хороший христианин, но я стараюсь жить по совести… Что же касается трубки, её я скорее всего покурю, просто созерцая красоту всего сущего и достигая с ним единства именно через это созерцание, нежели облекая свои молитвы в какую-то словесную форму… На этом я, пожалуй, закончу свой рассказ… Hecetu elo! Mitakue Oyasin!

Заметки умозрителя

Юрий Кривой

Едва ли меня можно назвать индеанистом — я никогда не бывал на Пау-Вау и ни разу не ночевал в типи; я не умею охотиться или вышивать бисером. Поэтому мой рассказ — в первую очередь о книгах и о знакомстве с некоторыми знающими и интересными людьми. Все мои знания и впечатления прежде всего умозрительны — воссозданы в моём воображении благодаря полученным знаниям. Даже мои друзья за океаном остаются для меня в некотором роде «виртуальными» — я ни разу не встречался с ними, и едва ли смогу встретиться наяву.

Я нерелигиозен и не склонен к мистицизму, но мне трудно объяснить рационально, почему обстоятельства сложились именно таким образом, и индейская тема стала одной из важнейших в моей жизни.

Всё это началось давно, ещё за пять лет до моего появления на свет. Моя мама в составе ансамбля скрипачей представляла Латвийскую ССР на всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале. В рамках поездки делегация посетила Ниагарский водопад и индейскую резервацию; впоследствии мы с моим американским другом пришли к выводу, что это могла быть резервация Шести Наций в Онтарио, где вместе с Ирокезами проживают и потомки Делаваров. Из Канады мама привезла пару расшитых бисером сувениров — «кошелёчек» и «тамтамчик». Они не сохранились, и я помню об их существовании только с её слов. Мама говорит, что «тамтамчик» я разорвал в клочья, ещё будучи младенцем. Наверно, при этом я впитал столько творческой энергии от создателя этой вещицы, что «дух Острова Черепахи» навсегда поселился во мне. Иного объяснения я не нахожу.

Учась в третьем классе, я в очередной раз простудился, и у меня закончились книжки на русском языке. Чтение было наивысшей отрадой, и я взялся за предложенную папой книгу на латышском. Это был «Последний из Могикан» Фенимора Купера. Впоследствии я часто слышал от разных людей, что Купера читать очень скучно, особенно из-за его пространных описаний природы. Другие, наоборот, утверждали, что его книги несерьёзны, и подходят разве что «для детей и юношества». Я не могу согласиться ни с одной из этих точек зрения, для меня Купер навсегда стал одним из любимых писателей. А так как по возрасту я тогда как раз попадал в категорию детей, не было ничего зазорного в том, что я принялся «глотать» книги Купера «горстями, как медведь малину» (по меткому выражению одного из моих единомышленников). С первых страниц я буквально «воспарил» над озером Шамплейн и Адирондакскими горами, с высоты птичьего полёта взирая на исчезающие в вековых лесах колонны солдат в красных или белых мундирах, деревянные форты и крытые корой хижины индейских селений. Как всякий мальчишка, я увлекался военной

историей, но благодаря Куперу для меня открылась совершенно иная грань героизма и романтизма. Эти воины не были частью коллектива, всегда готового к самопожертвованию в соответствии с суворовским правилом «Сам погибай, а товарища выручай». Это были какие-то супермены, способные выжить в непроходимых лесах, горах и топях, выследить врага по воде, и при этом соблюдать странные экзотические обычаи, вести себя с необыкновенным чувством собственного достоинства, не будучи стеснёнными одинаковыми мундирами и армейской муштрой. Конечно, теперь мне ясно, что это идеализированные литературные образы, но мне по-прежнему импонирует идеал «благородного дикаря», под впечатлением от которого мы росли. В приложении к «Откровению Чёрного Лося» Джеймса Брауна цитируется очень точное высказывание Фритьофа Шуона:

«Поразительное сочетание воинского и стоического героизма и святость облика придали равнинным и лесным индейцам нечто от величия орлиного и солнечного. Эта мощь и неповторимость красоты краснокожего способствовала формированию вокруг него ореола воина и мученика. И если никто из так называемых „первобытных народов“ не дал начала столь живому и прочному интересу, как краснокожие индейцы, если они воплощают нашу извечную ностальгию, которую неверно именовать чисто детской, — то причина должна заключаться в самих индейцах, ибо не существует дыма без огня».

Как завораживающе и щемяще звучали для меня слова Чингачгука из «Последнего из Могикан»:

« — Слушай, Соколиный Глаз, и твои уши не воспримут лжи! Вот что говорили мои отцы, вот что совершили Могикане! Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины, на которых пасутся стада бизонов, и безостановочно двигались до великой реки. Тут мы вступили в борьбу с Аллигевами и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Солёного Озера мы не встретили никого, только одни Макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш. Мы мужественно завоевали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы прогнали Макуасов в леса, полные медведей, и они добывали для себя соль только из ям пересохших соленых источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им одни кости...

— Тогда сосны росли там, где теперь поднимаются каштаны. Первые бледнолицые, пришедшие к нам, говорили не по-английски. Они приплыли в большой пироге. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными племенами зарыли свой томагавк. И тогда... — произнёс Чингачгук, и глубокое волнение выразилось только в тоне его голоса, — тогда, Соколиный Глаз, мы составляли один народ. Мы были счастливы! Солёное Озеро давало нам рыбу, леса — оленей, воздух — птиц. У нас были жёны, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и Макуасы боялись наших победных песен... Моё племя — прадед народов, но в моих жилах нет ни капли смешанной крови, в них кровь вождей — чистая, благородная кровь, и такой она останется навсегда. На наши берега высадились голландцы. Белые дали моим праотцам огненную воду; они стали пить её; пили с жадностью,

пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Тогда моим отцам пришлось расстаться со своей родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь и сагамор индейцев, вижу лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцев. Ответь мне, куда исчезли, куда скрылись цветы давно улетевших летних дней? Они упали, осыпались. Так погиб и весь мой род: все могикане, один за другим, отошли в страну духов. Я стою на вершине горы, но скоро придет время спускаться вниз. Когда же и Ункас уйдёт вслед за мною, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын — последний из Могикан!»

Следующей книгой из куперовского пятикнижия, коротую я прочитал, стали «Пионеры». В ней ещё сильнее тоска по утраченной первозданности природы и естественности человека. И из неё я впервые узнал о Короле Филипе — том индейском вожде, чья судьба в данный момент занимает меня больше всего.

«До того как европейцы, именовавшие себя христианами, начали присваивать Американский континент, сгоняя его коренных жителей с их исконных земель, те области, где ныне расположены штаты Новой Англии, вплоть до Алleганских гор, принадлежали двум великим индейским союзам, в которые входили бесчисленные племена. Между союзами существовала давняя вражда, опиравшаяся на различие языков и все усиливавшаяся благодаря постоянным кровавым войнам; замирение произошло лишь с приходом белых, когда многие племена не только лишились политической независимости, но и были даже обречены влачить полуголодное существование, несмотря на то, что, как известно, потребности индейца очень скромны.

Один из этих союзов составляли Пять, а впоследствии, Шесть племён и их союзники, а другой — Ленни-ленапы, или Делавары, и многочисленные могущественные племена, родственные им и признававшие их своими прародителями. Англичане, а затем и американцы называли первых Ирокезами, Союзом шести племён, а иногда Мингами. Противники же именовали их Менгве или Макве. Первоначально это были пять племён (или, как предпочитали говорить их союзники, — наций): Мохоки, Онайды, Онондаги, Кейюги и Сенеки, — если перечислять их согласно степени влияния, которым они пользовались в союзе. Через сто лет после возникновения союза в него было допущено шестое племя — Тускароры.

К Ленни-ленапам, которых белые называли Делаварами, потому что они зажигали костры большого совета на берегах реки Делавар, примкнули племена Могикан и Нентигоев. Эти последние жили у Чесапикского залива, а, Могикане обитали между рекой Гудзоном и океанским побережьем, то есть там, где теперь находится Новая Англия. Разумеется, эти племена были первыми, которых европейцы согнали с их земель и оттеснили в глубь страны.

Вооружённые стычки, результатом которых явилось изгнание Могикан, получили в истории Соединённых Штатов название «Войны короля Филиппа» — по прозвищу верховного вождя этого племени. Уильям Пенн, или Микуон, как именовали его индейцы, предпочитал мирную политику, но тем не менее точ-

но так же сумел лишить Нентигоев земли, затратив на это гораздо меньше усилий».

Учебники истории молчали о Войне Короля Филипа. Не было о ней ничего нового и в остальных книгах пенталогии Купера. Пришлось читать буквально всё, что имело хотя бы косвенное отношение к истории обеих Америк — от Аляски до Огненной Земли. Об Аляске в то время мы узнавали лишь из книг Джека Лондона — даже «Юконский ворон» и «Летопись Аляски» Сергея Маркова были мне тогда недоступны, не говоря уже о «Пешеходной описи» лейтенанта Лаврентия Загоскина. Основными источниками знаний становились предисловия и примечания к художественным книгам. До ветхости зачитывались «Оцеола» Майн-Рида и «Дочь Монтесумы» Хаггарда. Популярна была трилогия Артура Лиелайса — «Каравеллы выходят в океан», «Конкистадоры» и «Золото Инков». Из них я узнал о касике Атуэе, Куаутемоке, Тупаке Амару и мужественных Арауканах. У одноклассника оказались дома книги Милослава Стингла. Потом во дворе посоветовали «Землю Солёных Скал» и «Таинственные следы» Сат-Ока.

Не обошёл меня и интерес к равнинным племенам. После «Прерии» Купера с интересом прочёл «Ошибку Одинокого Бизона» Аркадия Фидлера и «Последнюю границу» Говарда Фаста, несколько книг Джеймса Шульца.

Летние игры с товарищами включали, конечно, не только «поклонение Маниту» под вековым дубом, но и рукопашные с деревянными ножами и фанерными томагавками, раскрашенными гуашью, и перестрелки из самодельных луков стрелами с наконечниками из пластмассовых пробок от вина или шампанского, а то и с гвоздями и проволокой. Самой роскошью считались у нас наконечники из листовой жести, но, к счастью, стрелять ими друг в друга мы не додумались, поэтому дело обходилось стандартными шишками, синяками и царапинами. Зимние развлечения невозможно представить без игр с солдатиками. Копии солдатиков «Маркс» Донецкой фабрики включали индейцев, а также ковбоев и пиратов в качестве их вероятных противников. Теоретически подходили и «викинги против скрелингов», но так как некоторые индейцы были вооружены винчестерами, от этой идеи пришлось отказаться. Жаль, что до нас не дошли «большие» индейцы, способные сразиться с трапперами!

Ближний лес вдоль побережья Рижского залива в Юрмале был нами тщательно разделён на «климатические зоны» от «страны Гуронов» до «Амазонки», которую символизировала впадавшая в море сточная канава. Наряд «латвийского индейца» состоял из «набедренной повязки» — заткнутого за ремень махрового полотенца, протёршихся до дыр в паху и превращённых в ноговицы отечественных «джинсов» за десять рублей из местного универмага, ожерелья из самодельного «вампума» — проколотых посередине швейной иглой и нанизанных на нить тонких и мелких белых ракушек местных двустворчатых, и пера вороны или чайки за ухом (желательно за левым — как у молодого Чингачгука в «Зверобое»). Шиком был головной убор в виде картонной налобной повязки с рядом крашеных гусиных перьев, из числа продававшихся на местных рынках к языческому празднику солнцестояния Лиго. Или pastalas (постолы) —

кожаная традиционная латышская обувь без подмёток, использовавшаяся танцевальными коллективами и продававшаяся в сувенирных магазинах. В таком виде бродили мы по лесам мимо пионерских лагерей, свысока глядя на «резервационных индейцев», вынужденных строем шагать за забором под звуки горна и барабана. Другим сокровищем каждого «индейца» непременно был перочинный ножик. Его использовали для изготовления луков и стрел, ремонта «регалий», а иногда, несмотря на неприспособленность для этой цели, и для метания в толстые сосновые стволы окрестных лесов.

Попадались мне и более серьёзные книги, в том числе по Северной Америке — «Первый американец» Керама, «Иши в двух мирах» Кребер, «Индейцы Антильских островов» Александренкова. По Южной Америке с интересом читали мы «Яноама» Этторе Бьокка, и особенно запала в душу «Агония индейцев Аче-гуаяки. История и песни». Едва ли не половину из этих ранних книг я прочёл на латышском языке, а некоторых из них до сих пор не встречал в русском переводе.

В двенадцать лет я прочитал «Путешествие натуралиста на корабле её Величества „Бигль“» Дарвина. Особенно поразили главы, посвящённые войне пампасских индейцев против геноцида генерала Росаса, и конечно, главы «Огненная Земля» и «Магелланов пролив. Климат южных берегов». Всё здесь вызывало изумление — и способность человека приспособиться к столь суровым климатическим условиям с минимальными средствами, и первобытный коммунизм, и отсутствие религии (как оказалось позже, ошибка Дарвина), и красочные описания каннибализма, тоже, видимо, распространявшиеся огнеземельцами, чтобы насладиться ужасом и отвращением цивилизованных слушателей. С тех пор и по сей день огнеземельская тема всегда оставалась для меня актуальной.

Романтикой мыса Горн и прилегающих островов веяло и со страниц другой любимой книги — «Путешествие к югу от Магелланова пролива» американского художника Рокуэлла Кента. Проиллюстрированная его чёрно-белыми рисунками и авторскими картами, она запомнилась не только красочными описаниями природы, рассказом о беспримерном переходе через горы от озера Фаньяно до Ушуайи через горы и леса, но и описанием встреч с немногочисленными пережившими и жестокие репрессии золотоискателей и овцеводов, и не менее гибельную «заботу» миссионеров.

С четырнадцати лет наступил период некоторого охлаждения к индейской теме, связанный с увлечёнными тренировками каратэ, начавшимися вопреки продолжавшемуся законодательному запрету. Но это тема для совсем другой книги. Скажу лишь, что в то время я продолжал читать всё, что попадалось из индейской тематики, но гораздо чаще мысленно странствовал по дальневосточным государствам, ставшим колыбелью столь дорогих моему сердцу боевых искусств. Мистический аромат философских учений Востока, Дао, Дзэн, Путь самурая — всё это увлекло нас не меньше, чем до этого индейская тема. Прежде излюбленными были фильмы с участием Гойко Митича, особенно «След Сокола» и «Ульзана», или Пьера Бриса — «Верная Рука — друг ин-

дейцев». Другой, менее популярный фильм киностудии «DEFA» — «Союз племени ирокезов», снятый по книге Анны Юрген «Георг — Синяя Птица», в своё время поразил кажущейся достоверностью, словно приоткрыв дверь в длинные дома ирокезов середины восемнадцатого века. Теперь же кумирами для нас стали Брюс Ли и Чак Норрис, а несколько позже — Тосиро Мифунэ в блестящих самурайских фильмах Акиры Куросавы.

В то же время стали издаваться хорошие приключенческие книги об индейцах, не дававшие окончательно остыть прежнему увлечению. Это и «Рольф в лесах» Эрнеста Сетон-Томпсона, и «Чёрный охотник» и «Тяжёлые годы» (или «На Равнинах Авраама») Джеймса Оливера Кервуда, и переизданные сокращённые переводы незаслуженно забытых романов Купера — «Краснокожие» со Справедливым Онондаго Сускезусом, и «Хижина на холме», запомнившаяся благодаря коварному, но по-своему благородному тускароре Вайандотте: «Кровь течёт в жилах индейца. Никогда не забывает добра, никогда не забывает зла».

По-настоящему ценным, серьёзным приобретением уже в студенческие, девяностые годы стала обнаруженная в книжном антиквариате «Лига ирокезов» Моргана. С первого курса я начал работать по специальности — артистом оперного оркестра, и благодаря гастролям понемногу стал обрастать книгами на английском языке. Это не было проблемой: во-первых, мне повезло с учительницей английского в школе (хотя именно она влепила мне первую в жизни двойку за невыполненное домашнее задание), а во-вторых, к тому времени я уже набил руку на переводах книг по каратэ. Первым приобретением стал купленный в Амстердаме в магазине иностранной книги с грандиозной скидкой альбом «Warriors» Бэнкрофта-Ханта. Проштудировав его, я наконец-то получил представление о североамериканских регионах и особенностях их индейских насельников. Следующей стала «Bury my Heart at Wounded Knee» Ди Брауна; потом долгое время я даже не догадывался, что она выходила и на русском. Отдел индейских книг находился в глубинах подтопленного подвала старого здания библиотеки, и книги эти попросту отказывались выдавать. Обзавёлся я и альбомами с живописью Джорджа Кэтлина и Карла Бодмера, и книгами с фотографиями индейцев Эдварда Кёртиса. В то же время появились книги на русском — о Чёрном Лосе, и «Путь к горе Дождей» Скотта Момадея. Эта последняя произвела на меня неожиданное впечатление — поражённый отношением автора к истории своего племени, я всерьёз принялся за отечественные источники — «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет». Но в целом мой интерес к индейцам в то время не носил целенаправленный характер. Мне было интересно всё, но ничего конкретного. Кроме того, я полагал, что у меня достаточно уже книг по индейцам, и не планировал больше вкладывать деньги в их приобретение. Как я тогда заблуждался!

В одной из поездок совершенно случайно наткнулся на книгу, о существовании которой и не подозревал. Это «Белый Дьявол» Стивена Брамуэла, документальная книга о рейде рейнджеров майора Роберта Роджерса против грозных союзников Франции — Абенаков миссии Сен-Франсуа, в контексте Войны с французa-

ми и индейцами — американского театра Семилетней войны. Подзаголовок гласил, что история эта вдохновила Купера на создание «Последнего из Могикан». Книга была недешёвая, но пропустить такое было никак нельзя. Оказалось, что в подразделении Роджерса было две роты, набранных из могикан Стокбриджа и коннектикутских мохеган. Вот вам и бесстрашный белый, знаток леса, сопровождаемый преданными могиканами, совершающий нападение на деревню в Канаде, неподалёку от озера Шамплейн, наносящий поражение союзникам французов, и даже освобождающий белых пленников! В действительности всё оказалось не столь романтично, как у Купера, но раскрываемые автором подробности были ещё интересней. Я «заболел» личностью Роджерса. Этот необычайный человек не только создал прообраз войск специального назначения Британии, США и Канады, но оставил, кроме военных дневников, едва ли не первую американскую трагедию, посвящённую... легендарному Понтиаку, вождю Оттавов, с которым он встречался лично, и сражался. Роджерс грезил открытием Северо-Западного прохода, и написал пространное описание Североамериканских владений Британии, посвятив отдельную главу нравам индейцев, с которыми был прекрасно знаком за годы службы. Когда майор был по навету арестован, его друзья Оджибве и Оттавы даже готовились отбить его. В Лондоне Роджерс был знаменитостью, и как-то раз на спор явился на королевский бал в костюме лесного жителя, в леггинсах и в мокасинах. В другой раз в Англии он затащил в дилижанс и обезоружил грабителя с большой дороги, которого боялись все путники. В годы Американской революции Роджерс поддержал лоялистов, и в итоге умер в нищете в Лондоне, надолго забытый в стране, в которой родился и совершал свои подвиги. А для индейцев-Абенаков он навсегда остался Белым Дьяволом — сжёг их деревню, уничтожив немало мирных обитателей, и чтобы выжить в ходе тяжёлого многодневного отхода, прибег к каннибализму.

Ещё одним интересным открытием для меня стали моравские братья — те самые, которые крестили Чингачгука, превратив его в Джона Могиканина. Сначала я нашёл в интернете этнографическую книгу моравского миссионера Джона Хекевельдера, служившую источником вдохновения Купера. Потом выяснилось, что под именем гернгутеров моравские братья, ведущие родословию своего учения от самого Яна Гуса, действовали и на территории Российских губерний: в Лифляндии и в Курляндии, в Поволжье и в Санкт-Петербурге. В нескольких кварталах от моего дома есть старое кладбище конца восемнадцатого века, где похоронен первый разбогатевший латыш — браковщик леса Иоганн Штейнгауер. Он и его семья принадлежали к гернгутерам, но известен он и тем, что возродил в Риге языческий праздник летнего солнцестояния, проходивший на горе Агнца, более известной как Дзегужкалнс — «Кукушкина гора». Помимо обширных владений на левом берегу Западной Двины (Даугавы) в Риге, Штейнгауэру принадлежала часть владений моравских братьев в Северной Каролине. Другой выходец из Лифляндской губернии — Георг Лоскиль — ещё живя в Стрикенгофе (Стрики) на территории нынешней Латвии, написал основанную на дневниках мисси-

онеров историю трудов братства в Америке, в которой описал первый опыт обращения могикан в христианство. Впоследствии Лоскиль, составивший и сборник религиозных гимнов на латышском языке, возглавлял моравскую общину в Санкт-Петербурге, а ещё позже наконец-то уехал в Америку, где воочию столкнулся с теми, о ком заочно написал объёмистую книгу.

Прорыв случился в 1998 году. Кажется, в Корке, в Ирландии, я зашёл в большой книжный магазин Waterstones. Обычно основной целью моих походов в магазины этой сети был спортивный отдел, где я покупал книги по каратэ. На сей раз меня занесло в другой отдел, где стояла удивительная книга — «New England Indians» C. Keith Wilbur. Аннотация гласила, что книга эта — «настоящий музей в обложке», и это не было преувеличением. Интересовавшая меня с первых лет увлечения Купером история индейцев Новой Англии была там изложена со времён охотников на мастодонтов до 1675 года — той самой Войны Короля Филипа! Отрывочные сведения о Филипе время от времени всплывали в попадавшихся книгах — у Ди Брауна, у Милослава Стингла в «Индейцах без томагавков». Но книга Уилбура «окончательно» подтвердила, что Король Филип был вампаноагом, а не могиканином, более того — исторический Ункас и его мохеганы были его врагами в этом конфликте! При этом в книге была масса иллюстраций — прорисовки почти всех музейных экспонатов, связанных с этими забытыми племенами, и подробная карта расселения племён, а ещё гравюра с изображением Короля Филипа, и приписываемые ему предметы — дубинка, трубка, чаша, пояс, и даже замок кремневого мушкета, из которого он был убит. Но подробностей его жизни и борьбы в этой книге не оказалось, зато была очень хорошая библиография, весьма пригодившаяся мне позже.

Следующим событием, напомнившим о моём давнем интересе к судьбе Филипа, стал выход на рубеже веков на русском языке книг из серии «Неизвестный Фенимор Купер». Кроме уже известной мне «Вайандотте, или хижины на холме», на полке в книжном магазине в центре города стояли ещё две книги — «Прогалины в дубровах» и «Долина Виш-Тон-Виш». Денег хватало только на одну из трёх. Когда я понял, что «Долина» повествует о событиях Войны Короля Филипа, я не колебался ни секунды, и вскоре в моём распоряжении оказался драгоценный и вожделенный том, содержавший, помимо куперовского романа, три приложения. «Повествование о пленении» Мэри Роуландсон — один из известнейших первоисточников, ставший бестселлером и первым образчиком типично американского жанра «пленений». Очерк Вашингтона Ирвинга «Филип из Поканокета», посвящённый трагической личности Короля Филипа. И посвященная его героизму «Апология Короля Филипа», написанная Уильямом Эйпсом, методистским священником из племени пекотов, защищавшим права соплеменников Филипа, и за это усыновлённым вампаноагами Машпи.

А вот что писал об индейцах Новой Англии и о Короле Филипе сам Джеймс Фенимор Купер:

«Территорию, ныне составляющую три штата — Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд, как говорят наши наиболее сведущие историки, прежде занимали четыре больших индейских народно-

сти, которые, как обычно, делились на бесчисленные зависимые племена. Из этих народностей Массачусеты владели обширной частью страны, ныне образующей штат того же названия; Вампаноа обитали там, где когда-то находилась колония Плимут и в северных округах Плантаций Провиденс; Наррагансеты владели хорошо известными островами в прекрасном заливе, получившем свое название от этого народа, расположенными южнее графствами Плантаций, а Пикоты, или, как обычно пишется и произносится, пикоды, хозяйничали в обширной области, лежавшей вдоль западных границ трех других округов.

О политическом устройстве индейцев, которые обычно занимали земли, лежащие близ океана, мало что известно.

Европейцы, привыкшие к деспотическому правлению, естественно, полагали, что вожди, обладавшие властью, были монархами, к которым власть переходила по праву рождения. Поэтому они именовали их королями.

Насколько это мнение насчет правления у аборигенов было верным, остается под вопросом, хотя, конечно, есть основание считать его менее ошибочным в отношении племен штатов Атлантического побережья, чем тех, что позднее были обнаружены дальше к западу, где, по достаточно достоверным сведениям, существуют институты, приближающиеся скорее к республикам, нежели к монархиям. Однако редко случалось, чтобы сын, пользуясь преимуществами своего положения, наследовал власть отца благодаря влиянию, если законы, установленные племенем, не признавали притязаний на наследование. Каков бы ни был принцип передачи власти, опыт наших предков с определенностью доказывает, что в очень многих случаях в сыне видели того, кто займет место, прежде принадлежавшее отцу, и что в большинстве чрезвычайных ситуаций, в которые народ так часто попадал не по своей воле, эта власть была столь же скоротечной, сколь и всеохватывающей.

Имя Ункас стало, подобно цезарям и фараонам, своего рода синонимом слова «вождь» благодаря Могиканам, одному из племён Пикодов, среди которых под этим именем были известны несколько предводителей, правивших один за другим. Знаменитый Метаком, более знакомый белым как Король Филип, определённо был сыном Массасойта, сахема Вампаноа, которого эмигранты застали у власти, когда высадились у Плимутской скалы. Миантонимо, отважному, но злополучному сопернику тех Ункасов, правивших всем народом пикодов, наследовал его не менее героический и предприимчивый сын Конанчет, и даже в гораздо более позднее время мы находим примеры такой передачи власти, которая дает весомые основания думать, что порядок преемственности основывался на прямом кровном родстве.

В ранних летописях нашей истории нет недостатка в трогательных и благородных примерах героизма дикарей. Виргиния имеет свою легенду о могучем Поухатане и его великодушной дочери Покахонтас, которой отплатили неблагодарностью. А хроники Новой Англии полны смелых замыслов и отважных предприятий Миантонимо, Метакома и Конанчета. Все упомянутые воины показали себя достойными лучшей участи, найдя смерть в ратном деле при таких

обстоятельствах, что, живи они в более прогрессивном обществе, их имена были бы вписаны в число самых достойных людей своего времени»...

«Ни в одном столкновении с туземными хозяевами земли растущая сила белых не подвергалась столь большому испытанию, как в знаменитом конфликте с королем Филипом. Почтенный коннектикутский историк оценивает число убитых почти в одну десятую от общего числа участников сражений и в том же соотношении — разрушенные жилища и другие постройки. Каждая одиннадцатая семья по всей Новой Англии стала погорельцами. Поскольку колонисты, жившие возле самого берега океана, были избавлены от опасности, то из этого расчета можно составить представление о мере риска и страданий тех, кто оказался в более уязвимом положении. Индейцы не избежали возмездия. Основные из упомянутых племен были истреблены до такой степени, что впоследствии не могли уже оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления белым, которые с тех пор превратили их древние охотничьи земли в жилища цивилизованного человека. Метаком, Миантонимо и Конанчет со своими воинами стали героями песен и легенд, а потомки тех, кто опустошил их владения и уничтожил их род, отдают запоздалую дань высокой отваге и дикарскому величию их характеров»...

«Метаком или Филип, возникающий на этих страницах в облике злейшего врага белых людей, в конце концов пал на войне, которая была им же развязана. То был самый внушительный спор, в который когда- либо англичане вступали с коренными обитателями страны; и настал момент, когда спор этот сделался серьёзной преградой на пути колонизации. Позднее поражение и смерть Филипа позволили белым людям сохранить свои владения в Новой Англии. Преуспей же он в объединении усилий всех враждебных племён, которых конечно же тайно поддержали бы французы обеих Канад и голландцы Новых Нидерландов, осуществление его обширных и благородных планов стало бы делом куда более реальным, нежели нам то представляется ныне».

Примерно в то же время мне попалась книга «Павел Свиньин. Американские дневники и письма». Оказалось, что два века тому назад судьба Короля Филипа вызвала отклик и у нашего соотечественника Павла Петровича Свиньина, побывавшего в Новой Англии в рамках дипломатической деятельности в США. Вот как он упомянул в своём дневнике о посещении Маунт-Хоупа:

«Мне рассказывали сегодня историю Провиданса. Между первыми поселенцами Бостона, кои все были пресбитироянe, находился один методист. Так как по большей части они были все фанатики, стало быть, они не могли терпеть и собрата розного с ними исповедания, и потому скоро выгнали его от себя. Бедный принужден был итти к диким, смертным неприятелям белых, искать терпимости своей веры, что ему и в самом деле пощастливилось, ибо когда он, сделав маленькую шлюбочку на реке Потокет спустился вниз по ней к Провидансу, то нашёл на берегу ея у сего места многолюднейшую орду их. Они приняли его весьма дружелюбно и даже подарили берег, на коем ныне построен Провиданс, отчего он и дал сие имя — Провиданс в благодарность провидению, спасшему его.

Скоро самые сии индейцы узнали, что укрыли змею на груди своей, скоро принуждены были раскаяться в поступке сем- проститься и оставить свое отечество от того, кому дали прибежище. Начальник их, известный под именем короля Филипа, прославился своей храбростью, умом и силою, и только одной изменой был убит. И теперь недалеко от Провиданса, по преданию, показывают то место, где находился дом его. (7 мая 1812 года)».

В эпоху интернета открылись новые возможности — такие, о которых прежде не приходилось даже мечтать. Первые поиски «про Могикан» привели на замечательный сайт Андрея Вампума Шехватова «Прибрежные Алгонкины», где оказалась масса полезнейших ссылок на англоязычные ресурсы. Очень пригодились познавательные, но краткие истории восточных племён Lee Sultzman. А на одном из сайтов меня ждала настоящая бонанза — подборка статей 1927 года из кейп-кодской газеты, посвящённых истории Вампаноагов, написанных племенным историком, сагамором «Красная Раковина» Клэренсом Викстоном. И «Книга Массасойта» — опубликованная в 1878 году книга Эйбнезера Пирса «Индейская история, биография и генеалогия, относящаяся к доброму сахему племени вампаноагов Массасойту и его потомкам». Издана эта книга Зервией Гоулд Митчелл, приходившейся потомком вождю Массасойту, заключившему первый договор с пилигримами Плимута и отпраздновавшего с ними пресловутый День благодарения. Дочь Массасойта Эйми — сестра Короля Филипа — вышла замуж за Чёрного Сахема Туспаквина, и их потомки продолжали жить на перешейке Бэттис-Нэк у пруда Ассавомпсет в девятнадцатом веке! Моя супруга распечатала мне эту книгу в подарок в интернет-кафе, за что я ей очень признателен. Зимой 2005—2006 годов я перевёл отрывки из этой книги, посвящённые Войне Короля Филипа, и дополнил их другими источниками, в том числе из другого подарка моей жены — роскошной книги Эрика Шульца и Майкла Тугиаса «Война Короля Филипа: история и наследие забытого конфликта». Моя дорогая спутница жизни всегда поддерживает меня во всех начинаниях, включая и мой интерес к индейской теме.

Год 2006 ознаменовался как рождением нашей дочери, так и гастролями моего коллектива в Мексике. Сбылись давние мечты — мне довелось проснуться в гостиничном номере с видом на Попокатепетль, посетить большую пирамиду Чолулы неподалёку от Пуэблы, увидеть плоды трудов индейских зодчих шестнадцатого столетия, построивших и украсивших уникальную церковь Санта-Мария де Тонанцинтла, лицезреть пирамиду Пернатого змея в Теотиуакане, знакомую мне по книгам, взойти на вершины пирамид Солнца и Луны, посетить дворец Кецальпапалотля. Экскурсия по Теотиуакану включала знакомство с плантацией агавы и с мастерской по обработке обсидиана. Пережив, несмотря на все меры предосторожности, включая чистку зубов исключительно с помощью бутилированной питьевой воды, ночное нападение скоротечного, но свирепого ротавируса, который наши мексиканские друзья называли «местью Монтесумы» всем белым, впервые вступающим на землю древнего Теночтитлана, с утра я направился в знаменитый Национальный музей антропологии в Мехико, где,

пользуясь старыми знаниями, включая книжку Деметрио Соди «Великие культуры Месоамерики», провёл импровизированную «экскурсию» для своих коллег, ещё долго её благодарно вспоминавших. На площади в центре Мехико индейцы плясками отмечали праздник святой девы Гваделупской. Погуляв по Чапультепеку, посетив Тлателолько, и главный храм ацтекской столицы Тэмпло Майор, я возвратился в предновогоднюю Ригу полным незабываемых впечатлений. Одна из коллег, посмотрев мой фотоальбом, заметила, что похоже, мы побывали с ней в разных Мексиках. Моя точно была настолько «доколумбовой», насколько это возможно в рамках краткой рабочей поездки. До сих пор это мой единственный визит на Остров Черепахи, как называют североамериканский континент некоторые из его коренных насельников.

Ещё одним знаковым событием эпохи интернета стала регистрация на форуме сайта Мезоамерика. Это было спонтанное решение, продиктованное желанием узнать, где можно ознакомиться с историей могикан в изложении Хендрика Аупаумута. Получив ответ на свой вопрос, я поблагодарил и пропал с форума на добрых пару лет, ожидая, что там появится новая информация об интересующих меня темах. Поскольку этого не случилось, пришлось открыть на форуме свои темы, где «провоцировать» беседы по разным вопросам. Регистрируясь на форуме, я на ходу придумал себе псевдоним Босикадо, то есть Водяной Демон — так герой повести Сетон-Томпсона «Рольф в лесах», индеец-вабанаки Куонэб, называл хищную каймановую черепаху. Под этим именем я и открыл дискуссии — в разделе Северной Америки мои темы посвящались истории колониальных войн в Новой Англии и колонии Нью-Йорк, племенам и конфедерациям восточных Алгонкинов, отдельно Делаварам; в южноамериканском разделе появилась тема об огнеземельцах и патагонцах.

Огнеземельская тема была и остаётся одной из интереснейших для меня. Я прочитал всё, что удалось найти на английском и русском на просторах интернета. Но самой увлекательной считаю книгу Лукаса Бриджеса «Uttermost Part of the Earth». Это автобиографический рассказ сына миссионера, выросшего среди индейцев племени Ямана (Яган), и первым наладившего контакт с племенем Селькнам (Она). Книга содержит уникальные воспоминания о самобытном обществе, тысячелетиями жившем на острове Исла-Гранде, и продолжавшем жить традиционным укладом спустя четыре столетия после открытия Магелланова пролива. Завораживающее чтиво!

Тем временем, чтобы наполнить содержанием свои североамериканские темы на форуме, я стал находить и читать первоисточники и старые книги в свободном доступе в интернете, пользуясь той самой заветной библиографией из книги Уилбура. Подтянулись интересные собеседники, стало собираться всё больше интереснейшей информации. Признаюсь, я иногда вёл дискуссии на форуме на грани фола, не стесняясь своего невежества, и с готовностью выступая «адвокатом дьявола», чтобы узнать что-то новое от своих более опытных, начитанных, но не всегда готовых тратить время и делиться информацией собеседников. Тем не менее, я всегда старался признавать свои заблуждения, и благодарить за уроки тех лю-

дей, которые мне на них указывали. Это было замечательное время; как недавно написал мне один из корреспондентов: «Мы хорошо порезвились на форуме!»

Прибрежные Алгонкины остаются моей основной индейской темой, поскольку встреча цивилизаций на восточном побережье напоминает встречу разных, бесконечно далёких друг от друга миров. Как-то после выхода фильма «Аватар» один мой знакомый высказался в том духе, что это совершенно уникальный и беспрецендентный сюжет. После знакомства с историей восточных алгонкинов я не мог с ним согласиться. Впоследствии я скачал для дочки диснеевский мультик про Покахонтас. После нескольких минут просмотра моя жена воскликнула: «Это же „Аватар"!» Да, конечно, только мультфильм вышел гораздо раньше. Не говоря уже о книгах об истории Виргинии.

Жаль, что совсем немного хороших фильмов снято об индейцах Северо-Востока. Вряд ли американцы когда-нибудь снимут достоверный фильм о Короле Филипе — не кассовая тема для Голивуда, хэппи-энд никак не получится. Единственный известный мне сюжет, напрямую связанный с индейцами Новой Англии — диснеевский «Squanto: A Warrior's Tale» 1994 года — трудно назвать удачным и достоверным. Несколько более удачен, на мой взгляд, фильм «Song of Hiawatha» (1997). Ещё можно назвать спродюсированный Ф. Ф. Копполой Tecumseh: The Last Warrior (1995), вызывающий разные оценки. Как поклонник книг Купера, я не могу принять трактовку «Последнего из могикан» в культовом The Last of the Mohicans (1992); единственное светлое в этом кино — появление Уэса Стьюди в роли Магуа, и Рассела Минза в роли Чингачгука. Пока моим любимым фильмом «про индейцев» попрежнему остаётся «Чёрная сутана» (Black Robe, 1991).

Однако интернет предоставляет возможность находить не только информацию. Благодаря социальным сетям стало возможным познакомиться с такими людьми, встреча с которыми была бы невозможна для нас в реальной жизни. Я никогда не выбирал друзей по национальному или расовому признаку. Даже кошек я всегда брал с улицы или из приюта, не заботясь о породе и окрасе. Не без доли иронии, почти то же самое могу сказать о людях. Друзьями людей делает только общность устремлений, а не разрез глаз или цвет кожи. И всё же мне довелось познакомиться с двумя потомками коренных обитателей североамериканского континента.

Как-то, в очередной раз просматривая картинки в сети по запросу о Короле Филипе, я наткнулся на фото некоего человека на фоне портрета вождя в красном плаще, украшенного поясами вампума и вооружённого дубинкой, принадлежавшей Филипу. Над головой вождя в облаках парила ворона — священная птица у племён региона, а перед ним сидел воющий волк. Обрамляли композицию могучие стволы вековых сосен. Поражённый какой-то особенной энергетикой портрета, лицо человека я не запомнил. Впоследствии мне так и не удалось больше обнаружить именно эту фотографию. Прижизненных портретов вождя не сохранилось, самый ранний из существующих был написан век спустя после его гибели, так что ни о каком портретном сходстве речи быть не может. Большинство остальных изображений в той или иной мере копируют первое изображе-

ние, выполненное Полом Ревиром, источники вдохновения которого также давно установлены. И вдруг появляется героический портрет, написанный кем-то, явно разбирающимся в биографии Короля Филипа!

Прошло время, и для дискуссий на форуме мне понадобилась информация о Чёрном Сахеме Туспаквине — шурине Филипа, поддержавшем восстание и расстрелянном колонистами в нарушение обещанных гарантий безопасности. В блоге художника Джери Байрона мне удалось найти богато иллюстрированную статью, посвящённую его потомкам от брака с дочерью Массасойта, которые продолжали жить в Беттис-Нек в Массачусетсе. Тогда у меня не было времени посетить его сайт, но закладку я добавил, и спустя некоторое время обнаружил на сайте художника серию из шести картин, посвящённых событиям Войны Короля Филипа, и среди них тот самый портрет с таинственной фотографии!

Найдя профиль художника в социальной сети, я отправил ему предложение дружбы. Как интраверту, мне нелегко даётся общение с незнакомыми людьми, и такой шаг для меня был в высшей степени необычен. По дороге на работу я лихорадочно обдумывал, что напишу этому художнику, если он не примет моё приглашение, но к моему удивлению, спустя всего пару часов оно было принято! Так я обрёл друга, общение с которым регулярно продолжается уже пятый год.

Я поблагодарил художника за принятое предложение дружбы, выразил искреннее восхищение его работами, и в завязавшейся переписке обнаружилось, что у нас немало общего, несмотря на то, что он является ровесником моего отца. Так, мы оба начали свой путь с корейских боевых искусств и пришли к японскому каратэ. Мне понравились картины Джери, а он оказался неравнодушен к классической музыке, находя в ней вдохновение для своих работ. Я поведал ему историю о поездке моей мамы в Канаду, и выяснилось, что Джери является большим ценителем и знатоком бисерной вышивки племён Вудленда — Ирокезов и Вабанаков. Наверно, это не должно удивлять, поскольку его прабабушка по отцовской линии Кларисса принадлежала к вабанакскому племени микмаков (в нестоящее время это общепринятое среди этнографов название считается непочтительным, и на английском предлагается записывать название этого племени Mi'kmaq (в единственном числе Mi'kmaw). Джери не принадлежит ни к одному из современных политических племенных объединений, а его жизнь и творчество неразрывно связаны с культурой и историей коренных обитателей Новой Англии и Северо-Востока в целом. За пару лет до нашего знакомства художник пережил тяжёлое онкологическое заболевание, с последствиями которого продолжает бороться и по сей день. Болезнь ограничила его возможности путешествовать на дальние расстояния, и продолжать изнурительные тренировки по бегу и боевым искусствам. Однако, живя в уединённом и живописнейшем уголке штата Вермонт, он продолжает занятия йогой и ежедневные прогулки в горах с собаками, зимой пользуясь для этого снегоступами.

Естественно, наше общение вскоре коснулось темы Короля Филипа и истории и культуры его племени — Вампаноагов. Оказалось, что Джери отлично разбирается в истории племён юга Но-

вой Англии семнадцатого века. Он сделал предложение, звучавшее как сказка — он написал, что мог бы выслать мне копию рукописи своей неизданной книги о Короле Филипе! Конечно же, я согласился, и не веря своему счастью, вскоре стал обладателем диска с документом, содержащим эту книгу.

Книга «Тотем Волка» стала итогом пятнадцатилетних исканий автора, приведших к созданию портрета, который так меня поразил с первого взгляда. Жанр её столь необычен, что издательства усомнились в коммерческом успехе её издания. Затем последовал страшный диагноз, заставивший Джери на время изменить приоритеты, а химиотерапия не оставила сил, чтобы убеждать книгоиздателей. Все последние годы Джери делился своей рукописью с неравнодушными людьми. В настоящий момент он отказался от попыток получить материальную выгоду от издания книги, посвящённой Королю Филипу. Причины этого становятся понятны тому, кто внимательно прочтёт рукопись, которую автор совсем недавно опубликовал в интернете, в закрытой группе, посвящённой Войне Короля Филипа.

Много лет назад Джери Байрон получил предложение от индейских активистов написать портрет этого знаменитого вождя, и по сей день пользующегося заслуженной славой среди индейцев Новой Англии. Привыкший ответственно подходить к подобным предложениям, художник изучил все доступные источники в поисках каких-либо подсказок, каким мог быть облик Филипа. Историкам известно, что англичане, считавшие Филипа мятежником против английской короны, после его смерти приказали индейскому палачу четвертовать и развесить на деревьях тело погибшего вождя, «чтобы ни одна его часть не была погребена», как выразился капитан Бенджамин Чёрч, отдавший это приказание. Голову Филипа водрузили на шест в Плимуте, где она находилась на всеобщем обозрении около двадцати пяти лет. А одну из отрубленных кистей вождя, прежде изувеченную взорвавшимся в руке пистолетом, отдали индейцу Джону Алдерману, застрелившему его в бою, чтобы он смог зарабатывать, заспиртовав её в бочонке и показывая за деньги зевакам.

Так вот, более трёхсот лет спустя Джери удалось отыскать и выкупить эту самую кисть левой руки, и в итоге придать её земле под руководством потомственного шамана племени Наррагансетов — союзников Короля Филипа. В книге подробно описаны всевозможные экспертизы, и все известные факты о местонахождении мрачного трофея в разное время. В результате художник сумел победить капитана Чёрча в его стремлении оставить без погребения все останки мятежного вождя.

В книге дано лишь краткое описание истории конфликта. Много места уделено свидетельствам, изученным автором для написания портрета и серии других картин о Войне Короля Филипа. Тем не менее, в своих поисках Джери приобрёл глубокие познания об источниках по истории региона в семнадцатом веке, и всегда щедро делится со мной своими обширными познаниями.

В числе источников, использованных художником при написании портрета, были заботливо собранные им фотографии потомков отца Филипа, Массасойта. Оказалось, что у Джери есть близкий друг, человек уникаль-

ный — бывший вождь бэнда Ассонет племени Вампаноагов. После поражения Короля Филипа Вампаноаги продолжали жить в нескольких анклавах на своей исконной территории. За четыре столетия они подверглись ассимиляции, утратили свой язык и обычаи. В Машпи, на мысе Кейп-Код, почти все боеспособные мужчины погибли, сражаясь за патриотов в годы Американской революции. После этого многие свободные негры женились на их вдовах, помогая возделывать землю и растить сирот. Вскоре это привело к повальному переходу на английский язык в семейном кругу, и значительным изменениям фенотипа у представителей племени. Но идентичность свою они осознавали и продолжали сохранять. В двадцатые годы прошлого века началось национальное возрождение в духе паниндеанизма. Заимствовались солнечные головные уборы и пляски равнинных племён, космология ирокезов и делаваров. В 1975 году была сформирована новая структура племени, или нации Вампаноагов. Верховный вождь Плывущий Гусь утвердил вождей пяти воссозданных бэндов — Машпи, Гей-Хэд, Херринг-Понд, Ассонет и Немаскет.

Вождём Ассонетов стал тот самый друг Джери Байрона — Алден Уиндсонг Блейк, родившийся в 1925 году, которому мой друг меня заочно представил, благодаря чему у меня теперь есть возможность изредка обмениваться с вождём электронными письмами. Семья будущего вождя была бедная и многодетная, и вскоре мальчику пришлось оставить учёбу, чтобы зарабатывать на пропитание младшим детям. Ещё подростком Уиндсонг спас утопающего, а впоследствии, после войны, занятия каратэ помогли ему вышибить дверь горящего дома, чтобы спасти пенсионерку. К слову, в окинавском каратэ он достиг значительных успехов, участвуя в турнирах до преклонных лет, занимая призовые места, и сдав экзамен родоначальникам на восьмой дан по стилю уэчи-рю. Интерес к каратэ возник в годы работы в правоохранительных органах. До этого, в годы Второй мировой войны, Уиндсонг служил моряком на корабле «Маскома» и сражался с японцами. Однажды, при подрыве камикадзе соседнего корабля «Миссинева» Уиндсонгу и его сослуживцам удалось поднять на борт часть его моряков.

Вождь Уиндсонг работал и на «Плантации Плимут». Это музей под открытым небом, посвящённый быту пилигримов и Вампаноагов семнадцатого века. Вождь Уиндсонг долгие годы занимался изготовлением украшений из меди, дерева и раковин куахог, более известных как «вампум». Искусство обработки этого материала он передал одному из своих сыновей — Стивену Блейку, с которым мне тоже впоследствии довелось виртуально познакомиться.

Хотя к началу двадцатого века язык Вампаноагов «уснул», то есть вышел из употребления, этот язык, известный специалистам как «массачусет», является одним из двух наиболее хорошо задокументированных восточноалгонкинских языков, наряду с делаварским. Первая библия, изданная знаменитым «апостолом индейцев» Джоном Элиотом, переведена именно на этот язык. Элиот оставил ещё ряд ценных текстов, включая грамматику языка Массачусет. Сохранился и целый пласт документов, написанных на этом языке носителями

в конце семнадцатого и в восемнадцатом веках — делопроизводство в вампаноагских анклавах велось на индейском языке. В наше время язык возрождается, для членов племени существуют курсы, лагеря, и детский сад, работающие по методу погружения. Дочь вождя Уиндсонга Ева Блейк отвечает за преподавание языка среди представителей бэнда Ассонет. В настоящий момент Вампаноаги не желают, чтобы их разработки, касающиеся языка, становились достоянием не принадлежащих к племени лиц. Остаётся надеяться, что будущие поколения Вампаноагов станут полноценными носителями своего родного языка.

Вождь Уиндсонг многое сделал на благо своего народа.

«Я был действующим вождём много лет в единственной резервации, которая у нас всё ещё есть, но конечно, штат имеет право голоса об этих 227 акрах земли в Ассонете, Массачусетс, в честь которых наш бэнд называется Бэндом Ассонет; это маленькое племя, не живущее на этой земле — городские люди, но по-прежнему здесь проходят некоторые церемонии. Мы построили там павильон, но его сожгли дотла, и до сих про есть вандалы, с которыми нам приходится иметь дело, поскольку штат обычно предпочитает не вмешиваться».

После выхода вождя Уиндсонга в отставку в преклонном возрасте, его преемник повёл замкнутую политику. Он является противником интернета и всякой публичности, и о бэнде Ассонет, официально признанном на уровне штата, почти ничего не слышно за пределами резервации. Зато на слуху два федерально признанных бэнда нации вампаноагов — Машпи Кейп-Кода, и Акуинна (Гей-Хэд) на острове Мартас-Виньярд.

В бытность вождём Уиндсонг наладил контакты с шаманами племени Лакота, и даже заимствовал церемонию Пляски Солнца, в которой лично принимал участие четыре года подряд. Нововведение вызвало противоречивую реакцию. Многие упрекали вождя в заимствовании чуждого историческим Вампаноагам обычая. По этому поводу Джери Байрон высказался в том духе, что самыми ярыми его противниками являются те, кому ни за что не хватит духу принять участие в этом кровавом обряде.

Традиционно в годы правления вождя Уиндсонга Ассонеты проводили ежегодное празднество, чествуя Короля Филипа. По вампаноагским понятиям, территория полуострова и гора Маунт-Хоуп, где находилось его селение, куда он возвратился в конце войны и где он погиб, находится «в зоне ответственности» вождя Ассонетов.

Другим важнейшим праздником Вампаноагов является Новый Год, отмечаемый в мае — Seekuwanakeeshwush, или Seequwannakeewush (вождь Уиндсонг в своих электронных письмах использовал оба эти написания; надо отдать должное человеку, в девяносто три года вообще пользующемуся интернетом). «Мы проводим празднование, чтобы почтить наступающий год, мать Землю, и все её творения. И попариться в палатке потения, если возможно; песни, пляски, и много еды», — пишет вождь Уиндсонг.

Иначе Вампаноаги относятся к Дню благодарения: «Благодарение — американский праздник; они делают вид, будто у нас был такой праздник, но это была всего лишь встреча для демонстрации

пилигримам наших мирных намерений, и мы принесли пару оленей — никаких индеек. Как я говорил, хотя это и не традиционный праздник, некоторые из нас собираются в этот день; все учреждения закрыты. Для нас, Вампаноагов, каждый приём пищи — это благодарение».

Благодаря своим индейским друзьям я узнал много нового о современном положении дел у потомков индейцев Новой Англии и Северо-Востока в целом. И всё же в своём интересе к индейцам я прочно застрял в семнадцатом веке, где-то между реками Гудзон и Мерримак. Продолжаю изучать новейшие исследования и погружаться в первоисточники, а когда хочу с головой окунуться в тот период, раскрываю свою личную машину времени — репринт книги Роджера Уильямса «Ключ к языку Америки» 1643 года, представляющую собой разговорник наррагансетского языка, щедро приправленный этнографическими сведениями и стихами автора на душеспасительные темы.

Ибо, как советует мне мой друг, художник Джери Байрон: *«Следи за собой и за своим здоровьем, и проводи всё доступное время, занимаясь тем, что ты любишь, ибо это может быть отнято у тебя в любое мгновение».*

О тех, кто ушёл

Елена Белостоцкая

Так получилось, что мы, ещё не старые люди, многих уже потеряли...

Для меня было печальным откровением длинное перечисление имён покинувших нас, во время церемонии открытия Пау-Вау. Казалось бы, имён не должно быть много, но они всё звучали и звучали. Кого-то знала хорошо, кого-то едва, о ком-то слышала, были и не знакомые имена. Пришло понимание того, что у нас уже сложился свой и большой мемориал.

Писать об ушедших, мне кажется, намного тяжелее и ответственней, чем о ныне здравствующих, и я, положа руку на сердце, имею сомнительное право это делать, но осмелившись, надеюсь, что не подвергнусь осуждению, ведь у тех, кого хотела бы вспомнить, есть гораздо более близкие друзья, чем я, и они знали их гораздо лучше, хотя бы в силу того, что жили рядом, а не в другом городе. Но мне хотелось не жизнеописание разместить, а просто отдать дань памяти и уважения.

Самая первая очная встреча с индеанистами подарила мне знакомство с Дмитрием Кольцовым (Кроу). Он тогда гостил в Москве у Александра Тереника; шла весна 1992 года. Этот «официальный визит» (меня, в силу юного возраста, туда привёз отец, пообщался с ребятами и, удостоверившись в полнейшей благонадёжности, вверил им до своего возвращения) я помню фрагментарно, но особенно запомнилось, что Дима большую часть времени не отрывался от бумаги и кисти. Мы говорили, пили чай, и он, при этом, всё время работал... Так, на память о первой встрече с индеанистами, мне была подарена замечательная акварельная миниатюра «Траппер». И позже, когда в компании друзей оказывалась в гостях у Димы, всегда видела, как он пишет — не хочу говорить — «рисует». При этом он всегда критично отзывался о своих работах, искал способы совершенствоваться. И это стремление к совершенству было настолько искренним и ярым, что, видимо, становилось тяжёлым бременем для него самого, однако именно оно и давало возможность появиться множеству талантливейших художественных работ. Как профессиональный музыкант, он так же был самокритичен и к своему музыкальному творчеству, не менее талантливому, чем художественному.

Вторая встреча с индеанистами ознаменовалась для меня знакомством с Дмитрием Сергеевым (Танцующим Лисом). Неиссякаемое остроумие, потрясающая харизма и энергетика делали Диму центром любой компании. Его хотелось слушать — всегда было интересно, захватывало, просвещало. Никогда не забуду посещение Русского музея в компании Лиса — о художниках и их полотнах он рассказывал лучше, чем любой экскурсовод. Столько фактов, сопутствующей информации, и всё это таким не скучным стилем! И о Санкт-Петербурге Лис рассказывал с необыкновенной теплотой и любовью, так,

что, слушая, хотелось остаться в Питере. Талант рассказчика

Лис реализовал себя в цикле телепередач на канале «Санкт-Петербург». Если человек ярок, то это проявляется во всём, к чему он выказывает интерес. Если имя Танцующий Лис проясняет ту ипостась, которая была наиболее близка Дмитрию в индейской теме, то остальные поприща, на которых Лис успешно проявил себя трудно перечислить — тут и музыка, и живопись, и режиссура и многое другое.

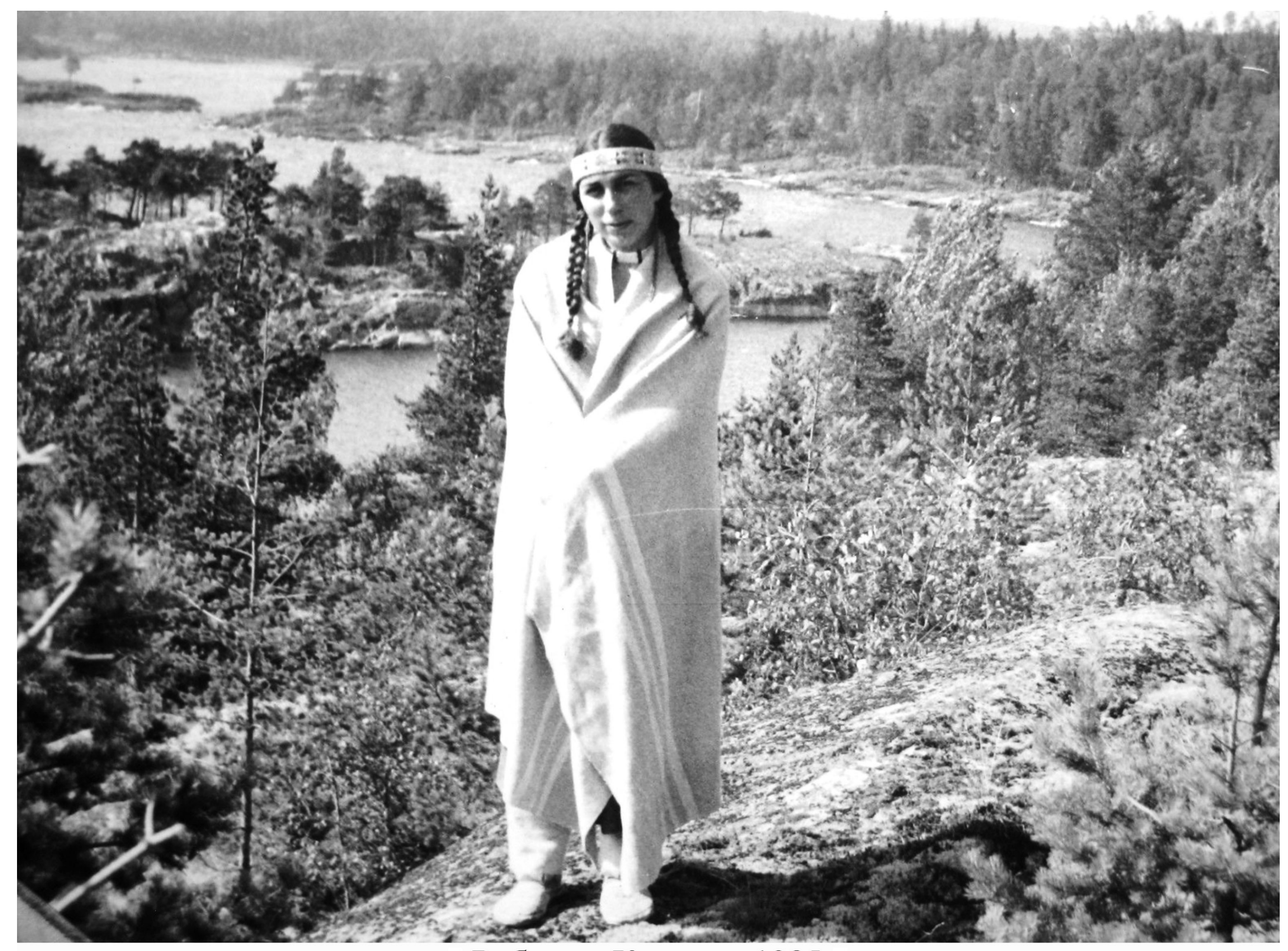
Как сказал Лион Фейхтвангер: «Если человек талантлив, то он талантлив во всём». Во всяком случае — во многом. Это часто к нашим относится. Но есть ещё один талант, который иногда не замечается. Это талант — умение дружить. И именно таким талантом была наделена Таня Карпова Ribbon. She. Wolf (Рибана). Такого чуткого, искреннего, открытого, правильных начал человека встретить в своей жизни — большое счастье. Её история связана практически со всеми эпохальными для индеанистов событиями, и то, как её уважали и с каким теплом вспоминают, говорит об очень многом. Необычайно романтичная, настоящая, она так дорожила отношениями, так трепетно относилась к общению, как это очень редко сейчас встречается.

С Рибаной мы познакомилась на Пау, она для меня всегда образцом была и в отношениях, и в подходах, и понимании того, чем мы занимались. Мы не сразу близко сошлись в силу того, что и жили далеко, и приезжала она редко, и, в основном, в Питер. Потом стали активно переписываться, и взаимное уважение переросло в крепкую дружбу. А когда я стала одна жить, Рибана у меня всегда останавливалась, и такого душевного общения я ждала от приезда до приезда. Кстати, в первый её приезд, я боялась, что не узнаю её на вокзале, ведь дело было под зиму, а в «цивильном» мы друг друга толком и не видели. Так получается, что индейская тема нас завязывает, но дальше, чем крепче становится дружба и взаимопонимание, тем меньше специфических разговоров ведётся — начинаешь видеть человека, а не со спеца по коренным американцам. А с Рибаной всегда было очень легко, по-родственному тепло. Она всегда была за честность и искренность, предательства ни в каких, даже мизерных, формах не переносила. Скажешь о человеке «романтик и идеалист» — поймут в «минус», а эти качества были в Рибанке только в «плюс», ставили её в положение того, на кого хотелось бы равнятся, потому что по нашей жизни (особенно в 1990-х) сохранить эти качества и себя одновременно было трудно…

И это больно, что так рано уходят такие люди как она, как Танцующий Лис, Дима Кроу, Рибанка… А сколько ещё можно вспомнить ушедших!

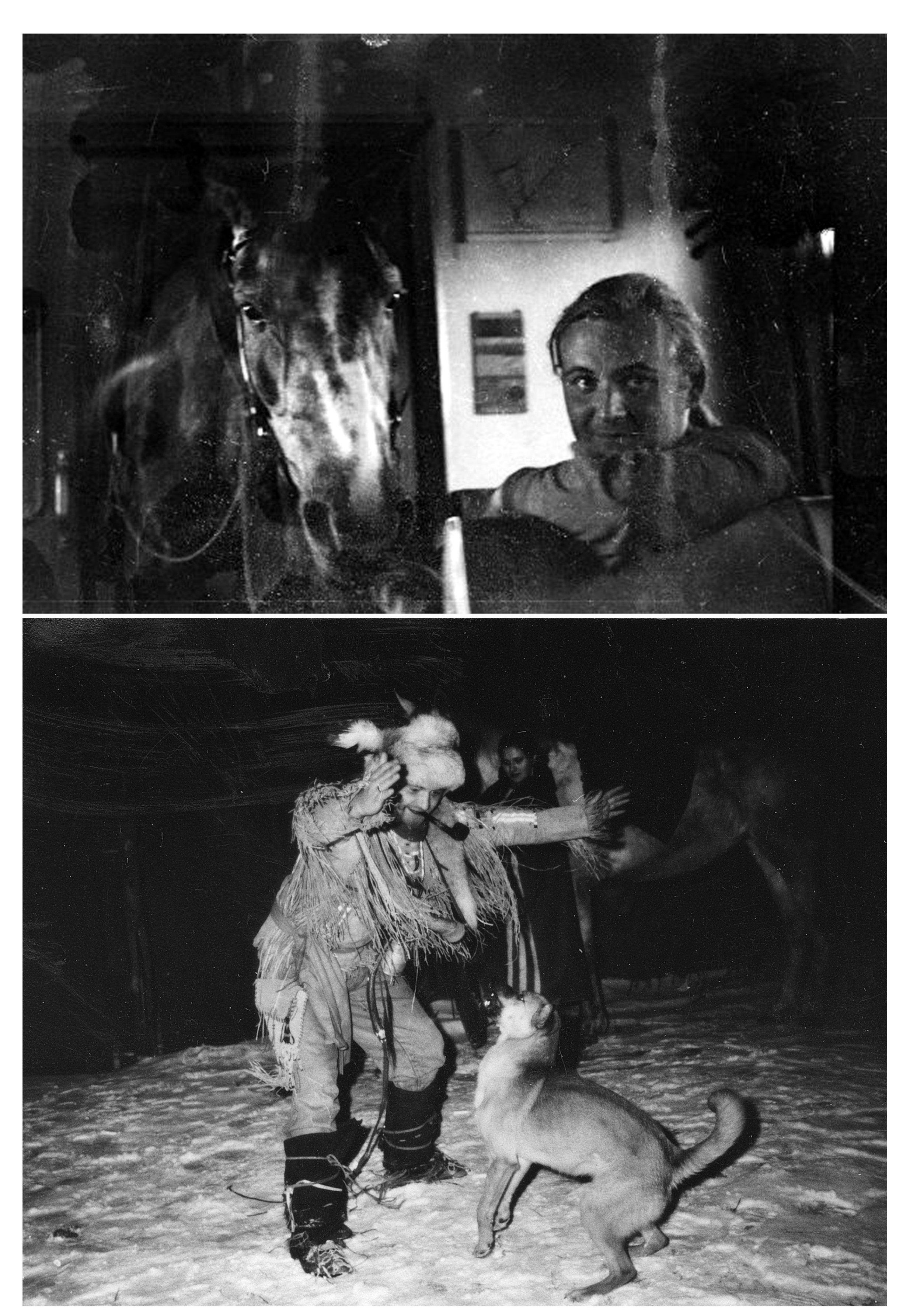
Андрей Нефёдов

Рибанна (Таня Карпова) никогда не говорила о своей болезни. Похоже, она даже не подозревала, что у неё рак. Она жаловалась иногда на боли в животе, но не придавала им значения. Всегда улыбалась. Наверное, я не видел её без улыбки никогда. Мне вспоминается моя первая поездка на Пау. Я ждал, когда начнутся танцы, когда все вокруг облачатся в индейское, когда произой-

Рибанна, Карелия, 1985

дёт то, ради чего я ехал на Пау — Праздник. Но что-то буксовало в организационном процессе, все только говорили о танцах, о церемонии открытия Пау, но ничего не делали. И вдруг я увидел двух девушек в индейских платьях, обильно расшитых бисером. Они шли, взявшись за руки и спрятавшись под зонтик. Этот зонтик над ними был так неожиданен, что я сразу обратил на девушек внимание. Позже я познакомился с обеими, одну звали Рибанна, другую — Става. В тот же день, но уже ближе к закату, Рибанна пришла к нашему костру. На ней была чёрная кожаная куртка с длинной бахромой на рукавах. Не вспомню, о чём мы говорили. Наверное, ни о чём конкретном, о жизни. Но теперь, когда Рибанки нет, улетучившийся из памяти диалог кажется мне большой потерей. Мы так легко и много теряем, глядя на сегодняшние встречи с беззаботностью и не осознавая, что однажды будем не в состоянии вспомнить, о чём говорили с хорошими людьми... О том, что Рибанка умерла, мне сообщила по телефону Лена Белостоцкая. Рибанку отвезли в больницу, когда у неё сильно заболел живот. Перитонит. Срочно положили на операционный стол, разрезали и обнаружили опухоль, и через две недели Рибанки не стало...

***

Дмитрий Кольцов (Кроу)

Из всех индеанистов минувших лет я особо выделяю Диму Кольцова (Кроу). Он мне очень нравился, потому что с ним (пожалуй, только с ним) можно было говорить об искусстве вообще, а не об искусстве индейцев, о литературе вообще, а не о книгах про индейцев. Он откровенно недоумевал, когда индеанисты оценивали фильм по соответствию этнографическим деталям, а не как произведение искусства. Он был художник. Настоящий художник. Он всегда был недоволен собой, хотел быть лучше в том, что он делал, не переставал учиться. Мне мало встречалось людей, которые не переставали учиться, совершенствоваться. На мой взгляд, он был великолепный художник, лёгкий, изящный, но сколько мы встречались, столько он повторял, что надо добиться лучших результатов. Он ворчал на меня за то, что я сам рисовал иллюстрации для моих книг. «Почему не пригласить профессионального художника?!» — «Я приглашаю тебя. Ты возьмёшься?» — «Да». Он согласился, но дальше одного рисунка, который пошёл на обложку книги «Тропа» дело не пошло. Он согласился и пропал куда-то. Я не знал в то время, что Дима сильно пил и время от времени уходил в настоящий запой. Я ни разу не выдел его выпившим. Когда он приезжал к нам домой в последний раз, и я поставил на стол бутылку водки, Кроу сказал: «Не буду». — «Почему?» — «Потому что не умею остановиться». То было впервые, когда прозвучала тема алкоголизма. И ещё в тот вечер он сказал, что его всю жизнь мучила неуверенность в себе. Да, он был мягкий, но неуверенным не выглядел. Я был уверен, что он окружён друзьями и любовью, что он погружён в любимое дело — в музыку и рисование. И вдруг — неуверенность в себе, алкоголизм… Я был ошеломлён. И только после этого я понял, почему он не нарисовал обещанные иллюстрации, несмотря на то, что я переслал ему деньги на краски и бумагу. Он исчез, потому что запил…

Среди индеанистов он был известен под именем Кроу, поскольку его интересовало племя Crow. Но, как рассказал мне Алексей Кучменёв, иногда его называли Валторной из-за инструмента, на котором он играл в оркестре. Было у него в течение некоторого времени ещё прозвище — Однорукий, появившееся из-за сломанной руки.

Он умер внезапно. Когда мне позвонила Лена Белостоцкая с этой вестью, я не поверил. Он умер в своей квартире и пролежал там несколько дней. Никто не смог рассеять туман его горького одиночества.

Незаметная, но неповторимая жизнь

Маргарита Коновальчик

Про Нинку Овсюкову рассказать, наверное, правильно. Во-первых, её уже нет с нами. Во-вторых, она была неординарным человечком. Её роль в нашем новосибирском сообществе не была ключевой. Были гораздо более харизматичные и активные. Но на Нинке завязывались многие ниточки общения. Её дом был всегда открыт для наших индейских посиделок. А ещё она была творческим человеком.

Так повезло, что мы с Ниной познакомились, когда нам было по 6 лет. Жили в соседних подъездах. И даже учились в одной школе и в одном классе. Только я ходила в школу, а Нина училась дома. Она была инвалид 1-й группы, колясочник. Ноги парализованы.

Тогда, в 1980-е, интернациональное движение было очень развито. Ратовали то за Луиса Корвалана, то за Нельсона Манделу. Тем более, у нас — в Новосибирском Академгородке, где находится Новосибирский Государственный Университет, в котором каждую весну проводились Интернедели. И вот — попалась нам статья про Леонарда Пелтиера. Как же без него! Детская страсть ко всему приключенческому была уже удовлетворена фильмами с Гойко Митичем, изготовлением луков со стрелами и игрой в индейцев. Название книги «Последний из могикан» — воспринималось буквально: индейцы БЫЛИ и ИСЧЕЗЛИ. Осталась только романтика ветров прерий и сожаление, что все уже ушло и закончилось до нас…

И тут — бац! ИНДЕЕЦ! Живой! Настоящий! И ему нужна наша поддержка и помощь! И статья в «Комсомольской правде» студентки из Германии Инес Рёдер о том, что в Германии 42 клуба индеанистики, Пау-Вау и пр. Шок! Читаем вместе взахлёб. Дальше — больше. Я училась к тому времени уже в соседнем городе, и мы с Ниной уже не виделись так часто. Параллельно, автономно друг от друга пишем по письму Инес Рёдер через редакцию «Комсомолки». Мол, надо же, у вас там 42 клуба индеанистики, а у нас… только я одна. Так сделали десятки людей со всех уголков Советского Союза.

Инес Рёдер оказалась девушкой понимающей и не ленивой. Ответила всем. А в письмах написала нам адреса тех, кто тоже откликнулся на её статью. Так мы узнали, что нас много. Банальная история, с которой многие тогда начинали. Мы связались с теми, кто жил рядом с нами (Новосибирск, Бердск), встретились и познакомились. Нинин дом стал для нас местом встреч, разговоров, обменов информацией. Она активно вела переписку. Через неё появлялись новые люди и новые знакомства. Нина всегда была дома, времени у неё было больше, чем у нас — поэтому так и получилось само собой. Нам очень повезло тогда с этим повышенным вниманием к интернациональным делам. В Новосибирске был создан Фонд Молодежной Инициативы (ФМИ), где регистрировались различные молодёжные организации,

неформальные движения. Мы тоже это сделали. Так появился Новосибирский клуб индеанистики «Содействие». И Нина стала его председателем.

Поскольку наша деятельность тогда носила преимущественно интернациональный характер — собирание подписей в защиту Леонарда Пелтиера, против урановых захоронений на землях Хопи и Навахо, в поддержку деятельности ДАИ — то Фонд молодёжной инициативы очень сильно нам тогда помог. С его помощью (и под его прикрытием) мы проводили массовые мероприятия со сбором подписей, которые наивно посылали то ли в Американское посольство, то ли непосредственно в Америкосию. ФМИ не только прикрывал нашу деятельность, но и спонсировал. От нас требовалось: вести протоколы наших «собраний» и регулярно сдавать их для проверки в ФМИ, чтобы подтвердить, что деятельность ведется. Ну и чтобы они могли посмотреть — КАКАЯ именно ведётся деятельность. Понятно, что мы собирались просто потусить и чаю попить))) А потом приходилось нам вдвоём с Нинулей сидеть и в срочном порядке сочинять эту ахинею про собрания, чтобы сдать отчеты.

Всё было «по-взрослому» — протоколы писали, как положено: номер, дата, Председатель — Овсюкова Нина Борисовна, Секретарь собрания — Постнова Маргарита Викторовна, вопросы на повестке дня, заслушали таких-то, выступали такие-то, принято решение, проголосовали и т. д. Сочиняли прям на ходу. Благо, у Нинки был литературный дар, а у меня опыт составления подобных документов.

Самым грандиозным мероприятием стала поездка в Москву, где мы собирали подписи в защиту Леонарда Пелтиера и устраивали митинги. ФМИ оплатил нескольким нашим ребятам всё — проезд, проживание и питание в Москве. Точно знаю, что мне оплатили, Александру Попову (Блэк, г. Бердск) и кому-то, кажется, из Голубой Скалы. Сейчас сложно вспомнить. Поезд, на котором мы ехали, был «Абакан-Москва». В Хакасии в него сначала сели Хакасы, наши знакомые. У них там музей Пелтиеровский сделали. И мы уже общались с кем-то из этого музея. Помню, что Надежда была такая девушка оттуда. Фамилию забыла. В Новосибирске к хакасам в поезд должны были подсесть мы. Это всё было грандиозно! В Новосибирске перекрыли на несколько часов улицу от Оперного театра до Вокзала Главного! Вряд ли сейчас возможно что-то подобное. От Оперного отправился автобус ПАЗик с громкоговорителем на крыше. Впереди ехали милицейские сопровождающие машины, потом шли индеанисты в колоннах с плакатами а-ля «Свободу Пелтиеру!». За ними ехал ПАЗик. В нём находилась я (вкратце зачитывала текст про Пелтиера и через громкоговоритель читала стихотворения про индейцев). Дошли так до Главного вокзала. На перроне организовали митинг, собрался народ. Потом подъехал поезд, и мы загрузились для поездки в Москву. Это история отдельная… Шесты для установки типи в Москве мы везли с собой из Новосиба. Погрузили их в купейный вагон! Прикрыли ковриками в коридорчике. И так двое суток до Москвы прыгали по этим шестам до туалета. В Москве нас поселили в гостинице, и возили на митинги на Икарусах. Мы поставили типи напротив Американского посольства. Расска-

зывали про индейцев, про Пелтиера, собирали подписи. Потом делегацией из трех человек пошли в посольство подписи отдавать.

Клуб участвовал также в Интернеделях Академгородка. Мы ставили типи возле ДК Академия, надевали индейские костюмы. Весь день стояли, рассказывали про индейцев, про устройство типи, собирали подписи. Саша Попов работал тогда художником-оформителем на одном из Бердских заводов. Он разработал дизайн повязок на голову с индейской символикой, надписями, значки. Мы все это отпечатывали и продавали на интернеделях. Нина собирала бусы, лепила птичек в стиле Навахо. Это тоже продавали. Деньги шли на нужды нашей «организации». На поездки, например. Кстати, Нина побывала в Голубой Скале. Блэк выбил на работе автобус от завода, ПАЗик, который и повёз нас на Алтай. Мы поехали ребятами из клуба «Содействие». Нина поехала с мамой. Как инвалид 1-й группы, она нуждалась в постоянной помощи и уходе. В Голубой Скале на Алтае мы жили примерно неделю. Мы там шили типи. Ребята нам помогли раскроить и учили, как что делать. По вечерам вели долгие разговоры про индейцев. Песни пели ночами! Днём гуляли по окрестностям — это же Горный Алтай! Красота сказочная!

Нине и её маме предоставили домик для проживания поудобнее, чтобы Нине было не очень трудно там спать. Нам-то всё равно, мы и на полу, и на лежанках, и в типи — везде могли устроиться. Но надо понимать, какой это подвиг — жить в таких условиях инвалиду первой группы, когда сам не можешь даже просто ночью перевернуться с боку на бок и для этого нужна помощь другого человека. Я уже не говорю про всё остальное.

Никогда, ни при каких обстоятельствах Нина не жаловалась ни на болезнь, ни на плохое самочувствие, ни на трудности. Даже мне. Мы были близкими подругами всё время, общались часто. Уж при мне-то она могла бы расслабиться, пожаловаться, но нет! Хотя физически ей было реально трудно. Её дом всегда был для нас открыт, Нинина мама всегда нас принимала, поила чаем, позволяла собираться толпам народа. Иногда этот народ был... ээээээ... ну как это сказать? На взгляд взрослых людей, родителей, народ был весьма странным и даже подозрительным. Не каждый бы обрадовался таким посещениям. Но собирались, пировали, ночевали без проблем. Иногда в коридоре места для обуви не хватало. Столько приходило народа. А вместо стола — стелили скатерть прямо на пол, где и накрывали пиры наши. Нина ещё помогала с воспитанием подрастающего поколения, так сказать. Мы же в «Содействие» набрали молодняк. Мальчишек лет 14—15. Этим Блэк занимался, рассказывал им про индейцев, вышивать учил и пр. Но мальчишки часто приезжали к Нине просто пообщаться, свозить её погулять. Они очень сдружились. Даже был у нас такой выход на ночь в лес: я, Нина на коляске и двое мальчишек-подростков. Взяли типи. Я уже к тому времени бывала в Питере на Пау-Вау, знала, как типи ставить. Но мальчишки хотели всё сами сделать. Мы им такую возможность предоставили. Они поставили типи, и мы в лесу ночевали вчетвером, с Ниной, недалеко от Обского моря

Самое такое важное, что Нина сделала — это координация и поддерживание связей и её творчество — то, что она пе-

ревела и написала. Думаю, что индейцы давали Нине веру и силы жить. Это помогло раскрыть её творческий потенциал — она начала переводить книги с английского про индейцев, сама писала и стихи и прозу с такой тематикой. Конечно, у неё были и другие интересы и занятия. Чтобы мышцы рук работали и не атрофировались — Нина вышивала крестиком, собирала бисерные бусы. Ещё она играла в университетском театре «Классика». Это далеко от индейцев. Но это — про неё.

Поющая Радуга (Викмунке Лованпи)

Олег Ясененко (Блуждающий Дух)

Я встречался с Поющей Радугой на Пау-Вау в 1982 году. В 1983-м его не было, или я не помню точно. По-моему, его всё-таки не было, видимо, в это время он уже болел. В 1982-м он был на Пау, но вспомнить что-то особенное не могу. Во-первых, он был на несколько лет старше меня, а мне было всего 17 лет. Помню, что он был одним из лидеров Ленинградской группы и из основных организаторов Пау. По виду, он был индейцем от мозга до костей, это было написано на его лице. Всегда серьёзный и какой-то целеустремлённый. На советах и церемониях он выступал и говорил об индейской духовности и изучении культуры, такие общие слова, но уже одно то, что он об этом говорил свидетельствовало о его глубоком погружении в тему. Я с ним не переписывался, так что близко его не знаю. На Пау мы с ним много не общались, обычные разговоры о том, что привлекает к индейцам.

Помню, он задал мне несколько вопросов, откуда я приехал, что читал и как заинтересовался. А я ему вопросов не задавал, стеснялся, что ли. Ещё он пел песни под барабан, сам и вместе с девчонками. Я думаю, что он просто на тот момент занял ту нишу, которая его привлекала и в которую он уже был погружён — индейская духовность, мировоззрение — и которые были на Пау очень нужны, ведь в то время мы сильно романтизировали индейцев, и он как бы постоянно об этом напоминал — своей одержимостью, серьёзностью.

Александр Буслаев (Овасес)

Радуга был типичный прибалт, чем-то схож с Лаймой Вайкуле. Был всегда грустен и нелюдим. По словам Чайки, он облучился в армии, часто болел, и, похоже, умирал от рака крови. Я видел его фото перед смертью — сильно опух, очень! Считаю, что он свою миссию учёного выполнил до конца. Он всё время сопротивлялся моему давлению, но я его любил, как и все мы. Мы его встретили в институте этнографии. Он учился на этнографа, и в те годы его знания были значительно шире наших.

Альберт Осипов (Левая Рука)

Тот, кто разжигал костёр индеанизма

Поющая Радуга (Леонтьев Игорь Викторович) родился 17 декабря 1958 года и после тяжёлой болезни скончался 23 октября 1984 года в Таллине. Уже много лет он не сидит с нами у костра, как друг, брат и единомышленник. Великий Дух рано забрал своего сына, но слова Поющей Радуги остались на листах говорящей бумаги, в наших сердцах

"Держите ваше сердце открытым,-
Это хороший способ познания мира.
Держите ваше сердце открытым
И будьте храбры,
Ибо ваши глаза
Должны быть открыты тоже!"

Поющая Радуга.
Wikmunke Lowanpi

Мы все скорбим.
23 октября 1984 г. ушел от нас на рассвете Дорогой Солнца, Дорогой Воинов Поющая Радуга - Леонтьев Игорь Викторович.
Для нас это - невосполнимая потеря.

Поющая Радуга родился 17 декабря 1958 г. После окончания школы он работал на заводе, затем служил в Советской Армии. В 1980 г. после окончания подготовительного отделения Поющая Радуга поступил на исторический факультет ЛГУ, мечтая стать этнографом и посвятить свою жизнь изучению истории и культуры индейского народа. Но из-за ухудшающегося здоровья он вынужден был оставить университет, закончив лишь два курса.
5 марта 1981 г. Поющая Радуга пришел на лекцию, которую читали для членов ЛИКа в институте этнографии. С тех пор он был с нами. Он стал нашим Духовным Наставником. Поющая Радуга учил нас жить в единстве с природой. Он учил нас первым индейским песням, проводил индейские обряды, стремясь постичь всю глубину индейского мировоззрения, осмыслить каждое действие обряда. Поющая Радуга писал стихи и рассказы, пел, переводил, рисовал. Он учил нас внимательно относиться не только к индейской культуре, - к культуре любого народа.
Совет пау-вау-82 дал ему индейское имя - Поющая Радуга, вспомнив слова индейца-навахо, которые очень любил приводить Игорь:"Человечество подобно многоцветной радуге. Многие цвета ее переходят один в другой, но никогда не сливаются, - иначе не было бы радуги. Индейцы составляют в этой радуге определенную полосу, и никому не удастся стереть ее!"
В наших сердцах живут мысли Поющей Радуги, мы поем его песни. И пока живы мы и наши дети, пока в небе появляется разноцветная радуга, - никому не удастся стереть из нашей памяти имя нашего брата.

ЛИК "АЛЬКАТРАЗ".

Сообщение Ленинградского Индейского Клуба "Алькатраз"
о смерти Поющей Радуги

и памяти. Он был одним из первых в нашем кругу, кто увидел в индейцах не идеализированных людей в орлиных перьях, не живописных картин для копирования, а именно индейцев.

Мне довелось познакомиться с Поющей Радугой на первом Пау-Вау в 1982 году. Ещё была встреча с ним в последний год его жизни, но этого было мало мне, чтобы получше узнать его как духовного человека. У него были близкие друзья среди индеанистов, которые могли бы многое о нем рассказать. Но так получилось, что в моих руках оказались труды Поющей Радуги: личные записи, письма, стихи, переводы, статьи… Я бережно храню их, перечитываю, осмысливаю с высоты сегодняшнего дня. Благодаря этому архиву и получилась эта небольшая публикация о Поющей Радуге. Если кто-то вспомнил о нём или открыл его для себя, то значит, не зря я старался.

Братья и сёстры! Оторвитесь немного от своих дел. Вы слышите, как бьётся сердце Матери-Земли? Прислушайтесь к тысячам звуков, и вы различите среди них голос Поющей Радуги. Откройте свои сердца и сохраните в них его слова. Остановитесь ненадолго, не спешите в мирской суете, глядя себе под ноги. Поднимите головы, и вы увидите в чистом небе сверкающую Радугу. Посмотрите внимательно на неё, и вы увидите в ней лицо Поющей Радуги.

Посмотрите вокруг себя глазами небесной Радуги, и вы обнаружите иной, забытый вами прекрасный Мир Любви, Добра и Света. Прислушайтесь к тысячам звуков… Вы слышите бой барабанов? То голоса индейской Мудрости… Запомните эти священные голоса…

«Грянул чёрный день,
и застыла кровь.
Духи предков ждали до утра.
Он ушёл от нас
без прощальных слов.
Он теперь у их костра…

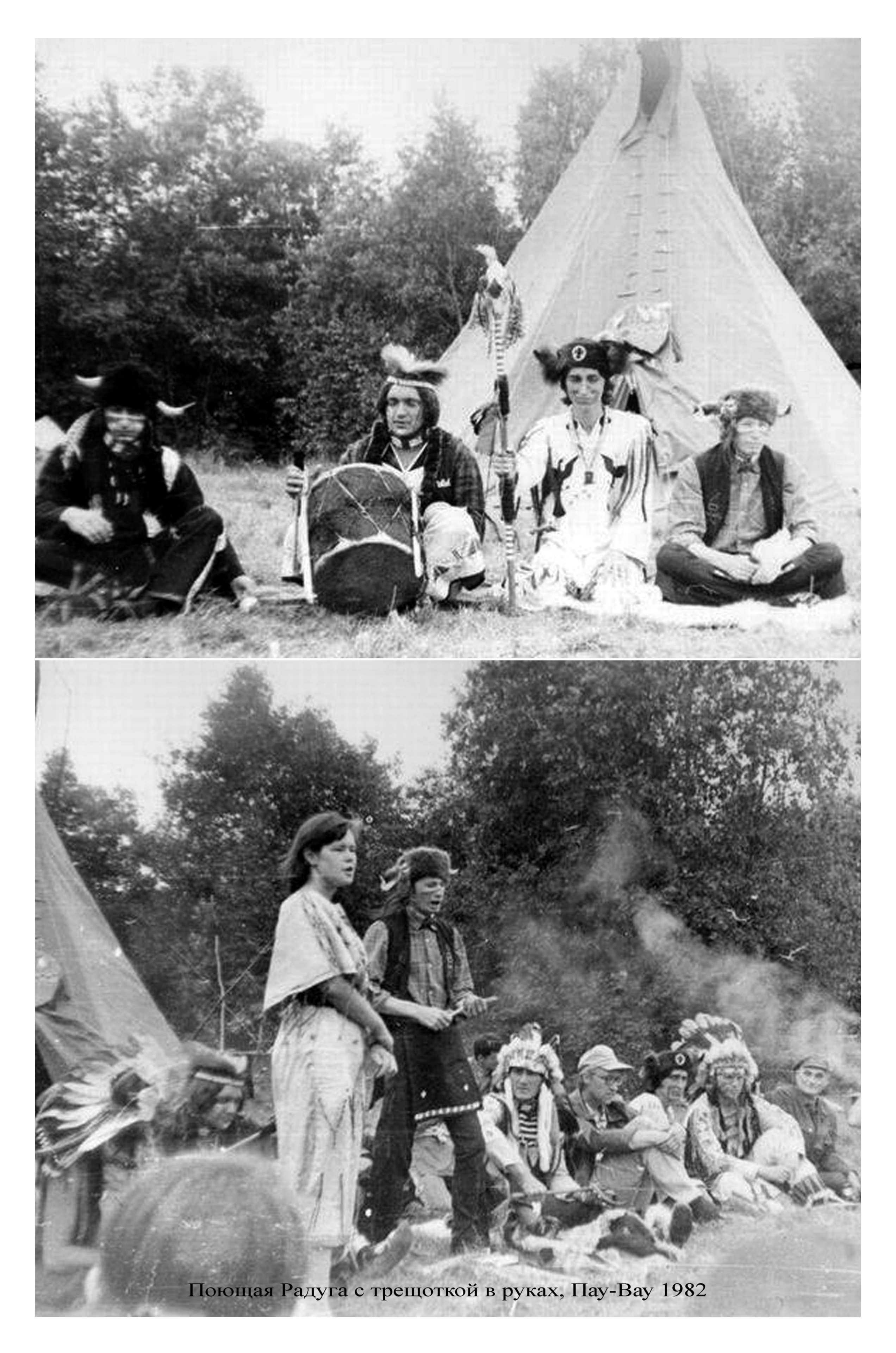
23 октября 1984 года мы потеряли нашего брата, Поющую Радугу. С тех пор о нём сказано много хороших и верных слов, но… уже после смерти. Только после смерти мы стали говорить об его учении, повторять его слова и имя, как символ наших лучших устремлений, как символ гармонии и красоты, который он воспевал. А что было при его жизни среди нас? Почему, чтобы обрести общее понимание, человек иногда всё же должен умереть?» (Орлиное Перо, 1985).

«Белую ты сшил одежду себе, белую сшил ты одежду для Танца. И ушёл далеко по дороге, куда убегает тень. Туда убегают мысли, туда убегают души, когда твое тело спит. 26 солнц твоей жизни, словно священный обряд, с дымом Священной Трубки, с типи Души очищения. Небо умылось дождём — песня настала твоя, в красках небесной Дуги, в красках небесной Дуги голос твой услышат братья. Тот, кто от Духа Священного был, тот, кто от Духа Священного к нам шёл. С песней индейцев и с песней Добра будешь ты ждать наш приход у костра. Ты не скорби, мы придем — будет время. Танец у Типи Великого Духа, Танец нам вместе плясать суждено. Ты не скорби, мы придём — время будет. Белую сшил ты одежду для Танца» (Красный Волк, 1985).

Поющая Радуга говорит об индейцах:

«Нужно доказать, что индейская культура не исчезла, и она может и должна развиваться, потому что в пер-

Поющая Радуга играет на барабане

Поющая Радуга с трещоткой в руках, Пау-Вау 1982

спективе она может значительно обогатить и мировую культуру и вообще духовный мир человека. Люди должны знать индейскую культуру хотя бы для того, чтобы не знать о ней жестокую неправду» (Поющая Радуга, 1981).

«...Меня с детства тянуло к „красному миру“ и я могу точно сказать: оставаясь в своей реальности, я в этом мире жил. До каких пор мудрость предков будет оставаться экзотикой? Когда люди поймут, что только родственная связь с окружающим миром и друг с другом сделают их счастливыми? Я хочу сказать, брат, что ты делаешь настоящее дело. Индеец прав, оставаясь индейцем. Всё остальное — ложь» (Из письма к Леонарду Вороньему Псу).

«...Индейцы хотят сохранить всё то, что было создано их предками, потому что они, как никто другой понимают, что в их руках колодец, который хотят уничтожить. Индейцы не только научились жить в лесах и прериях, они научились тому, что нужно делать для сохранения духовных связей, которые не позволяют человеку упасть, тех основ, тех ценностей, которых мы давно утратили... Индейская культура гибкая, иначе бы она не сохранилась. И это закономерно. Правду не уничтожить. Правда — это суть Мира. Плюёшь на неё, ну сам же и расплатишься за свои грехи... Индейские пророки, индейские мудрецы — это не мистика. Это люди, которые чувствуют своё предназначение — отдать людям свой дар, ибо он им нужен...» (Из письма к Мато Уитко, 1981)

«...Зачем индейцам гении? Зачем им избранные творцы красоты, когда красота эта — естественная часть их жизни, без которой они себя не мыслят ни как народ, ни как люди? Наше представление о мировоззрении индейцев, каким мы видим его со стороны, есть результат нашей слепоты. Мировоззрение индейцев, их мироощущение является основой того, что они индейцы... Чем бы индеец ни занимался, даже мелочью, он никогда не забывает о духовной стороне дела. Вот почему из ничего индеец делает произведение искусства — для него это естественно. Мы же смотрим на вещи без всякого уважения и ощущения красоты. Нам некогда раздумывать, дело не ждет. И вот так-то и происходит деградация...» (Из письма к Красному Волку, 1982).

Поющая Радуга говорит о Движении индеанистов:

«...Дальнейшая наша судьба, судьба индеанизма, зависит от того, насколько мы сумеем наладить дисциплину, насколько мы сумеем пресечь разброд, легкомыслие и безответственность в индеанизме, насколько сумеем всех подчинить единственно верному в нашей ситуации подходу к нашей работе. Как в философии важно решить коренной вопрос, так и у нас валено решить, чему нас обязывает, дело, за которое мы взялись. Дело в том, что мы собою пропагандируем индейскую культуру. А ведь это не игрушки! Ведь мы белые...

Некоторые говорят, что мы должны создавать свою культуру, изучая подлинно индейскую, только на бумаге... Ведь культуру создаёт народ, опираясь на мировоззрение. А какое у нас мировоззрение? На какую основу мы будем нанизывать перья, рубахи, томагавки? Ведь мы выросли в белом обществе.

Пусть нам не нравятся его догмы, но мы продукты этого общества, и тому, чего бы мы хотели, нужно учиться, нужно себя перевоспитывать... Мы должны стремиться к тому, чтобы быть как можно больше индейцами. Только тогда у нас будет культура в жизни, а не игра, только тогда у нас будет в работе единый мотив, единая идеология, единые ценности. Нужно идти от истоков, нужно на себе постигать то, что исконно, чтобы понять внутренний смысл того, что мы хотим для себя использовать, что мы хотим пропагандировать. Прежде чем из этого делать что-то своё, нужно это понять, ощутить, сделать близким для себя. В конце концов, к такому подходу нас обязывает наша задача: рассказать об индейцах правду. Если наш индеанизм не будет красным, то мы не имеем права связывать себя пропагандой... Мы не красные, но мы будем ими — вот что означает двигаться, вот что дает право на пропаганду...» (Из письма в ЛИК — Ленинградский Индейский Клуб).

«...Когда человек варится в собственном соку, он много думает, много страдает, много видит, много понимает, но не находит выхода. Опыт индейцев уже давно показал и продолжает показывать, что только вместе, только слившись в одну семью, только став „Птицей друг для друга, Даром друг для друга“, можно вырасти. Люди должны сродниться друг с другом через совместное постижение мира. Индеанизм объединяет людей. Мы нужны индейцам не меньше, чем они нужны нам. Не правы те, кто считают, что индеанизм — хобби, и не правы те, кто считает, что индеанизм — это филантропство. Индеанизм — это жизнь. Это наша жизнь. Это призыв... Индейцы знают о том, что они правы. Они чувствуют, что они на верном пути, и, не смотря на боль и сомнения, продолжают свое дело. А мы что? Будем заниматься проблемами жира и мяса? Если мы не научимся быть людьми, нас и с мясом съедят капиталисты. Индейцы открывают нам глаза на самих себя, и кто как не мы должны подхватить этот дар и передать его людям, даже если для этого нет никаких условий. Ты говоришь о заботах и деле своего народа. Так вот что я скажу: индеанизм и есть забота. Она таит в себе глубокие резервы. История ещё не знала такой вещи. Всё, что создавалось раньше, всё это были схемы, но никто не знал, как их воплощать. Перед нами живой источник. Пришло время им воспользоваться... А задача простая: узнать правду об индейцах и без искажения, без белого преломления донести ее до людей. Просто? Нелегко, потому что это не хобби. Потому что к людям нужен подход. Потому что начинать надо с самих себя. Из этого вытекает всё, как нить из иголки: Единство, которое обеспечивает мир на земле, Интернационализм, чувство уважения к ближнему, честность... Всё это войдёт в кровь наших детей, если мы воспитаем их красными... Мы готовы хоть сейчас пустить Трубку Мира по планете и наши предки нас похвалят за это. Но для этого нужно работать» (Из письма к Мато Уитко, 1984).

«Одни уверяют, что я — пророк, а другие — что экстремист. И те и другие неправы. Мне не важны фигуры. Я готов стать самым рядовым членом Движения и выполнять самую неблагодарную работу. Но как мне молчать, если я вижу,

Лена Лисёнок, Орлиное Перо, Поющая Радуга, Эдвард Томагавк, Таня Звезда

что нет главного: нет силы, нет знамени. И я знаю почему нет! Мы все белые до мозга костей. Сейчас для нас главное — объединиться. Это осознают все… Имеем ли мы право рассказывать об индейцах, игнорируя внутренний мир этих людей? Мы можем оказаться не лучше коллекционеров. Индейцы — это не хобби. Захотел — взял их военный уклад, захотел — взял их искусство и т. д. Нет, мы не имеем на это право. Каждый, кто решил посвятить себя нашему делу, должен чётко усвоить: он не развлекается, а рассказывает о людях! И каждый должен опять же чётко осознать, что люди эти создавали свой мир на особых основах. Только поняв эти основы, только ощутив их сердцем, можно без искажений рассказывать об индейцах и их мире во всех его разделах… Есть только два мира — красный и белый. Нет середины. Если ты связал себя с красным миром, не надейся остаться розовым, иначе ты так и не вылезешь из белой скорлупы…

Самое же злободневное и больное вот что: где та единая идея, которая нас сплотит? Я знаю, что мы все разные, все со своими болячками. Но неужели мы ни на что не способны? Неужели горести и переживания не научили нас простой истине, которую, индейцы несут из глубины веков?.. Стремление ощутить Индейский Дух Свободы, стремление избавиться от своих пороков совместными усилиями, с помощью Объединяющих

Начал, которыми пользуются индейцы — вот та основа, на которой должна строиться наша индеанистская жизнь. Только вместе, только сближаясь и раскрепощаясь во всеобщем едином Танце Жизни…» (Из письма к Красному Волку, 1982).

Поющая Радуга говорит о Пау-Вау:

«…Я думаю, что на Пау-Вау необходимо собираться не только для того, чтобы найти себе друзей. Мы не обращаем внимание на человеческую душу, а индеанизм — духовная потребность общества, я в этом уверен. Люди прежде всего должны вынести из Пау-Вау ощущение индейского духа, веру в свое дело. Получить какой-то поворот в своей душе, озарение, которое послужит толчком к раскрытию способностей. Интеллектуальные беседы этого не дадут. Зато действие, работа нового и интересного организма, в котором впервые в своей жизни человек сможет ощутить себя кем-то важным и нужным — вот что такое Пау-Вау!..» (Из письма к Красному Волку, 1982)

«…Я думаю так: пусть Пау-Вау будет институтом индейской жизни, своего рода Школой Выживания. Пусть там люди обретают индейский дух от самих его истоков. И пусть совет Пау-Вау будет органом, который будет анализировать деятельность тех или иных групп или людей и выносить решения, исправляя их ошибки. И если люди, в дальнейшем, не будут считаться с этими решениями, Собаки будут принимать меры, вплоть до изгнания из общего круга. К жизни на Пау-Вау требования должны быть ещё более жёсткими, ибо Пау-Вау не просто праздник. Здесь каждая мелочь важна. Разумеется, жесткость не означает грубость, но если человек не в состоянии понять и наносит вред, то уместны даже жёсткие средства, потому что чистота внутри нас должна нам быть дороже всего, и у нас нет другого пути» (Из письма в ЛИК).

Завещанный путь:

«Солнце, бесконечно льющее свои лучи, дает силу жизни. Земля, бесконечно движущаяся своей плотью, не уставая, рождает жизнь, шепчется с ветром и ливнем, с Солнцем и Небом. И вечно Солнце. И вечна Земля. И бесконечно Небо. А люди — дети Вселенной — смертны. Но в их короткой жизни могут быть отражены и величие Земли, и чудесная сила Солнца, и всё то, что бесконечно движется по кругу. Не забывайте же, братья, о том, что жизнь ваша вам вручена, о том, что с теми, кто идет рядом, завещана нам великая Дружба. Помните о тех, кто дал вам в дорогу пищу и как завет — напутственное слово. Во имя животворного единства, во имя Большого, дающего силу даже самому малому, — подсказанный звездами путь!» (Поющая Радуга — брату Зоркому Соколу).

«Красная Сила — это Сила Вселенной! Красная Сила — это Сила Жизни всего живого! Это Движение Солнца и звёзд. Соки огромного Дерева, одной из ветвей которого мы являемся. Это светлый Костёр в типи людей, дыхание Разума, начало полного понимания и Благодатного Пути. Пусть громче звучит голос Красной Силы! Шумом весенних рек он пробудит в нас горячие чувства, криком журавлей поздней осенью проникнет в наш разум, белым снегом зимою закрепит в нас постоянство и твёрдость

духа. Пусть звучит громче голос Красной Силы! Устремляясь вперёд, навстречу новым звездам, мы не забываем о своих корнях. Мы чтим Солнце наших предков, и каждый из нас, взрослея, проверяется древней мудростью. В наших мыслях, в наших словах и желаниях — пусть звучит голос Красной Силы! Как завещание, как клятва, как голос совести...» (Поющая Радуга — брату Орлиному Перу).

«...Держи своё сердце открытым, ибо в этот момент Великий Дух смотрит на тебя. Держи своё сердце открытым и будь храбр, ибо твои глаза должны быть тоже открыты» (Поющая Радуга).

Мать-Земля
Когда воды рек и озер польются
Чистые от грязных стоков
Быть может,
Моя Мать будет свободной?

Когда огнями Радуги загорятся
Краски людей
Быть может,
Моя Мать будет свободной?

Когда диким покажется
слово «война»
И пересохнет кровь, что пролилась
Быть может,
Моя Мать будет свободной?

Я знаю:
Когда все люди, когда все,
Все люди соберутся,
Согретые Единым Теплом.
Теплом, что даёт
чистоту водам рек и озёр,
Теплом, что питает ростки зелени,
Теплом, открывающим
путь к вечной Красоте,
Теплом, уничтожающим
вражду и недоверие.

Когда все, все люди соберутся,
Согретые этим Теплом
Перед лицом Земли, что родила их,
Вместе с журчаньем ручьев
И пением птиц.
Тогда знаю —
Моя Мать будет свободной
и перестанет страдать.

«Каждый, кто имеет отношение к индеанистам, кто прикасался к Семи Песням Поющей Радуги, должен хорошо понимать, что Песни эти для всех нас — это краски для выживания нашей Небесной Дуги, которая должна загореться над Престолом нашего общего Добра, общей Любви нашего Братства. Нам самим возводить этот Престол и от нас, от нашего отношения друг к другу зависит сияние красок над ним. Только тогда Радуга будет светящей Дугой и песни Поющей Радуги заблестят во всей своей Силе, когда каждый из нас постарается как можно больше понять своих братьев, когда мы приобретем не только общую радость, но и общую боль, общий голос к Песне и общую Душу» (Красный Волк, 1991).

В заключение хочу заметить, что прошло много лет, а больной вопрос объединения 1980-х годов вновь встаёт в начале 2000-х. Всё возвращается на круги свои! Мы сумели объединиться в далёких 1980-х и выжить в суровых 1990-х. Доказательством этому служит тот факт, что мы ещё есть... Можем ли мы терять то, за что боролись в 2000-м году? А может быть, так и надо — поте-

рять, чтобы потом по-настоящему оценить эту потерю и вернуть Солнце Дереву Жизни! Так что же? Объединяться ради показного объединения? Не об этом говорил Поющая Радуга. Великий Дух следит за нами и посылает нам новые испытания. Так давайте же достойно идти по Красной Дороге! О, Великий Дух Жизни, наши сердца всегда с Тобой, будь же и ты с нами!

Танцующий Лис

Алексей Кучменёв (Рысян)
(вопросы и ответы)

Алексей Кучменёв: Тут дело такое: тридцать лет прошло, и почти ничего такого интересного и не вспомнить. Мы с Лисом познакомились в 1985 году, он тогда пришёл в клуб «Этнос» на станции метро «Звёздная», после передачи по ящику «У вас 5 мин»... Потом, как это обычно и происходит между нашими, — обмен информацией, квартирники, движуха попёрла. Тогда много людей через клуб пришло, и между ними возникли общие интересы, ну, и задружились конечно. А Лис тогда играл в рок-группе, картины писал и снимал свою картину «Дезертир». Ему нужна была массовка индейская, где по линии сюжета главный герой встречается с группой индейцев. Он нас и попросил поучаствовать. Поехали в посёлок Токсово, холодно было, зима. Напялили парики, завернулись кто во что, пара ружей (муляжи) у него были. Как это и бывает, он объяснил нам, где/куда/идти/лежать/стоять. Ну, быстренько всё это отсняли да и поехали в тепло. У меня тогда был вопрос (не к нему, а в пустоту): а почему про какого-то дезертира бледнолицего? почему не про индейцев? Ну, отсняли и отсняли, потом много подобных съёмок случилось.

Конечно, «Дезертир» и «Я убийца» (А. Воронов и Ю. Соболев) — это две огромные разницы. Лис на одном энтузиазме пёр, много сцен переделывал, затягивал...

Андрей Ветер: Тебе Лис рассказывал о том, как его в психушку отправили? Или он сочинил это? Он ведь был мастер приукрасить действительность.

Алексей Кучменёв: В психушку он попал специально, «закосив» от армии.

Анатолий Сидоров
(вопросы и ответы в письмах)

Анатолий Сидоров: Вот мои воспоминания о Танцующем Лисе. 1991 год. Лагерь индеанистов в Толмачёво. Тогда приезжали индеанисты со всего СССР. До сих пор идут споры сколько стояло типи. Одни говорят что 60, другие утверждают, что было 70 типи. Купалка на реке была выше по течению. Все туда ходили купаться. По тропе ходили туда-сюда. Танцующий Лис здоровался со всеми, но не все здоровались в ответ. В один из дней Танцующий Лис преподал всем нам урок. Вот дословно его речь: «То, что вы со мной не здороваетесь, так как мы не знакомы, говорит лишь о вашем воспитании. Вот вы не поздоровались со мной — это для меня как укус комара. Я не обращаю внимание. Но мы должны здороваться, даже если мы незнакомы. Мы один народ, но разных национальностей». С тех пор мы всегда здоровались и сейчас здороваемся.

Даже реконструкторы, приехавшие к нам на Пау, как-то высказались по этому поводу: «Утром сто человек идут

на пляж, и надо с каждым поздороваться. Днём ещё раз. И вечером опять надо поздороваться и пожелать спокойной ночи».

Андрей Ветер: Толя, а в 1991 году на Пау уже исполнялись индейские танцы? Если да, то кто был главным, кто был «заводилой»?

Анатолий Сидоров: Да, танцы исполнялись. Я тогда впервые выбрался на Пау-Вау. Никого лично не знал, только заочно, т.к. я выпускал журнал «Томагавк». На Пау-Вау лично ходил и знакомился. Танцоры на том Пау были, но персонально кто — сказать не могу. Ну, Танцующий Лис однозначно был и танцевал. Он же в 2006 году нам уже здесь, на Суходольском озере, давал мастер-класс по индейским танцам. Я с его урока и начал танцевать.

Андрей Нефёдов (Ветер)

Я плохо знал его...

Индейцами я увлёкся в раннем детстве. Толком не зная о них ничего, я влюбился в них безоглядно. Объяснить это невозможно. Кого-то охватывает любовь к человеку, кого-то — к музыке, а некоторые влюбляются в образ жизни. Впрочем, индейский образ жизни, полюбившийся мне, не существовал к тому времени уже лет сто, поэтому его можно считать почти фантазией. Моя страсть к индейцам вызывала у людей недоумение, а их недоумение вызывало недоумение у меня. Я был один, никто рядом со мной не поддерживал моего увлечения. Я собирал картинки, газетные и журнальные статьи, вклеивал их в специальную тетрадь, делал выписки из Большой советской энциклопедии. Понемногу взрослел, но тема индейцев не только не оставляла меня, она крепчала и приобретала новое качество: я понемногу превращался в исследователя, а исследователь решил воплотить открытую им историю в книги. Это вполне понятно, поскольку я чувствовал некую обязанность — объяснить всем, кто был далёк от этой темы, причину моей любви к американским туземцам...

Однажды, уже работая на телевидении, я случайно посмотрел в эфире сюжет, называвшийся «Майн Рид Шоу». Невозможно объяснить, что со мной произошло, когда я увидел людей, облачённых в расшитые бисером кожаные рубахи и мокасины. Я увидел настоящие орлиные перья... Да что там перья! Я увидел людей, которые болели индейцами не меньше меня, а то и больше!

Прошло несколько дней, и я заполучил номер телефона, связался с одним человеком, затем с другим и узнал, что интересовавшие меня люди в ближайшие недели поставят индейский лагерь где-то под Питером и что это мероприятие называется Пау-Вау. Разумеется, я решил ехать.

Телекамеру мне дали только на один день, но возмущаться такой скупостью начальства я не мог, хотя не был уверен, что успею снять что-то, поскольку лагерь надо сначала отыскать. Ехал я туда, представляя почти художественный фильм: вот впереди появляется стойбище, я выпрыгиваю из машины, даю распоряжение помощнику снимать всё подряд, а сам иду вперёд, ожидая выхода индейцев мне навстречу, начинается обмен рукопожатиями, раскуривание трубки... Ничего такого не произошло, никто не вышел мне навстречу, потому

что мы свернули не на ту дорогу, проплутали часа три по лесу и вернулись в Питер, так и не увидев долгожданного Пау… На нервной почве у меня воспалился глаз, и в Москве прямо с вокзала я помчался в неотложку, где мне что-то накапали, чем-то поскребли и напугали отслоением сетчатки. Впрочем, это совсем другая ветвь моей истории, которая в конце концов привела меня к инвалидности…

Осенью мне позвонила Маша Большакова. «Мне сказали, что вы хотите снимать наших ребят. Они приехали из Питера», — начала она, но я никак не мог взять в толк, о ком шла речь. А когда понял, что Маша говорила об индейцах, то у меня перехватил дыхание — они рядом! Оказывается, они приехали на съёмку программы «До шестнадцати и старше», но произошла, как это нередко происходит на ТВ, какая-то «накладка», и журналисты программы «До шестнадцати и старше» про них забыли. Я немедленно позвонил в нашу редакцию… О боги, какая удача! Кто-то отказался от запланированной съёмки, и через пару дней освободившаяся телекамера упала мне в руки.

На съёмку я отправился на «газели». Где-то неподалёку от Площади Ильича мы въехали в грязный двор… Дверь открыла Маша. По квартире бродили люди, некоторые с длинными волосами. Все незнакомые. И ни малейшего намёка на индейцев. Маша представила меня мужу: «Это Саша». Его индейское имя было Ястреб. Мы познакомились. Они начали наряжаться, а я спустился вниз и устроился в «газели», предвкушая удовольствие от съёмки. Минут через тридцать они вышли. В полной красе. Приводя в состояние шока прохожих. Завораживая своим видом даже дворовых кошек. Их одежда шуршала бахромой и гремела бубенцами. Передо мной стояли индейцы! Казалось, сам воздух изменился при их появлении…

В «газель» все не вмещались. Долго втискивались, прилаживались, выгнали моего ассистента, и он отправился домой, не скрывая горького сожаления. После усердных стараний влезли кое-как, набились плотно, ехали стоя. Нашли какую-то поляну в Измайловском парке. Выгрузились. Ребята принялись доводить свой образ до совершенства, вытащили оперения и бастлы. Я судорожно снимал, боясь упустить что-либо. Глаза мои разбегались в прямом смысле слова.

Они весело переговаривались, отпускали шуточки, острили. Блондины и блондинки нацепили чёрные парики, чтобы выглядеть «по-индейски». Они начали петь, стуча в барабан. Они пели настоящие индейские песни, от которых моё сердце стало бешено колотиться! Они начали танцевать. Руководил ими Дима Сергеев по прозвищу Танцующий Лис. Даже не руководил, а как-то незаметно организовывал их. Он был высокий, с длинными ногами, которые двигались легко и мягко, едва притопывая по земле. Казалось, его ноги не ступали, а порхали…

На обратном пути мы с ним разговорились. Танцующий Лис в обычной жизни был Дима Сергеев. Он рассказывал о своём фильме «Дезертир», о своей музыке, об индейцах. Я слушал, и не мог насытиться, хотя уже был переполнен. Их песни звучали в моей голове почти неделю — настоящее наваждение.

Через некоторое время Лис прислал мне свою музыку, которую я считаю гениальной во всех отношениях. Он как

никто чувствовал, что такое дух вестерна. Он также прислал мне 16-мм киноплёнку со своим фильмом — жест абсолютного доверия, потому что никаких копий этого фильма не существовало, он дал мне единственный экземпляр. Потеряй я эту плёнку, фильм пропал бы.

«Дезертир» — картина странная. Вне всяких сомнений она уникальна. До профессионального фильма, где есть драматургия и продуманный сценарий, ей далеко. Но в этом фильме есть удивительный дух. Не знаю, как правильно охарактеризовать этот дух, — то ли романтический, то лм лирический. Дима сказал мне в интервью, что стал снимать фильм, когда ему перестало хватать того, что он видел на экране. На мой взгляд, эта формула абсолютного творчества. Нет смысла делать то, что уже существует, разве что ты хочешь подражать кому-то. Дима попытался создать на экране то, в чём он нуждался остро, как нуждаются в свежем воздухе после долгого времени, проведённого в душной, пыльной, наглухо запертой квартире. Танцующий Лис воссоздал в том простеньком 16-миллимитровом фильме мир своей души. Мало кто отважится на это, мало кому хватает сил довести такой замысел до конца. Дима довёл его до конца.

Зимой меня отправили в командировку в Питер. Мы снимали милицейский рейд по наркопритонам, какое-то судебное заседание, где разбиралось дело о синтетических наркотиках, побывали в «Крестах» (жуткое впечатление, несмываемый налёт ужаса), умудрились ночью попасть в облаву и едва не были застрелены милиционерами, которые приняли нас за бандитов, а нашу телевизионную камеру — за спрятанный в автомобиле пулемёт. В один из тех вечеров, когда мы торчали в гостинице без дела, я созвонился с Лисом и, поскольку он находился дома, сорвался к нему брать интервью. То был первый, долгий, основательный разговор, в котором, на мой взгляд, Дима раскрыл себя полностью. Знаю, что многим не понравилось, что я усадил его на фоне виолончелей, а не нацепил на него перья. Но зачем перья, когда он и так говорил об индейцах! Виолончели оттеняли тему дикарей, привносили важный элемент классической культуры в разговор о традиционной культуре. Мне кажется, что вся передача держалась именно на Танцующем Лисе. «Пророчества, которые сбываются» — так она называлась — была моим первым самостоятельным детищем на телевидении, она получилась во многом неуклюжей, кособокой, зато мне удалось сказать то, что я хотел именно тогда. Позже меня одолевали другие идеи, но в «Пророчествах» мне удалось выразить то, что бродило в моей голове именно в те дни... Объединение «Республика» выпускало экономические и социальные программы (мы называли это железобетоном, там не было места излияниям души), и мне слабо верилось, что индейцев пропустят на экран, но «Пророчества» были показаны по главному каналу России. После эфира ко мне подходили коллеги и снисходительно спрашивали: «Зачем тебе эти Дакоты? Нет, что ли, посовременнее чего-нибудь?»... Что мог я объяснить им?

Потом было моё первое Пау. Меня отправили в командировку, разрешили сделать репортаж, но не дали камеру — это даже смешно, это просто абсурд. Пришлось купить за свои деньги «Panasonic-3000», бытовую VHS-камеру, и этот «Panasonic» служил мне верой

и правдой почти пять лет. Кевин Локк, выступавший на выставке «Четыре ветра», заснят на эту камеру, его танцы и речи обошли всю Россию, благодаря моему «Панасонику». И выступление ребят в Лужниках на юбилее газеты «Московский комсомолец» перед огромной толпой зрителей, где Танцующий Лис увлёк зрителей в индейскую пляску, — тоже мой верный «Panasonic»... Там, в Лужниках, ко мне подбежала какая-то женщина и сказала, что она сфотографировала ребят и хотела бы каким-нибудь образом передать им фотографию, когда отпечатает её. Она видела, что знаком с «индецами» и спросила, нельзя ли передать фотографию через меня. Выяснилось, что она жила по соседству со мной, всего в нескольких минутах пешей прогулки...

Однажды мне удалось вытащить группу ребят в Москву специально на съёмку в Кратово, где находилась конюшня Саши Тереника. Эта конюшня превратилась в волшебные врата, ведущие в индейский мир. Вспоминается, как Лис давал мне интервью, держа на поводу красивую белую лошадь. К несчастью плёнка оказалась с браком, и пришлось вирировать ту картинку в синий цвет, пряча технические помарки. Всё очарование и гипнотизм изображения исчезли, но остались слова Лиса. В тот вечер многие остались отдыхать в конюшне, поставив столы под открытым небом, и лишь несколько человек (в том числе Лис и Юра Котенко), поехали в Москву. По дороге Лис сказал: «Я хочу выкурить трубку».

Когда он говорил о трубке, это всегда звучало выразительно, хотя он никогда не произносил слово «трубка» с многозначительным нажимом, не пытался добавить ей значимости. Длинная индейская трубка была для него священным телом, но он обращался с ней легко, просто. Его молитвы звучали не просительно, не униженно, а как разговор равного с равным, хотя он, раскуривая трубку, обращался к Всевышнему.

Мы приехали к нам домой, разместились в большой комнате на полу, и Лис принялся готовить табак, неторопливо скатывая его в шарики и набивая ими трубку. Он поднимал каждую щепотку табака вверх и спокойно, будто беседовал с близкими друзьями, обращался к четырём сторонам света, к небу, к земле, говоря, что в его трубке есть табак и для них. С нами, мужчинами, сидели тогда Юля, моя жена, и Лена Белостоцкая. Они тоже брали в руки трубку, тоже курили. И это было серьёзно, хотя выглядело незамысловато, спокойно, без напускной важности.

Мне выпала честь курить с ним трубку несколько раз — никогда на Пау, всегда это происходило в городе. Помню Мато Нажина и Койота, когда мы курили дома у Лиса, в Питере. Опять всё выглядело просто, буднично, но вместе с дымом воздух наполнялся нашими непроизнесёнными молитвами, потому что молитвы звучали во всём, что делал Танцующий Лис.

Когда тяжело заболела моя жена, я позвонил в Питер. Вернувшись из больницы, я не знал, с кем поговорить, с кем посоветоваться, потому что никто не мог дать совета. И рука сама набрала номер Танцующего Лиса. Он понял меня с первых слов. «Молись, — сказал без тени назидания. — Не выпрашивай ничего, а молись, разговаривая. Если не знаешь, как это делать, то возьми тексты и читай их для себя. Просто читай. Пусть

душа придёт в равновесие». И во мне открылось что-то новое, потому что с того момента я почувствовал непосредственную связь с Богом. Лис позволил мне нащупать какую-то нить…

У него был особенный голос. Не то с хрипотцой, не то с бархатистостью. И мне постоянно казалось, что в его голосе звучал смех. О чём бы он ни говорил, он всегда будто смеялся. Это впечатление невозможно передать словами…

Трудно о нём рассказывать, потому что нелегко ухватить его образ. Танцующего Лиса было много. Его энергия казалась мне всеобъемлющей. Он проникал всюду. Индейцы были, конечно, одной из главных его составляющих, они служили ему опорой. В одном из интервью он сказал, что мир делится на белых людей и на индейцев, что среди индейцев есть люди с душой белого человека и среди белых людей есть люди с душой индейцев. Это очень важные слова, они определяли его жизненную позицию. За свою любовь к индейцам — это невинное, казалось бы, увлечение — он был отправлен в психушку (то ли пытались, то ли упекли туда ненадолго), деталей не помню. Россия почему-то боится индейцев. Наверное, своим свободолюбием и независимостью они пугают наших правителей больше, чем идея социальной революции, потому что все правители имеют душу белых людей, душу поработителей, душу насильников.

Он не был первым, кто принёс на Пау индейские танцы, но он отыскал, наверное, где-то рисунки индейского степа. Первым настоящим танцором был, насколько мне известно Мато Сапа (Игорь Гуров). Они танцевали по-разному. Я хорошо различал эту разницу. Не знаю, кто нравился мне больше, но оба были хороши. «Через танцы мы выражаем своё уважение Великому Духу», — говорил Лис.

Он мечтал снять фильм. Первая попытка вылилась в «Дезертир». Если разбирать его с точки зрения искусства, то это слабенькая работа, в которой нет ничего ценного, кроме выражения любви к вестерну и любви к индейцам. Но с точки зрения кинопроизводства — это шедевр, ибо сделано всё на пустом месте, почти из ничего, сделано со вкусом, сделано с максимальной тщательностью. Он гордился этим фильмом, хотя «Дезертир» был далёк от совершенства. Я позволяю себе такую критику, потому что сам начинал с любительского кино и теперь, оглядываясь на сделанное, вижу все слабые стороны в профессиональном смысле. Когда я пытался объяснить Лису, что требует исправления, он не слушал, сводил всё к шутке. Так, Дима Кроу неоднократно пытался заставить Лиса доработать музыку, но Лис не хотел. А если и хотел, то он просто отнекивался из какого-то упрямства, потому что не любил, когда ему указывают. Обладая гигантским потенциалом и необъятными талантами, он не старался сделать себя профессионалом в кино, не хотел шлифоваться. Он очень спешил и брал количеством, а не качеством. И при этом был довольно резок в суждениях.

Однажды, увидев на экране Питамакана (Игоря Сурова), раскритиковал в пух и прах его одежду (на мой взгляд, незаслуженно), обвинял Пита в дилетантизме (а уж в этом Игоря никак нельзя обвинять). Когда Танцующий Лис и несколько питерских ребят заночевали у нас дома, Лис с презрением спросил: «Что за пижонская квартира у тебя?» Его высокомерие неприятно за-

дело меня, но я смолчал, сделал вид, что пропустил его слова мимо ушей. Видно, Лис считал в то время, что стены непременно нужно разрисовывать собственной рукой, а не оклеивать хорошими обоями, и что обшарпанный паркет лучше, чем красивый ковёр, и что облупившиеся кособокие шкафы больше соответствуют свободолюбивому художнику, чем построенная на заказ полированная «стенка». Я не мог похвастать хорошим воспитанием, но с детства соприкасался с элегантными вещами, изящной обстановкой в домах богатых фабрикантов и ухоженная квартира была для меня нормой. Лис же вырос в советской серости и нападал на всё, что выходило за рамки этой серости, путая понятия и ориентиры. Он позволял себе язвить, не задумываясь над тем, как чувствует себя при этом объект его насмешек. Мы с женой както квартировали у него недельку, за день до отъезда купили собрание сочинений Стендаля. Лис посмотрел на гигантскую пачку книг и с откровенным непониманием спросил: «Зачем это вам?», и я не нашёлся, что ответить ему. Он жил в своём мире и, как всякий очень себялюбивый творческий человек, прятал свои комплексы за насмешками над тем, кто мог нарушить его систему ценностей.

А ценностей у него насчитывалось много: великолепный музыкант, замечательный художник, кинематографист, этнограф и прирождённый организатор. Его организаторские таланты невозможно объяснить. Ему удавалось всё. Он мог вытянуть из чиновников любые обещания, получить какие угодно разрешения. Мне трудно представить, чтобы кто-то ещё смог договориться о бесплатной съёмке бала в одном из дворцов Питера, пригнать туда карету, собрать народ в соответствующих костюмах, музыкантов. И всё на энтузиазме! Когда он рассказывал об этом, я не верил своим ушам. А потом увидел эту сцену. Всё оказалось правдой. Только снято было неинтересно — как сейчас свадьбы снимают или раньше средненькие советские фильмы делали. Размах, мощь, энергия, возможности — и всё словно в песок. Ему некогда было выстраивать кадр, поэтому он работал только с широким объективом — так проще. Ему некогда было сочинять точные тексты — импровизировали на месте. Ему некогда было думать над мизансценами — будет как будет. К сожалению, он сделал гораздо меньше, чем мог бы. Всё сделанное им можно считать только черновиком.

Он не мог иначе, потому что его поджимала судьба. Он торопился сказать хотя бы как-то, и не до изящности слога ему было, потому что изящность требует времени. А времени-то ему не хватало. Он не умел передвигаться шагом, он мчался галопом. И мчался только для себя. К сожалению, другие мало интересовали его. Когда мы приехали в Каннельярве, я хотел снять для фильма «Юхаха» крохотную сцену в стойбище. С Танцующим Лисом мы обговорили всё заранее: костёр на открытом пространстве, пляска мужчин в одних набедренниках, без пан-индеанистской мишуры. Он загорелся, согласился, однако уже там, на месте, Лис даже не шевельнулся, когда я напомнил ему о съёмке. «Потом как-нибудь», — отмахнулся он. Чужие замыслы не волновали его. Даже съёмки на конюшне в Кратове шли так, словно ребята приехали поплясать в своё удовольствие,

а не для моей телепередачи, хотя я из собственного кармана оплатил всем билеты. Мои никудышные организаторские способности заставляют меня завидовать неподражаемым организаторским способностям Танцующего Лиса. Он мог стать крупнейшим продюсером.

В самом начале я сказал, что вся его жизнь была похожа на танец. Он всё делал легко, как бы танцуя, — кино, картины, песни. Помню, как удивился я, увидев скрипку и виолончель в его квартире, и спросил, умеет ли он играть на скрипке, Лис ответил, что немного умеет. Взял скрипку, приложил к плечу и запрыгал смычком по струнам. Чёрт возьми! В доли секунды я провалился в атмосферу задымлённого салуна — так ловко и пьяно он играл. А на лице — почти невозмутимость. Его пальцы скользили по струнам без напряжения, и смычок он держал небрежно, как бы с ленцой, будто не затрачивая никаких сил.

И семьи он создавал и разрушал легко, будто в этом не было ничего серьёзного. Одна женщина, другая, третья — просто и быстро. И безжалостно. Делал детей и бросал жён... Никогда я не задавал ему вопросов о его женщинах, потому что это неправильно — расспрашивать человека о его личной жизни, если человек молчит о ней. Каждый сам выбирает, что открыть и что спрятать. Личная жизнь Танцующего Лиса осталась для меня загадкой. Любил ли он кого-нибудь? Он уходил от своих жён, но в конце концов вернулся к Лене, с которой создал свою первую семью. Лена мне запомнилась очень милой, молчаливой, усталой.

Лис танцевал по жизни до последних своих дней. Опухоль головного мозга — штука страшная. О его болезни я узнал, возможно, позже всех. Ему уже сделали первую операцию, когда кто-то сообщил мне об этом. В 2007 мы встретились на Пау, разговаривали в последний раз. Он до глубокой ночи сидел у костра в нашем типи и с удовольствием рассказывал о своих гастрольных поездках, о ярких впечатлениях от Европы. Говорил безостановочно, словно до того момента ему запрещалось открывать рот. На голове — синий платок, закрывавший шрам после трепанации. Лис впервые жил не в типи, а в крохотной туристической палатке. На открытии Пау он танцевал условно, лишь намечая движения, но не танцевать не мог. Сетовал на то, что врачи запрещают ему работать за компьютером, однако без работы он уставал больше, чем от работы, поэтому после Пау сел монтировать что-то потихоньку.

Осенью 2007 под Москвой проходил большой этнографический праздник Типи-Фест, участвовать в котором пригласили также индеанистов. На огромном пространстве стояли юрты, в них можно было укрыться от холодного ветра и дождя. Танцующий Лис выступал со своим ансамблем, играли кантри-музыку. А вскоре после этого он опять попал в больницу, где его стали готовить ко второй операции: опухоль разрасталась снова. Реальная жизнь смешалась в голове Лиса со снами. В разговоре с Мишей Бизоном он сказал ему, что видел странный сон, где он спал в юрте — поездка на Типи-Фест казалась ему сном. Он уже перестал помнить жизнь, она вся превратилась в сон...

Танцуя, он медленно переходил из нашей реальности в свою.

На операцию собирали, как говорится, всем миром. Наша семья тоже дала денег, хотя я считал, что операцию делать Диме нельзя. Мой отец прошёл через ту же болезнь, через такую же страшную опухоль, и я знал, что случается после второй операции — больной не возвращается больше к нормальной жизни. Человеку лучше уснуть, не попадая второй раз на операционный стол, ибо потом он уже не будет человеком. Но ведь все надеялись.

В декабре сделали операцию, но Лис не стал прежним. Беспомощный, он жил, вслушиваясь в приближение смерти. Понимал ли он в те дни, что ему оставалось только ожидание? Наверное, не понимал, потому что ожидание всегда увязано с осознанием происходящего, а Лис уже не осознавал действительность, он доживал свои последние дни во сне.

24 февраля 2008 пришло по e-mail короткое сообщение от Димы Кроу: «Умер Лис».

А вскоре умер и Дима Кроу.

Александр Ващенко

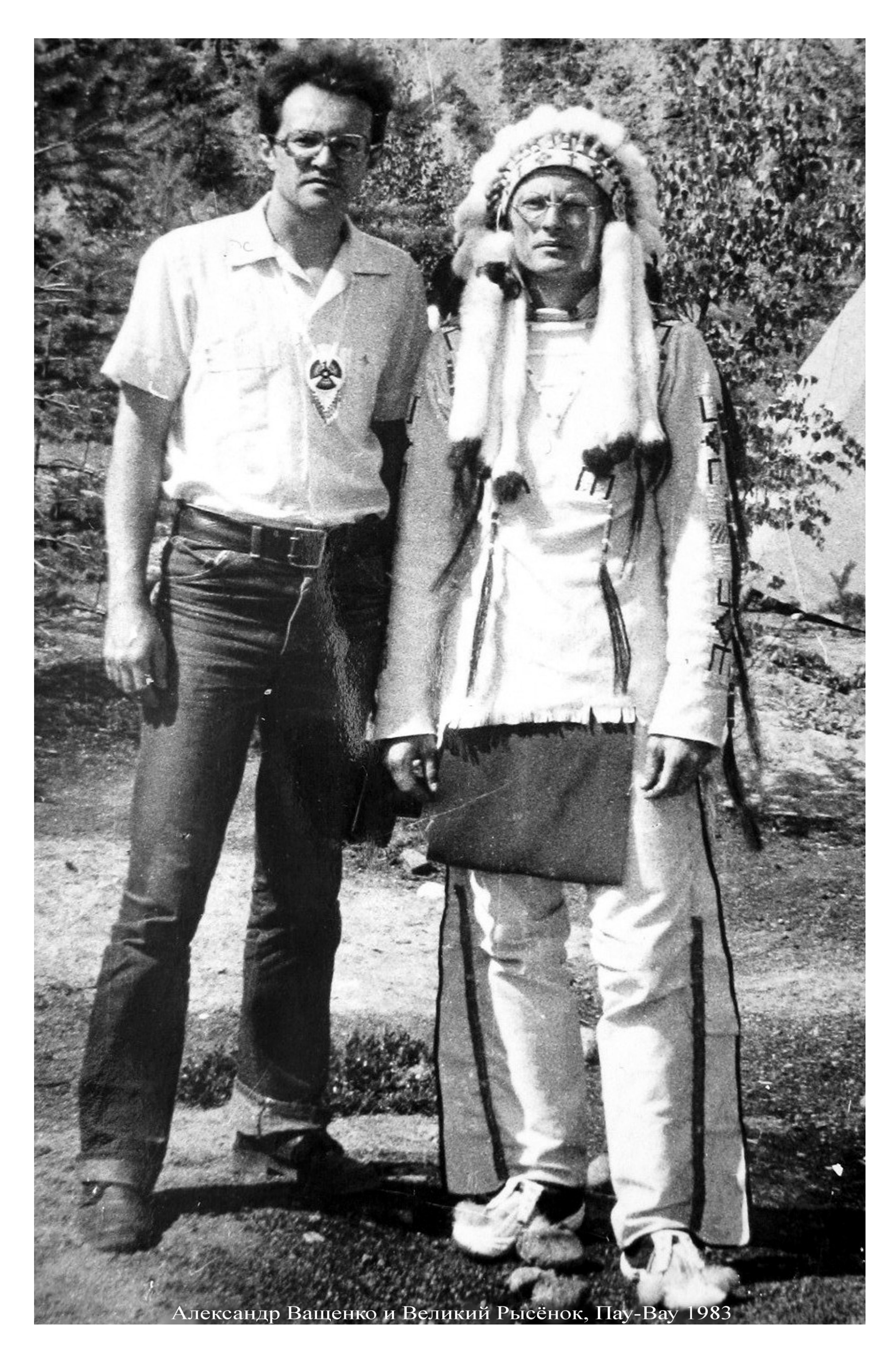
Антон Никонов
(интервью 2006 года)

Александр Ващенко: Где-то в 1980 году я получил письмо от молодых людей, которые живут по-индейски и глубоко изучают эту тему. Я уже немного слышал о них, и мне захотелось пообщаться с ними поближе. Как раз назревал первый Пау-Вау — традиционный слёт представителей разных индейских племён. На одном из первых наших Пау-Вау я побывал. Это лучшее место для того, чтобы познакомиться, узнать, кто есть кто, обменяться информацией. В то время информации было мало. И мне было приятно послужить для них неким источником и стать для них «отцом». Но «отцом» я недолго пробыл, примерно годик. Конечно, я пользовался уважением, и мне это было приятно. Но и у меня выросло к этим людям уважение и чувство близости. Потом я бывал на многих других Пау-Вау. Число палаток-типи там постоянно возрастало, я помню что-то до сорока их было, это очень много — настоящий индейский лагерь. Меня очень заинтересовало, с какой любовью эти люди занимаются этим, как они живут, отдаваясь всему этому, потому что явление уникальное. Даже с чисто этнографической точки зрения, а с человеческой — ещё больше. Что это такое? Почему это так? Альберт Эйнштейн спросил однажды: «Почему мальчики всего мира играют в индейцев?» Но так и оставил знак вопроса, не смог найти ответ. И мне кажется, что это большая тайна так и останется тайной. Почему в африканцев не играют? Сейчас у нас стали в славянских язычников играть, но это хотя бы объяснимо — поиски своих корней. Но почему вроде бы далёкая культура притягивает так сильно? Хотя мы знаем, что у России был прямой выход на индейцев через Аляску, и это часть нашей истории, особый разговор, который мы сейчас не будем начинать... Будем об индеанистах говорить. Их очень волнует вопрос, во-первых, насколько точно они делают предметы индейского обихода, например, полный костюм воина, который сделать трудно чисто технически. Где достать материал? Первые индеанисты испытывали большие муки и шли на серьёзные жертвы. Они рассказывали мне, как в зоопарке договаривались со служителями за определённую мзду приобрести перья. Бисер нельзя было достать! С большим трудом, по разным каналам добывали бисер. А выделка шкур! И проблема состояла в том, чтобы сделать точнее, ближе к оригиналу. Сейчас наши индеанисты делают вещи один в один. Легко понять, что эстетическая сторона индейских нарядов не могла не привлечь. Это очень красиво! И каждый индеанист имеет свой наряд, и каждый этим гордится, каждый костюм отражает неповторимую личность своего владельца, будь то женский костюм или мужской. На Пау-Вау это хорошо видно: одежду можно продемонстрировать, и в плясках себя показать...

Если мы сейчас взглянем, то почти четверть века движение существует, оно началось в начале 1960-х. Оно существует по всей России и в республиках, как теперь принято говорить, ближнего зарубежья. И если это движение само не прекратится (а к этому нет видимых предпосылок), то оно будет дальше развиваться.

Каждый избирает для себя свою сферу интересов. Кто-то любит делать индейские вещи для себя и для обмена. Другим очень нравится лесная жизнь, они стараются как можно чаще там быть. Из этого движения вышли несколько молодых писателей, можно назвать Андрея Ветра (он же Нефёдов), чья заслуга состоит в том, что он первым открыл мир художественный, и теперь индейцы есть в русскоязычной литературе. Ну не было этого! И я давно задавал себе вопрос: а кто и когда напишет в России повесть или роман, или хотя бы интересный рассказ про американских индейцев так, чтобы это было по-своему. Не было ничего, кроме, пожалуй, только чеховских мальчиков, которые были очень хороши, поскольку показали, что уже тогда им было интересно, они же хотели убежать в Америку, чтобы стать индейцами, но у них ничего не получилось. А вот у наших ребят получилось! Они воссоздали эту индейскую культуру здесь. Я говорю ребята, а теперь-то многие из них уже взрослые мужчины, и не одно поколение уже вырастает на этих Пау-Вау. И некоторые съездили в Америку. Можно назвать Глеба Борисова, Юрия Котенко. Они попали туда разными путями, участвовали в индейских ритуальных пробегах в честь Матери-Земли. Из индеанистов вышли музыкальные коллективы, группы певцов и танцоров — аутентичных, индейских. Все хорошо знают «Greengrass Singers» под руководством Юрия Котенко. Вышли научные работники — Глеб Борисов защитил диссертацию, которой — я хочу подчеркнуть — в Америке нет. Он собрал каталог и дал научное описание Перечней Зим. Это большое достижение... Все разные, и каждый пошёл своим путём, что очень хорошо. Это итоги, которые за четверть века это движение показало.

Есть, конечно, проблема, и сами индеанисты эту проблему чувствуют, понимают и болезненно иногда реагируют. Сами индейцы. К нам приезжали индейцы из нескольких племён, мы доверительно разговаривали. И они немножко болезненно реагировали. Они относились если не с предвзятостью, то с некоторым опасением — что это за белые люди, надевающие на себя индейские наряды, и которые живут, имитируя, принципы индейской культуры. Индейцы ставили вопрос ребром: кто дал право представителям другой культуры пользоваться регалиями, некоторые из которых имеют обрядовые свойства. Вообще сама идея казалась им немножко дикой, когда я пытался рассказывать им об индеанистах. Одни воспринимали спокойно, другие — враждебно. Но в ходе разговоров становилось понятно, что для американских индейцев такая вещь кажется дикой, потому что она основана на опыте их контактов с американской цивилизации. Если в Америке происходило что-то подобное, то непременно с коммерческой подоплёкой — использование в рекламе, например, тех же головных уборов и трубок. Вся американская культура кормится рекламой.

Александр Ващенко и Великий Рысёнок, Пау-Вау 1983

В процессе разговора индейцы спрашивали: получили индеанисты разрешение или нет? Ведь в племени, когда подросток взрослеет и становится мужчиной, он должен получить разрешение старейшин на ношение некоторых регалий, на участие в тех или иных обрядах и т.д., а у вас здесь как — спрашивали они. Вопрос тонкий, вопрос непростой, и я думаю, он не решён, он будет стоять перед индеанистами разных стран.

«Мальчики играют в индейцев», — сказал Эйнштейн, но он имел в виду подростков. Но мы вырастаем, так почему бы не участвовать в Пау-Вау, где бы это ни было. Я думаю, этот вопрос останется открытым. Это вопрос души. Индейцы плохому не научат, я всегда об этом говорил. Сам факт, что движение индеанистов существует, должен настраивать нас на глубинное постижение этого феномена.

В каждой стране — в Польше, Германии — были свои контакты с индейцами, были свои особенности этого движения.

На первых наших Пау-Вау было много молодёжной песни, авторской песни на индейскую тематику. Я вспоминаю первых наших композиторов, певцов, это было очень самобытное, интересное направление. Были живые чувства и одновременно поэтика. Куда-то это всё делось... Вернее, оно есть, но не в прежнем объёме. Но может быть, я просто не знаю этого.

Наши индеанисты участвовали в фильмах, и лучше них едва ли мог ктонибудь это сделать. Ведь наши представители кинематографа и издательского мира иногда по-журналистски, не глубоко подходят. А консультация наших индеанистов всегда была к месту...

Андрей Нефёдов (Ветер)

Встреч могло быть больше

Рассказывая о ком-то, всегда хочется вспомнить первую встречу, начало знакомства.

Как ни странно, моя первая встреча с Александром Владимировичем Ващенко не стала началом нашего знакомства. Я даже не знал, с кем встретился. Фамилия Ващенко не говорила мне ровным счётом ничего.

Дело было в 1992 году. Дима Зорин по прозвищу Лось попросил меня помочь какому-то человеку оборудовать зал для намечающейся лекции. Мы приехали на Гоголевский бульвар и долго ждали возле входа в усадьбу Замятина-Третьякова. Вскоре подкатил автомобиль. Расплатившись с водителем, вышел немного взлохмаченный мужчина в очках и пожал каждому из нас руку. В каждом его движении чувствовалось нервное возбуждение. Это и был Александр Владимирович Ващенко. «Спасибо, что приехали. Картины большие, надо перенести всё и расставить». Оказалось, то были картины Скотта Момадея — его знаменитые щиты, о которых Ващенко выпустил на следующий год переведённую им тоненькую книжку Момадея «В присутствии солнца».

Мы перенесли картины в дубовый зал. Александр Владимирович долго примеривался, как лучше расставить их: то на полу, то на стульях, то на подоконниках. На фоне тёмных и довольно угрюмых деревянных стен бледные картины Момадея выглядели «подслеповатыми». Ващенко, вероятно, чувствовал это и никак не мог успокоиться, пытаясь найти для них наиболее выгодное поло-

жение. А потом как-то сразу остановится, успокоился, сказал: «Ладно, пусть так». На этом мы расстались. О чём была лекция и кто такой Ващенко, в тот день мне не удалось узнать. Но фамилия его запомнилась.

Чуть позже я узнал, что он — переводчик. Обнаружил, что у меня на полке стоит книга «Призраки бизонов» с его вступительной статьёй. И повесть «Человек, прозванный Лошадью», переведённая им, тоже имелась у меня.

В том же году мне удалось снять мою первую телепередачу об индеанистах. Она называлась «Пророчества, которые сбываются». Там промелькнули кадры приезда в Москву Клода Смита и вождя по имени Большой Орёл. В телепередаче об их приезде лишь упоминалось, но многие рассказывали мне детали той памятной поездки, которую организовал Ващенко.

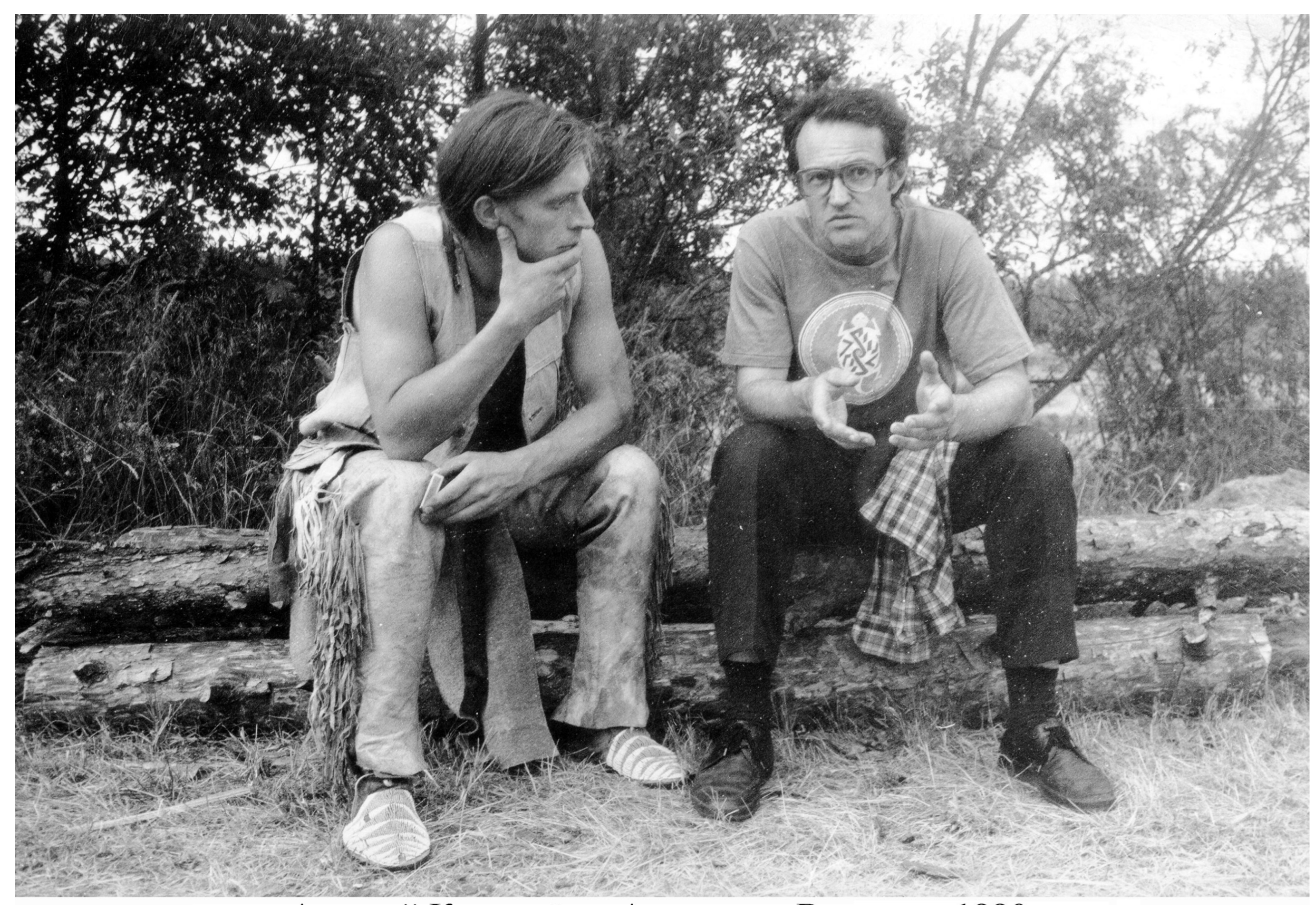
В 1994 году я начал снимать документальный фильма «Голоса». Неожиданно мне позвонил Александр Владимирович. Он говорил сбивчиво, будто боясь, что я неправильно истолкую его, постоянно поправлял себя, уточнял что-то. Он хотел, чтобы мы «помогали друг другу». Он звонил телевизионщику и, видно, не был уверен, что телевизионщик откликнется. Он, возможно, слышал что-то о моих интересах или о моей телепередаче «Пророчества», но не без оснований мог полагать, что я ничуть не отличаюсь от других журналистов и режиссёров, которые видели в индейцах лишь «раскрашенных чудаков в перьях». Он боялся, что я не захочу слушать его. И это меня поразило: что такое был он (профессор, доктор филологических наук) и что такое был я (просто человек с телекамерой на плече). Ващенко позвонил, чтобы сообщить мне о приезде индейской делегации. Он робко предположил, что это заинтересует меня, поэтому и сказал, что мы должны помогать друг другу. Телевидение должно помогать людям. Телевидение должно поднимать культуру. Фактически он просил о помощи, ведь телевидение не рассказывало об индейцах…

Александр Владимирович сказал, что в Москву приехала делегация Оджибвеев и что было бы желательно хоть каким-то образом запечатлеть их приезд. Сегодня мало кто сможет понять, что такое в те бандитские годы означало появление этнографического материала на телевидении. А уж разговор о духовности и поклонении Природе, когда все поклонялись доллару, вообще был невозможен. Но я поговорил с индейцами, и та встреча стали важной вехой не только для меня, но и для многих людей.

В гостинице «Молодёжная», в номере у индейцев, собралась целая толпа индеанистов. Некоторые ребята приехали из Петербурга. Кажется, была даже девушка из Германии. Сидели на полу. Увидев огромную телекамеру, индейцы насторожились: «Для кого эта съёмка?» Я объяснил, что фильм будет «для нас». Они не стали уточнять, что значит «для нас» и, с некоторой неохотой приняв микрофон из моих рук, они начали отвечать на мои вопросы. Я даже предположить не мог, насколько серьёзным получится разговор.

Ващенко так и не появился в тот день…

Моё с ним сближение произошло позже. Ващенко всячески пытался «пробить» в каком-нибудь издательстве се-

Алексей Кучменёв и Александр Ващенко, 1990

рию об индейцах и случайно услышал от кого-то из ребят, что я сочиняю что-то типа вестернов. Он поинтересовался, не дам ли я ему почитать что-нибудь из «индейского», и я принёс три мои книги. Я не ждал особых похвал, но Александр Владимирович не просто осыпал меня похвалой, но и обещал написать вступительные статьи для книг, если они будут переиздаваться. Такая реакция оказалась для меня неожиданной.

В 2001 году издательство «Детектив-Пресс» опубликовало три мои книги. Две из них — «Тропа» и «Хребет Мира» — начинались с предисловий Ващенко, которые он озаглавил «Тропою души» и «Индейская мера». Так Александр Владимирович по-настоящему вошёл в мою жизнь. Мы будто сразу сдружились, хотя внешне это никак не проявилось, но общение стало новым, полноценным. Его внимание к моему творчеству пробудило моё внимание к нему. Мне внезапно открылась в нём глубокая артистическая натура. Он был не просто хороший преподаватель, не просто знаток своего дела, но поэт, не устающий воспевать природу и пропагандирующий мир традиционной культуры.

Настоящее потрясение я испытал, когда Александр Владимирович организовал приезд Скотта Момадея и читал его тексты. Точнее, свою книгу «Разговор Медведя с Богом» читал на английском языке Скотт Момадей, а Ващенко переводил. У них разные голоса, раз-

ная внешность, но они будто слились в том чтении. Кто из них звучал весомее? Кто был точнее? Понимаю, что без Момадея не было бы голоса Ващенко, но без Ващенко мы не услышали бы и слов Момадея. А для многих, не знающих английского, Момадей был просто голосом, глубоким, бархатистым, льющимся, но всего лишь голосом. Ващенко же превращал его голос в слова, мысли, чувства. Я слушал обоих и не мог понять, кто лучше формулировал мысль — Момадей или Ващенко. Момадей был первоисточник, он написал свой текст, свою книгу, вложил туда своё сердце. Но мне казалось, что и Александр Владимирович написал свой текст, свою книгу, а не перевёл чужое. Наверное, это потому, что он всегда вкладывал душу в своё дело, наполнял чужие книги своим теплом.

В течение многих лет Ващенко служил мостом между традиционной культурой наших северных народов и культурой американских индейцев. Он не уставал рассказывать и показывать, он не переставал зазывать молодёжь на семинары, делился со всеми своей любовью к тому, что скрыто от глаз современного городского человека. Он не делал ничего формально, он был поэтом в своих делах.

Мне вспоминается одна встреча в библиотеке МГУ, когда Ващенко рассказывал студентам о книге «Говорит Чёрный Лось». Он принёс индейскую трубку и, вынув её из свёртка, стал показывать, как индейцы молились с помощью курительной трубки. Студенты затаили дыхание. Они смотрели на Александра Владимировича и видели не профессора в пиджаке и галстуке, а человека *оттуда*, из неведомого им мира краснокожих воинов. Он не был в ту минуту человеком городской цивилизации, он был полнокровным представителем древних культур. Мягким голосом он будто гипнотизировал, как шаман, приглашая всех за собой в иные пространства. Он говорил так, что невозможно было не верить ему. Он рассказывал о себе, хотя говорил о других. «Великая Тайна объединяет всех нас. Давайте же откроем для неё свои сердца»…

Однажды на праздновании его дня рождения в библиотеке на Новодевичьем проезде, где зародился клуб индейской культуры «Гайавата», был устроен большой стол. Выпивка, закуски, шумная толпа. Я не собирался засиживаться, пришёл только для того, чтобы поздравить Ващенко и сразу незаметно улизнуть. Но Александр Владимирович усадил меня рядом и, легонько толкнув меня локтем, попросил: «Скажи что-нибудь». Я растерялся, не люблю и не умею выступать на публике. Ну, что обычно говорят в таких случаях: желают успехов в работе, здоровья и счастья «вообще». И тут я почувствовал, что надо на самом деле сказать что-то про Ващенко — не по случаю юбилея, а потому что пришло время понять, в чём же его особенность, в чём удивительность.

Не знаю, удалось ли мне выразить достаточно точно мою мысль, но я попытался объяснить, что чем ближе я узнавал Александра Владимировича, тем больше он удивлял меня. Удивлял не своими знаниями, а своей душой. Он был, пожалуй, единственный человек, от которого я ни разу не слышал плохого слова ни о ком и ни о чём. Если ему что-то не нравилось, он даже не упоминал об этом, критикой не занимался. Алек-

сандр Владимирович относился к чужому творчеству (от литературы и резьбы по дереву до игры на флейте и вышивания бисером) не просто с вниманием, а с восхищением. Он умел понимать и ценить. Он умел восторгаться. В самом незначительном он умел открыть что-то самобытное, важное, глубокое. И он обладал редким даром объяснять и тем самым передавать своё восхищение другим. В этом он был художник и поэт…

Через несколько лет я попал на запись его лекции для телевизионной программы «Академия». Меня заворожило его выступление. Мне и в голову не могло прийти, что о мифах можно говорить столь увлечённо и увлекательно. И я впервые пожалел, что мне не посчастливилось быть студентом Александра Владимировича.

Когда мы возвращались со съёмок «Академии», речь зашла о материалах для очередного номера альманаха «Индейская Америка». У меня лежала готовая статья, посвящённая Дмитрию Сергееву, больше известному под именем Танцующий Лис. Александр Владимирович грустно покачал головой, сожалея о ранней смерти Лиса, и сказал, что обязательно поставит статью в номер, потому что мы должны помнить друг о друге и рассказывать о талантливых людях тем, кто не успел застать их при жизни. И вот уж чего я не мог представить в ту минуту, так это того, что мне придётся когда-нибудь писать про Александра Владимировича Ващенко в связи с его уходом из жизни.

В тот день мы заехали после съёмок к нему домой, а потом он предложил сходить в какое-нибудь кафе, посидеть, выпить пива. Нас было четверо: Александр Ващенко, Денис Воробьёв, Игорь Шишков и я. Мне показалось, что уже весь день пролетел и пора домой, поэтому я отказался. Но получилось, что больше я не встречался с ним (мимоходом на концерте Карлоса Накая — не считается). Ничего особенного нет в том, чтобы поболтать за кружкой пива. Это не великое событие. Ничего важного, кажется, не упущено. Мы должны были встречаться ещё и ещё, жизнь продолжалась. Однако важным оказывается то, что больше никогда не случается. Хороший разговор с хорошим человеком — что может быть важнее? Этого больше не случилось. Александр Владимирович посвящал себя своей работе, а я — своей. Мы уже не встретились…

Вечный Бродяга Кагаги

Олег Ясененко (Блуждающий Дух)

Кагаги уехал в Эвенкию, жил там какое-то время, а потом следы затерялись, и много лет ничего не было слышно. Оказалось, что он там женился на местной русской, но не прижился и вернулся в Литву, потом опять уехал туда, и через какое-то время снова оттуда уехал. В 1990-е годы он жил в Тверской области в частном доме, но уже без семьи. Оттуда вышел на связь с индеанистами, но отношения не сложились, потому что от индейцев он уже был далёк и больше интересовался эзотерикой. Он пытался привнести что-то своё в общность и на Пау, но это не восприняли, поэтому он снова отдалился и стал жить где-то сам по себе.

Его мало кто знал, в основном семидесятники и всё. А считали авторитетом потому, что так о нём рассказывали молодым те из семидесятых, кто с ним переписывался или встречался. Например, Мато или Овасес. Потому что считалось, что он пошёл индейским путём, жить на природе. Но при этом он ни с кем не поддерживал связь, так что индеанисты, начиная с Большого Совета и первого Пау, о нём ничего не знали, кроме того, что говорил Овасес, что дескать был такой и уехал жить на природе в Сибири, а что там с ним, никто не знает. Он объявился в 1999-м, написал статью для «Первых американцев», потом несколько раз приезжал в гости в Питер, некоторые индеанисты ездили к нему. Я о нём рассказывать не хочу, так как отношения у нас не сложились. Он тяжёлый человек, с ним трудно общаться, давит своей энергией, а чужое мнение не воспринимает.

Альберт Осипов (Левая Рука)

Кагаги Чёрный Ворон. Родом из Литвы. Ровесник Мато Нажина и Орлиного Пера. Своё индейское имя получил в детстве — играя в индейцев, заметил раненного ворона и спас его. В 1970-х годах окончил школу с очень хорошими оценками, и была перспектива поступить в ВУЗ, но заветная мечта (помочь индейцам Северной Америке и жить среди них) оказалась сильнее желаний родителей. Поссорившись с ними окончательно, он направился в Сибирь. Предполагаю, что под впечатлениями от книг Сат-Ока, он поставил себе цель — добраться до Берингового пролива, пересечь его зимой по льду и попасть на Аляску к индейцам. По мере продвижения на Восток, он взрослел, набирался опыта и закалял свой дух (как я это вижу). Например, когда его забрали в армию, он служил в ж/д войсках. Представь, советская армия, страшная дедовщина (сам испытал её, служа в Приморье), а он ОТКАЗАЛСЯ принимать присягу! Мол, служить буду, а присягать — ни за что. Такие жуткие вещи мне рассказывал, как прессовали

Кагаги, 1980

его офицеры, деды и т. д. Так и ушёл на дембель, не подписав присягу.

Всё это время он активно переписывался с Красными Стрелами, с Красным Волком и другими ребятами. С годами переписка понемногу затихала и наконец пропала на много лет. Друзья только знали, что он где-то в Тайге и надеялись, что жив. Так Кагаги стал живой Легендой Движения индеанистов России (могут быть неточности в моём рассказе)

***

Впервые, я услышал о нём на Пау 1982—1983 годов. С тех пор старался узнать про него любую информацию. Что-то рассказывал Мато Нажин, что-то Красный Волк. Объявился Кагаги неожиданно, как гром средь белого дня, в начале

(?) 1999 года. Сначала он вышел на Блуждающего Духа. Скорее всего, узнал его адрес из альманаха «Первые американцы». Эта новость разлетелась по типухам Движения со скоростью ястреба-сапсана. А вживую я познакомился с ним на Пау 1999 года Он впервые в жизни увидел Пау. Надо отметить, что на подходе к 2000 г наши Пау охватил сильный кризис: пьянство, хамство, анархия и т. д. Надо было принимать срочные меры, чтобы сохранить индейский дух Движения. В это наше «болото» и попал Кагаги, прошедший все трудности таёжной жизни, но не сломленный духом. Инициативная группа питерских индеанистов составила Декларацию «Мы — народ». С ней мы и вошли в двадцать первый век, а некогда единое Пау разбилось на два лагеря: «Возрождение» и лагерь Мато Нажина. При подготовке к юбилейному Пау 2000 года Кагаги разработал новые Обряды Очищения и изготовил новую Трубку для Пау «Возрождение», т.к. первоначальная Трубка Пау силовым способом перешла в Лагерь Мато Нажину. Кагаги жил тогда в деревне Ключи Новгородской обл., но накануне Пау-2000 что-то произошло между питерцами и Кагаги. Его новые обряды подверглись суровой критике (как не индейские), и ему запретили приезжать на Пау. Я был в гостях у Кагаги после этой разборки и был в растерянности от таких новостей.

Но он всё же передал мне новую Трубку Пау, чтобы я её представил на Пау. Дальше было ещё хуже. Совет Пау с нотками агрессии отверг эту Трубку, как не индейскую (?). Звучали реплики: разбить Её, утопить и т. д. Наконец решили захоронить Её, чтоб с глаз долой! Я был в шоке… Хитростью я вырвал Трубку из Питера и вернул Кагаги. Он обвинил питерцев в хоббизме, обозвал их людьми, играющими в индейцев, а Пау — костюмированными шоу и т. д. Блуждающий Дух и другие из его друзей превратились в его врагов…

Так из легенды Кагаги стал ИЗГОЕМ. В качестве моего гостя, он (с сыном) был в последний раз на Пау в 2005 году (надо уточнить). Хотел примириться с Блуждающим Духом, но Олег (то ли обиженный, то ли слишком гордый) не пожал протянутую руку Кагаги. Более того, мы с Духом чуть не поссорились из-за появления Кагаги на Пау. Обо всём этом печально вспоминать…

Я был последним из индеанистов, кто общался с Кагаги. Много интересного из своей жизни он мне рассказывал. Он ведь почти достиг своей Цели! Он остановился в каком-то глухом посёлке перед рывком через Берингов пролив. Стал готовить нарты, собак, провизию и т. д. Но в последнюю ночёвку у него украли его любимую винтовку, были и другие знаки. Взвесив всё «за» и «против», он отказался от своей затеи, развернулся, чтобы идти назад, туда на запад, откуда и пришёл к нам…

Он жил среди Якутов, Ненцев, служил проводником у геологов, работал кочегаром в посёлках, промысловым охотником, встречался со смертью и сам убивал… Очень уважал местное население (за редким исключением — подонки есть везде) и учился у них: Якутов, Эвенков, Ханты-Манси. Называл их русскими индейцами. Потом вообще выкинул все свои книги про индейцев. «Живые индейцы лучше книжных», — так я понял его этот поступок. Живя в Ключах, он стал писать книгу. Рабочее название «Путь Ворона». Он давал мне почитать

несколько первых глав. Автор делится своим духовным опытом, рассказывает о своём понимании Мироустройства, попутно вплетает факты своей биографии и сравнительный анализ мировых Религий и Учений, много схем, рисунков, коллажных фото. Вот ещё его слова, которые, по-моему, и определяют смысл его Книги: «Я пытаюсь показать Путь к Звёздам, обратить взоры людей к Небу, призываю оторваться от суеты и рабства вещизма, увидеть сердца друг друга, понять блаженство Любви друг к другу — основы самой Жизни, которой так дорожат и праведные, и грешники! Красная Дорога — это Любовь!..» («Первые американцы», №7, 2000). В индеанизме он разочаровался, но не в индейцах. Ни с кем не общался.

Деревня Ключи стоит на холме, а внизу небольшое красивое озеро, окружённое густым елово-сосновым лесом. Вокруг бьют родники. Жил Кагаги огородничеством и случайными заработками (плотничал, ремонтировал печи и т.д.) Помимо деревенского дома (жены), он в одиночку срубил небольшой домик из брёвен, с печкой, где жил и писал, писал... Со временем, я всё реже приезжал к нему и переписка наша постепенно угасала... и прекратилась в 2009—2010 годах.

Что с ним сейчас? Не знаю. Здоровье его было уже подорвано жизненными испытаниями. Он часто с теплотой вспоминал свою таёжную, вольную жизнь... Может быть, всё бросил (с женой не ужился) и уехал в тайгу. Может быть, умер... Мне приснилась пара очень плохих снов, где его убивают люди в чёрном...

Вот такая печальная история... Для меня Кагаги был и остаётся Индейцем, Светлым Воином Духа и Человеком Силы!

Алексей Кучменёв (Рысян)

Кагаги родом из Литвы, его звали Викторус Чучхимичус, но у него произошёл конфликт с отцом, и он взял фамилию матери — Козлов. У него была мечта — перебраться через Берингов пролив в Америку и жить там с индейцами. Виноват в этой его мечте, конечно, Сат-Ок, сочинивший историю о том, что его мать бежала из ссылки в Америку. В Литве у Кагаги было своё «племя», а это — ещё «лохматые» семидесятые. Его «племя» было, пожалуй, самое первое, позже появились Красные Стрелы в Новосибирске.

Кагаги сам рассказывал мне, когда мы с ним встречались, что он начал двигаться на Восток, жил в Эвенкии, там у него даже была жена. Он с ними кочевал, кажется, три года. Потом он вернулся оттуда, жил некоторое время в городе и снова уехал. Затем у него была одинокая зимовка. Если не ошибаюсь, он два года жил вообще один в тайге. Его пытались ограбить (у него имелась резиновая лодка, и вот её-то хотели отнять), случилась какая-то схватка, в которой его пырнули ножом. Тогда же у него сгорела изба, в которой он жил. Зимой сгорела изба... Однажды он пошёл в тундру и заблудился, попал в такое место, где он ходил полчаса, а когда вернулся, то обнаружил, что прошло двое суток. Есть там такие места, где течение времени изменяется... Когда он рассказывает, то понимаешь, насколько сильно жизнь побила его. Но почему он вернулся в Балагое

Кагаги, Вапити, Левая Рука (1999)

и осел там, не помню. У него странный дом был, это замечали все, кто ездил к нему. Все ставни закрыты. В одной комнате висели его картины, страшные картины, страшные лица с какими-то ужасными глазами. Кагаги нигде не работал, питался травами, мусор собирал… К нему ездили многие наши.

Затем он приехал в Питер, нашёл женщину. Это было, наверное, в 1999 году. Он очень серьёзно думал о состоянии, в котором находилось Движение индеанистов. Когда в Питер приезжал известный шаман Уоллес Чёрный Лось, то Кагаги и Олег Ясененко встречались с ним. Первый раз мы поехали к Уоллесу в гостиницу, в Солнечное, затем поставили типи на берегу. Там была церемония Трубки. Уоллес Чёрный Лось с нами курил.

Потом мы с Кагаги написали декларацию «Мы народ». Просто стояли на балконе, и она как бы сама рождалась. Мы произносили текст, а Олег Ясененко записывал его. А потом Олег воспользовался этой декларацией в политических целях, он начал собирать подписи. Будучи соавтором этой декларации, я тоже поставил свою подпись. И тут между индеанистами произошёл раскол, потому что рассматривалось всё в таком ракурсе: если ты поставил подпись, то ты поддерживаешь Олега и его Пау «Возрождение», а если не поставил подпись, то ты против «Возрождения». Декларация не ставила своей целью разъединить Движение,

но на деле она расколола нас… А Кагаги исчез с горизонта…

Виктор Козлов (Черный Ворон)

Это была реальность![1]

«Заболел» индейцами я в 12 лет. Книги занимали всё свободное время. Получал тома из московских и ленинградских библиотек, переписывал статьи, рисовал и накапливал информацию, собираясь после школы поступить учиться в университет, чтобы стать этнографом-американистом. Переписка с индеанистами на некоторое время увлекла, пока не ощутил дух хоббизма в них и в себе самом в первую очередь. «Индейские» стойбища в лесах, с полным атрибутом одежд в бахроме и украшений из индюшиных перьев, уже не стали удовлетворять, а пыльная кабинетная работа этнографа, цитирующего других авторов, не прельщала. Вместо университета отправился к «дикарям» советским, дабы изнутри познать жизнь и мировоззрение людей природы, далёких от мракобесия технократии.

Конечно, то, что пришлось увидеть на самом деле, совершенно не вязалось с описаниями о благе цивилизации для коренных жителей тайги и тундры. Всё было гораздо прозаичнее, и Дерсу Узала или Улукиткан не стояли за каждым деревом и не ждали меня с распростёртыми объятиями в чужом тогда для меня краю. Действительность больно ударила как по самолюбию несостоявшегося этнографа, так и по сознанию. Тогда увидел плоды влияния цивилизации: пьянство, блуд, нищету, расизм. И вспомнил, что Джеймс Шульц в своих повестях тоже упоминал о блудных скво, пьяных индейцах, безумии азартных игр. Тот же расизм в книгах воспринимался совершенно не так, как в реальной жизни. Но анекдоты про чукчу-дурака не повлияли. Внутренне верил, что можно найти в народе людей, отражающих истинное лицо этноса… Несколько лет труда и путешествий дали положительный ответ. Оказалось, что «настоящие» эвенки-следопыты, подобные Улукиткану Федосеева или Чингачгуку Купера, не выставляются напоказ. Они не видны, оставаясь трудягами в гармонии как с самими собою, так и с окружающим их миром.

Север — это труд, труд и труд; потом отчаяние, усталость и тоска. Если всё это выдержал, тогда вдруг появляется второе дыхание и начинаешь замечать то, что в начале пути ускользало от твоего внимания. Тогда начинаешь смотреть на окружающее не глазами туриста, а душою местного жителя, тогда перестаёшь быть новичком и становишься своим… И не потому, что таковым тебя кто-то посчитал, а потому, что ты сам в себе ощутил крепчайшую связь с этим краем, перебивающую понятие родины. Потому, что почувствовал собственную взаимосвязь с людьми, являющимися частицей, крупинкой, кровинкой этого края, с людьми, которые никогда не играли в эвенков или в юкагиров и никогда не были туристами, каждый день соприкасающимися с морозами, одиночеством, выживанием… и добротой, взаимовыручкой, сочувствием, любовью ко всему живому,

[1] Статья из альманаха «Первые американцы», 1998

даже если это живое приходится потом жарить на костре и съедать.

И тогда, где-то глубоко внутри, рождается непонятное чувство благоговения от созерцания окружающего мира девственной природы, взращивается в сознании нежный цветок трепетного отношения к любому проявлению жизни вокруг тебя, и этот цветок украшается лепестками молитвы и покаяния за причинённую боль даже потревоженному мшистому камню… И тогда появляется в сознании чувство потребности обряда, чувство поклонения Таинственному Творцу всей той окружающей красоты, которую стал способным замечать… Именно тогда осознаёшь, что не играешь в индейцев, а сам становишься реальностью Духа Любви, Чистоты помыслов, Всепрощения, Доброты, Трудолюбия ради ближнего своего… И тогда вдруг открываются тебе люди, доселе и не замечал которых, но которые видели тебя и оценивали, ожидая твоей реакции и выбора…

И был момент, когда это чувство крепко сжало сердце… И был вечер… И костёр горел… И сидели мы все вместе в глухой тайге у излучины реки… И встал, и пошёл в лес, и взобрался на скалистый утёс… И под ногами увидел верхушки деревьев, волнами покрывающие землю до горизонта… И Солнце садилось… И вода в реке блестела… И тишина стояла поразительная… Тогда сердце пронзила боль, сладчайшая боль. Рука сама вытянулась вперёд. Другая выхватила нож и резанула ладонь… Капельки крови упали с обрыва далеко вниз, на верхушки деревьев, и молитва прозвучала во мгле вечера… Молитва сердца… А ответом… или подтверждением был крик ночной птицы, неожиданный, громкий, такой же тоскливый… Далеко внизу горел костёр, люди грелись у огня, но они не слышали молитвы… Они сами были неотъемлемой частью молитвы, как деревья, как крик птицы, как лучи заходящего солнца на верхушках самых высоких деревьев…

Но была цель. Индейцы пересиливали в моём сознании значимость Эвенков и Юкагиров, Нганасанов и Якутов, Кетов и Селькупов. Но в какой-то момент всё рухнуло — не стало смысла стремления. Жизнь потеряла смысл. Осталась только игра, но игра тоже не имела смысла… Тоска, отчаяние, бессонные ночи, одиночество… Потом решение: уйти, спрятаться, скрыться… Колыма, Тунгуска, фактории, охотничий участок, промысловики, оленеводы, рыбаки… Чумы, нарты, лодки, собаки… Унты в бисере, кумаланы, арканы-мауты… Олени, лоси, медведи… Сети, избушки, винтовки и лук со стрелами… И всё это не игра! Всё это реальность! Реальность, как реальностью для Шульца были Черноногие, охота на бизонов, типи, Пляска Солнца! Реальность, а не игра!… И как не вспомнить весенний день, когда глаза щурились от блеска снега, когда южный ветер приносил запахи набухающих почек и крик куропатки, а на другом конце озера заметилось движение… Как большая змея извивался аргиш — караван из оленьих упряжек… Он приближался. Его уже ждали. Ближе и ближе слышался звон колокольчиков на шеях оленей. И вот упряжки, ездовые и грузовые, одна за другой проносятся мимо, на место стоянки. Люди в расшитых бисером бокарях, шапках, малицах, в разноцветных платках, в косах с ленточками и побрякушками… Суета праздничная, смех, радость встречи, храп оленей, лай собак…

Шесты для чумов, полотнища для жилища, шкуры, коврики... Труд привычный, естественный, реальный, повседневный, радостный... Стойбище растёт как на дрожжах... Первый чум, второй, пятый, двадцатый... И это реальность! То ли испытывал Шульц, когда глядел на возникновение нового лагеря Пикуни?!

Но самое главное, что ты сам не чужой, не сторонний созерцатель, что у тебя друзья среди этого вольного народа, что ты *свой*...

Гости, соревнования, праздник, жизнь большого стойбища. Свои обычаи и ритуалы — реальные... И с пониманием необходимости и смысла обряда. Они не игроки. Они — сама жизнь, сама природа, сам Великий и Таинственный...

Потом была избушка, снег, морозы, капканы, сети подо льдом... Гул печи в углу, лепёшки, соболя, северное сияние каждую ночь... Потом каждодневные маршруты с промывочным лотком, пороги на реках, голод, огонь... Потом рвота от усталости в 66 градусный мороз, когда остановиться нельзя, чтобы не замерзнуть, а до тепла еще 15 километров... Потом длинные ряды капканов и мысли в одиночестве на извивающейся лыжне... И это тоже не игра... Хо, не игра!... Рация в углу на столе... Перекличка рыбаков и промысловиков. Ближайший сосед в сорока километрах вверх по течению. Голос в эфире: «Виннету! Выходи на связь!» Надо отвечать быстрее... Рыбаки и промысловики передают Виннету привет. Все знают о нём. Но приветы передают, если даже и не встречались. Таков закон. Сердце греет забота людей. Официальность закончена, сводки записаны, можно и поболтать... Смех, шутки... И это реальностью было...

А потом мысли, мысли, мысли... Поиски в случайных избушках хоть какого-нибудь печатного слова. Интеллект не в состоянии оставаться без работы над новой информацией! А информации нет! Вот тот опыт осознания проблемы несоответствия, проблемы двойного самосознания! Лес, девственная природа, скалы, промысловики — хорошо. Это всё реально. Но реально и то, что требуется читать, требуется новая информация, без этого невозможно оставаться в одиночестве. А что делать? Легко было Шульцу жить в большом лагере, среди друзей, и скучать не приходилось: кочёвки, пиры, танцы, военные набеги — всё сообща. Что же оставалось делать? В тайге большим стойбищем не прожить. Это не степи... Жениться? Чтобы по возвращении из промысла над типи вился дымок или светилось окошко избушки зимой? Но кто из девушек-единомышленников мог разделить судьбу траппера и стать настоящим другом? Те, кто интересуется индейцами и живёт в городах? А они в состоянии жить в тайге, когда требуется выделка шкур каждый день? Они способны при болезни ребёнка или даже его смерти оставаться спокойными и философски рассудительными, подчиняясь закону природы, ибо в лесу нет врачей? Нет, конечно же нет... Но местная девушка, выросшая только в лесу, тоже не в состоянии удовлетворить потребность интеллектуального общения с себе подобными, а только ради плотских вожделений не может быть и речи. Это тоже не выход.

Но всё-таки присмотрел девушку в фактории. Работящую, тихую, скромную, и стал готовиться в тайгу: лодка, типи, ружья, собаки, продукты, одежда,

Кагаги с сыном и Левая Рука. Последний приезд Кагаги на Пау

капканы и так далее... Однако Великому и Таинственному совершенно иначе виделся путь маленького и суетливого человечка... Созерцая его с высот своей непостижимости, он определил в одну ночь изменить ситуацию... И было видение... Человечку было определено вернуться в Европу...

Поиски ответов, объяснений. Изучение религиозных учений и мифологий разных народов. Дни и ночи за книгами. Время незаметно летело, но в сердце оставалось только одно желание: понять, что происходит. Семь лет пролетели, как семь дней.

Истинно, ибо однажды ранним туманным утром, недалеко от дома, неожиданно туман сгустился в образ столба, на верхушке которого заблестели молнии, и вдруг загремел гром!.. Потом на месте молний появился силуэт, по пояс обнаженный и с длинными прямыми чёрными волосами. С улыбкой, он произнёс: «Ты уже сердцем пришёл к Богу, вот и слушай своё сердце. Религии-то все одинаковы, и Бог один — Творец всего живого. Каждый воспринимает и понимает именно сердцем. Тебе нужно найти духовного учителя и постараться в учении найти покой и удовлетворение...»

Это существо являлось несколько раз, но в совершенно разных образах, дабы вести несмышленого человечка путём познания истины, посредством молитв, постов, воздержаний и устремления

к Высшему… Но труден Путь Восхождения…

Поверьте, что индеанизм есть только *одна из граней* творчества Бога на земле для сохранения *Жизни и Красоты Бытия*. Люди Света воплощаются во всех народах, среди людей различных вероисповеданий и несут свой крест, совсем не жируя, и не на руках носимые. Индейцы, погибавшие от рук белого человека, вымиравшие от голода и болезней, в наши дни неожиданно воскресают в многообразии и воплощаются среди разных народов Земли. Вот с чем связано это, казалось бы странное, увлечение индейцами во всем мире. Иначе говоря, индеец поднимается не во плоти, а в духе!

Индеанисты, восприняв своим сознанием культуру и мировоззрение индейцев, пришли к созданию общин с целью духовного самосовершенствования и гармонии единения, отбрасывая ценности эгоистического общества потребления и его технократическое развитие. Духовное же развитие определяет направленное мышление каждого члена общины. Человечество своим неконтролируемым мышлением бессознательно «творит» хаос. И в этом хаосе стали появляться общины людей, желающих противостоять хаосу и развиваться гармонично. Но ловкач хитёр и умён и способен совать палки в колёса самым неожиданным образом, направляя людей, к сожалению, по ложным тропинкам лени, мирской суеты, жадности, тщеславия, властолюбия, низменных вожделений, гнева, раздражительности, самомнения, накопительства, того же хоббизма, увлекая неосторожных и тем паче невежественных во мрак. Ловкач запросто способен находить жертвы среди тех индеанистов, которые не умеют понять важность духовного развития, а увлекаются только наружным блеском индейской атрибутики. Вот и стоит подумать: не в этом ли причина несостоятельности попыток организовать поселения или кочевые общины?

Неудачи индеанистских общин продолжают волновать многих. Они трактуются различно, но при оценках забывается то, что цель создания общин заключалась именно в духовном развитии. А потому воспринимать всё происходящее надо с позиций духовного понимания, а не только физического выражения. Для того чтобы постичь бытие, не менее необходимы пост, молитва и вера…

Меня очень волнует судьба индеанистов и их Движения (будем так называть). Очень жаль, но индеанисты недопонимают своего необыкновенного интереса к индейской культуре. Будь они трижды русскими, украинцами или белорусами, о чём они иногда упоминают в своих статьях, но в действительности наверное ни один не испытывает такого сердечного трепета при созерцании традиционных одеяний собственного народа, как при виде индейской одежды. Ведь это правда. Обладая не Силой Знания, а лишь историко-этнографическим выражением через книги, индеанисты становятся жертвами ловушки «двойного самосознания». Они пытаются развязать этот узел посредством отказа от индеанизма, механического интереса к проблемам мирского существования «как все», ведущего к деградации нравственности, духовности. Я понимаю, что времена изменились не в лучшую сторону. Находясь в своё время у истоков зарождения Движения, с полной ответственностью осознаю

опасности, возникающие вокруг индеанизма. Обломавшись на попытках создания общин, индеанисты «потерялись». Сердца искренних индеанистов охватывает какой-то застой и пессимизм из-за отсутствия перспективы. Складывается впечатление, что просто историко-этнографические знания уже не удовлетворяют индеанистов. Требуется более осязаемая идея, чем простое подражание обрядам. Требуется действительное Знание, реализация этого Знания и осязание его плодов на практике. Иначе деградация индеанистов, замешанная на отчаянии и скуке однообразия, выльется безумием в пивнушках при звуках музыки кантри. Пока видимая «реальность» жизни спасает, но плод тоже приедается и набивает оскомину. А что же дальше?

Кажется, среди индеанистов бытует мнение, что индейское мировоззрение может проявиться только в девственной Природе. Самое страшное, что индеанисты, мечтая о гармонии с Природой, в основном не в состоянии отказаться от благ цивилизации и боятся признаться себе в этом. Но разве единение людей в городе не может дать чувство единения с Природой? Помощь ближнему своему в городе разве не есть гармония? И почему индеанист-горожанин должен ломать себя и убегать на труд сельский, если родился в городе и, сидя в теплой квартире, способен любить весь мир? Интеллектуально развитый человек не в состоянии влачить рутинное однообразное существование только в заботах о животе и тепле…

Но зачем же ломать себя? Неужели индеанисты забыли, что индейцы были не только охотниками на бизонов? Ведь многие племена занимались земледелием, когда это было возможно. Почему индеанисты видят, в основном (и не надо себя обманывать), прерийных индейцев? А Пуэбло, Чероки, Ирокезы? Неужели невозможно совместить городское бытие с жизнью согласно мировоззрению индейцев? Например, на основе тех же дачных участков. Почему бы нескольким друзьям, по возможности, не приобрести бы участки по соседству, чтобы совместно применить культуру мотыжного земледелия на деле, с молитвами и обрядами, построив жилища согласно избранному племени? Ведь знание культуры племени можно применить на деле, в труде. Это может дать смысл в воспитании собственных детей, исключить конфликт индеаниста с его «белой» женой, да и не будет трений с властями. Зато праздное время заполнится трудом, который даст реальные плоды в виде урожая, а радостью достигнутого можно будет поделиться с единомышленниками-горожанами, которые, быть может, найдут применение своим творческим усилиям по гончарному делу, ткачеству или изданию книг, например. И тогда каждый индеанист может исключить раздвоение сознания, чувство неполноценности, несовместимости и осуждения себя за невозможность отвлечься от благ цивилизации. А во время Пау-Вау всё это разнообразие в практическом применении индейской культуры находило бы своё отражение. И всё на основе индейского мировоззрения и благословения Красоты и радости Труда. Ведь тогда группы индеанистов могли бы обмениваться своей продукцией или сотрудничать в её реализации, если бы в этом была необходимость. Не надо забывать, что выживание в будущем основано именно на объединении людей по интересам. И потом,

не надо забывать о том, что уже сменилось среди индеанистов поколение, что уже есть «старики» — свои традиционалисты, что уже могут появиться советы старейшин, как в группах, так и во время общих Пау-Вау. Эти старейшины могли бы определять своим авторитетом качество сознания индеаниста, чтобы тот не украшался перьями, подобно франту, а получал их по заслугам, являясь Воином Духа, ибо будущее за ними. Мечты? Но мечты — это мысли и образы в сознании, которые, отражаясь, воплощаются в формах материи ситуациями и событиями во времени…

В своё время мне удалось избежать заполитизированности индеанизма, беготни «комсомольского пошиба», но не нахожу причины для насмешек над чувствами, мыслями и делами индеанистов тех лет. Всё делалось искренне, от сердца: и берет Че Гевары, и коммунистические лозунги. Тогда индеанисты ещё не были функционерами, чего нельзя сказать о более поздних годах. Упала на колени Россия, — поскользнулись и упали индеанисты. Выдыхаются индеанисты, теряют интерес к общности, ибо отсутствует цель, идея, лидер и само стремление к Знанию Бытия. А пока нет идеи, — и молодёжь беснуется, бутылочка ходит по кругу, забывается индейское мировоззрение и смысл очищения.

Молодёжь появляется среди индеанистов, не взирая ни на какие времена экономических или политических депрессий. Но что же может жизнь предложить молодёжи? Которые авторитеты способны быть примером? Те, которые не смогли сохранить общины? Или те, кто в салунах за пивком сидят? Может ещё игорные дома, как у современных индейцев, открыть ради «авторитетности»? Красной Дороги не пройти грязными ногами… Я не против салунов и кантри, но Дорога Света и Гармонии требует от каждого сначала нравственного и морального отношения к самому себе, прежде чем быть авторитетом молодежи, так стремящейся и ищущей приложения своей энергии…

Конечно, критиковать жизнь индеанистов легко, но кто указал на пути выхода?.. Такие пути надо искать. Индеанизм не может обуславливаться только одноразовыми годичными Пау-Вау, как народ не может обходиться без постоянной Силы Единения, приходящей через чувства, мысли и дела совместные. Красной Дороги у индеанистов не получилось. Сейчас, по всей видимости, виток спирали заканчивает ещё один оборот и что-то должно сдвинуться с мёртвой точки на качественно новом уровне… Но осознают ли это индеанисты?..

Бытие — это понятие не только материальное, но и духовное. И потому, не пора ли индеанистам всего мира наконец осознать себя индейцами по духу, избавиться от зуда двойственности самосознания, и принять на себя *ненавязчивую* миссию Света, а средством применить в сознании своем удивительную культуру аборигенов Северной Америки?… Ведь она выношена нами с детства и удивительным теплом наполняет наши сердца.

Голубая Скала

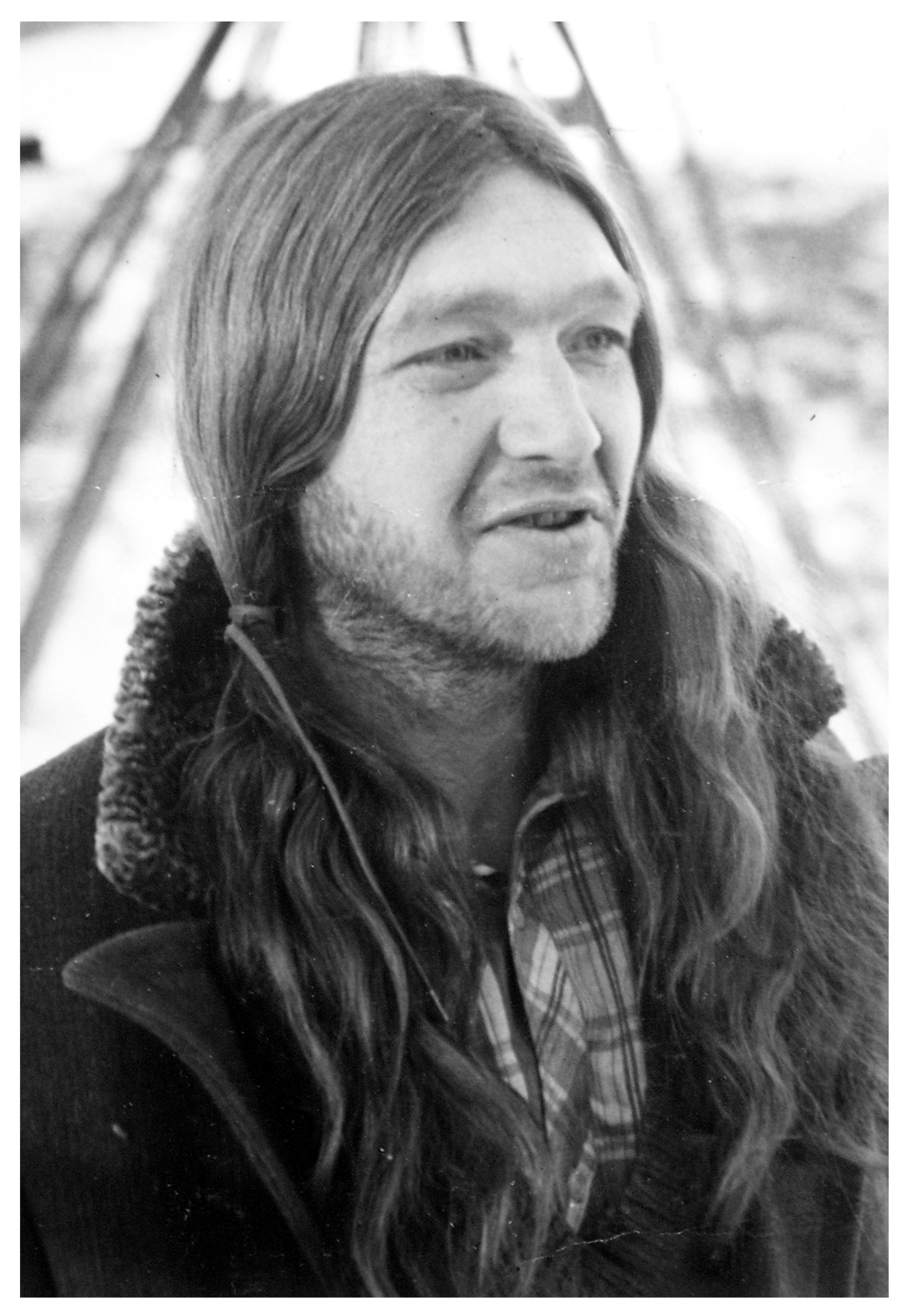
Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

Идея индеанистской общины, возможно, приходила в голову не только мне, но я не слышал ни от кого каких-либо мыслей и предложений в этом плане. Я конкретно развивал теорию Движения на основе общин. Для этого пришлось изучить массу литературы по общинам, в том числе и марксистскую. Она, кстати, оказалась наиболее внятная и реальная. Я долго пытался разобраться в реальной сути и в смысле нашего Движения. А так же разобраться в самом себе. Почему я индеец? Зачем мне всё это так важно в моей жизни? В конце концов, я осознал, что подражание чужой культуре — не является чем-то настоящим. Это игра в чужую жизнь. Конечно, это лучше, чем жизнь в материальном мире, но мне стало это не интересно. Я хотел реальной жизни, реальных отношений с единомышленниками, построенными на совместной жизни и совместном труде. И не потому, что я такой вот охрененный общинник и марксист, а потому, что это единственно реальная возможность создать свой собственный мир, своё общество, а не играть в него. Это я о том, откуда в моей голове появилась идея алтайской общины. Почему Алтай, думаю объяснять не нужно.

Гостей приезжало много. О чём они думали, мне неведомо. Те, кто хотел в общину, писали об этом ещё до приезда. Из гостей в общине не оставался никто. Хотя некоторые ездили регулярно. Гости, конечно, помогали, но не наравне. Работа ковбоем требует навыков. Домов было шесть. Два были совхозные, а остальные мы построили сами. Строительство тоже требует умения. Прежде, чем переехать в Кукую, я приезжал в этот совхоз и договорился с его директором о нашем групповом переезде. Это было алтайское экспериментальное хозяйство, где разводили зубров и элитный скот.

Спорщиков с идеями общины было очень много. Кто был согласен, а скорее кому это было действительно нужно, — те и были общинниками. Остальные критиковали, спорили, пытались доказать что-то о несовместимости индейского духа (видимо, их духа) с общинным бытом. Были и сочувствующие, они поддерживали в письмах, слали посылки, я им благодарен. Но на самом деле, дело не в теориях, пусть даже и спорных, а в попытке превратиться из индеаниста в индейца, перейти от игры к реальной жизни. Но чисто индейский мир сегодня нереален даже для самих индейцев. Исходили из того, что есть и из своих возможностей. Кстати, у нас были планы создать в тайге поселение-филиал, где можно было бы жить непосредственно по-индейски.

Время показало, что такой естественной, как я ошибочно полагал, потребности, в нашем движении не наблюдается. Занавес. Идея оказалась не модной.

Орлиное Перо

Николай Лукаш

Местные в своей массе относились к общине Голубая Скала «не очень-то». В общине был сухой закон, и никто с местными не бухал. Дружил только один алтаец Слава, он был из соседней деревни, настоящий местный индеец, коней пас и заезжал в гости частенько.

В определённые дни в деревню приезжала автолавка. С внешним миром связывал автобус, он мимо шёл утром в сторону Горно-Алтайска, и вечером возвращался обратно.

Гостей было много, и каждый помогал посильно, что-то делал. Основное — это сенозагатовки и огород. Кто умел на лошадях, тот помогал скот пасти. Я приезжал каждое лето минимум на месяц…

В Голубой Скале всегда что-нибудь случалось. Жизнь есть жизнь. Впечатление было феерическим. Такой опыт редко где можно приобрести. Пау всю дорогу. Настоящая индейская жизнь — насколько это было возможно. Жизнь на природе, в деревне, а не городская, где люди живут и на недельку приезжают на Пау, чтобы поиграть в индейцев (что само по себе и не плохо). Замечу, я не осуждаю подобный образ жизни, сам так жил бóльшую половину жизни.

Сергей Немков (Мато Нажин)

(интервью 1993 года)

Андрей Ветер: Почему вдруг ты с ребятами решился однажды уехать на Алтай и основать там нечто вроде общины?

Мато Нажин: Для нас это не было каким-то рубежом. Мы просто взрослели и ждали, когда сможем самостоятельно уехать туда, куда хочется, и жить так, как хотелось бы. Собрались и уехали. Мы были достаточно взрослые. Я — после армии и остальные ребята где-то в этом возрасте.

На Алтай мы до этого часто ездили. И родственники у нас с Алтая. У меня отец с Алтая. У друзей тоже родня там живёт. И мы поехали туда. А почему именно в этот посёлок? Это был необычный посёлок — большое экспериментальное хозяйство, посёлок Чегра. Там проводились работы по сохранению домашних животных, которые уже утеряны в других районах. Но на такой базе и основе, чтобы они сами себя кормили и окупались.

Мы и приехали туда. Но в старой-то советской системе работа шла по старым образцам. С животными, которых хозяйство выписывало за валюту, работали алкаши. Нас определили в маленькую деревушку (двенадцать дворов, километров тридцать от большого посёлка), выделили маленький домик, и мы там стали жить.

Андрей Ветер: Туда отправились только ребята, связанные с индейской тематикой?

Мато Нажин: Да, но в первую очередь те, кто уже жил в Сибири. Это были ребята, которые имели не последнее слово в нашем круге. Потому лишних там не было. особенно в первое время.

Андрей Ветер: Как это всё замышлялось? Надолго? Навсегда?

Мато Нажин: Ну, поначалу… Это был 1985 год, тогда уже начиналась вся эта горбачёвская «перестройка», все эти раз-

Мато Нажин (Сергей Немков) в 1972 и 2011 годах

говоры, аренда и прочее очковтирательство. Естественно, мы на это клюнули. Но лошадка, на которой мы ехали, старенькая была. То есть на самом деле нас тянул Алтай. За всех трудно говорить, хотя мы были единомышленники. Но о себе могу сказать, что я уже не получал удовлетворения от прочтения книжек. Даже говоря «уже» я как бы подвожу некую черту, но этой черты не было на самом деле. То есть, видимо, в нас эта индейская тема попала не на уровне литературы, иначе она так же и улетучилась, кончилось бы всё это, зачахло — почитал, посмотрел кино, и всё. Но этот пущенный корень оказался довольно крепким, когда мы решили уехать. Конечно, подстегнули и все эти перемены, намёки на перемены.

Андрей Ветер: Так что же случилось там? Что-то не сложилось на Алтае? Затея провалилась?

Мато Нажин: Нет, я так не думаю... Есть у меня одна шутка, которая мне нравится. Может быть, только я один её и понимаю. Когда меня спрашивают: «Где ты живёшь-то» — «Как где? На Алтае!» — «А тут что делаешь?» — «Тут я работаю». Я ведь здесь не живу на самом деле-то. Я здесь отработал, но душа у меня там, на Алтае. Я здесь уже довольно приличное время, два с половиной года, и я их не заметил, потому что я здесь не жил. То есть все окружающие меня вещи, сам Ленинград, весь этот массив — я его не впитываю. Не знаю, может, заглушка какая-то в мозгах. Но мне это не нужно. Я знаю, что мне нужно, и на это работаю. Настанет момент, и я уеду...

И я не считаю, что у нас там что-то не вышло. У нас там не получилось, может быть, конкретно то, что мы планировали. Хотя я не скажу, чтобы мы что-то планировали. Мы просто приехали жить. Трудность-то в том, что нам жить не давали. И не били по рукам, как каким-то творческим ребятам, а просто жить не давали. То есть в первый год были такие вещи, что мы кошек и собак ели, хотя пасли скот. Я пас коров, и меня всегда теребила одна мысль: запах молока очень притягивал. Я-то его уже год не пробовал.

А ведь чтобы жить, по крайней мере в то время, нужно было воровать. Брать, воровать, доставать.

Это особая тема — деревня. Я сам городской, и я нахожу в алтайской глубинке всё, что мне нужно. Там есть всё, что мы сейчас выписываем с таким трудом за бешеные деньги: видеофильмы по Дикому Западу, ковбои, индейцы, а там, на Алтае, всё это есть. Мне хватало разок съездить в город, в видеосалон, и мне год-два никаких фильмов больше уже не нужно, потому что у меня вестерн в каждом окошке разворачивается. Я сам там жил, в этом вестерне. Вот и всё. Там те же индейцы, те же ковбои, все эти лица, которые я сейчас вспоминаю. Они на самом деле есть, взаправдашние... И чтобы жить там, нужно было как-то вписаться в ту систему, ощутить её. Вот чего нам не удалось.

К примеру, заходит человек: «Здравствуйте» — «Здравствуйте». У него на лбу написано: «Сейчас я буду вас обманывать». Смеёшься и думаешь, мол, как же ты меня будешь обманывать, если у тебя об этом на лбу написано. А он берёт и обманывает! Потому что он-то в той системе, а я — нет. И система работает на него. А система простая. Например, телёнок попал в яму... Скотники пили целую неделю, проворонили скот,

и телёнок попал в яму. Кто-то из наших ребят заметил, что он там мычит, пошёл и говорит: «Парни, вы что? Он же там сдохнет». Так они часа два хохотали: «Ты чего, — говорят, — дурак или больной? Вы бы уж давно съесть могли того телёнка, а ты пришёл и рассказал, нашёл и вернул в колхоз». Вот такая там жизнь. Ну, а начальство, учитывая такие расклады, порой и зарплату «забывало» выплачивать. Да что там зарплату, когда в деревне не было своего магазина, а иногда автолавку забывали пустить, хотя и без того приезжала-то всего раз или два в неделю.

Двадцатый век там только на уровне пролетающего высоко самолёта... След от самолёта — вон двадцатый век. Или промчится КАМАЗ. И всё. Я любил смотреть телевизор у кого-нибудь. Удивительное дело: я, собственно, и не телевизор смотрел-то, а на зрителей, потому что мне было очень интересно. Они смотрели на экран, как ребёнок смотрит на картинки в книжке. Они не верят, что где-то есть Москва, что где-то есть Петербург, что люди могут жить так или так. Для них это лишь яркие цветные картинки, не больше...

Андрей Ветер: Скажи, а что там было самое неприятное?

Мато Нажин: Когда приезжал кто-нибудь из конторы, из начальства... Живёшь в отдалении от всего. До ближайшего маленького посёлка пятнадцать-двадцать километров. И живёшь как бы под банкой, совершенно изолированно. Вокруг тебя только тайга. Там совершенно другие законы. И когда после последней поездки куда-нибудь в большой посёлок проходит время, начинаешь ощущать какое-то нагнетание. Многие вопросы, которые решаются очень просто, начинают казаться там такими непростыми. Один из показателей таких «вывихов» у сельских жителей — это когда кто-то напьётся и отчубучит что-то... И вот почему в таких местах всегда рады гостю: он приносит то, из тебя каждый день по крупицам вылетает, — информацию.

И вдруг на тебе! Останавливается автобус, и вместо того, кого ты хотел видеть, или просто нейтрального человека, от которого можно получить информацию, вылезает какой-нибудь паразит с портфелем. А у него одна работа — приехать и навести жуть. И это не просто один человек, у которого такой характер, он строжится, а затем уезжает, а другой, добрый, приедет и похвалит. Нет, ему за это деньги платят. Его характер исчисляется копейкой. То есть надо прийти, нагнать жути, схватить кого-нибудь за руку, кто пьяный. Если не схватил, то надо придумать такого человека или специально напоить...

Это другая система. И мы очень много, как мне кажется, наделали там ошибок. Потому что в деревне люди всё же ближе к тем законам, по которым живёт земля. А закон простой: кого ты можешь научить, если ты сам не стоишь на ногах. Что толку от наших книжек, знаний, кинокамер и фотокамер, если ты не умеешь сено косить, или ты на лошади не сидишь. Что тебе можно доверить? С тобой вообще разговаривать не будут. День с тобой поговорили, два, три, а ведь самая элементарная работа начинается с общения. Всё это вылезает в закон: не умеешь, значит, не будешь есть, а не будешь есть, значит, ты долго так не протянешь.

Я не могу сказать, что я что-то вовремя сообразил. Мне просто повезло.

Ведь был момент, когда я очень сильно колебался, когда мне предложили пойти работать на гурт. Сразу мысль закралась: случись что, я ведь не просто не профессионал, а вообще с этим делом не сталкивался. Единственное что, так это я лошадей знал немножко. А на работе расклад такой: стоит потерять штук пятнадцать-двадцать коров, за это уже не расплатиться всю жизнь. По тем временам восемьсот-девятьсот рублей за корову, это ого-го… Естественно, в первое время я терял по сорок и по пятьдесят коров. К примеру, нас было трое на гурту (это на двести или двести пятьдесят голов скота). И я не даром сказал, что у нас тоже там Дикий Запад. Дело в том, что это не те коровы, которых Иванушка-дурачок на дудочку пасёт. К тем коровам, которых люди обычно представляют, наши не имели отношения. Такие были коровки, что и на хороших лошадях не догонишь. Так что страшно было браться за такое дело. Но взялся. Не скажу, чтобы мне помогали, потому что мы там были чужаками для местных. Работа скотника была престижной, денежной, и я попал туда случайно. Но ничего. Закрепился. А коров терял, потому что элементарно не знал, как работать. Когда пас скот, вспомнил всё — и химию, и физику, и астрономию. С биноклем и ножом… Помню, получил по уху от старшего скотника только за то, что приехал на работу без ножа. «Ты что? Будешь битую бутылку искать где-нибудь, чтобы корове кровь пустить, если что случится? Мало ли что! Она же издыхать будет на твоих глазах». Конечно, я в таких вещах сначала не разбирался.

А работали так. Нас трое. Каждый работает по пять дней. Десять отдыхаешь. Я пять дней работал, а десять искал своих коров. Вот так всё лето. Потом уже и по следам искал, это нормально было. Там прошёл, тут прошёл. Я только потом понял, что большая куча коров это не гурт. Они так полчаса постоят, не больше. А самая работа — когда кто-то приезжает на выпас, а там никого нет, и это значит, что коровы где-то в тайге пасутся сами. Но я-то знаю, где они и как мне их туда выбрать.

Ну, это тема такая, что могу неделю говорить…

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)[1]

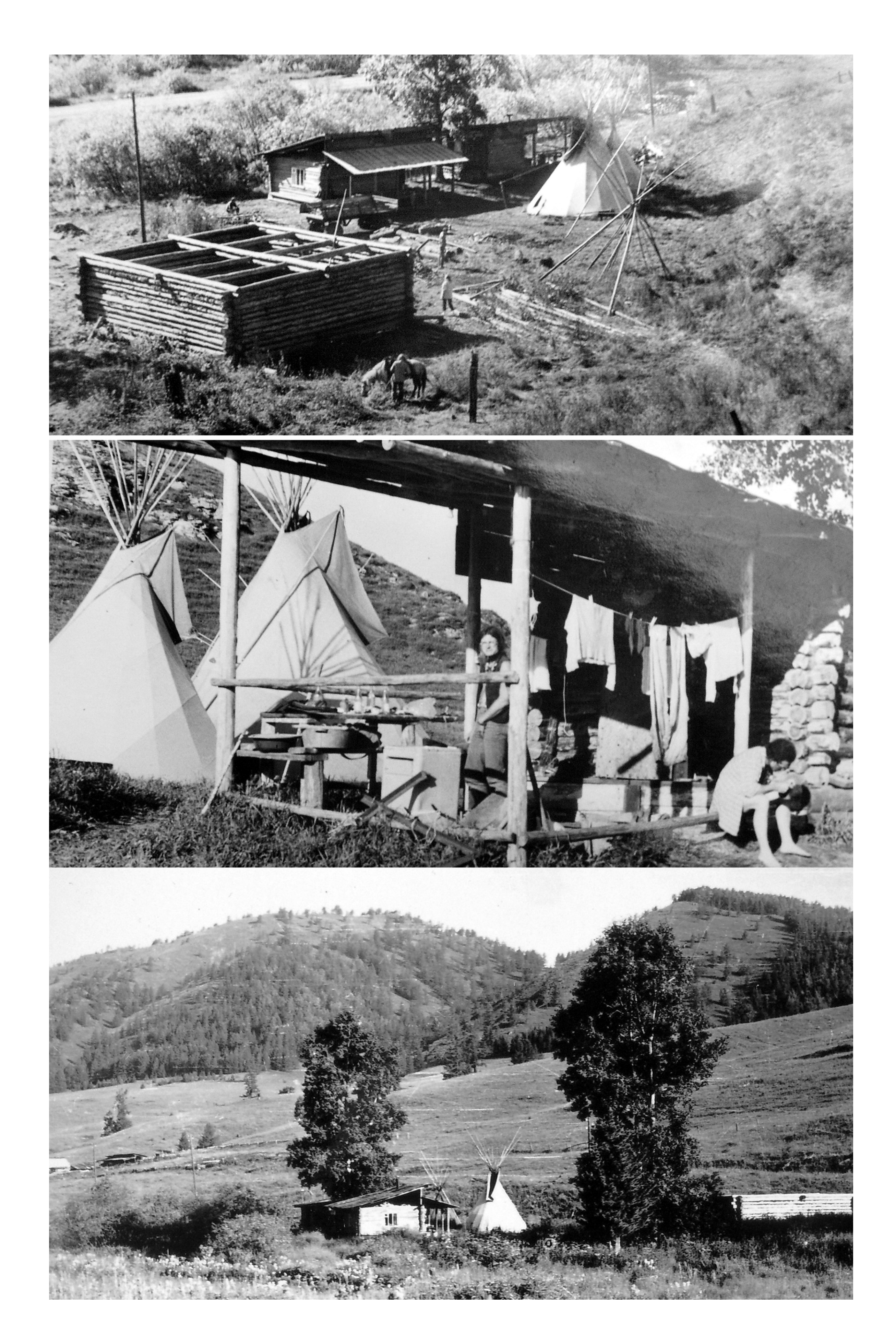
Дженнифер Рабодзеенко: Какова была ваша философия, ваш подход?

Рысёнок: У нашего лидера были коммунистические идеи — Маркс, Ленин и всё, что с ними связано. Потом это оказалось не совсем верным, произошли внутренние проблемы, люди разъехались. Через десять лет из всех людей там остался только он один, наш лидер.

Дженнифер Рабодзеенко: О каких коммунистических идеях он мечтал?

Рысёнок: Он всё подводил к тому, что отношения между людьми должны быть коммунистическими, всё должно быть общее. Может быть, всё это было взято из литературы, но у него была такая ориентация. Нами не была взята какая-то конкретная индейская философия, которой мы следовали бы, а всё это было

[1] Фрагменты интервью для альманаха «Первые американцы», 2001

попутно, потому что любовь к индейцам была внутри нас. Считалось, что первобытный образ жизни индейцев наиболее подходил к коммунистическим идеям. О «коммунистическом» строе Ирокезов писал ещё Энгельс. У нас была именно такая информация, ведь мы жили в стране, откуда нельзя было выехать, узнать что-то другое. Всё было из литературы, поэтому он считал, что всё это правильно, это верно. Но когда мы начали так жить, оказалось, что многое неправильно, многие вещи просто не уживаются. Ну, как и во всей этой стране, всё то, к чему сейчас пришло. Эта идея была главной, хотя индейские ценности мы тоже пытались применять. Для нас было важно уже то, что мы живём там, в лесу, в горах, общаемся с растениями и животными. Это было важней всего, а не то, что мы должны одеваться в индейскую одежду, чего мы никогда и не делали. Если посмотреть со стороны, мы одевались и жили, как все местные жители. Проблемы начались позже.

Дженнифер Рабодзеенко: Как вы жили, на что существовали?

Рысёнок: Мы ехали не в глухое место, где не было бы электричества, и куда можно было бы добраться только на вертолёте. Наш лидер и раньше часто бывал на Алтае, хорошо знал эти места, поэтому другого предложения ни у кого даже не возникало. Был Алтай — красивое место, которое всем нравилось. Я нигде не встречал такого места, где было так много лошадей. Большие табуны лошадей, которые паслись свободно, почти что дикие. Местное население — алтайцы — очень любят лошадей. Без лошадей они представить себя не могут, практически даже пешком не ходят. Лошадей они разводят на мясо, как принято у нас с бычками. Такое огромное количество лошадей меня просто шокировало. Своих лошадей у нас не было, но на работе мы использовали их, когда надо было пасти или разыскивать скот.

Мы приехали в совхоз — Алтайское экспериментальное хозяйство, связанное с Академией Наук. В этом совхозе планировалось заниматься селекцией коров и других животных, которых привозили со всего мира. Там были даже зубры — родственники американских бизонов. В то время это хозяйство сильно рекламировали по телевизору, и мы думали, что едем туда заниматься наукой, а не просто быть обычными колхозниками. Когда мы приехали туда, встала проблема с жильем, хотя работу и можно было какую-то найти. Как раз тогда в хозяйстве сменился директор. Новый директор — молодой, энергичный человек — предложил нам поехать в наполовину заброшенную деревню, чтобы попытаться её возродить. Наш лидер туда съездил, посмотрел, и ему понравилось. Это место было достаточно далеко.

Население в Сибири достаточно тяжёлое, с ним сложно ужиться. И не только потому, что там живут алтайцы, там и русских много, а потому, что это такие своеобразные люди, которые пьют целыми днями и так далее…

Было далеко — в тридцати километрах в стороне от большой деревни…

Там был один старый дом, который нам отдали, и сказали, что мы можем в нём поселиться. Дом этот считался не нашей собственностью, но служил нам жильём. В нём была одна комната, в которой мы все, впятером, и жили. У нашего лидера была жена, у них ро-

Алексей Кучменёв: "Птенцов подобрал Гордый Орёл, их кормильцы сдохли. Выкармливал сам (изо рта в клюв мясом) пока не выросли. Потом начались проблемы - птицы выросли, но самостоятельно жить не хотели".

дился ребёнок; ну и ещё трое ребят. Вот так все вместе и жили... Рядом стоял ещё один маленький домик, из которого мы позже сделали что-то вроде летней кухни. Туда мы перешли вдвоём с другом. Каждый год к нам приезжали ещё люди. Постепенно мы стали расширяться, построили ещё два небольших домика.

Дженнифер Рабодзеенко: Как вы питались, что конкретно ели?

Рысёнок: С едой — особая тема. С ней были большие проблемы. Два раза в неделю приезжала машина, «автолавка». Всё, что она привозила — это хлеб, макароны, подсолнечное масло, маргарин и, может быть, ещё что-нибудь в этом роде. Но денег у нас постоянно не хватало, потому что поначалу не у всех пяти человек одновременно была работа. В основном было так, что два человека работали, а у остальных работы не было. Охотиться мы тоже не могли, потому что это надо было уметь. Кроме того, это место считалось заказником, где охота была официально запрещена. Хотя все местные и занимались охотой, начальство закрывало на это глаза, потому что всем надо было как-то жить, что-то есть. Мы тоже иногда ходили на охоту вместе с местными, но нам не везло, охота не могла стать для нас источником существования.

Впоследствии, когда мы все уже работали на скоте, у нас появилась возможность питаться мясом. Когда мы резали в совхозе коров на мясо, то брали себе несколько килограммов, естественно так, чтобы никто не заметил. Потом, ко-

Слева направо: Вера Павлова (с сыном Игорем на руках), Орлиное Перо, Великий Рысёнок, Ловец Мустангов, Гордый Орёл

гда у нас появилось собственное хозяйство — куры, коровы (у нас их было девять) — мы уже стали есть яйца, пить молоко, делать сыр и т. д. Вот такая была еда, то есть ничего особенного.

Дженнифер Рабодзеенко: Сколько лет ты там прожил?

Рысёнок: Я прожил там пять лет. В последний год, когда я оттуда уехал, у нас начались внутренние проблемы. Но я не хотел уезжать. Как раз тогда я женился. С женой я познакомился ещё на первом Пау-Вау. Она на семь лет моложе меня. Каждый год летом она приезжала к нам на Алтай, но жить там не хотела. Потом я однажды приехал к ней, некоторое время пожил с ней, и мы обсудили наши проблемы. Она сказала, что не может жить в этой общине, ей не нравятся законы, по которым мы там жили. К тому времени мы провели на Алтае уже четыре года, практически не выезжая оттуда. Нас была небольшая группа людей, всё время между нами что-то происходило, но сами мы не могли сказать себе, что что-то не так. Мы чувствовали, что были какие-то проблемы, что нас что-то злит, но не могли понять, в чем дело. Некоторые люди, приезжавшие к нам из больших городов, где всегда что-то происходило, пытались говорить нам, что у нас что-то не так, но никто их не слушал. Так думала и моя жена. Она

говорила мне, что эти люди тоже её друзья, но поскольку у нас здесь такая обстановка, то она не может жить с ними. Всё, что мы зарабатывали, было совместным. Деньги на покупку еды мы откладывали отдельно. Все деньги у нас были общие, и если тебе что-то было надо, приходилось просить. А, в силу характера своего, не каждый ещё и попросит. Некоторые из нас занимались музыкой, хотели записывать альбомы, и мы решили купить дорогостоящую аппаратуру. В то же время, когда одной из женщин что-то понадобилось купить, ей было отказано. Вот такая, к примеру, была проблема. Денег действительно не хватало. Когда мне понадобилось поехать домой, через два года, чтобы повидаться с родителями, мне пришлось с большим трудом взять деньги на дорогу. Ехать было далеко, на Украину, и дорого. Я точно помню, что мне было очень неприятно просить эти деньги.

Всё это время, пока мы жили в общине, у нас не было денег поехать на Пау-Вау. Всю информацию о том, что происходило здесь, мы узнавали только из писем или от тех людей, которые к нам приезжали. И только с нового места я снова смог поехать на Пау-Вау.

Дженнифер Рабодзеенко: Как на практике вы применяли индейскую жизнь?

Рысёнок: Летом мы ставили типи, а зимой жили в домах, потому что зимы на Алтае очень суровые. Мы проводили обряд трубки и другие церемонии. Рядом с нами стояла гора, которую мы называли Священной горой. Такой она и была на самом деле, по рассказам местных жителей. Община носила название этой горы — Кок-Кайя, что в переводе с алтайского означает «Голубая Скала». Скала находилась у вершины горы. Мы на неё часто поднимались, обычно всегда, когда приезжали гости. Мы садились там и проводили обряд трубки. От алтайцев мы взяли ещё один обычай — когда подымались наверх, привязывали к ветвям деревьев белые ленточки. Что ещё было индейского? Да, в общем-то, ничего такого особенного и не было. То есть, для нас это уже была не игра. Мы не стремились к внешним проявлениям. Мы считали, что уже то, что мы так живём, это и было по-индейски. Сам факт того, что мы так живём, а не сидим в тёплой квартире и боимся выйти на улицу, потому что там холодно, уже был для нас сам по себе неординарен. Это было всегда, каждый день — ты открываешь дверь, и сразу весь в природе. Поэтому многие внешние вещи для нас отпали сами собой. И дома наши были сделаны своими руками...

Мария Бородина

Новые коккайцы[1]

Место для дома выбрали прямо на берегу ручья под двумя молодыми и стройными тополями. Потом поняли — подальше надо было бы от воды. Всё-таки хоть и юг Алтайского края, да зимы тут суровые и ветреные — морозы до тридцати не редкость. Но тогда, в августе, быстрый ручей звенел и сверкал под солнцем, а тополя ласково шелестели листвой, и так это сладко напомнило любимые с детства книги о жизни

[1] Статья из журнала «Смена», 1988

на природе, о братстве зеленого мира и мира людей, что тут и решили ставить новый сруб. Но следующую избу рубили уже подальше.

Как назвать эту группу молодых горожан, приехавших жить и работать в алтайское село? Друзья-знакомые? — слишком упрощённо. Взять во главу угла их увлечение индейской культурой и назвать их «неформалами-индеанистами»? Тогда навесишь ярлык, который может заслонить суть. А суть, на наш взгляд, состоит в том, что этим молодым горожанам удалось реализовать заветное своё желание жить в близости к природе, приносить пользу обществу, занимаясь разведением животных, преодолеть городскую разобщенность, одиночество и быть среди близких по духу людей.

Можно назвать их «друзьями по переписке» — именно письма предшествовали решению перебраться в село. Жили они в разных городах, а познакомились несколько лет назад в летнем лагере под Ленинградом, куда традиционно съезжаются «фанаты» индейской культуры, чтобы пожить несколько недель на природе в «индейском образе». Это — игра, продолжение детских увлечений. Но Володе Кошелеву, его жене Вере, Сергею Лузину и их друзьям игра послужила толчком к перемене всего образа жизни.

То, что было невозможным в городе, им представлялось осуществимым в селе. И они не ошиблись. Они, конечно, знали, как нелёгок крестьянский труд. Но теперь в их ведении... 240 голов общественного скота да ещё несколько голов личного — оказалось, что такое хозяйство им вполне по силам. Дикая природа — прямо за порогом. Нашлось место и для вигвама.

Вслед за Володей, Верой и Сергеем приехали четверо их друзей: Андрей Чикунов из Новосибирска, Валентин Бусько из Запорожья, Валентина Романенко и Алла Сабат из Харькова. Были они в своих городах кто бухгалтером, кто кондитером, кто электриком... Теперь на окраине села Верх-Кукуя три новых очага: в одном доме его поддерживает Вера (у них с Володей весной родился второй ребёнок, на этот раз дочь), в среднем — очагом занимается Валя (у неё дочь уже школьница), третий очаг у жены Сергея — Аллы. Хозяйство и финансы у них общие.

Принцип этот устраивает особенно мужчин — им совместно удалось купить желанные музыкальные инструменты с акустической установкой! Мечта — добиться такого качества исполнения, чтобы не стыдно было выйти на публику. Небольшой опыт у них уже есть — давали концерт в соседнем посёлке Черге.[1] Мужчинам сложнее даётся, на мой взгляд, другое: нерегламентированный, в отличие от городского, распорядок дня: велик соблазн с какой-то работой повременить, с чем-то подождать... Но как потом отзывается не вовремя сделанный покос, пропущенная прополка, разбредшееся к полудню стадо!..

[1] *Владимир Кошелев:* Мы записали шесть альбомов за время существования общины. Приходилось выступать и на сцене, участвовать в различных конкурсах. Самое большое количество слушателей у нас было на алтайском Эл-Ойыне. Нас туда пригласили от комитета ВЛКСМ. Потом, правда, нас оттуда срочно увезли, сказав, что это алтайский праздник, а не индейский, и больше не звали. Их заело, что в наше типи выстроилась длиннющая очередь, как в мавзолей Ленина.

Самый опытный в крестьянском труде — Сергей Лузин. Он хоть и из городских, но жил в пригороде в большой семье, имевшей немалое подсобное хозяйство. Этот парень с роскошной гривой золотистых волос, в очках в тонкой металлической оправе, гитарист и шутник, оказался большим знатоком по части агрономии и животноводства.

— Едем мы с ним однажды зимой за сеном, — рассказывает Валентин Бусько. — Снегом склоны припорошены, да ветром продуваются. Сенник выглядываем. Я ничего не вижу, думаю, не найдем. Нет, Сергей высмотрел всё же. Я сначала не поверил, а потом подъезжаем — верно, сенник. Глаз у Сергея цепкий, хозяйский.

— А в город не тянет вернуться? — спрашиваю его.

— Я много чего уже перепробовал. Два института поменял, хотя учился хорошо. А теперь вот уже три года тут и не собираюсь уезжать. Я здесь почувствовал, что живу взаправду.

Действительно, «взаправду», а не в игре они боролись за право жить в этом алтайском селе, где не на словах доказали, на что способны. Им не верили, считали, что сам их приезд — баловство. Лишь после прошлогоднего выступления в их защиту газеты «Известия» переселенцам дали настоящее дело: мужчины были приняты в Алтайское опытное хозяйство скотоводами, Валя стала в селе почтальоном, Алла — заведующей клубом и киномехаником.

— Мы для местного начальства в определённом смысле беспокойные работники. То есть не такие тихие

и смирившиеся с нынешним положением дел на селе, к каким тут привыкли, — говорит Володя Кошелев. — Вот теперь мы опять руководство дёргаем. Хотим, чтобы в нашем селе школу открыли. Много лет назад она тут была, потом село признали неперспективным, а когда мы сюда приехали, администрация алтайского опытного хозяйства, к которому относится село, решила его возродить. Но возрождение затянулось. А мы торопим. Детей в селе как раз наберётся на сельскую школу. Роно ещё прошлым летом планировал отремонтировать здание, но пока — одни обещания...

В пять утра начинается день коккайцев (наши переселенцы определили, что на алтайском языке название села более точно звучит Кок Кайя, Кукуя — упрощённое произношение). Вот идут с ведрами на дойку Вера и Валя. Перед отъездом к стаду — его держат на свободном выпасе в урочище Жандар — мужчины седлают лошадей, пьют парное молоко.

Во дворе рядом с избой — необычное высокое сооружение из жердей и брезента. «Правильней называть не вигвам, а типи, — поясняет Валентин, откидывая овальный полог, закрывающий вход. — Жилище северных индейцев. Сейчас оно пустует, но когда к нам приезжают гости, селим здесь».

На народном празднике в старинном алтайском селе Ело это типи служил коккайцам выставочным павильоном для демонстрации собственных изделий из кожи и бисера. На праздник их пригласил Горно-Алтайский обком комсомола, решив, что этих «неформалов» нужно поддержать: не горлопаны, занимаются делом, приносят пользу, оживили вымиравшую деревню. Правда, когда представитель обкома партии почему-то решил, что сбор подписей в защиту индейца Леонарда Пелтиера рядом с индейским типи выглядит аполитично, и попросил Володю Кошелева и его друзей «сворачивать свое хозяйство», комсомольцам пришлось вступиться за своих подопечных.

Хозяйство коккайцев должно расширяться, считают в обкоме комсомола, а поэтому предлагают помочь в организации кооператива по изготовлению сувенирных изделий с модней теперь вышивкой бисером (наши переселенцы умеют делать это отлично), освоить с помощью музейных специалистов традиционные алтайские орнаменты... Есть идея заняться и шорным делом — специалисты по конной упряжи, увы, перевелись даже в этих краях.

«Всё вокруг имеет своё предназначение и взаимосвязь. Но эти связи ощущаются тем слабее, чем сильнее твоя личная независимость от мира, от природы, от общества. Но тем прекрасней жизнь, чем крепче эта связь» — так пишет Володя Кошелев в предисловии к рукописному сборнику песен, который существует пока в одном экземпляре. Как хорошо, что «новые коккайцы» нашли своё предназначение и поняли эту взаимосвязь.

Андрей Илларионов
Как чужие[1]

Как представляете вы себе ковбоя? Акробатом в седле или виртуозом стрельбы на скаку? Сергей Немков

[1] Статья из газеты «Известия»

считает, что главное в этой профессии — до совершенства отшлифованные приёмы будничной работы с лошадью и стадом. На то, что отнимает у обычного скотника час, он тратит минуты. Вот почему, собственно, у него такой интерес к этой профессии и к тем, кто в ней преуспел. Поиск передового опыта в любимом деле, терпеливое овладение этим опытом — и отечественным, и заморским — вот чего хочет Сергей.

У небольшого оконца столетней русской избы листали мы собранные им за годы книги, немало — на английском и немецком. Они — о сугубо мирном вооружении ковбоев, индейцев прерий, причастных к скотоводству. Из литературы явствовало: чтобы на всём скаку остановить коня или круто повернуть его, нужна не только отличная выучка всадника и скакуна, но и особой конструкции уздечка (Сергей её изготовил), а также особое седло (и его смастерил).

Надо видеть, как лихо на всём скаку отбивает он от стада могучего быка. Прямо-таки снимай ковбойский фильм. Тем более и одет, как заправский ковбой. На нём широкополая шляпа, надёжно защищающая от палящего горного солнца, из-под неё развеваются по ветру волосы. Только вокруг не прерии американского дикого Запада, а ещё более дикие места: лиственницы с фантастическими растопыренными ветвями — Горный Алтай.

Сергей, если потребуется (а в горах и на отгоне это случается), забьёт и разделает бычка за двадцать минут. На этот случай им сшиты очень удобные кожаные чипсы.

Интерес у него, подчеркиваю, не только к ковбойским атрибутам. Научный сотрудник Юрий Столповский поделился с ним замыслом организовать туровые отёлы к первой траве. Немков поддержал с нескрываемым удовольствием:

— Отличная идея!

Если в стаде нужно провести отборы крови или рассортировку животных (а скот тут породистый — «головеи»), Сергей и его товарищ с этим делом справятся, как никто другой. Случись что неожиданное — сами примут меры, не дожидаясь указаний за тридцать километров из центральной усадьбы.

— Я им доверяю, как никому, — сказал Столповский.

Такими комплиментами Немков не обольщается, он добавляет:

— Пора подымать престиж работы пастуха, скотника, гуртовщика в стране.

Вот оно, главное дополнение к технике и сноровке. Тем удивительнее, что заботится об этом бывший горожанин, в прошлом — новосибирец. (Шесть лет был электриком в штате связистов). И при первом знакомстве сам факт его переселения в разбегающуюся таёжную деревушку, конечно, вызывает вопросы.

— В городе мне всё время казалось, что я занят не своим делом. Это угнетало. А переехал сюда, пожил пару лет и понял: такая жизнь и работа — по мне.

В гости стали приезжать друзья. А они — не только из Новосибирска: Сергей шесть лет разъезжал в почтовом вагоне по всей стране. Многим здесь понравилось. Тоже, как и Сергей, захотели переехать сюда, сбежать от городской суеты. Нехватка в этих местах рабочих рук и наличие старых заброшенных изб, казалось, благоприятствовали переселению, но возникли непредвиденные обстоятельства.

Один из товарищей, Валентин Бусько, принёс заявление о приёме на работу в отдел кадров Чергиского экспериментального хозяйства. Сотрудница перелистала паспорт:

— Странно, но на второй фотокарточке вы выглядите моложе, чем на первой, хотя должно быть наоборот.

Что это? Подозрение в подделке документа? Но почему тогда его не отправили на экспертизу? А вместо этого предложили поступающему, не то в шутку, не то всерьёз, предоставить справку из психдиспансера о состоянии здоровья. А может, посчитали психической ненормальностью переезд молодого человека из большого города в такую Кукую?

Чтобы оформиться на работу, Валентину пришлось трижды преодолевать тридцать километров пешком по горной дороге из Верх-Кукуи на центральную усадьбу.

Андрей Чикунов вызвал недоверие длинными волосами. Ему прямо сказали:

— Нам волосатики не нужны.

Вот досада: друзья Сергея имеют слабость носить длинные волосы. Не такие, конечно, как у Валерия Леонтьева, которого здесь по телевизору регулярно смотрят и уже не возмущаются — смирились, видно, потому, что от них сие «не зависит». Андрей, однако, готовый к такому приёму, решительно потребовал не ущемлять его прав, а когда кадровики заговорили насчёт трудностей прописки, предъявил паспорт со штампом Улус-Чергинского сельисполкома. Надо отдать должное — в этом сельсовете к друзьям Немкова относятся с пониманием.

Единственный человек, которому не чинили препятствий в устройстве на работу, Алла Сабат: до этого работала в милиции.

Итог: за последние два года восемь товарищей Сергея всё-таки перебрались в Верх-Кукую (желающих было больше), но из девяти вчерашних горожан только двое трудятся в животноводстве, где в первую очередь не хватает ответственных, грамотных, вникающих в суть дела работников. И знаете почему? Не всех, как говорится, берут. Сергей по этому поводу пошутил:

— Старший скотник здесь чувствует себя генералом.

Игнорируют бывших горожан не только кадровики. Шофёр местного автобуса проезжает мимо них, будто не замечая их на стоянке. А ведь тридцать километров горной дороги до центральной усадьбы измотают кого угодно.

Обострили отношения не только причёски, хотя кое-кто из новосёлов во избежание недоразумений коротко постригся. Дело даже не в том, что романтики построили рядом с избами две конической формы палатки, нечто вроде вигвамов, чтобы собраться вечером — поговорить, попеть. Всё было бы слишком просто, если бы вся неприязнь к новосёлам исходила только от кадровиков, шофёра автобуса или табунщика, многие против них. А почему, собственно?

Из заявления гражданки С. в милицию: «18 июля в 22 часа к моему дому подъехал пьяный Г. Балабуев и стал сманивать моего мужа пить водку с какими-то женщинами... Я сказала мужу, чтобы он никуда не ехал, а Балабуеву — чтобы тот отправлялся домой. Тогда Балабуев ударил меня по голове так, что я выронила своего полуторалетнего ребёнка. Я

подняла ребенка, а Балабуев ударил меня ещё раз, выхватил у меня ребёнка и отбросил его в сторону. На мою просьбу о помощи откликнулись соседи: Сергей Немков и два его товарища. Они прогнали пьяных хулиганов. Прошу возбудить уголовное дело против пьяных хулиганов».

Тут-то и пришло время уточнить, что Сергей и его товарищи — убеждённые противники пьянства. В то время как многие жители села и всей округи — рьяные его приверженцы.

Говорят, будто Г. Балабуев просил прощения у гражданки С. и она забрала из милиции своё заявление. Балабуев же вновь перешёл в наступление, его жена рассказывает всюду:

— Волосатики избили моего Геночку.

Новосёлы сообщали в милицию о случаях пьянства в Верх-Кукуе. Никакой реакции. Проигнорировать же такой случай, связанный с наглым и вызывающим пьянством, милиция уже как будто не могла. Сергей Немков с неделю ходил с синяком под глазом — последствием схватки с пьяными дебоширами. Тем не менее участковый даже не поинтересовался подробностями и этой истории.

Синяк между тем оказался не единственным и не самым серьёзным её последствием. Сразу же после столкновения с пьяными у Сергея и пришедшего на помощь его товарища пропали закреплённые за ними верховые лошади. А попробуй-ка попаси стадо в таёжной местности пешком! Да и материальная ответственность за пропавших коней немалая. Она пока остаётся за новосёлами.

Заявление в милицию было подано и об этом. И милиция прибыла… для заготовки сена в качестве шефской помощи хозяйству. А для этого забрала последних рабочих лошадей, и новосёлам пришлось простаивать, запаздывать с заготовкой сена, за что директор им сделал замечание.

Желая выяснить, кто же всё-таки создаёт настрой против Сергея Немкова и его товарищей в Верх-Кукуе, я встретился в хозяйстве со старшим инженером по кадрам Л. Коротенко.

— У вас есть какие-то претензии к Немкову и его товарищам?

Собеседница как-то смешалась и ответила, что никаких претензий к ним нет. Вот как, оказывается, легко менять убеждения — ведь совсем недавно она чинила им препятствия при приёме на работу.

Побывал в районном отделе милиции, и там меня заверили, что за новосёлами в Кукуе ничего плохого не замечено. В Горно-Алтайском обкоме партии спросил: а может быть, в области опасаются какого-то вредного идеологического влияния Немкова и его друзей? Выяснилось, что с этой стороны всё в полном порядке.

Нашёлся, правда, человек, косвенно признавший свои подозрения к новосёлам, — первый секретарь Шебалинского райкома партии П. Голов. Ранее именно он настоятельно советовал работникам экспериментального хозяйства «хорошо изучать, кого вы принимаете на работу». Беда вот только: в большинстве тамошних деревень не только изучать — и принимать-то некого, нет желающих.

Может быть, следуя авторитетному совету, не выполнили своего обещания новосёлам две сотрудницы райкома партии, побывавшие как-то в Верх-Кукуе.

К сожалению, товарищи Сергея не спросили их имени-отчества, но запомнили обещание: помочь в организации подрядного коллектива из числа новосёлов.

За два с половиной года работы здесь Немкова и его друзей в отношениях к ним должен был бы разобраться исполком райсовета. Но этого не случилось.

— Мы продумаем сейчас отношение к ним, — сказал мне П. Голов. — Пусть вместо опыта ковбоев и индейцев изучают опыт аборигенов Алтая.

Почему вместо, а не вместе?

Из райцентра я поспешил сообщить ребятам, что всё у них будет хорошо, противников у них, кажется, по крайней мере среди руководящих работников, больше нет. Но моё оптимистическое сообщение было встречено новосёлами иронически. Оказалось, накануне там состоялось производственное собрание.

— Никого я больше не приму на работу, — сказал им директор хозяйства Ю. Земеров. — Нет здесь работы...

А мы накануне толковали с научным сотрудником, который исследовал тамошние пастбища, как раз о том, что в тех местах имеются далеко не исчерпанные резервы содержания скота на отгоне.

Картина была бы неполной, если не сказать несколько слов о деревне, которую облюбовали молодые люди, и о её населении. На склоне поросшего кедром и лиственницей хребта долина реки Кукуя расширяется, образуя закрытую от ветров, обращённую к солнцу чашу,

зеленеющую обширными лугами. Когда-то здесь был колхоз, потом — ферма совхоза. Но жить «наверху», как известно, труднее — и летом, нет-нет да и спустится с гор заморозок. И большая часть людей постепенно переехала вниз, на центральную усадьбу. Осталось лишь несколько семей, прижились по преимуществу те, в чьих интересах реже показываться людям на глаза. Скотник выпил — он здесь не прячется, как «внизу», наоборот, куражится у всех на виду. Процветает в округе и браконьерство.

Сергей и его товарищи обращались к руководству хозяйства с предложениями общими усилиями вернуть деревне хотя бы часть того, что она потеряла за последние годы. Отремонтировать и открыть ныне закрытую начальную школу. Среди товарищей Немкова есть такие, кто имеет и желание, и нужное образование, чтобы там поработать. Ответ последовал отрицательный. На просьбу отремонтировать клуб с участием новосёлов тоже не спешат откликнуться. А он на грани развала. Сергей предлагал организовать здесь соревнования молодёжи окрестных деревень по скачкам на конях — руководители хозяйства не проявили интереса.

В чём же секреты такого неприятия новосёлов и их программы? В них видят инакомыслящих и инакоживущих. Но корень неприятия, думается, глубже. Боятся, как бы не намучиться потом с этими «грамотеями», они и порядок знают, и законы, и права. *Ими так просто не покомандуешь.*

Вот и выходит, что давнее, привычное понятие, каким должен быть селянин и животновод, вступило в противоречие с тем, что предлагает жизнь. А закоренелые беспрекословно-приказные методы управления хозяйством столкнулись с законным стремлением прибывшей молодёжи участвовать в управлении общим делом.

И всё же, когда я уезжал из Верх-Кукуи, чувства безысходности не было. Я уже хорошо знал Немкова и его друзей, знал и верил в них, людей глубоких, интеллигентных, видел — всё больше тех, кто их понимает.

...Таким людям спасибо надо бы сказать, радоваться бы их желанию жить и работать в деревне. Говорить, что Сергей и его друзья — люди будущего, вероятно, было бы высокопарно. Но нет сомнения, что сражаются они в Кукуе с призраками прошлого.

Виктор Варванец
Романтики Голубой Скалы[1]

Небольшая деревушка Верх-Кукуя в горах Алтая поражает запустением, провинциальной тоской, смотрит на мир пустыми глазницами заколоченных окон. Жизнь, кажется, едва теплится в этом селении, попавшем когда-то в число неперспективных.

Но вот, к удивлению немногих местных жителей, здесь появились странные молодые люди. У ручья поставили нечто вроде индейского вигвама. Когда сельчане заприметили этих новосёлов в одеяниях коренных жителей североамериканского континента, сразу распространились слухи: индейцы! Мы встретились с ними три с лишним года спустя, когда слухи уже поулеглись,

[1] Статья из газеты «Советская Россия», 1988

Романтики «Голубой скалы»

Небольшая деревушка Верх-Кукуя в горах Алтая поражает запустением, провинциальной тоской, смотрит на мир пустыми глазницами заколоченных окон. Жизнь, кажется, едва теплится в этом селении, попавшем когда-то в число неперспективных.

Но вот, к удивлению немногих местных жителей, здесь появились странные молодые люди. У ручья поставили нечто вроде индейского вигвама. Когда сельчане заприметили этих новоселов в одеяних коренных жителей североамериканского континента, сразу распространились слухи: индейцы!

Мы встретились с ними три с лишним года спустя, когда слухи уже поулеглись, а недоверчивость исчезла. Вдоль ручья стоят аккуратно рубленные домики. На одном надпись на русском и английском «Голубая скала»—«Блю рок» (перевод местного названия деревни с алтайского).

Один из основателей поселения — Владимир Кошелев — родом из Новосибирска. Учился в техникуме, работал на заводе, был художником-оформителем. Его новая профессия — животновод. Из газет он и его единомышленники узнали: в Горном Алтае создается уникальное экспериментальное хозяйство Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. В окрестном селе Черга Шебалинского района собираются редкие и исчезающие виды животных из разных стран. Заповедный генофонд создается для выведения новых высокопродуктивных пород домашнего скота. Решили ехать. Однако в Черге их ожидало разочарование: работы нет. Предложили поехать в Верх-Кукую работать скотниками.

В полузаброшенной деревне молодые руки особенно нужны. Однако обещание помочь с обустройством жилья не выполнялось.

Возможно, угас бы энтузиазм, поразъехались бы ребята, если бы не неожиданная поддержка влиятельной газеты. Отношение к новичкам стало меняться. Бригадой они ухаживают теперь за большим стадом коров.

...К «Голубой скале» подъехали двое всадников в брезентовых плащах, сапогах — с пастбища вернулись Сергей Лузин и Валентин Бусько. Вместе с ними заходим в избушку. Здесь комната отдыха с обилием всевозможных вещей: телевизор, магнитофон, стопки кассет с записями и книги. Обитатели «Голубой скалы» увлекаются кино- и фотолюбительством. Сами сочиняют музыку и играют, учат английский, много читают. Занимаются рукоделием, изготавливают индейскую одежду, различные предметы быта, расшитые бисером. Выступают с концертами в окрестных селах.

Но почему все-таки индейцы? Это что — романтика, перешедшая из детства, навеянная книгами Купера, или некий свой философский взгляд на мир?

— Нам импонирует глубокое понимание индейцами природы,— поясняет Валентин Бусько,— любовь к ней. Они сохранили в девственности многие общечеловеческие нравственные ценности.

Искусно изготовленную индейскую одежду ребята собирают в подарок музею города Абакана Хакасской автономной области. Леонард Пелтиер, узнав о движении индеанистов в нашей стране, прислал в Абакан в подарок свою куртку — первый экспонат для нового музея.

Вечерело. На кухне женская половина обитателей «Голубой скалы» готовила общий ужин, аппетитно пахли грибы. «Племя» живет небольшой коммуной, и в этом видится рационализм. Хотя бы приготовление пищи для всех. В складчину покупаются ценные вещи — недавно истрачено 1800 рублей на ударные инструменты.

Мы деликатно уточнили: здесь действует закон абсолютной трезвости — ни капли спиртного ни при каких обстоятельствах. Приходили было некоторые из местных жителей знакомиться с бутылкой. Потом удивлялись: «Хорошие парни, а не пьют».

«Племя индейцев» растет. У Володи Кошелева и его жены Веры — сельского киномеханика — появился второй ребенок, дочурка Света. У Лузиных родился сын Рустам.

Не такие, как все, эти молодые ребята? Что ж, увлечения увлечениями, а работники они прекрасные. Готовятся создать и свой кооператив: «Работу скотниками не бросим. А в кооперативе будем изготавливать уздечки, сбрую, чего не купишь в магазинах».

«Голубая скала» поддерживает связи с Горно-Алтайским обкомом комсомола, Новосибирским центром молодежной инициативы.

В. ВАРВАНЕЦ.
(Наш внешт. корр.).

НА СНИМКАХ: Валентин Бусько и Светлана Захарова; Владимир Кошелев.

Фото П. Роготнева

а недоверчивость исчезла. Вдоль ручья стоят аккуратно рубленные домики. На одном надпись на русском и английском «Голубая Скала» — «Блю Рок» (перевод местного названия деревни с алтайского).

Один из основателей поселения — Владимир Кошелев — родом из Новосибирска. Учился в техникуме, работал на заводе, был художником-оформителем. Его новая профессия — животновод. Из газет он и его единомышленники узнали: в Горном Алтае создаётся уникальное экспериментальное хозяйство Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. В окрестном селе Черга Шебалинского района собираются редкие и исчезающие виды животных из разных стран. Заповедный генофонд создаётся для выведения новых высокопродуктивных пород домашнего скота. Решили ехать. Однако в Черге их ожидало разочарование: работы нет. Предложили поехать в Верх-Кукую работать скотниками.

В полузаброшенной деревне молодые руки особенно нужны. Однако обещание помочь с обустройством жилья не выполнялось.

Возможно, угас бы энтузиазм, поразъехались бы ребята, если бы не неожиданная поддержка влиятельной газеты «Известия». Отношение к новичкам стало меняться. Бригадой они ухаживают теперь за большим стадом коров.

...К Голубой Скале подъехали двое всадников в брезентовых плащах, сапогах — с пастбища вернулись Сергей Лузин и Валентин Бусько. Вместе с ними заходим в избушку. Здесь комната отдыха с обилием всевозможных вещей: телевизор, магнитофон, стопки кассет с записями и книги. Обитатели Голубой Скалы увлекаются кино- и фотолюбительством. Сами сочиняют музыку и играют, учат английский, много читают. Занимаются рукоделием, изготавливают индейскую одежду, различные предметы быта, расшитые бисером. Выступают с концертами в окрестных сёлах.

Но почему всё-таки индейцы? Это что — романтика, перешедшая из детства, навеянная книгами Купера, или некий свой философский взгляд на мир?

— Нам импонирует глубокое понимание индейцами природы, — поясняет Валентин Бусько, — любовь к ней. Они сохранили в девственности многие общечеловеческие нравственные ценности.

Искусно изготовленную индейскую одежду ребята собирают в подарок музею города Абакана Хакасской автономной области. Леонард Пелтиер, узнав о движении индеанистов в нашей стране, прислал в Абакан в подарок свою куртку — первый экспонат для нового музея.

Вечерело. На кухне женская половина обитателей Голубой Скалы готовила общий ужин, аппетитно пахли грибы. «Племя» живёт небольшой коммуной, и в этом видится рационализм. Хотя бы приготовление пищи для всех. В складчину покупаются ценные вещи — недавно истрачено 1800 рублей на ударные инструменты.

Мы деликатно уточнили: здесь действует закон абсолютной трезвости — ни капли спиртного ни при каких обстоятельствах. Приходили было некоторые из местных жителей с бутылкой — знакомиться. Потом удивлялись: «Хорошие парни, а не пьют».

«Племя индейцев» растёт. У Володи Кошелева и его жены Веры — сельского киномеханика — появился второй ребёнок, дочурка Света. У Лузиных родился сын Рустам.

Не такие, как все, эти молодые ребята? Что ж, увлечения увлечениями, а работники они прекрасные. Готовятся создать и свой кооператив: «Работу скотниками не бросим. А в кооперативе будем изготавливать уздечки, сбрую, чего не купишь в магазинах».

Голубая Скала поддерживает связи с Горно-Алтайским обкомом комсомола, Новосибирским центром молодёжной инициативы.

Мария Бородина

Уедем? Ждут[1]

Рядом со своими избами они поставили вигвам. По этому вигваму, а вернее типи (жилище северных индейцев), мы и смогли найти поселение, затерявшееся в горноалтайской глуши. Уже в сумерках увидели на краю большого пустынного села, между двух изб, островерхий брезентовый конус с перекрещенными рогатинами на макушке.

Пройдя через журчащий по каменистому дну ручей Кёк-Кай (в переводе — Голубая Скала), мы вошли под навес ближайшей избы. Там стоял длинный «артельный» стол с лавками, на нём несколько трёхлитровых банок с густым, кремоватого оттенка молоком. Под крышей навеса сушились пучки целебных трав.

За столом собираются ужинать. После работы в урочище Жандар, где пасется совхозное стадо, возвращается мужская половина общины: Володя Кошелев, бывший новосибирец, Сергей Лузин, бывший харьковчанин. Андрей Чукунов, как и Володя, из Новосибирска, а Валентин Бусько приехал из Запорожья. Кухарит Валя Романенко. В прошлой, городской, жизни она была кулинаром. В селе стала работать почтальоном, а в своей общине ведает кухней.

С приездом ещё одной женщины, Аллы Сабат, это распределение домашних обязанностей несколько нарушилось. Алла кормит своего сына и мужа у себя дома, который стоит чуть выше, на пригорке. Это, конечно, усложнило и без того нелёгкий быт общины, но пусть каждый живёт, как хочет, считают кёккайцы.

— Но что же всё-таки заставило вас бросить городские удобства и переехать в эту глушь? — спросила я Володю Кошелева.

— Мы не переехали в деревню, мы сюда вернулись, — поправил меня Володя. — Россия издревле была крестьянской страной, и у всех нас есть крестьянские корни.

Два года жизнь этих ребят в Верх-Кукуе подвергалась жестоким испытаниям. Работа, а следовательно, и заработок перепадали случайно. Жить было голодно, а зимой и очень холодно — дровами по неопытности не запаслись. Помог, как часто бывает, случай. Однажды в очень морозный день к кёккайцам прибыли представители поссовета.

— Наверное, решили посмотреть, живы ли мы ещё, — вспоминает этот эпизод их первой зимы в Горном Алтае Сергей Лузин. — И вдруг видят — мы

[1] Статья из журнала «Крестьянка», 1990

у проруби закаляемся. После этого леденящего душу зрелища всё-таки пособили нам с дровами. Странно всё-таки, что при здешней малочисленности сельских жителей к нам, бывшим горожанам, отношение, мягко говоря, настороженное. То ли кажется местным властям подозрительным, чего это мы вдруг бросили прежнюю жизнь и приехали в их алтайскую глушь, то ли боятся, что с нами сложно будет ладить: всё-таки молодые, как-никак образованные, к таким тут не привыкли. То с ремонтом клуба их беспокоили, там Алла Сабат работает киномехаником. Потом насчёт школы «дёргали». У нас ведь тут дети, не в интернат же их отдавать. Много лет назад школа в Верх-Кукуе была, потом село признали неперспективным, школу закрыли, а теперь детей наберётся с нашими как раз для начальной школы. Боюсь, что если не откроют её, Валя Романенко точно уедет. Да и другим трудно будет остаться, если ребятишек негде учить. А ведь мы бы могли и учителей из города привлечь, принять в свою общину. Нередко возникает такое ощущение, что здесь только и ждут, когда мы не выдержим и уедем, оставив всех в покое.

По вечерам в общей избе, где в одном углу электромузыкальные инструменты с акустической установкой (первое приобретение на деньги из общего денежного фонда), у другой стены на полу конная сбруя, на полках книги по философии, этнографии, индейской культуре, на высоком топчане лоскутные одеяла, собираются наши селяне, чтобы побеседовать, порукодельничать, прочитав вслух пришедшие в этот день письма.

Жизнь новых кёккайцев интересует многих, кто хотел бы изменить свой образ жизни, начать крестьянствовать. Пишут в ответ кёккайцы честно, не приукрашивая: трудно горожанам прижиться на селе, а уж если для местных властей вдруг окажешься нежеланным поселенцем, то совсем худо, и пусть не обольщает романтика работы на природе, с землей и животными: все требует сноровки, умения, непрестанных забот и хлопот...

Но они сами пока держатся. Работают. И ещё — играют. Потому что увлече-

ние жизнью, или попытка уйти от стандарта, создать свой собственный мир, в котором у них будет возможность жить с близкими по духу людьми без лжи и притворства, в единении и любви к природе.

«Сам факт существования нашего Движения говорит о том, что есть в мире сила, которая стремится к самосовершенству и совершенству жизни. Эта сила таится и в тебе, и во мне, и всё же поодиночке мы беспомощны. Чтобы не раствориться в болоте потребительства и равнодушия, мы должны быть вместе», — записано в рукописной книжке общины Голубая Скала.

Слишком романтичные и наивными могут показаться эти размышления, но дело у «алтайских индейцев» пошло дальше слова: они всё-таки осуществили свою мечту, вернулись к земле, к жизни своих дедов и прадедов. А это, согласитесь, немало.

Сергей Кузьмин

Индейцы из Верхней Кукуи[1]

...Бизоны медленно спускались к реке. Всадник, наблюдавший за ними с пригорка, привстал в стременах и легонько потрепал коня по холке:

— Но, милая!

Понимающий Мустанга — а это был он — снова пересчитал стадо и убедился: бизона Машки не было. Куда она вечно умудряется пропасть?..

Вообще-то Машка — самая обычная рыжая корова, и притом очень вредная. Но если ты вместо простого имени Андрей называешься Понимающий Мустанга, носишь длинные косы и амулет, вполне естественно, что не вульгарные бурёнки должны пастись на твоём лугу, а благородные бизоны.

Движение индеаннстов известно в стране уже лет пять, многие слышали об их слётах, которые проводятся каждый год, но ведь это всего лишь двух-трёхдневный пикник в лесу, обставленный индейскими аксессуарами — вигвамами, типи, тотемами, головными уборами из перьев и пр. А вот бросить всё, отказаться от привычной жизни, уехать из больших городов в алтайскую деревню, как это сделали Андрей, Нонна и десять их товарищей, — согласитесь, это уже серьёзнее.

Мы сидим в брезентовом типи (прошу не путать с вигвамом, сделанным из коры), поглощаем удивительно вкусные лепёшки, которые испекла Летний День («в миру» — Алла).

Между прочим, такие звучные индейские имена пока есть не у всех — после испытательного срока нужно пройти специальный обряд. Нет-нет, никаких там прижиганий ладони или окропления кровью — только пост. Андрей ничего не ел пять дней, настраивался соответствующим образом, пока не увидел во сне великолепного мустанга, который с той поры и стал его покровителем. Кому приснился бык, кому белоголовый орёл, так что фауна прерий присутствует теперь и на Алтае.

Как происходит сам ритуал «окрещения», могу только догадываться — у ребят есть и свои тайны, например, совет общины, который управляет всей жизнью, и посторонние на него

[1] Статья из газеты «Комсомольская правда», 1989

не допускаются. Жаль, хотелось бы посмотреть, как бронзоволицый невозмутимый хранитель трубки с чеканным профилем великолепного Гойко Митича торжественно вносит главную святыню общины. И в полной тишине её передают по кругу, попыхивая клубами дымка...

Конечно, во всём этом немало и чудачества, и игры, но игры славной, доброй, которая украшает жизнь, а не поглощает её полностью. Их будни мало чем отличаются от обычного крестьянского уклада. Как-то в Новосибирске на митинге в защиту Леонарда Пелтиера пожилой мужчина был рассержен невиданным раньше в «натуре» обликом индеанистов:

— Вот в деревню бы вас, чтоб попахали!

— Так мы и есть из деревни!

Хотя все бывшие горожане: художник, слесарь 6-го разряда, электрик-монтажник. Вера даже бывала в загранплаваниях, Алла работала в колонии: «Я устала от той жизни, от города».

Нынче все они крестьяне — пасут коров в хозяйстве, рубят дома, а поначалу и в разнорабочих ходили. Детишек своих учат — в общине есть две семьи, но всё равно воспитывать должны все. Всё общее — деньги, имущество, избы.

— Ребята, с бизонами на Алтае напряжёнка. На кого же охотитесь так, чтобы, как полагается, на коня вскочил, «винчестер» в руку и с гортанным улюлюканьем вперёд?!

— Да нет, мы люди мирные, — смеются. — «Винчестеров» не держим, вокруг заказник, охота запрещена, да и рыбой здешняя речушка подкачала. Кому такая спокойная жизнь кажется скучной, быстро уезжают. Приезжают другие, мы ведь никому ничего не навязываем. «Старожилов», с 1984 года, всего трое.

В общине нет вождя, абсолютное равенство всех, но признанный «идеолог» — Орлиное Перо, который и приехал первым сюда, в Верхнюю Кукую, пять лет назад. Его почерком заполнена и внушительная тетрадь «Законы общины Голубая Скала». Удивительный документ, своеобразная конституция этого необычного общества свободных людей. Поскольку общинники опасаются, что их взгляды искажаются в передаче (и тому есть поводы), лучше процитировать несколько мест.

«Мы, индеанисты из разных городов, съехались на Алтай, чтобы жить в гармонии с нашей Матерью-природой, в гармонии между собой, чтобы соединить свои силы, свою волю и свои мечты в единую тропу жизни, которая выведет нас из темноты неравенства и мрака несправедливости. Несоответствие существующего материального мира с нашими идеалами привело нас к тому, чтобы создать свой собственный мир, свободный от частнособственнических интересов. Этот мир должен стать той благодатной средой для гармонического развития личности, но не для подавления её...».

— Не надо думать, что всё это игра. Это наш образ жизни, — говорит Птица. Пять лет они торят свою дорогу. Куда? «В каменный век» — приходилось слышать и такое. А сами индеанисты утверждают, что стремятся к соединению истоков человеческих с тем лучшим, что есть в цивилизации. Они отвергают гарь больших городов, но любят на сон грядущий поспорить о Битове и Маркесе, отказываются от наших рыночных отно-

шений, купли-продажи человеческого тепла, но имеют отличную музыкальную аппаратуру, купленную на заработанные общиной деньги. На ней играют перед деревенскими жителями, записывают собственные магнитофонные альбомы с протяжными и печальными песнями на языке индейцев Дакота.

— Мы строим коммунизм, — продолжает Птица. — Только настоящий, о котором мечтали Оуэн, Маркс и Ленин. А для этого надо вернуться к природе. И образ жизни индейцев с их космической философией подходит идеально. Конечно, мы совсем не копируем, это было бы смешно — в конце концов, мы же не в прериях родились, зачем пытаться весьма плохо подражать? Нет, *мы отбираем и перенимаем из индейской культуры только то, что нам подходит.*

«Главный закон для каждого общинника — его совесть, его идеалы и общая цель. Если эти понятия в среде общины будут несовместимы, то никакие законы не смогут сохранить общину, ибо это добровольный союз единых по духу людей!». Вот что самое важное для них, а вовсе не индейская экзотика!

Грубость, оскорбления кажутся здесь просто немыслимыми — и это особо подчеркнуто в «Законах». Я бы назвал отношения между общинниками любовными, но поскольку тут появляется какая-то двусмысленность, остановимся на слове — братские.

А экзотики действительно меньше, чем ожидаешь. Внешний вид, правда, может шокировать, но отличаются экстравагантностью почему-то мужчины. И Летний День и Птица вполне довольствуются браслетиками, вышитыми бисером, парой украшений и амулетов, особой причёской. Но вот парни получают огромное удовольствие от длинных кос, кожаных шнурочков и ремешочков, заклёпок, шикарных сапог и шляп с фантастическими тульями. А выбритая голова с гребнем волос посередине так роднит Хлыбова с панком, что понимаешь, отчего местные старушки шарахаются в сторону. А он и не панк вовсе, а Ирокез и досконально знает обычаи своих заокеанских «родичей». И хотя экзотика действительно не самое важное в их странной жизни, общинники изучают и культуру, и ритуалы индейцев ревностно. Специальные издания, переписка с единомышленниками и роскошная библиотека. Какая идиллия, не правда ли? А теперь о суровой прозе жизни. Община — это весьма и весьма скромный быт, тяжёлая физическая работа и, что похуже всего прочего, непрекращающиеся конфликты с окружающим миром.

— Мы тут нежеланные гости, — объяснил Андрей Чикунов. — Долгое время нам не давали работы, отказывали в покупке дома. А ведь деревня запущена до безобразия, и мы с местным населением потребовали от районного начальства открыть клуб, магазин. Добились. Сейчас очередь за школой. Конечно, этим и раздражаем многих.

В общине категорически запрещены алкоголь и любые наркотики. Для деревенских парней это не только вызов, но и просто подозрительно! А когда общинники начали кампанию против пьянства в Верхней Кукуе — тут уж руки у многих зачесались. И стоило индеанистам вступиться за женщину, поколоченную надравшимся супругом, стычка была неминуема. Защитить-то бедняжку они защитили, но, помимо синяков, получили клеймо дебоширов. А ведь мили-

ционер и без того приезжал в общину раз в неделю — для выявления подозрительных лиц. Проверка паспортов стала обыденной процедурой, хотя уже и изучены были они, и «просвечены».

Ну, нет за ними криминала, что ты будешь делать! А искали добросовестно, с огромным желанием найти. Скандалов в общине не водится, работают дай бог каждому, не воруют...

Впрочем, на стражей порядка ребята не обижаются. Горный Алтай — место особое. Он не только единственный экологически чистый район Союза, как утверждают, но и место паломничества представителей всевозможных религий и убеждений. Кришнаиты, буддисты, духоборы, последователи Рериха, «зеленые», да и просто туристы идут на поклон к горе Белухе. Прослышав про общину у Голубой Скалы, многие заворачивают «на огонёк». Индеаниеты в приёме не отказывают, но порой незваные гости доставляют им немало хлопот. Ещё один пунктик «обвинения» — самый хитрый — с теоретической «подкладкой»: «А что это они здесь проповедуют? Сектанты! И к чему нам эта чуждая культура, свою бы, алтайскую, поднимать и развивать!» Ничего они не проповедуют, всего лишь хотят жить, как им нравится, но свой стиль никому не навязывают.

Но разве это убедит, скажем, профгрупорга хозяйства? У него реакция одна:

— Вы настраиваете наше местное население против руководства. Вот примем постановление и выселим вас из деревни!

Это уж так издавна заведено — чужак всегда подозрителен. Он и живёт не так, как я, и богам другим молится, и одевается иначе. Страшнее преступления мы не ведаем. А если он свою мечту сам ищет, надо ли за рукав тянуть его за собой?

В наше время раздоров и гибельной вражды, когда сосед идёт на вчерашнего друга с топором из-за цвета кожи и разреза глаз, община у Голубой Скалы кажется мне притягательным островком добра и честности. «Община — это тот мир, в котором наши ценности перестанут противоречить с реальной повседневной жизнью, это тот мир, вне которого наше дальнейшее духовное развитие немыслимо».

Они собираются уезжать из Верхней Кукуи. Не потому, что не прижились — наладятся же когда-нибудь отношения.

— Окрепнем материально и уйдем ещё дальше в горы. Будем строить свою деревню — это мечта Понимающего Мустанга.

Конечно, это под силу не всякому. Да и не каждому нравится такая жизнь. И я сам, признаться, не выбрал бы этот путь. Ведь не оставляет мысль: всё это уже было. Были и коммуны, и общины, пусть под другими флагами и девизами. Но и знаменитые западные бунтари 1968 года со временем превратились в добропорядочных буржуа. Пока наши общинники молоды, полны энтузиазма, а что станет с ними лет через десять?

Хотя всё же приятно, что есть в горах эта деревенька, что живут люди, помнящие завет человека, родившегося на этой же земле. Василий Макарович Шукшин просил нас: «Люди, будьте добрее друг к другу...»

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

В 1983 году Орлиное Перо сказал, что он уезжает на Алтай, Рысёнок поехал с ним, бросил институт. Я активно переписывалась с ними, мы дружили, но присоединиться к ним не могла, потому что училась ещё в школе. С Пером поехала Вера Павлова, и там, в Голубой Скале, у них родились дети. Поехал Гордый Орёл (он жил на Урале), Мато Нажин поехал, и к ним присоединился ещё один парень из Новосибирска.

Там кипела жизнь. Помимо работы, музыка была главным занятием в Голубой Скале. У них был целый дом, отведённый под студию: электрогитары, барабанная установка — всё серьёзно.

Меня не было в тот момент, когда произошла ссора между Мато Нажином и Орлиным Пером, я приехала с Рысёнком позже, в 1989 году, но мне рассказывал Рысёнок. Мато и Перо были два лидера, и поругались они буквально через год после создания общины. Давние друзья, но поругались. Перо был больше коммунистического толка, он хотел, чтобы всё было общее, а Мато Нажин настаивал на том, чтобы у него было личное пространство. Он был возмущён тем, что кто-то вскрыл его личную посылку в его отсутствие. Община, согласно тому, как её выстраивал Перо, не предполагала ничего личного, только общее. Всё — общее. Но посылка-то предназначалась для Мато... Орлиное Перо был лидером духовным, это бесспорно. Духовный лидер был Перо, а не Мато Нажин. Но Перо не обладал опытом коммунальной жизни, в результате чего возникали большие сложности... Например, девчонки тайком пихали мне деньги, чтобы я купила в Горно-Алтайске пелёнки для их детей. Деньги-то общие. На любую покупку приходилось выпрашивать деньги, доказывать, что им необходимо купить, например, лифчик. Или другой пример: Алла, жена Гордого Орла, хотела повидать своего сына, который остался на Украине, когда она присоединилась к коммуне, и я помню, как все сидели и общим голосованием решали, поедет ли Алла к своему сыну, потому что личных денег у неё на поездку не было... Когда я туда попала, атмосфера царила очень тяжёлая.

А поначалу всё было по-другому. Они купались в проруби, играли музыку. Были, конечно, проблемы с местными, которые не понимали ребят. Но отношения надо налаживать в любом случае, иначе жизнь не сложилась бы. А там всё делалось не так, как мы привыкли... Там совершенно иные отношения у местных, иные правила... Например, я попала в гости к людям, у которых мы регулярно покупали молоко. Я на седьмом месяце беременности, они предлагают мне водку, я отказываюсь, объясняю, что мне нельзя, они не понимают, просто не хотят понимать, они живут в другой системе ценностей. В результате они сочли, что я оскорбила их и на следующий день, когда я пришла за молоком, отказались продать мне молоко. Сказали, что у коровы нет молока.

У меня не было никакого романтизма, когда я отправилась на Алтай в 1989 году... Просто в Питере у меня складывалась ситуация, когда все мои прежние тусовки с музыкантами исчерпали себя. Рысёнок находился в Питере, когда я поняла, что у нас будет ребёнок. Он постоянно получал письма с Алтая,

но не мог вернуться туда из-за моего состояния. И у них там, видимо, сложилось впечатление, что Рысёнок бросил их. И в этот же момент он получил письмо от какого-то продвинутого директора совхоза, который написал, что есть работа. «Перестройка» в стране шла полным ходом, развивались всякие кооперативы, создавались предприятия, этот директор несколько раз приезжал в Питер, рассказывал, что можно разводить оленей, маралов. В Питере мне всё казалось мрачным, бесперспективным, средств к существованию почти не было. Вот в этот момент Рысёнок и получил письмо с предложением работы. Речь шла не о Верх-Кукуе, где была Голубая Скала, а в другом направлении от Горно-Алтайска. Просто предложил работу, и мы туда поехали. Я устроилась секретарём к этому директору, ездила в райцентр. Нам выделили дом, но в очень плохом состоянии, его надо было фактически с нуля восстанавливать. Там мы и жили. Моя мама туда приехала. Затем из Голубой Скалы к нам перебрались Глешка и Дядя Бык. К тому времени в Голубой Скале начался разлад, а у нас никакой коммуны не было, каждый зарабатывал, имел свои деньги и свои личные вещи. Мы прожили так до лета, а летом вернулись в Питер...

Валентин Бусько

(стенограмма разговора, июнь 2019)

Великий Рысёнок: В девяностые годы в Кукуе были разброд и шатания. Колхоз развалился, но местные очень неплохо преуспели. Даже те, которые казались в советское время совершенно безнадёжными, обзавелись автомобилями, потому что всё воровалось и продавалось налево и направо — скот и лес.

Андрей Ветер: Когда вы приезжали туда, спустя годы, местные узнавали вас?

Великий Рысёнок: Узнавали.

Андрей Ветер: Несмотря на то, что во времена Голубой Скалы они вас не особенно жаловали?

Великий Рысёнок: Они по-разному относились к нам. По пьяному делу могли глупости какие-то гнать. Но в целом они считали нас своими. Там деревня-то была — десять человек. Половина из деревенских страдала алкоголизмом. Напившись, они могли бабахнуть в воздух из ружья. Насколько я помню, драка там при нас случилась всего одна; не знаю, кто был зачинщик, но дрались один на один, то есть в каком-то смысле дрались честно, никто не собирался толпой и не ждал, когда можно будет добивать упавшего тесаками. Скорее, это мы напряглись, когда произошла та драка, и подобрались поближе, чтобы вмешаться, если потребуется. Как-то раз Мато Нажин рубился с одним местным из-за того, что тот брякнул что-то грубое, а у Мато Нажина характер суровый, он и сказал, мол, давай выйдем. Мы в то время с Мато, мягко говоря, разошлись, не дружили, он жил сам по себе. Но мы увидели, что началась заварушка, и подползли туда на случай, если местные начнут вмешиваться. Но никто не вмешивался, никто не рыпался. Два мужика поколотили друг друга, затем обнялись, может, даже бухнули после драки, помирились, не помню. И после этого не было никаких драк.

Андрей Ветер: Почему же во всех советских газетах звучало, что местные

вас прижимали, пытались выжить оттуда? Или это речь о чиновниках?

Великий Рысёнок: Местные жители против нас ничего не имели. Где бы мы ни находились, нас всегда узнавали. Например, я не боялся пройти двадцать пять километров до Черги, никто нас не трогал. В Новосибирске запросто могли прицепиться к нашим длинным волосам, тогда это было «актуально». Перо говорил: «Моя любимая погода — дождь, потому что я могу надеть капюшон. Под капюшоном никто не видит моих длинных волос. А то иду с работы, и обязательно кто-нибудь крикнет: „Эй, баба, иди сюда“...» Нет, местные к нам относились с уважением, с ними никакой вражды не было.

Мато Сапа: Я приезжал в Кукую в 1986 году, а с женой я приехал в 1988 году. Мы высадились в Черге, а от Черги до Верх-Кукуи ещё двадцать пять километров. Дело было уже вечером, сумерки сгущались. Мы шли по Черге и уже стали подумывать о том, чтобы попроситься к кому-нибудь заночевать. Где-то на окраине увидели свет в домишке, подошли, покричали: «Хозяева! Хозяева!» Нас в грубой форме послали куда подальше. Ну, мы и пошли по дороге. У нас рюкзаки. Мы хоть и привыкшие к походам, но всё-таки впереди двадцать пять километров и ночь. Погода в конце августа там бывала очень холодная, в начале сентября порой и снег выпадал. Да и ощущение какой-то опасности присутствовало. Мы даже стали подумывать о том, чтобы заночевать под открытым небом. И тут нас нагнала какая-то машина. Здоровенный грузовик. А мы не понимаем, что нам делать — то ли прятаться, то ли голосовать. Мы помахали руками, попросили их остановиться. «Куда?» — «В Кукую» — «Можем до развилки подбросить». Мы согласились. На развилке вышли. Чуть дальше нас догнала фура с капустой, весь кузов — огромная гора капусты. В кабине три мужика. «Куда?» — «В Кукую» — «К индейцам, что ли?» — «Залезайте. Только у нас места нет, разве что в кузове с капустой». Залезли в кузов, улеглись на кочанах, доехали. Они выгрузили нас возле типух. То есть все местные знали наших индейцев. Называли их индейцами, не индеанистами... Насколько я помню, на тот момент Мато Нажин собирался куда-то уезжать. Не помню, был ли Перо в Голубой Скале в этой время, но с Мато Нажином он уже не дружил, что-то произошло меж ними... Мы с Галей приехали туда, и я реально думал о том, чтобы остаться там. Я собирался жениться на Гале, думал, что нужно начинать новую жизнь, с чистого листа, так почему не в Голубой Скале начинать эту новую жизнь? Прожили мы там недели две, и обстановка там была спокойная, никаких конфликтов с местными не случалось.

Великий Рысёнок: Деревня была почти расформирована. Мы попали туда, когда началась новая хозяйственная политика, и деревню пытались вернуть к жизни. И мы вписались под эту программу... Первоначально ведь Орлиное Перо хотел обосноваться в Черге, потому что увидел рекламные сюжеты о новом каком-то хозяйстве, красивые картинки, горы, а приехали мы туда и увидели огромное село — жуть. Перо заявился к директору, мол, хотим работать. Это был ещё Советский Союз, поэтому там обязаны были предоставить какую-то работу. Но сам Перо сидел и думал: лишь бы не оказалось никаких вакансий. И директор

предложил Кукую. Перо тут же сел в машину, доехал, увидел три дома и понял — то самое место. На том доме, который нам выделили, заканчивалось электричество, заканчивалась цивилизация. А дальше ничего не было до самого перевала.

Мато Сапа: А у меня, когда я приехал в Кукую первый раз, была мысль возродить там школу. Там ведь ничего не было.

Великий Рысёнок: Да, это всё началось в нашу бытность: возродили клуб, школу, медпункт. Пока школу мы не построили, детей увозили оттуда куда-то на неделю в интернат. Если исходить из официальных норм, то детей там хватало для того, чтобы была своя школа. Наши ребята тоже с детьми приехали. В итоге школу построили, но она не успела начать работать.

Мато Сапа: А когда мы приехали с Галей, чтобы обосноваться в Голубой Скале, мы, конечно, прочитали тамошний устав и обнаружили, что там коммуна имеет весьма жёсткие правила: ничего своего, всё общее — от денег до времени. Галя из станицы, хорошо знает, что такое деревенская жизнь; она посмотрела на всё и не согласилась. Конечно, мы там и на лошадях поездили, и по хозяйству помогли, и на священную гору поднимались, и с этой стороны всё было хорошо. Но если смотреть объективно, учитывая основополагающие правила их жизни, то мы не хотели такой жизни… Я пригляделся и увидел, что между ребятами уже начался раздрай, не было уже общности, не было единства. Община организовалась в 1884, а мы приехали с Галей в 1988 году, там многое изменилось. Не было никакого смысла оставаться там.

Великий Рысёнок: Это был рай первые три года. Мы были молодые, без семей. У нас имелся первоначальный заряд, но дальнейшей подпитки не было.

Мато Сапа: Когда я приезжал в 1986 году, там всё было, неповторимый дух, настроение! А в 1988 году всё изменилось. Я понимаю, что не было во мне того, с чем изначально приехали туда ребята, и я внутренне им завидовал, например, тому завидовал, что Рысёнок всё бросил и уехал на Алтай! Мне бы тоже так хотелось, но я не смог, не так я был заряжен, что ли. В 1986-м не смог, а в 1988-м уже не захотел.

Кирьянов Андрей (Безумный Волк)[1]

Олег Ясененко: Как ты узнал об алтайской общине?

Безумный Волк: Во время прохождения службы в рядах Советской Армии и выполнения «интернационального долга» в Афганистане в 1987 году мне попалась «Комсомольская правда» со статьёй «Индейцы с Кукуи». Тогда я первый раз узнал о людях, которые тоже считают себя индейцами. До этого я думал, что я один. Такой парень, задержавшийся в детстве. А тут — Индейцы! Да ещё такие крутые! Община! Вольные просторы Алтайских гор и традиционная жизнь! Что ты! В конце статьи было написано, что они скоро уйдут дальше в горы. Звучало чарующе и настолько созвучно с моей детской мечтой, что я

[1] Интервью для альманаха «Первые американцы», 2001

долго не мог успокоиться от нахлынувших чувств братства и единства с этими людьми. Но мне оставалось служить еще год. Статью я храню и по сей день.

Год службы, дембель и гражданская жизнь притупили мои чувства. Но случайно в 1989 году я наткнулся на журнал «Смена» со статьёй про общину Голубая Скала, и чувства вернулись. Но решение написать им созрело только в 1991 году. Писал я в общину Голубая Скала, которую представлял себе лишь по скупым газетным статьям. Неожиданно для меня из далекого Алтая пришёл ответ. Написал мне Орлиное Перо. Задавал вопросы (есть письма, те самые), интересовался.

Олег Ясененко: Почему ты поехал на Алтай?

Безумный Волк: С детства я считал себя индейцем. Где же должен жить индеец, как не на лоне Матери-Природы? Это была моя первая Мечта. Алтай — потому, что там уже жили такие же, как я, и, потом, Орлиное Перо официально пригласил нас (меня и Мокасина) к себе в качестве кандидатов в общину.

Были и другие причины. Городская жизнь с её иллюзорными радостями, порядком уже осточертела и не давала дальнейшего движения и духовного роста.

Я твёрдо решил уехать в горы навсегда и уехал 2 июня 1992 года.

Олег Ясененко: Как тебя приняли в Голубой Скале?

Безумный Волк: Точнее, принял. Ибо принимал нас Орлиное Перо, вместе со своей женой и неким Серым Совой, который так же приехал для дальнейшего жития в тайге. А приняли нас хорошо. Накормили творогом и консервами. Перо долго рассказывал историю «русского индеанизма» и историю общины, с фотоальбомом. С другими «общинниками» я не был познакомлен, так как община уже к тому времени не существовала. Просто жили каждый сам по себе, пережёвывая старые грехи и прочее дерьмо. И виня друг друга.

Олег Ясененко: Твои первые впечатления?

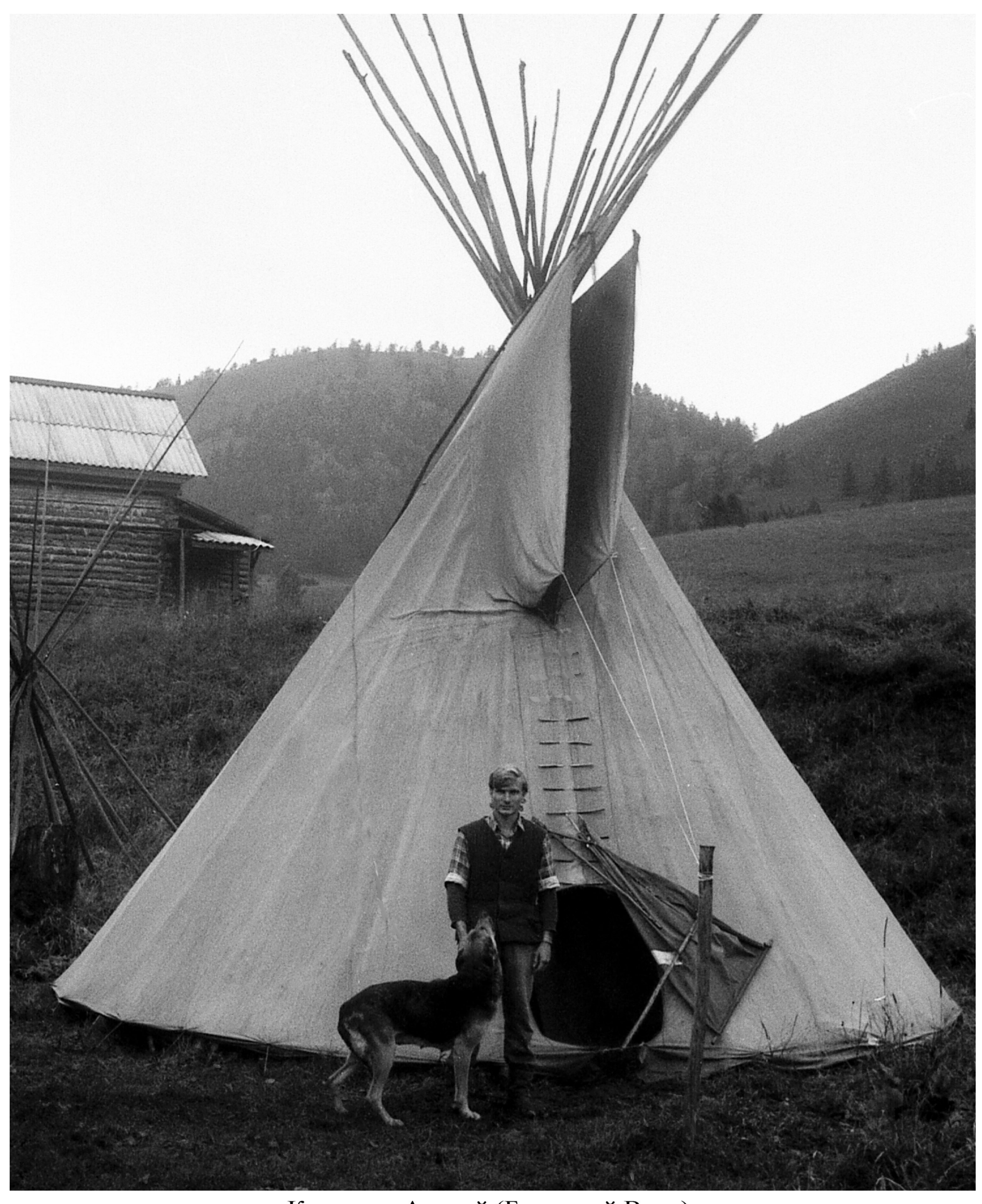
Безумный Волк: Я просто был околдован и очарован (в лучшем смысле этих слов). Сбывалась моя Мечта и, думаю, нет нужды объяснять, какие чувства я испытывал. Ни с чем не сравнимая эйфория. Я просто летал наяву.

Олег Ясененко: Чем ты занимался в общине?

Безумный Волк: Работал. Мы уехали из Кукуи в Камлак и осваивали новое место, урочище Чистый Луг. Я не гнушался никакой работы, ибо хотел побыстрее втянуться в суровую алтайскую жизнь. Работал на сборах лекарственных трав и корней, пропалывал посадки со зверобоем на Чистом Лугу. Зимой сторожил базу на Катуни (кстати, построенную руками общинников из Голубой Скалы) и батрачил у директора базы всю зиму по хозяйству. Кормил коров и свиней, чистил дерьмо, рубил дрова и резал скотину. Летом ездили в тайгу на заготовку лекарственных корней и трав, а также подрабатывал на покосах (причём на меня был у местных большой спрос). Пробовал охотиться. Собирали грибы и ягоды, папоротник-орляк (который скупали японцы).

Олег Ясененко: Оправдались или обманулись надежды?

Безумный Волк: Жизнь в горах, на воле, с братьями по духу — это были оправдавшиеся надежды. А вражда и ненависть между бывшими членами

Кирьянов Андрей (Безумный Волк)

Голубой Скалы, отношение к другим людям — это следствие обманутых надежд…

Я жил с Пером и Хокши Глешкой. Наши отношения были дружескими и братскими, на уровне книжных иллюзий. Но доминировал во всём Перо, как самый первый индеанист, основатель общины, очень духовно продвинутый лидер и т. д. Никто этого не оспаривал. С общинниками из Голубой Скалы была открытая вражда и ненависть. Им было запрещено появляться в Чистом Лугу. В дело шли кулаки и томагавки, как более веские доводы. Постоянно велись пересуды, кто виноват в развале Голубой Скалы и кому досталось больше в делёжке общинного имущества. Очень далеко от индейцев.

Я попал на тот момент, когда Сила, сплотившая многих людей, иссякла, а остались лишь человеческое эго и прочие низменные чувства. Я разговаривал со всеми общинниками, вёл, так сказать, собственные исследования столь волнующей меня темы. Они вспоминали те годы (расцвета) общины, когда они были вместе духовно. Это самые нежные, чувственные воспоминания, пронизанные братской любовью и взаимопониманием, наполненные теми чувствами, которые объединяли их столько лет и помогали преодолевать трудности. И они глубоко сожалели о распаде и делали попытки примириться, но докопаться до истоков раскола не могли, ибо сразу всплывали личностные обиды и прочая ерунда.

Олег Ясененко: Что происходило спустя месяцы после приезда?

Безумный Волк: С каждым месяцем я приобретал много новых знаний. Был приезд Скай Хока. Приезжали индеанисты из Москвы, Питера, Эстонии и пр. Я познакомился со многими людьми, которых уважаю и по сей день. Познакомился поближе с общинниками из Голубой Скалы. В общем, во мне укрепилось решение жить на Алтае, и я остался зимовать.

Быт был очень суровым, даже экстремальным для городского жителя, коим я тогда являлся. Но я не воспринимал это как трагедию. Я даже радовался трудностям, потому что, преодолевая их, я чувствовал, что я живу на самом деле и укрепляю закалку своего духа. В общем, лично меня ни быт в «общине», ни деревенский быт совсем не угнетали.

В самые тяжёлые дни нужды приходилось грешить и в лучших индейских традициях. Мы совершали набеги на огороды местных жителей, а также совершали кражи государственного имущества, хотя эти случаи были скорее исключениями. Перо сторожил тогда на Чистом Лугу и, в общем-то, с нами не работал. Его устраивала и такая жизнь, что, в общем-то, его дело. Вера с детьми жила в Кукуе, как и Гордый Орёл, Чак, Витя Голубая Скала, Ольга Собака, Мечущийся Лось (Верхошапка). Летом постоянно приезжали Хотя, Нонка и Хокши Глешка (который тоже подрабатывал сторожем на базе).

Первый год на Чистом Лугу нам пришлось и голодать, и холодать, и даже отбиваться от агрессивных местных жителей, которые ненавидели «косматых» ещё с Кукуи. А Перо прямо-таки обладал необъяснимым чувством притягивать к себе их злобу, ненависть и зависть. Хотя, может быть, в этом он был сам виноват, считая их людьми второго сорта, называл их «мутантами». И люди чувствовали это где-то на уровне подсо-

Андрей Кирьянов (Безумный Волк)

знания. Случались ужасные конфликты. Один раз мы даже проходили с ним по уголовной статье за хулиганство. Вот так.

Индейская тема была только в пустых разговорах да мечтах. Это на общем уровне. Лично у меня она всегда присутствовала в сердце, и все действия я пропускал именно через индейскую тему. Поэтому, наверное, многого не замечал и сильно не горевал.

Олег Ясененко: Изменился ли твой взгляд на мир и людей?

Безумный Волк: Он появился намного позже, когда я ушёл от Пера и жил один в зубрятнике. До этого я глядел на мир и людей глазами Орлиного Пера, хоть и стыдно в этом признаться, но сие — правда. На Алтае я пережил эдакий Духовный Ренессанс и переродился в иного человека. За это я благодарен и Перу, и всем остальным. Ведь я тогда был человеком с ограниченными рамками системы, а духовный мир не выходил за рамки прочитанных книг об индейцах. Там я обрёл и Знания, и Веру, и Любовь. И повторяя слова чудесной песни, понял, что за Мечту надо бороться. И с самим собой в том числе.

Я приехал ведомый именно той Силой, благодаря которой родилась Голубая Скала (Перо называет её Красной Силой, пусть будет так). И поэтому все эти постобщинные дрязги сильно меня

огорчали и, прямо скажу, загоняли в тупик. С другой стороны, я стал много понимать, и иллюзорная чепуха стала слетать. А когда остался один остов, то я стал смотреть на мир глазами заново рождённого человека.

Я очень уважаю всех людей, кто когда-либо прочувствовал идею Голубой Скалы. Я преклоняюсь перед чувствами, которые помогли им сплотиться, бросить довольствующийся и жиреющий мир. Это выше всяких слов, это просто надо прочувствовать.

Олег Ясененко: Расскажи о своих последних днях в общине.

Безумный Волк: Не люблю я это вспоминать. Живя с Пером, было много хорошего и плохого. Но расставить всё на свои места я смог только через год, когда ощутил в себе уверенность и силы для одиночного странствия. Община была просто очень красивым словом. Не было общности на духовном уровне. Кто-то всё равно доминировал над всеми.

Олег Ясененко: Почему ты уехал из общины?

Безумный Волк: Потому, что пришло время. Потому, что Перо меня попросил, или, точнее, дал деликатно это понять. К тому времени мы остались с ним вдвоём, не считая орд балдеющих тусовщиков, которые приезжали постигать величие Алтая, поедая чужие харчи и почти нисколько нам не помогая. Вдобавок Перо собирался перевозить свою семью. И я был бы явно лишним. К тому же я общался с общинниками из Голубой Скалы, что было категорическим табу со стороны Пера. Это было самым главным.

PS (2019) Безумный Волк: В «Первых американцах» в печать вышла урезанная, отредактированная статья. Она очень отличалось от интервью, которое брал у меня Дух. Я тогда не стал мусор из избы выносить, дабы не подрезать крылья какому-нибудь романтичному молодому индейцу. Подумал, хрен с моими обидами и правдой, пусть будет всё красиво. На том и порешили с Духом...

Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

Магия единства[1]

10 августа 1984 года в небольшом и заброшенном селе Верх-Кукуя, в Горном Алтае, тихо обосновались четверо поселенцев. Позже этот день стал отмечаться ими как день общины Голубая Скала. А уже через четыре года о её существовании узнала вся страна. Совершенно незнакомые люди из разных уголков огромной территории писали в общину в поиске своего места в этой жизни, или просто в поиске понимания. А ещё через четыре года община Голубая Скала бесславно прекратила своё существование. Невольно возникает вопрос: «Почему?!» Что это, — предательство собственных идеалов, ошибочность идеи, или просто закономерный исход всех подобных построений? На этот вопрос нет однозначного ответа. На него вообще невозможно ответить, не вникнув в самую суть идеи Голубой Скалы, и не зная истории её воплощения.

Как один из организаторов общины Голубая Скала, я хочу предложить вам собственную точку зрения на мотивы

[1] Из альманаха «Первые американцы», 1999

и историю возникновения этого явления. Считаю своим долгом сразу оговориться, что в оценке описываемых мною событий далёкого (и не очень далёкого) прошлого, я вовсе не претендую на роль глашатая абсолютной истины. Это всего лишь мой собственный взгляд на события моей собственной жизни. И пусть меня заранее простят все те, кто посчитает меня неправым, воспринимая эти события совсем иначе. Не существует единого универсального взгляда на индеанизм, в котором каждый находит свой собственный путь к духовным целям, и конечно, по-своему прав, а моя попытка честно выразить суть собственных переживаний и идей, вовсе не является претензией на всеобщее учение об индеанизме.

История создания общины Голубая Скала неразрывно связана с историей индеанистского движения и уходит своими корнями во времена «пещерного» индеанизма конца шестидесятых. Именно тогда никому не известные и «дикие племена» юных «Делаваров» и «Могикан» робко осваивали свои «священные» охотничьи территории. И я, как чудом сохранившийся экземпляр тех самых доисторических «рептилий», свидетельствую вам, что всё, что сегодня можно увидеть на почве российского индеанизма, замешивалось и заваривалось именно тогда. Мифическое вторжение Красной Силы в сознание советской молодёжи хронологически выглядело примерно вот как. Книги, магические фильмы студии «ДЕФА», романтика перьев, томагавков и стрел, «индейская жизнь» в лесах и священные культовые фотографии из фильмов под стеклом письменного стола, — вот основные симптомы будущей неизлечимой «болезни». Вторая стадия этого, уже необратимого процесса, была спровоцирована в 1973 году индейским восстанием в Вундед-Ни, которое раз и навсегда «оплодотворило» детскую невинную игру социально-политическим смыслом и осознанием своей мистической причастности к событиям за океаном. Своеобразное «зачатие» будущего движения характеризовалось распухшими папками вырезок из газет и журналов; бесконечной беготнёй по магазинам политической книги и киоскам «Союзпечати», посещением библиотек и перепиской с редакциями; повышенным интересом к иностранной литературе и изучению языков; и таким же повышенным интересом со стороны КГБ. Третий этап, историческую роль которого просто невозможно переоценить, как громом среди ясного неба ознаменован фундаментальным открытием повсеместного существования себе подобных. Далее события разворачивались стремительным образом, нарастая как снежный ком: всепоглощающая переписка с единоверцами; создание различного рода союзов, организаций и сект по переписке; манипулирование потоком информации; активный обмен идеями, знаниями и опытом; личные встречи и возрастающее осознание своей общности; маниакальная потребность всесоюзного объединения и, как прорыв в иное качество, — первый съезд индеанистов в 1980 году под Ленинградом.

Это надо было видеть, так как словами подобное не передать. Именно от этого памятного события, как от рождества Христова, все современники первого тотемного столба советского индеанизма отсчитывают свою историю, как историю единого движения. «Роды» прошли удачно, «новорожденный младе-

нец» в виде сформулированной (и священным образом зафиксированной) единой программы движения с гордостью был представлен мировой общественности и вообще всем желающим. И как только погас последний костёр «Большого Совета», все сидящие вокруг него с яростным энтузиазмом бросились претворять свои решения в жизнь. Так наступила героическая эпоха борьбы за официальность и общественное мнение, ибо смышлёный «младенец» настойчиво жаждал всеобщей любви и всеобщего признания, понимая, что только через него сумеет завладеть миром и осуществить Высшую Волю заложенной в него Красной Силы. Именно она, как необъяснимая стихия, творила нашими руками свою тайную мистерию, лепя и переделывая наши судьбы, в соответствии с понятным только ей Великим Замыслом.

Я до сих пор не могу забыть, как все это происходило. Те ощущения возвышенной эйфории, граничащей с безумием, и неистребимая целеустремленность, не поддаются сегодня никакому описанию. Это надо пережить. Мы все были братьями, навсегда заворожёнными магией единства. Словно «инопланетяне», несущие в себе частицы иного разума и иные формы жизни, мы не вписывались в существующую систему ценностей, и создали в ней свой собственный мирок, в котором совершенно беспрепятственно царило ослепляющее торжество Света Великих Истин. Мы жили этим. Это и была наша настоящая жизнь, а всё остальное — лишь дурной сон или кома. Первой победой в борьбе за место под солнцем стала официальная регистрация Ленинградского индейского клуба (ЛИК) «Алькатрас». Ему просто суждено было стать своеобразной индеанистской Меккой и сердцем всего движения. Все дороги вели в ЛИК. Наш мирок быстро рос и набирал силу, становясь шире в плечах. Активно осваивая информацию и обшиваясь бисером, всё более обрастая своими собственными законами, традициями и культурой, он по некой генетической программе творил сам себя и нас по своему подобию.

Но вернёмся к самим индейцам. Как очень правдоподобно и убедительно трубила пресса тех лет, они влачили жалкое полуголодное существование, вымирая и планомерно уничтожаясь правительством США. Поэтому, совершенно естественной, официальной и общепринятой целью движения была помощь индейцам Америки, которая в свою очередь заключалась в распространении правды об индейцах и формировании мирового общественного мнения вокруг этой проблемы. А наша непосредственная задача состояла в активной пропаганде индейской культуры и индейских духовных ценностей. Кстати, последнее осуществлялось особенно рьяно и даже с каким-то возбуждённым упоением. Фанатичная вера, переходящая в фатальную убеждённость, что мы совершенно естественно и совершенно очевидно являемся обладателями индейского духа и носителями индейских духовных ценностей, ни у кого из нас тогда не вызывала даже малейшего сомнения. И я сам лично задавил бы каждого, кто посмел бы в этом усомниться. Сейчас, конечно, непонятно, каким образом люди, никогда не видевшие индейцев, и знающие о них только из газетных вырезок, детских книжонок, да из банальной публицистики, взяли

на себя смелость и ответственность рассказывать «правду» об индейцах, пропагандировать «индейскую» культуру и их духовные ценности, ни секунды не сомневаясь в своей правоте? Но тогда это было возможно и, как ни парадоксально, даже необходимо. Это было оправданно. Оправданно тем, что ничего другого мы делать просто не умели. Это был единственный способ самоутверждения, саморекламы и вообще какой-либо общественной деятельности движения. Именно поэтому пропаганда «а-ля индейских» ценностей зачастую сводилась к пропаганде самих себя. И порой это доходило до откровенного публичного самолюбования, в сочетании с эдакой публично-нравственной «поркой» всех присутствующих в зале. Мы настолько плотно вошли в индейский образ, что никак не хотели выходить обратно, и полностью отождествляя себя с ними, выступали уже от их имени. Подобные выступления стали для нас необходимой ритуальной магией, позволяющей просто физически почувствовать своё внутреннее единство и своё внешнее отличие от существующей системы. Бросить ей вызов и наслаждаться последствиями, еще больше ощущая себя в «шкуре» индейца. Подобный «мазохизм» легко ставил нас в один ряд с угнетённым народом, довольно заметно усиливая иллюзию полного отождествления с ним.

Таким образом, регулярная практика публичных выступлений с одной стороны закаляла наш «индейский» дух, а с другой — служила решающим фактором и даже подгоняющим стимулом постоянного совершенствования и развития. И вскоре, на почве этой благодатной деятельности взросли всходы настоящих знаний, практических навыков и настоящего индейского мастерства и искусства. Ведь дорогу осилит идущий. Мы работали на идею, и идея работала на нас. Но любая, самая верная идея, в своём стихийном развитии со временем может переродиться в полную свою противоположность. Не избежали этого и индеанисты. Так, на моих глазах, романтику лесных индейских костров и музыку пения, метко выпущенной стрелы, постепенно вытеснил ставший уже привычным англо-русский словарь, а духовная жизнь незаметно переродилась в общественно-политическую беготню комсомольского пошиба. В движении воцарилась атмосфера массового политического психоза, а сбор подписей в защиту Леонарда Пелтиера стал популярным мерилом индеанистского авторитета и чуть ли не единственным видом полезной «индейской» деятельности. Все эти «чудесные» изменения любимого мною мирка рождали законный протест в моём сердце, так как уже не вписывались в круг моих собственных духовных потребностей. Не вписывалась туда и нескончаемая работа с иностранной литературой, отнимающая все свободное время без остатка. В этом направлении «индейская» крутизна оценивалась количеством нажитых знаний об индейцах, прямо пропорционально выраженных количеством книг, переводов, микрофильмов и соответствующих фотографий. Информация об индейцах становилась самоцелью. Длинноволосые традиционалисты жили тем, что своими собственными руками превращали добытые разными способами знания в материальные предметы индейской культуры. А на периодических встречах и вообще при любой другой

малейшей возможности они с ног до головы обвешивались и обкладывались всеми своими индейскими причиндалами и с чисто индейским достоинством горделиво красовались друг перед другом и объективами фотокамер, достаточно умело принимая эффектные и очень живописные позы. И томительно-щемящее подозрение, что это всё, что мы можем, и наверное всё, что нам надо, впервые тихо закралось мне в душу. Возможно, что я действительно чрезмерно сгущаю краски, рисуя общую картину состояния движения начала 1980-х, но делаю это исключительно для дальтоников, а также для страдающих тяжёлыми формами близорукости и куриной слепоты. Ибо просто невозможно не заметить очевидное несоответствие между внешним видом и внутренним содержанием экзотических и красочных «вождей» в головных уборах из орлиных перьев, между пропагандируемыми духовными ценностями и образом повседневной жизни этих агитаторов.

Глядя на эти противоречия, я всё чаще и чаще стал задумываться над тем, а действительно ли мы несём в себе эти ценности? И, наконец, осмелившись взглянуть правде в глаза, к своему великому ужасу понял, что по сути никакие мы не индейцы! И никогда ими не станем! Хоть тресни, хоть вывернись наизнанку. Хоть обшейся весь бисером и обложись священными трубками, увешай уши серьгами, заплети косы и раскрась рожу, — всё равно останешься ряженым чучелом, потому что всё это не твоё. Потому, что всё это взято и скопировано из другой, чьей-то реальной, но совершенно чужой жизни, а твоя собственная реальная и повседневная жизнь к этим вещам ну абсолютно никакого отношения не имеет, хоть закурись до смерти своей «индейской» трубкой и запиши в своём паспорте в графе «национальность» — индеец, наивно полагая, что близок с ними по духу, очевидно ещё в детстве навеянному польскими сказками Суплатовича. Многие индеанисты любят, как «Отче наш», повторять известную мысль, что индейцы — это путь жизни, а не процент крови, считая её неким «пропуском» в индейский мир. Но «путь жизни», осуществляющийся в свободное от семьи и основной работы время, меня не убеждает. И именно поэтому, сколько не копируй известные атрибуты, сколько не подражай ритуалам, оставаясь в своей повседневной жизни слесарем или студентом, мы не станем ни индейцами, ни неграми, ни эскимосами. Потому что невозможно вот так взять и присвоить себе духовные ценности другого народа и другой эпохи, как невозможно прожить чью-то чужую жизнь. Можно лишь создать себе приятную иллюзию этой жизни, либо отказавшись от иллюзий, прожить свою собственную, в корне изменив способы её существования, приведя их в соответствие с искомыми идеалами.

Я вдруг осознал, что индеанизм — это не спекуляция чужими ценностями, даже из самых высоких побуждений, а напротив, *длинный и сложный путь приобретения своих*. Что это вечное и неистребимое движение к красоте и гармонии мира. Эта мысль в своё время поразила меня до глубины души и полностью перевернула мое сознание, так как я понял, что истинной ценностью движения для меня является вовсе не антропологическая привязка к индейскому «праху» истории и слепое под-

ражание ритуалам, не точное копирование фрагментов индейской культуры, а непосредственно возрожденная через неё моя личная духовная связь с миром, с природой, с людьми и вещами. Именно эта, еле обозначившаяся духовная связь, наполнила мою, некогда пустую и механическую жизнь, радостью и великим смыслом. С этого момента я стал считать, что истинной целью движения является возрождение духовных связей с миром, утраченных человечеством в процессе цивилизации, и что именно они являются основным ведущим мотивом движения, его Красной Силой.

С тех пор механическое воспроизведение «под копирку» внешних проявлений чужой жизни потеряло для меня всякий интерес. Он сместился на реальную жизнь внутри движения, которая стала объектом моего пристального внимания и постоянного изучения. Страст-

ное желание разглядеть и понять истинные силы и истинные законы, стоящие за всеми ее проявлениями, захватило меня полностью. Мне хотелось увидеть и потрогать скрытые механизмы необъяснимого развития движения, чтобы осмыслив его прошлое, осознав настоящее и взглянув на его будущее, не принимать более блеск светлячков в траве за вечный свет звёзд в небе.

Полагаю, что в какой-то степени мне удалось это сделать, и первым проявлением этого нового для меня понимания стало то, что я раз и навсегда не только перестал называть себя индейцем, но и считать себя таковым, даже в глубине души. «Люди Красных Стрел», или группа «Красные Стрелы» — так стало называться наше некогда чисто дакотско-оглальское, новосибирское «племя». А моё собственное мифическое американско-сибирское происхождение конкретизировалось до человека из группы «Красные Стрелы». Так я нашёл своё настоящее место в жизни и снова обрёл духовную родину. Ведь человек без корней и без родины — как трава на ветру. Вторым проявлением происходящих во мне перемен явилось неприятие какой-либо пропаганды вообще, и в особенности, пропаганды индеанизма, как хранителя и продолжателя неких индейских духовных ценностей. Возможно, я и не прав в этом своём максимализме, но убеждённость, что духовные ценности нужно утверждать не голословно со сцены, а непосредственно своей собственной жизнью, и вообще для начала воплотить их хотя бы в самих себе, не давала мне покоя. Жизнь на Пау-Вау была единственным реальным полигоном индеанизма, где обкатывались и проверялись на прочность все формы совместного общежития индеанистов. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно эта практика для многих из нас являлась и является до сих пор «краеугольным камнем» и «точкой сборки» всего движения. А для меня лично, как я уже говорил, — его основной ценностью и ведущей первопричиной. Я фанатично жил уже не столько подражанием индейцам, сколько проблемами нашего движения и нашего собственного мирка. Именно эти проблемы и взаимоотношения были нашей настоящей жизнью, а желание прожить её так, «чтобы не жёг позор» за какое-то там существование, стало моим ведущим желанием. Мне уже не хватало времени короткого индеанистского праздника, чтобы надышаться вдоволь воздухом единства и гармонии с единомышленниками. «Пау-Вау навсегда!» Именно так выглядел рецепт необходимого лекарства от всевозрастающей аллергии на окружающую действительность. Но отсутствие собственных, естественных корней у нашей традиционной жизни придавало ей дешевую маскарадность, а я чувствовал, что данный «наркоз» все меньше и меньше греет мою кровь, что для моего «индейского» духа требуется уже повышенная доза «индейской» жизни, а не её подмены. Мой мир уходил у меня из под ног, и ему срочно была необходима привязка к земле, к природе и к собственному способу жизни в природе. Я понял, что мой собственный путь к индейским ценностям лежит не через книги и скопированные ритуалы и вещи, а через индеанистскую общину, живущую в природе. Именно тогда в моём сердце окончательно вызрело осознание идеи «Красного Братства» и общинного индеанизма. Сегодня можно говорить об этом, оглядываясь

на практический опыт целого десятилетия и накопленные знания, но тогда это был путь в неизведанное. Понадобилось некоторое время, чтобы эти идеи оформились в конкретную цель моей последующей жизни, — создание индеанистского общества на основе индеанистских общин и поселений.

В отличие от сегодняшнего положения дел в движении, тогда это казалось вполне реальным, и я сейчас объясню почему. Как я уже говорил, братские отношения в движении того периода были совершенно естественной нормой, хотя, наверное, мало кто тогда отчётливо понимал, что именно они, а не коллективный прикол от индейцев, являлись нашей основной собственной ценностью. Точно так же, целью любой зрелой духовной общины и её основой являются именно эти отношения. Потому, что только в среде братства и единства человек способен расширить свое сознание, вырвавшись из довольно жёстких рамок сугубо личных интересов. Традиционный лагерь Пау-Вау был тем местом, где идеалы братства и единства осуществлялись в полный рост и без ограничений. Единственным ограничением этого кайфа были сроки этого праздника. Стремление продлить это состояние выразилось в идеях действующего индейского музея под открытым небом; «школы выживания», куда в любое время могли бы приезжать желающие индеанисты, чтобы окунуться по уши в индейскую жизнь; и наконец, постоянной индеанистской базы в лесу. Так формировалась идея индеанистского поселения, которая быстро стала очень популярной и жизненно необходимой. Встал вопрос: «Где и когда?» Первая попытка взять этот рубеж осуществилась в 1983 году в Лодейном Поле (Ленинградская область), но, к сожалению, неудачно. Вторая попытка была уже на Алтае и имела конкретную направленность на идеи общинного индеанизма, которые с этого момента обрели практическое воплощение. Отказ от иллюзий псевдоиндейской жизни в пользу реального мира собственных отношений, собственных традиций и собственных ценностей являлся первопричиной возникновения общины Голубая Скала.

Имитация чисто индейских традиций и культов на фоне природы не входила в ее планы. Мы рвались построить свой собственный мир, параллельный индейскому, а точнее дакотскому, ирокезскому, навахскому и многим другим самобытным традиционным культурам, ошибочно объединённым термином «индейские». Детская игра переросла в реальную жизнь, но магия Красной Силы продолжалась.

«Мы, представители движения индеанистов, соединились на Алтае в поисках Новой Жизни, в которой наш дух обретёт свободу от стен, нас разделяющих, и законов, их породивших» (Из законов общины Голубая Скала).

Итак, в августе 1984 года инстинктивное стремление индеанистов к реальному единству воплотилось в древних горах Алтая, в качестве новой общины Голубая Скала. Название это появилось несколько позже, от алтайского наименования горного перевала, а также ручья, берущего с него своё начало, и одноимённой заброшенной деревушки на этом ручье. Кок-Кайя (Голубая Скала) в искажённой русской транскрипции звучит Кукуя. С этого момента туманные идеи общинного индеанизма стали реальной жизненной практикой движения. Мы собрались вме-

сте, собрались серьёзно и надолго. И новая жизнь действительно не заставила себя ждать. Она обрушилась на нас своим мощным потоком и со страшной силой понесла в новые, неизвестные дали.

«Мы, индеанисты из разных городов страны, собрались на Алтае, чтобы жить в гармонии с нашей Матерью-Природой и в гармонии между собой. Чтобы соединить свои силы и свою волю в единую Тропу Жизни, ведущую к вершинам Духа. Мы собрались, чтобы стать братьями и сообща бороться за свою Мечту» (Из законов общины Голубая Скала).

Так как индейские духовные ценности не могут в полной мере осуществляться и существовать вне породившей их природной, социальной и культурной среды, то соответствующую среду, разрушенную ходом истории, следовало бы воссоздать вновь. Лишь в этом, ограниченном и замкнутом от вредных влияний современного мира пространстве, неком «заповеднике индеанизма», возможно реальное возрождение индейских духовных ценностей и жизнь по законам Великой Тайны.

Мир изменил нас, но мы не можем изменить этот мир. Поэтому для выживания в нём и дальнейшего развития как общности мы должны создать свой собственный мир, соответствующий нашим духовным идеалам. Движимые этой идеей, мы и собрались на Алтае. Собрались узким кругом, как заговорщики, втайне от всех. Такова была наша общая договорённость, на случай неудачной попытки. Ведь мы ехали в полную неизвестность. У нас не было ни опыта сельской жизни, ни необходимых инструментов, ни необходимого количества денег (их хватило только на дорогу в одну сторону). Не было и никаких связей, спонсоров и знакомств. Но нас это не остановило, так как мы прекрасно понимали, что прежде, чем мы обзаведемся всем этим, ситуация будет упущена безвозвратно.

Первые полгода жизни запомнились напряжённой борьбой за физическое выживание и за собственное место под солнцем Алтая. Приходилось трудно. И только после окончательного вживания и закрепления на новом месте, мы решились дать о себе знать Движению, объявив о создании новой общины и её целях.

Цели общины Голубая Скала:

1. Уничтожение противоречий между нашими идеалами и существующим укладом жизни индустриального мира; между внутренними духовными потребностями и внешней реальной жизнью современного общества. Создание собственной благоприятной микросреды для воплощения этих идеалов в жизнь.

2. Создание общинного хозяйства, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность общины.

3. Организация и создание индеанистского культурного и духовного центра на Алтае.

4. Создание индеанистской общности (индеанистского общества) на основе индеанистских общин и поселений.

Последовавшая реакция индеанистов на наше заявление была далеко не однозначной. Помимо восторгов, посыпалась в наш адрес и критика. В прессе и по телевидению в то время шумела официальная кампания в защиту Леонарда Пелтиера, и основная масса индеанистов была активно занята всевозможными акциями, митингами и выступлениями со сбором подписей. Борьба за права индейцев

на волне этой официальной кампании, в движении того периода достигла своей кульминации. И программа нашей общины смотрелась на фоне этой всепоглощающей борьбы несколько странновато. А особо оголтелые борцы за счастье индейского народа тут же решительно и беспощадно обвинили нас в предательстве целей движения и уходе от трудностей борьбы ради мелочного устройства своей собственной личной жизни.

Сильно сказано! И, наверное, они были по-своему правы. Наша же правота состояла лишь в том, что при всей очевидной бесполезности этой борьбы, которая кроме ореола неутомимого борца за счастье во всем мире, никому и ничего более не давала. Сама эта борьба уже не могла быть основной ведущей и объединяющей силой быстро развивающегося и взрослеющего движения, давно переросшего свои лозунги и формы. Довольно сплочённому и уже зрелому движению грозило постепенное вырождение в обычный массовый хоббизм с тусовками на лоне природы. Исповедуемый нами путь должен был стать прорывом движения на новый уровень своего развития, имеющий совсем иные цели. Мы, конечно, понимали, что этот путь далеко не для всех, а сама община — вовсе и не самоцель, а лишь средство достижения цели. Но осознание важности всего происходящего с нами наполняло нашу суровую и трудную жизнь высоким смыслом.

Действительно, если попытаться осознать всё, что творилось тогда с нами и вокруг нас, то становится очевидным происходящий уже сам собой, без нашего непосредственного участия и даже помимо нашей собственной воли, загадочный процесс создания общины. Некая мистическая сила собирала в одном месте даже не знающих прежде друг друга людей, объединяя их духовную энергию в единый круг, чтобы создать ещё один живой организм, живущий по её законам, таким образом, проявляя саму себя в хаосе мироздания. Мистика? Возможно. Но физическое ощущение этой мистической духовной силы наполняло сердце и разум радостью, помогая противостоять давлению официальных структур и местного населения.

Мне совершенно не нравится расхожий тогда, да и сейчас среди индеанистов термин «алтайский эксперимент», ибо он полностью искажает живую суть описываемых мною событий. Для нас это был вовсе не эксперимент, а единственный реальный путь друг к другу и к самим себе. Мы не экспериментировали, а спасались от вырождения Красной Силы в собственном сердце. Мы очищали свои сердца от «белой заразы», освобождая их для религии завтрашних дней, для рождения единого духа и единого племенного самосознания. Такова была истинная цель нашего, так называемого «ухода от борьбы». Это был наш единственный шанс прекратить копировать чью-то жизнь и, наконец, обрести свои собственные корни, чтобы в дальнейшем вырастить от них настоящий, живой росток индейского духа. Острая потребность в приобретении реальной духовной силы освободила меня от жёсткой привязки к чужим традиционным фетишам отживших культур и постоянной боязни потерять свою старую духовную силу, обусловленную этой привязкой. Некоторые лидеры индеанистского фетишизма из среды самых закоренелых традиционалистов предали

меня «анафеме», вбили мне в грудь «осиновый кол» и перестали считать индейцем, прекратив общение, но это уже не могло как-то повлиять на упомянутый процесс перестройки сознания.

Материализация Красной Силы в виде магической вспышки Единого Сознания в бесконечной тьме замкнутых на себе индивидуальных мирков, является сутью Красного Братства. И только Братство способно объединить эти разрозненные искры в сияющий свет Единого Духа. Племенное самосознание не может существовать вне племенной общины, но естественное объединение людей по кровнородственным признакам в прошлом, в современном обществе себя исчерпало. Поэтому только община может сегодня привести к настоящему братству и единству духа, если, конечно, не считать, что они могут родиться от чтения одних и тех же книг. Только из общности единого уклада совместной жизни, прочно связанного своими корнями с окружающей природой и выраженного собственными традициями и культами, может сегодня возникнуть единое племенное самосознание людей. Другого пути нет. Именно этому решили посвятить свою дальнейшую жизнь алтайские общинники. Конечно, нам было понятно, что достижение этой фантастической цели просто нереально, но стремление приблизиться как можно ближе к этим идеалам делало нашу попытку вполне оправданной и даже вполне логичной и естественной.

Увлекаемые потоком новой жизни, мы понемногу научились держаться в нём «на плаву». Всё лишнее и надуманное безжалостно смывало прочь. Оставалось только то, что действительно соответствовало данным условиям. И мы упорно вживались в эту жизнь, нутром познавая её неписаные законы. Всё складывалось так, как и должно было сложиться в данной ситуации, исходя из наших возможностей, способностей и физических сил. Хуже — мы не имели права, а лучше — просто не могли.

Только на втором году существования общины были записаны и приняты её законы, все пункты которых являлись непосредственным описанием уже существующих отношений и разных сторон её, уже сложившейся жизни. Я не могу сказать, что при создании этих законов никакие идеи вообще не фигурировали в голове, но ни один закон общины не был плодом голой идеи, так как они фиксировали только те ситуации и проблемы, которые уже действительно реально существовали. А ситуация была предельно ясная, но не простая. Мы хотели иметь «это», но в борьбе за «это» должны были не только выжить и прокормить самих себя, но и обеспечить необходимую надежную базу для «этого». И тут возникла масса проблем материального и физического плана, делающих эту борьбу невероятно жёсткой, постоянной и неминуемой, ибо отказ от борьбы не входил в наши планы. Такова была специфика практической жизни общины, из которой вытекала специфика ее идеологии. Любая другая идеология была бы просто нереальна в этой специфике.

I. Основные принципы общины Голубая Скала:

1. Община — это добровольный союз единомышленников, призванный собрать и объединить людей, схожих между собою в своих взглядах, стремлениях и идеалах,

для совместного достижения единой для всех цели.

2. Все люди в общине братья и все равны друг перед другом. Нет ни начальников, ни подчинённых. Признаются только заслуженные авторитеты.

3. Управление жизнью общины осуществляется общим Советом по принципу свободного самоуправления. Решения Совета общины — закон для общинников. Все решения принимаются сообща и добровольно.

4. Потребности общины — есть совокупность потребностей каждого общинника.

5. Все денежные средства, все доходы общины, всё движимое и недвижимое имущество принадлежат всей общине и никому лично. Личная собственность общинников образуется из распределенной общинной собственности.

6. Все общинники обязаны принимать посильное участие в совместном труде. Добровольный и осознанный труд на благо всей общины должен быть естественной нормой всех ее членов.

7. Каждый общинник имеет право на личное свободное время и право свободно и самостоятельно распоряжаться им в силу своих привычек, наклонностей и интересов.

II. Собственность в общине:

Вся основная собственность в общине является общинной собственностью и существует в двух видах: неделимая общинная собственность и распределенная общинная собственность.

Неделимой общинной собственностью является собственность, которой сообща и совместно пользуются все члены общины без исключения. Сугубо индивидуальное пользование общинной собственностью обусловлено справедливым распределением последней. Данная собственность является распределенной общинной собственностью.

Наряду с общинной собственностью все общинники наделены полным правом иметь личные вещи обихода и одежды, приобретенные не на средства общины и не являющиеся общинной собственностью.

III. Взаимоотношения в общине:

Община призвана стать местом спокойствия и гармонии, где люди живут и работают вместе.

Как в хорошей семье, всё в общине должно быть основано на вознаграждении через взаимоотношения. Каждый отдаёт то, что может.

Братские взаимоотношения являются основой общины, её самоцелью и смыслом. Вся деятельность общины должна исходить из направленности на создание братских взаимоотношений и на приоритет духовных и культурных ценностей.

IV. Ответственность в общине:

1. Человек, не разделяющий общепринятых взглядов, ценностей и установок в среде общины, и какими-либо действиями и поступками противоречащий им, не имеет морального права быть общинником и оставаться в ней на правах последнего.

2. Нарушение принципов и законов общины или неподчинение решениям Совета, а также недобросовестное их исполнение влечёт за собой наказание или общее осуждение общинников.

3. Какое-либо насилие или грубость в отношениях среди общинников запрещены.

4. Употребление наркотиков и алкоголя строго запрещено!

Таковы были основные положения законов общины Голубая Скала, приве-

дённые мною в сокращении. Не лишним будет сказать, что данные установки распространялись только на членов конкретной общины, что вовсе не исключало присутствие в общем индеанистском поселении других индеанистов, живущих самостоятельно или сгруппировавшись в иные объединения с подобными или другими принципами.

По поводу этих законов и общинного уклада жизни со стороны индеанистов было высказано немало критики и прямых обвинений, тогда как простые люди, не имеющие никакого отношения к индейскому духу и индейскому мировоззрению, но приезжавшие к нам в общину или присылающие массу писем, ценили прежде всего этот уклад совместной жизни. Подобные сравнения были, к сожалению, не в пользу любимых мною братьев по духу. И тогда, постепенно, началось тяжёлое отрезвление от эйфории, навеянной индеанистским «духовным единством», оказавшимся на деле типичной привязкой к среде себе подобных. Ибо только в этой среде индеанист может хоть как-то выразить свои знания и умения; выразить себя как личность, быть признанным, и тем самым самоутвердиться в собственных глазах. Тогда как в глазах обычных окружающих его людей он, как индеец, выглядит просто несерьёзно. Самоутверждение и самолюбование в среде себе подобных — такова истинная основа «духовного братства» многих «белых индейцев».

Я не считаю, что это плохо или неправильно. Потребность в самовыражении присуща каждому человеку. В конечном итоге, как показала жизнь, именно эта основа индеанистских отношений оказалась более жизненной и более приемлемой, нежели разного рода сомнительные идеи общинного толка. И, конечно же, здорово, что существует такая среда и такая возможность самореализации в ней. Но вопрос стоял о чём-то большем, нежели культивирование второго самосознания. С появлением общины перед индеанистами встал конкретный выбор: попытаться достичь гармонии духа или оставаться жить с раздвоенным сознанием и раздвоенной душой. Именно в этой ситуации многие индеанисты проявили свою истинную сущность. Но ещё более сильно это коснулось общинников и вообще всех, прошедших через неё людей.

Жизнь в общине делает людей как бы прозрачными друг перед другом, что тоже довольно сильно раздражало её противников. Это и понятно, ведь раздвоенная жизнь индеанистов, ставшая нормой, давала исключительную возможность быть таким, каков ты есть, — в семье, на работе, в обществе обычных людей, и в то же время среди индеанистов, быть (или казаться) вождём, шаманом, духовным лидером и даже героем. В общинной жизни это было просто невозможно, так как в любой момент твоей жизни тебя окружали одни и те же люди, наблюдающие тебя изо дня в день, из года в год во всех твоих проявлениях. Но разве не так было в замкнутых индейских общинах и племенах? Одни люди, попав в эту ситуацию, принимали её легко и естественно; другие начинали задумываться об истинности своего стремления к «священным связям всего живого», от которых их просто коробит и ломает; ну а третьи, хлебнув этих связей, заявляли, что жизнь в общине ничего общего с индейской жизнью не имеет, види-

мо полагая, что индейская жизнь — это только раскуривание с друзьями Священной Трубки, да бесконечные танцы и песнопения у костра.

Очень удобная и свободно регулируемая дозировка «индейской жизни» и «индейского сознания» оказалась, в конце концов, вовсе не бедой движения, как я наивно полагал, а его изначальным фундаментом и незыблемым его приоритетом. Несомненно, что каждый человек волен выбирать и устраивать себе жизнь по своему вкусу, и просто глупо пытаться как-то классифицировать этот вкус по шкале значимости. Но мне остается непонятным, отчего некоторые люди, яро убеждающие меня в первичности духа над плотью и материей, в первичности «индейского» сознания над их собственным бытием, остаются до сих пор жить и работать в индустриальном, технологическом мире? То ли сами индейцы окончательно отказались от природы, то ли индейский интернациональный дух более не видит разницы между законами природы и машинной технологией? То ли «индейский» дух этих индеанистов навечно очарован прелестями городской жизни? Для меня это загадка, но уверен, что сами они знают на это самый исчерпывающий и совершенно убойный ответ, ещё более укрепляющий их, несомненно «индейское», самосознание.

Мне не хотелось бы, чтоб написанное выше воспринималось читателями как нападки на городских индеанистов. Скорее, это мой запоздалый ответ тем из них, кто посчитал, что с уездом на Алтай мы перестали быть «индейцами», деградировав в обычных длинноволосых колхозников. Как будто длинноволосый слесарь (моя основная городская специальность) более «индеец», чем длинноволосый пастух в седле

Сейчас я далёк от желания вести бессмысленные и бесполезные споры на эту тему, но тогда это было важно для выяснения истинного расклада ситуации в движении. Ведь мы действительно приехали на Алтай не только для устройства своей мелочной жизни, но и для устройства индеанистского общества. И эти бесконечные споры с разными людьми в какой-то мере помогали мне разобраться в существующих «индейских» стереотипах движения того периода. Выводы для меня были малоутешительными. Но наряду с противниками, идейными оппонентами и критиками общины, были и единомышленники, а также симпатизирующие и просто друзья. Все эти люди очень помогали нам своей моральной поддержкой. Они приезжали сами, слали хорошие письма и даже посылки. Регулярное общение с ними придавало нам сил и уверенности на избранном пути. Но особенно мы радовались появлению других индеанистских общин. Это было наилучшим моральным вознаграждением за всё пережитое в тяжёлой борьбе за мечту.

Но вернёмся к самой общине. Её жизнь теперь протекала в самой непосредственной связи с природой. Скотоводство, земледелие и охота были основными видами общинной хозяйственной деятельности (частное коневодство было запрещено законом). Скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства горного Алтая. Обслуживание совхозного и собственного поголовья крупного рогатого скота занимало большую часть трудовой деятельности мужчин общины.

Другую её часть занимало общинное строительство. Женщины занимались огородом, кухней, домашней работой и детьми. Основные сезонные работы, как покос или уборка урожая, производились совместно всей общиной. Урожай хранился в общем погребе, где каждый мог брать по мере своей необходимости.

Основной доход общины слагался из оплаты труда мужчин, работающих на скоте, а также от сдачи государству мяса собственного скота. Все доходы общины и все зарплаты общинников складывались вместе, образуя общинный фонд. Обобществлённые таким образом средства этого фонда расходовались по решению Совета на те или иные нужды общины, основными из которых были питание, одежда и строительство. Продукты питания закупались централизованно на всю общину, а затем распределялись по семьям и едокам.

Данная система распределения и отсутствие личных денег у общинников глубоко оскорбляли чувство личного достоинства у ярых противников общины, являясь основной темой их бесконечных нападок. Но проблема заключалась в том, что далеко не все общинники имели оплачиваемую работу в совхозе, количество которой было просто ограничено, а другие способы индивидуальной трудовой деятельности были ещё вне закона. Поэтому подобное обобществление средств являлось просто вынужденным и необходимым действием, как для физического выживания общины с первого дня своей жизни на Алтае, так и для дальнейшего её роста и расширения. Я считаю, что мы поступали в этой ситуации, как индейцы, как братья, и делали это исключительно добровольно и от чистого сердца. Если бы каждый работник забирал себе свою зарплату или часть её, то община Голубая Скала просто не состоялась бы вообще. А не работающие в совхозе общинники, как и все вновь прибывшие в общину друзья, должны были бы просто уехать назад по домам или жить на подачки работающих, что ещё более унизительно, чем уравниловка. Наша «уравниловка» была вовсе не самоцелью и не идейной догмой, а единственным способом выживания и единственным способом достижения общей для всех цели. Поэтому она не унижала, а сплачивала нас еще сильнее. Я помню, как нам убеждённо доказывали, что так жить нельзя, а мы искренне удивлялись: «Почему? Мы ведь живём!!»

Мы брались за любую работу, чтобы заработать дополнительные средства на нужды общины. Работа, работа… Порой в душе возникал протест: неужели так будет всегда? Мы же мечтали о духовной жизни! И снова работа, много работы, выше крыши. Чтоб ей неладно было! Свободное время, вечерами, обычно проводили все вместе, собираясь в построенном для этих целей общинном доме. Общались, смотрели в телевизор, репетировали, записывали свои альбомы, делали бисерные вещи, вместе читали переводы и литературу. Здесь же происходили все общинные советы и праздники. Этот дом долгими зимними вечерами всегда был полон народу. Я с теплотой вспоминаю это прекрасное время и этот дом, на двери которого имелась надпись: «Red Power». Летом, когда происходил активный наплыв гостей, все собирались вместе в большом общинном типи, и зачастую это веселье продолжалось до рассвета. Живя на Алтае, мы тем не менее не ис-

пытывали дефицита общения с индеанистами и другими интересными людьми, непрерывно посещавшими нашу общину.

Жизнь общинников, прочно привязанная к собственному огороду и к собственному скоту, а также большому совхозному стаду, круглогодично живущему в горах, под открытым небом, эта жизнь накладывала на всё свой собственный специфический отпечаток. Она меняла и нас. Меняла по-своему, и порою вопреки нашим собственным ожиданиям. Какие-то прежние мои интересы тускнели, или даже исчезали вовсе, а иные, наоборот, разрастались, занимая всё большее пространство души. Происходила очередная неумолимая смена акцентов и позиций в общем реестре духовных ценностей некогда городского индеаниста. Как я ни цеплялся за свою старую, привычную и милую сердцу «индейскую» шкуру, она линяла и слазила с меня целыми клочьями.

Так, вместо того, чтобы перейти полностью на традиционную индейскую одежду, как было задумано, я вдруг вообще утратил к ней некогда повышенный интерес. Сначала это даже настораживало, но позже я понял, что в городской жизни индейские вещи являлись для меня единственной, физически ощутимой связью с миром индейцев, с индейской культурой, и единственным вещественным доказательством моего индейского имиджа. С переменой образа жизни эта привязка совершенно естественно потеряла свою исключительную важность составной части индейского духа. Индейская атрибутика имела теперь место лишь в ритуальных предметах и в необходимых вещах практического обихода.

То же самое коснулось и постоянной, ненасытной потребности в обладании все большим количеством информации об индейцах, которая, по сути, является «кровью» городского индейско-индеанистского сознания. В новых условиях жизни эта потребность самопроизвольно сузилась до рамок чисто практической необходимости. Теперь для меня суть была не в количестве информации, а в практическом её воплощении в своей личной жизни и в жизни общины. Это и понятно, так как жизнь в природе отметает все неестественное и надуманное, оставляя только то, что соответствует действительному укладу жизни, чего не скажешь о городской специфике «индейской жизни».

Привязанность городских индеанистов к той или иной традиционной индейской культуре не несёт в себе никакого решающего значения и нежелательных последствий, так как ни одна из этих традиционных культур к городской жизни совершенно никакого отношения не имеет. Поэтому, проживая в условиях города, можно успешно и совершенно безболезненно считать себя Дакотом, Ирокезом, Апачем и даже Эскимосом. И слава богу. Но, живя и работая в конкретных природных условиях, на конкретной земле, это становится просто неестественным. Именно поэтому моя безграничная любовь к культуре Лакота незаметно трансформировалась в некий синтез индейских и собственных традиций, приемлемых для существующего уклада жизни.

Вершина горы, у подножия которой раскинулась деревня, стала священным культовым местом общинников, где и совершались многие обряды и ритуалы. Там же желающие молились, постились и искали видения. Священная Трубка об-

щины вынималась только для обрядов и только в соответствующих ситуациях. Мы не копировали традиционные индейские церемонии, так как находились уже в начальной стадии зарождения собственных традиций, ритуалов и культов. В дальнейшем это должны были быть: культ Солнца, культ урожая, культ коня (без которого не обходилась ни одна основная работа) и охотничьи культы. Культ Трубки соединял все их в непрерывный, священный жизненный круг чередования времён года и связанной с ними деятельностью общинников.

Конечно же, не всё было гладко и прекрасно в этой нашей новой жизни, как и в любой другой, но все недовольства и напряжённость заметно сглаживались силой сплотившей нас мечты и общей целеустремленностью её достижения. Отсутствие этого основного и решающего фактора в чувствах и сознании собравшихся вместе людей делает их совместную жизнь бессмысленной и практически нереальной. Какие-либо экономические мотивы объединения полностью выхолащивают из него энергию единого духа и братства, и, к счастью, они не были ведущими в нашем кругу. Именно поэтому наши внутренние проблемы не становились причиной раздора очень продолжительное время. Радость от духовного творчества и физическое ощущение единства значительно перевешивали и заглушали какие-то отдельные недовольства, связанные с различием наших характеров, способностей и привычек. Думаю, что если бы это было неким преувеличением с моей стороны, то мы не продержались бы и года в тех трудных условиях. Но жизнь шла своим размеренным чередом. Община постепенно обстраивалась, росла и набирала силу. В прессе там и тут запестрели восторженные статьи, стали приезжать киношники с видеокамерами. С нами стали считаться официальные и властные структуры, началась тесная дружба с обкомом комсомола, нас стали приглашать на разного рода встречи и выступления. Откуда ни возьмись, возникли директора колхозов, желающие переманить нас к себе. 1988 год стал наивысшей точкой расцвета общины Голубая Скала. Никто из нас тогда и не подозревал, что через четыре года она исчезнет с лица земли.

Судьба благосклонно подарила нам исключительный шанс: мы встретились. Мы встретились и решили крепче взяться за руки, чтобы в темноте не потерять друг друга. А когда взошло наше солнце, мы вместе посадили Священные семена. И на свет появился маленький и слабый росток. Мы смеялись и радовались этому прекрасному ростку новой жизни, но ему не суждено было стать могучим и прекрасным деревом. Этот росток был уже обречён на смерть, но он не знал об этом и радостно тянулся к своему солнцу. Но его солнце однажды погасло, и росток умер, так и не став Священным Деревом Жизни. А мы снова остались в темноте и потеряли друг друга навсегда.

Неожиданно нахлынувшая волна популярности «алтайских индейцев» сделала нас желанными гостями в различных конторах и кабинетах, а участие в алтайском национальном празднике Эл-Ойэн ещё более укрепило наш общественный рейтинг. В надежде заполучить уже хорошо известных «хороших индейцев», как собственную достопримечательность, нас повсюду приглашали к себе и даже возили по деревням и сто-

янкам различные предприимчивые работодатели, узнавшие из прессы, что мы желаем перебраться подальше в горы. Такие планы действительно имели место в перспективе развивающейся общины. Прожив четыре года в Верх-Кукуе, мы столкнулись с некоторыми проблемами, которые в данном месте решить было уже невозможно.

В первую очередь это касалось вопроса обучения детей и их медицинского обслуживания. Наплевав на самих себя, мы не могли и не имели права наплевать на своих детей. Попытки учить их самостоятельно оказались неэффективными. Отсутствие школы и больницы угнетало наших женщин нарастающими темпами. А противоречия между некогда провозглашёнными принципами общины и природными семейными инстинктами начинали проявлять себя всё более и более заметно, постепенно перерастая в хроническую несовместимость жизненных интересов общинников. Если мужчины общины, особенно холостяки, более тяготели к традиционной лесной жизни и совместному ведению хозяйства, то женщины, напротив, стремились жить более обособленно и в более обустроенном и цивилизованном месте, где есть нормальная школа, нормальная больница и магазины. Верх-Кукуя в этом отношении не устраивала всех. Уже тогда что-то не срасталось в стихийно сложившемся образе жизни общины, и мы интуитивно ощущали необходимость начать какое-то новое дело в новом месте, убежав от назревающих неразрешимых проблем. Феномен общей, объединяющей нас цели требовал свежих, заманчивых идей и новых конкретных задач. Идея создания второго поселения и второй общины на Алтае стала темой наших постоянных обсуждений и своеобразной «религией недалёкого будущего», дающей соответствующую подпитку в сфере Высокого Духа. В ходе бесчисленных дебатов по этому вопросу было окончательно установлено, что Верх-Кукуя — это лишь репетиция и подготовительный этап для следующего, основного, более серьёзного и более осмысленного шага.

Чтобы в будущем удовлетворить потребности всех общинников без исключения была разработана система двухуровневой общины. Такая община должна была иметь в подходящей для неё деревне несколько соседствующих друг с другом домов и усадеб, а на достаточном удалении от этой деревни — своё собственное поселение в горах, предназначенное для традиционной общинной жизни и совместного общинного хозяйства. Данная система обеспечивала не только добровольный выбор образа жизни, но и свободное его чередование, в зависимости от желания, времени года или других причин. Место, полностью соответствующее такому проекту предстояло ещё отыскать. Решением Совета из кассы общины было выделено три тысячи советских рублей для приобретения автомобиля «Запорожец», необходимого для серьёзного и активного поиска этого нового места. Но случилось так, что именно в этот исторический для нас момент «Запорожцы» внезапно исчезли из свободной государственной продажи, став льготным товаром для инвалидов. Инвалидов, удостоенных этой чести, среди нас не оказалось. Не оказалось среди нас и толковых автомехаников, поэтому покупка подержанной машины тоже отпадала, ну а другие модели отечественного автомобиле-

строения были нам просто не по карману. Но, несмотря на провал с затеей приобретения собственных колёс, мы продолжали активно исследовать возможные и предлагаемые варианты новых мест. И всюду нас либо что-то не устраивало, либо вообще ничего не светило. Мы не торопились.

В базовом поселении в Верх-Кукуе общинники имели стабильную работу и доходы, и даже продолжали обстраиваться, а это освобождало их от необходимости принятия скоропалительных решений. Мы не торопились, так как ещё не знали, что время, отпущенное нам судьбой, уже на исходе. Приближалась эпоха государственного финансового беспредела. Перестройка уже давно набирала свои обороты, а кооперативная «лихорадка», казалось, охватила всю страну. В ту пору мы тоже находились в стадии официальной регистрации будущего кооператива «Голубая Скала», специализирующегося, для начала, на изготовлении седельных сумок и конской упряжи. Радужных планов в связи с его деятельностью, конечно, не было, но по замыслам он должен был поставить общину на новую ступень внутреннего единства и внешней её независимости от совхозных работодателей. Этот свой заманчивый шаг в «будущее» мы разумно подстраховали, вложив весь общинный капитал в акции одного преуспевающего кооператива, проценты от которых гарантировали общине постоянный ежемесячный доход. Эта своеобразная «индейская рента» тоже должна была ещё более укрепить общину, как единую и неделимую систему. Да, если бы все это оправдалось, то мне возможно и не пришлось бы сейчас говорить об общине в прошедшем времени. Но всё сложилось совсем иначе.

Летом 1989 года часть общинников, не обременённых работой в совхозе и подогреваемых недовольством сложившихся отношений, перекочевала в село Левинка, в поиске жилья, работы и новой жизни. Скорее это был типичный раскол в рядах общины, нежели её планируемый шаг в заданном направлении. В этой ситуации потребность в кооперативе, за неимением свободных рук, естественно отпала. Занятые работой в совхозе, оставшиеся общинники уже не могли свободно и беспрепятственно заниматься разведкой Горного Алтая. Эта деятельность тоже оказалась «замороженной» до лучших времён. Лишь появление новых людей в общине снова восстановило её систему взаимозаменяемости, и мы опять занялись поисками. Постепенно община вновь зажила своей обычной жизнью земледельцев и скотоводов, продолжая достраивать недостроенные дома и записывать свои песни. Казалось, ничто уже не в силах изменить этот устоявшийся ритм и порядок вещей, но жизнь приготовила нам иной финал. Начало конца было ознаменовано нашим организованным увольнением из совхоза. Воодушевлённые получением вышеупомянутой «индейской ренты», которая, в сущности, равнялась нашей общей месячной зарплате в совхозе, мы окончательно решили посвятить себя осуществлению намеченных целей и развитию кооперативной деятельности. Но время уже было безвозвратно упущено. В России победила «демократия». Последовавший за этим бешеный рост цен и массовое обнищание сельского населения сделали практически нерентабельным любое производство товаров, рассчитанных на это население.

Итак, с кооперативом ничего не вышло, а «индейская рента», как ей и было положено самой судьбой, благополучно аннулировалась.

Таким образом, наш смелый и решительный шаг в «светлое будущее», навеянный ветром перестройки, оказался экономическим крахом общины Голубая Скала. Она потеряла не только свои основные средства к существованию, но и объединяющий её совместный труд, занимающий немалую часть её жизни. Каждый из нас, оказавшись безработным, вынужден был выживать самостоятельно. Это разъединяло людей ещё более. Не нужно быть махровым материалистом, чтобы чисто практически ощутить взаимосвязь между своим реальным бытием и своим сознанием, между идеями и их материальным воплощением. Идея — это стремление к прыжку, но дальность самого прыжка целиком зависит от силы толчковой ноги. А если её нет вообще, то и прыжок становится невозможным. Очень трудно постоянно ощущать себя парящей птицей при отсутствии конкретных крыльев. Когда рухнула экономическая основа идеи общинного братства, то осталась только сама идея, и как её отголосок — совместное хозяйство, которое, конечно же, не могло прокормить общинников и их семьи при отсутствии каких-либо дополнительных доходов. Именно совместное хозяйство и стало тем самым камнем преткновения, об который Великая Мечта разбилась вдребезги окончательно. Её кончина была ужасной.

Но вернёмся опять к самой идее, к её изначальной сути. Как уже говорилось, это была идея создания альтернативного индеанистского общества на основе индеанистских общин и поселений. Именно эта идея сдвинула людей со своих насиженных мест, собрав их вместе, в едином порыве, в горах Алтая. Именно она заставила их бросить всё, перечеркнув свою прошлую жизнь и начав её заново, с нуля. Именно эта идея сделала их братьями, обесценив в них их прежние эгоистические устремления, что в принципе и сделало возможным существование общинного братства. Свет этой идеи озарял все наши мысли, дела и поступки. И в нём, в этом очищающем свете, гибло всё лишнее и мешающее, все «шкурные» интересы, присущие каждому нормальному человеку, не ослепленному великой целью. Осознание этой великой цели являлось той мистической силой, которая творила нашими руками и творила нас самих. Сегодня это звучит слишком пафосно и самонадеянно, я и сам теперь с трудом в это верю, ведь жизнь сильно изменилась с тех пор, но тогда всё это воспринималось нами именно так. Само движение индеанистов было тогда насквозь пропитано идеологией единства, и это была самая настоящая идеология некой совершенно новой молодежной «партии», озадаченной единой целью. И мы, естественно, ощущали себя «ударным отрядом» этой «партии», выполняющим её «стратегическую задачу» по «захвату плацдарма» на «вражеской территории». Именно поэтому мы были готовы идти на любые трудности и лишения, ради успешного осуществления своей «миссии» на Алтае. Об её провале не могло быть и речи, и тут уже не до мелочных обид или мелочных интересов. А наш, стихийно сложившийся «военный коммунизм» пер-

Общины больше нет

вых лет был просто естественной и необходимой формой выживания в данных условиях, где любая разобщённость и разброд могли привести к поражению в борьбе за «плацдарм» будущей «индейской территории». По крайней мере, мы именно так осознавали свою ситуацию. Но время шло, «плацдарм» был освоен, а ожидаемого прихода основных сил мы так и не увидели. Великая Идея зависла в воздухе в виде бесконечных споров с индеанистами о неверности и ошибочности нашей алтайской жизни.

Не надо быть великим пророком, чтобы понять, что идея создания альтернативного общества не по силам десятку отщепенцев от основного потока движения, который так и не двинулся за нами. И уже только поэтому мы не могли осуществиться в полную меру. Движение не поддержало свою популярную идею индеанистского поселения на лоне природы, непосредственными исполнителями которой мы являлись. Скорее всего, многочисленные сторонники этой некогда очень модной идеи надеялись больше друг на друга, чем на себя лично. А когда «массовый психоз» схлынул, многие поняли, что им и так хорошо, особенно когда на «фронтире» далеко не всё о'кей, и есть чем мотивировать свою новую позицию.

Конечно, на самом деле все они были совершенно правы, это мы наивно заблуждались в истинных потребностях

индеанистов и в истинном раскладе сил движения, находясь в эйфории всеобщего единства и братства. Но эйфория первых лет жизни общины постепенно улеглась, а мы, предоставленные навечно самим себе, сделали всё, или почти всё, что могли в данной ситуации, и стали медленно вариться в собственном соку и в собственных проблемах, живя в каком-то параллельном с движением индеанистов мире. Разные образы жизни и разные, в связи с этим, интересы, отдаляли нас всё больше и больше. Теперь я, конечно, понимаю, что в плане нашей ведущей идеи мы были изначально обречены на духовную идейную смерть и вымирание. Другое дело, если бы мы действительно просто стремились к сельской жизни, как к самоцели. Но это было совсем не так, что тоже сыграло свою убойную роль в финале так называемого «эксперимента».

Когда свет мечты притухает или гаснет, то на первый план из темноты углов выползают собственные проблемы. Они постепенно заслоняют всё и становятся ведущими. Это первые симптомы болезни, когда люди забывают, зачем собственно они собрались. Изначальный источник энергии и вдохновения, давший жизнь организму общины, иссяк. Энергия распалась на индивидуальные составные части, и система неудержимо стала разваливаться. В конце концов, этот процесс достиг своей критической точки. Смерть единого организма общины Голубая Скала была мучительной и неприглядной.

Выращенному нами ростку общинного индеанизма не суждено было стать могучим деревом. Этот росток уже изначально был обречён, но он не знал об этом и радостно тянулся к своему солнцу. Но его солнце однажды погасло, и росток умер, так и не став Священным Деревом Жизни. А мы опять остались в темноте и потеряли друг друга навсегда.

Заканчивая своё повествование об общине Голубая Скала, что же чувствую я теперь, когда страсти и эмоции давно улеглись в моей памяти? Что я могу сказать об общине сегодня? Мне жаль, что она умерла. В моём почерневшем сердце навечно поселилась печаль об утраченном счастье, печаль о прошедшей «золотой эпохе» индеанистского Братства. Но я всё же счастлив, что это было со мной, что судьба дала мне возможность испытать на себе завораживающую магию единства и великую радость осознания Братства. Эти ощущения настолько сильны, что я хотел бы пережить их вновь. Но, наверное, нельзя войти в одну и ту же реку дважды, так как она постоянно течёт и меняется. Теперь совсем иные энергии и мотивы движут умами и поступками индеанистов. Уже давно нет того духовного единства, которое было ярко выражено в самом начале пути, и которое послужило причиной возникновения идей Красного Братства и общины Голубая Скала.

Я намеренно не стал вдаваться в детали и подробности общинной жизни, так как цель данной статьи — вовсе не её жизнеописание, а раскрытие самой сути общинного индеанизма. Если попытаться хоть как-то обобщить изложенное мною в какую-то окончательную мысль, то боюсь, что она прозвучит довольно пафосно и банально на общем фоне фетишизации двойного сознания. Но, видимо, это сделать необходимо, хотя бы для того, чтоб закончить начатую мысль.

Начну с того, что я не собираюсь как-либо оценивать и систематизировать «индейский» путь «белых индейцев», но уверен, что Красное Братство — это другой путь. И дело вовсе не в том, лучше он или хуже — он просто другой. Община — это не средство самоутверждения среди себе подобных, а способ достижения гармонии с ними, то есть прямо противоположный процесс. Невозможно сегодня отравленному коммерцией и цивилизацией сознанию различить момент свободы и зависимости. Одна и та же зависимость воспринимается одними людьми как рабство, а другими — как свобода. Кто понимает Братство, как ярмо и уравниловку, пусть просто отойдёт. Смысл Братства в объединении энергий духа и сознания в единую гармонию.

Даже если отбросить в сторону все духовные и идейные аспекты общинного индеанизма, то и в этом случае его практическая польза совершенно очевидна. Для людей, решившихся серьёзно связать свою жизнь с индейской практикой, это единственный способ вырваться из рамок обычного хоббизма и жесткой, подминающей социальной действительности. Ведь только сообща можно осуществить какие-либо действительно серьёзные, грандиозные и трудоемкие проекты. Считаю, что опыт Голубой Скалы это подтверждает. Вовсе не обязательно жить в одном помещении и есть из одной кастрюли. Когда у группы друзей есть общий жизненный план, если эти люди вместе трудятся над ним, сообща зарабатывая средства на его воплощение, — это и будет их община. Ведь община — это не цель. Это лишь средство достижения цели. Цели, которую просто невозможно осуществить в одиночку. Если нет такой цели, то и община бессмысленна. Она вырождается в самоцель, в догму, в эксперимент, в новый имидж или просто в саморекламу. И в ней никогда не родится магия единства.

Если строить самолёт из кирпичей и бетона, то он никогда не взлетит. Но думаю, что уже никто не скажет, что его вообще в принципе построить невозможно. Точно также и нереализованная кем-то идея ещё не является нереальной. Мы в данных условиях не справились с поставленной перед собой задачей, но из этого вовсе не следует, что она в принципе неосуществима.

Великая Мечта индейского народа о Красоте и Гармонии Жизни не умерла. Она неистребима, как космос. Она будет существовать всегда, пока растут травы, текут реки и стоят деревья. Выраженная в идеях Красного Братства, она продолжает жить и сегодня в наших сердцах. Верны ли эти идеи? Реальна ли эта мечта? Кто знает? Всё зависит от самих людей, чьими сердцами она овладела. Все зависит от силы ее магического воздействия на этих людей. Кто знает?

Рано или поздно, всё «возвращается на круги своя». Я верю, что жизнь сделает свой очередной круг, и идеи Красного Братства вновь оживут в сердцах и умах индеанистов.

Петрашевский Каньон

Альберт Осипов (Левая Рука)

Для меня всё началось в 1984 году, когда по стечению определённых обстоятельств передо мной встал выбор: или присоединиться к Орлиному Перу и его Голубой Скале, или ехать в Псковскую область к Красному Волку, который закладывал основы реального индейского клуба в Великих Луках. Так я оказался на Псковской земле. Были единомышленники: Большой Бобр, Мустанг, Трава, Маленький Волк… Было огромное желание, но не было благословения Вакан, поэтому идея с клубом не осуществилась.

Вырвавшись из Арзамасской зоны на просторы Большой Земли, я уже не мог успокоиться и вскоре переселился в сельскую глубинку, в село Забелье, поближе к Мустангу, который тогда работал в лесничестве селе Алушково. Одинокая жизнь двух сельских друзей-индеанистов закончилась неожиданным событием — мы почти одновременно женились. И оба привезли своих жён-украинок в псковские села. Алушково стало местом встреч трёх семей: Красного Волка, Мустанга и Левой Руки. Сюда приезжали и другие индеанисты: Большой Бобр, Тетива, Мато Хи, Большое Сердце, Рибанна, Жёлтая Собака. Со временем, сама собой родилась идея не просто встречаться, а жить в одном месте общим коллективом из нескольких семей, но не общиной. Просто вместе жить, работать в лесничестве, растить детей и помогать друг другу по хозяйству, без которого деревенская жизнь не имеет смысла. В дальнейшие планы входило полное самообеспечение путём совместного ведения фермерского хозяйства, включающего лошадей, коров, свиней, земли и т. д. В таких непростых условиях особое внимание должно было уделяться духовной жизни в индейских традициях. Эта идея осуществлялась, но медленно и, в конце концов, по ряду причин так и не воплотилась. А с отъездом по семейным обстоятельствам Мустанга с женой на Украину и вовсе умерла.

Но сама идея не давала мне покоя; угомонился я только тогда, когда приобрёл полуразрушенный дом и вместе с женой Огневой Пчёлкой переехал в староверскую деревню Петраши. Так сбылась моя мечта: жить дружной, самостоятельной «индейской» семьёй в доброй связи с Матерью-Землёй, на лоне живописной Природы, которая окружала наш дом и деревню. Мы не боялись трудностей. Отстроили дом. Родилась дочь. Росло домашнее хозяйство, состоящее из кур, кроликов, коз и овец. Взяли 50 соток земли под огород и 1,5 га под сенокос. Научились и землю обрабатывать, и доить, и косить, и дрова рубить… Я работал в совхозной строительной бригаде, а Пчёлка следила за дочерью и хозяйством. Мы стремились к полной независимости, чтобы полагаться только на свои силы. Мы не преследовали высоких идей, жили скромно, в трудах и заботах, прося в молитвах помощи у Вакан. В дальней-

шем предполагали обзавестись коровой (даже успели купить телочку) и лошадью, и переключиться на выращивание индейских культур: табака, тыквы, бобов, кукурузы, картофеля, перца и томатов, чем и начали заниматься.

Но перестроечная «дубина», размолотившая Голубую Скалу, поколотила и нашу отдельно взятую индеанистскую семью. Резкое обнищание сельского народа, безработица и безденежье обострило внутреннюю семейную обстановку. Подрастала дочка… Я фанатично продолжал защищаться от ударов безразличной «дубины», не веря в крах своей мечты, которая распускалась, как мне виделось, словно цветок под тёплыми лучами Солнца.

Наша семейная история в чём-то была удивительно похожа на поучительный рассказ Д. Шеффера «Каньон». По сути дела, мы были самыми молодыми, одинокими и чужими в Петрашах. И даже наш дом особняком стоял на окраине деревни, внушая местным старикам что-то мистическое, хотя в округе нас все знали и уважали за трудолюбие и трезвый образ жизни. Но нас никто не понимал, принимая за сектантов, а мы чувствовали себя красными среди белых. Помните в рассказе Медвежонка и Пятнистую Черепаху? Они жили уединённо и счастливо в своём неприступном каньоне. У них был кров, вдоволь еды и одежды. Но смерть их малыша отрезвила Медвежонка, и он осознал величайшее значение племенного Круга, где дети играют с детьми, где старики открывают молодым Знания, где бабушки наставляют и учат девочек и т.д., и т. д. И они возвратились к своему народу. Но даже несколько опасных случаев с нашей дочерью, когда она чуть было не утонула в озере, не могли отрезвить меня, зато вовремя отрезвили Пчёлку…

Конец Петрашовскому эксперименту наступил в 1993 году. Он был не столько ужасным, сколько закономерным и поучительным. Пчёлка, как решительная женщина, взяла и вырвала цветок, обречённый на медленное усыхание. С точки зрения матери, она поступила совершенно правильно. Сейчас она с дочерью живёт в городе, в родительском доме. Мне ничего не оставалось, как частью продать, частью раздать хозяйство, закрыть дом и вернуться в свой родной город Саров. Мы снова стали городскими индеанистами…

Пчёлка однажды заметила: «Происходящее сегодня человек может только понять, но осознание событий придёт к нему только через какое-то время». Да, мы были самостоятельной сельской индеанистской семьей, и жили мы не где-то за Алтайскими горами, а между Москвой и Питером. И что мы видели? Акции в поддержку Леонарда Пелтиера, визиты индейцев, выставки, Священный Бег и другие события — всё это пролетело мимо нас. Потому, что тот же выезд на Пау-Вау становился вопросом «жизни и смерти». Если ехать, значит бросить всю живность на голодное существование, нарушить ритм удоев, пропустить самый пик сенокоса, когда в начале июля стоит самая питательная и цветущая трава и т. д. Или не ехать, повинуясь деревенскому закону, гласившему, что «весной и летом в поту паши, а зимой на печи сытым лежи». И мы вырывались, неся убытки. Чего только стоили нам выезды с грудным ребёнком на Пау-Вау 1990 и 1991 гг. Но и было то, ради чего!

Городскому индеанисту никогда не понять сельского или лесного индеа-

ниста, который ежедневно борется, чаще в прямом смысле слова, за свое духовное и физическое выживание, ибо Равновесие и Гармония просто так, сами по себе, не устанавливаются.

Заканчивая свой рассказ, я хочу выразить огромную благодарность Огневой Пчёлке, которая, будучи восемнадцатилетней девчонкой, не испугалась уйти из современной городской квартиры в деревянный сруб «со всеми удобствами», которая разделила со мной все трудности и радости того удивительного периода «больших переселений индеанистов».

Проходят годы, но я по-прежнему вспоминаю с грустью наш Петрашевский Каньон и благодарю Вакан за пережитый жизненный урок. «Один человек не может изменить племя, но он может жить со своим племенем, не позволяя чересчур изменять себя...» (Из рассказа «Каньон»).

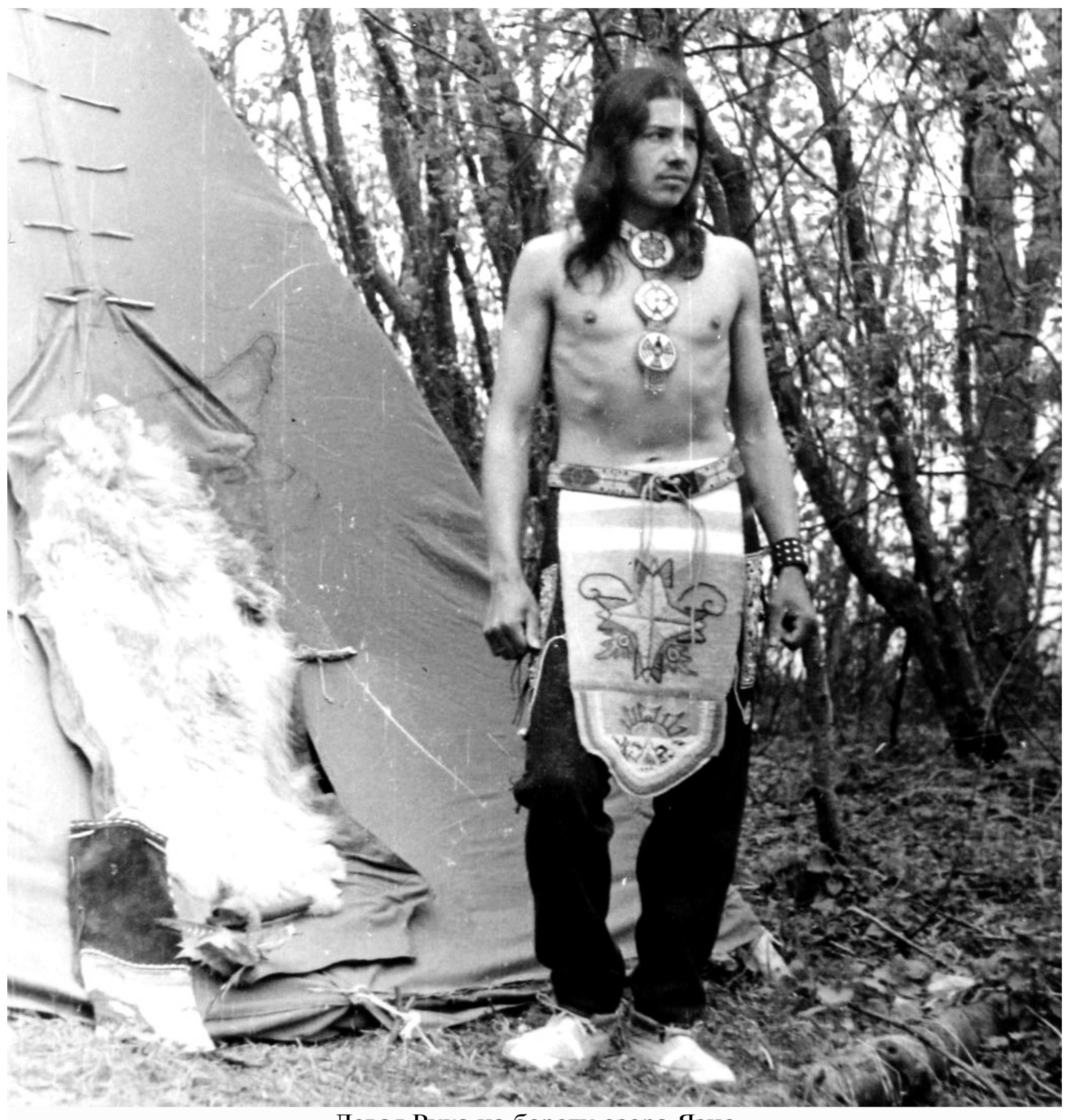
Скорее всего, прав Орлиное Перо, утверждая о том, что «для людей, решивших связать свою жизнь с индейской практикой, это (*общинный индеанизм — А.О.*) единственный способ вырваться из рамок обычного хоббизма... Ведь только сообща можно осуществить какие-либо действительно серьёзные, грандиозные и трудоёмкие проекты».

Мне думается, что большинство индеанистов не хотят и не готовы переродиться для общинно-племенного образа жизни. Поэтому время настоящего общинного индеанизма ещё просто не наступило. Индеанизм — это не голый ствол, а Дерево с густой зеленой кроной, где каждая веточка означает ученого, писателя, хоббиста, городского или сельского индеаниста, одиночку-охотника, бродягу-путешественника, общинника, учителя, знахаря и т. д. Лишь бы они были живыми и приносили плоды, питаясь благодатной силой Солнца-Вакан во имя общего благосостояния Красного Дерева. А прекрасная Мечта Орлиного Пера и его единомышленников о Великом Красном Братстве ещё ждёт своего часа.

***

Нам с Блуждающим Духом посчастливилось поучаствовать в общинном Движении, которое охватило Движение индеанистов России в 1980—1990 годах. Я был с Духом в Крыму, и он показал мне все те места, где он жил и кочевал. Он был настоящим кочевым индейцем, и у него было, конечно, больше приключений, чем у меня. Мы же были оседлой индейской семьёй и жили в староверской, псковской деревне. Блуждающий Дух жил в Природе, а нас Природа окружала. У него места — как Апачерия, а у нас — как канадские леса. Блуждающему Духу не надо было готовить сено, содержать огород и т. д. Мы же сделали упор на ведение приусадебно-огородного хозяйства с целью достичь максимальной независимости.

В 1985 году я ещё работал монтёром ж/д путей и жил в Забойниках (это ж/д станция). Зная мою мечту о работе лесником, Мустанг предложил мне лесхоз в Опухликах (это большая деревня на берегу большого озера, места красивые). Мы туда вдвоём с Мустангом съездили, и нам сказали, что нужен лесник в деревне Изочи. Живя в Забойниках, мы часто общались с Красным Волком: я к нему в Великие Луки ходил или он ко мне (8 км.). А в 1986 году я всё же переехал в совхоз Забелье (или главная деревня для меня). Работал на пилораме и плотничал.

Левая Рука на берегу озера Язно

Первоначально я жил в главной деревне совхоза Забелье. Женившись, стал искать дом в какой-нибудь отдалённой деревне, так как в Забелье было неуютно, шумно и суетно. Мустанг посоветовал Петраши. Действительно, старая деревня на берегу чистого озера, красивая природа и дом нашли заброшенный. А главное, мы с первого захода влюбились в это место.

Наша деревенская жизнь была размеренной, согласно крестьянским циклам: посев всего, сенокос, уход за посевом и скотиной, сбор урожая, заготовка

дров и отдых зимой. Вспоминаю начало. Мы ещё жили в главной деревне, а Пчёлка ходила уже пузатой. Необходимо было срочно ремонтировать дом в Петрашах, чтобы переехать. Стояла весна. Каждый день я на велосипеде после работы ездил в Петраши, работал по дому и к ночи возвращался домой. Через два месяца велосипед не выдержал нагрузок (12 км в одну сторону и 12 км обратно) — истёрлись шины, спицы и обода погнулись. Да и мои ноги сдали — распухли и не влезали в кеды. Поехал в районную больничку, врач изрёк: хронический тромбофлебит, лежать вам надо. Ну, полежал недельку, мазью мазал — вот и всё лечение. А в деревне уже посевная, как говорят: весенний день год кормит. Тогда я «помахал рукой» удивлённому врачу и вернулся в деревню. Продолжал на ватных ногах доделывать дом и копать грядки, отдыхать не мог себе позволить, у меня ведь семья... Правда, всё время ходил босиком по траве и по совету одного старика пил чай из бессмертника. Пчёлка как могла помогала. И болезнь отступила! Мать-Земля всё вытянула, и травка почистила. С тех пор ноги никогда не болели... В тот раз Духи были с нами...

Когда мы переехали в новый дом, началась полнокровная деревенская жизнь... Кстати, в то время я утопистом не был. В отличие от Голубой Скалы и Блуждающего Духа у меня не было цели стать индейцем. Я уже был индейцем по духу с детства. Я искал ГАРМОНИЮ. И у меня были вполне реальные цели в крестьянском мире. Я смело поступил: выписался из родного дома, уволился с хорошей работы, оставил друзей детства, сдал пропуск и вырвался из закрытого для всех Сарова, из нашей так называемой Аризоны-16! Я упивался СВОБОДОЙ: где хочу, там и живу, еду куда хочу, и ко мне любой приедет. Я решил испытать свои силы: смогу ли в одиночку жить, рассчитывая только на себя в непривычных условиях, а позже и содержать семью. Наконец, смогу ли сохранить свои духовные принципы и индейский дух. Быть индейцем — это же не процент крови, а прежде всего мои поступки и мысли.

Я носил длинные волосы, что было дико для местных мужиков. Я принципиально не ругался матом и не пил водку, что делало меня ненормальным в глазах деревенских, учитывая повальное пьянство и мат в бытовой жизни советской деревни. Хоть мы и были с Пчелой белыми воронами, нас уважали за трудолюбие и трезвость. Петраши меня сделали мужчиной, Пчелу — женщиной. Я обустроил свой «Петрашевский Каньон», как Медвежонок в повести Шефера обустроил свой...

Мы завели коз, кроликов, кур, тёлку, огород с индейскими культурами, т.е. мы привязали себя к земле на 100%. Разве что зимой удавалось побродить с ружьём и почувствовать себя охотником. Мы мечтали обзавестись парочкой коней и обустроить некую индеанистскую базу... Мы жили скромно, в трудах и заботах текущего дня... При таком образе жизни духовная составляющая тесно переплеталась с бытом: наслаждение от ночёвки в типи на берегу озера после трудовой недели, молитвы Создателю о хорошем урожае и т. д. Помню забавный эпизод: Мы держали тогда двух коз и козла. И нам нужно было обязательно поехать на Пау. Кроликов и кур я обеспечил едой на неделю, а вот с козами воз-

Левая Рука (Петраши, 1986)

Огневая Пчёлка (Петраши, 1986)

никла проблема. К тому же родилось ещё три козлёнка, получилось стадо. Наша деревня располагалась на берегу большого озера Язно со многими островами. Возникла мысль: а что если коз перевезти на остров? Пусть себе живут там, благо травы с кустами полно и вода кругом (они плавать не умеют, с острова удрать не смогут). Я так и сделал, и мы втроём уехали на Пау... Что произошло дальше, о том деревенские вспоминают до сих пор и, наверное, рассказывают своим детям. Первые несколько ночей (!) с озера доносились жуткие вопли, перепугавшие местных не на шутку! Но больше всего досталось туристам-рыбакам, которые как-то вечером приплыли на тот остров, ничего не зная наших козах. Ни о чём не подозревая, они поставили палатки, обустроили свой лагерь, а ночью проснулись от грохота падающей посуды, котелков и шума, который производили «белые привидения»! Козы-то наши были белошерстными. Среди тех рыболовов поднялась настоящая паника. По крайней мере, так рассказывал один из местных, друзья которого были там... Я потом не раз отвозил коз на остров, когда нам нужно было отлучиться из деревни... Но если серьёзно, то с высоты прошедших лет, мне видна мистическая связь между событиями, происходившими в разных общинах индеанистов: например, у нас едва не утонула дочка, а в Голубой Скале утонула дочь Гордого Орла... Ничего случайного в жизни не происходит...

У меня всё получилось, мы уже подобрались к главной цели (лошадь и индеанистская база), но тут грянула Перестройка... Взлёт цен, безработица и т. д. Потом развод... Но я ещё держался, стал приспосабливаться к новым условиям... Потом всё же уехал в Саров, где меня ждали старые и больные родители. О том времени не жалею, так как познал вкус Гармонии...

Красная Дорога — жизнь или игра?

Олег Ясененко (Блуждающий Дух)

Размышления о прошлом, настоящем и будущем общности индеанистов в России

«Я слышал одни разговоры и ничего больше. Хорошие слова не живут долго, если чего-нибудь не дают... Я устал от бесплодных разговоров. Сердце моё сжимается, когда я вспоминаю все хорошие слова и нарушенные обещания. Слишком много говорят те, кто не имеет на это права. Слишком много уже наговорили белые об индейцах ложного, и между ними выросло непонимание...

Обращайтесь со всеми одинаково. Дайте всем одинаковые законы. Дайте всем равные возможности жить и развиваться. Все люди созданы единственным правителем — Великим Духом. Все они братья. Земля — мать всех людей, и на ней все должны иметь равные права... Когда белый человек станет общаться с индейцами, как он общается с белыми, у нас больше не будет войн. Мы будем во всём равны — братья одного отца и одной матери, с одним небом над головой и одной землёй вокруг и одним правительством для всех. Тогда Великий Дух, что правит наверху, улыбнётся своей земле и ниспошлет дождь смыть с её лица пятна крови, пролитой братской рукой. Этих времён ждут индейцы и об этом молятся.

Я надеюсь, что никогда больше до ушей Великого Духа туда, в высоту, не будут долетать стоны раненых мужчин и женщин, и что все люди смогут стать единым народом». (Вождь Джозеф, Не-Персе, 1879 г.)

Всякий раз, когда дым поднимается из Священной Трубки, люди произносят слова любви и благодарности, обращённые к Высшим Силам, друзьям и родственникам, растениям, птицам и всем живым существам. Они говорят добрые слова, ибо в это время, перед лицом трубки и в присутствии сородичей, ощущение близости к Священному как никогда велико. Обряд Священной Трубки объединяет людей, их сердца открываются друг другу, возникает чувство уважения и снизошедшей благодати. Чувство это очень важно для людей, которые не так уж часто имеют возможность по-настоящему его ощутить. Когда они разойдутся, сила Священной Трубки будет направлять их жизнь, поступки и мысли.

Людей этих называют индеанистами, и я вхожу в их число. Так уж повелось, что наша общность получила это название, хотя оно многим из нас не нравится. Вы только вслушайтесь в эти слова: «индеанисты», «толкинисты», «баптисты» и прочие «исты»... Так уж устроен белый человек, что он всё раскладывает по полочкам, систематизирует и толкует окружающим все проявления Великой Тайны, на всё навешивает ярлыки. Но если отдавать себе отчёт, что все мы живём этим образом жизни, ходим в этих одеждах и подчиняемся этим законам, то необходимо просто принять

эту истину как данность. Ведь при этом никто не запрещает человеку быть самим собой. Путь для всех мы будем «индеанистами»; в своём же кругу мы — друзья, породнённые любовью к индейцам и их традициям, связанные историей Движения индеанистов, а потому мы — народ. Народ, объединённый мечтой, духовностью и собственной полувековой историей.

Моё индейское имя — Блуждающий Дух. Оно связано с моим прежним образом жизни, когда я кочевал по стране на лошадях и когда встал на поиск духовной гармонии с Природой. Я представляюсь этим именем только в обществе индеанистов, и не потому, что стесняюсь или скрываю его, а потому что, как показывает опыт, большинство людей попросту не готовы объективно воспринимать человека, а тем более общаться с человеком, называющим себя индейским именем. Я вовлёкся в создание индеанистской общности во второй половине семидесятых годов. В самом начале это была просто переписка, а затем — непосредственные встречи и совместное участие в мероприятиях тогда ещё зарождающегося Движения, подготовка и проведение ежегодных собраний Пау-Вау под Ленинградом. Я всегда стремился к общению с людьми, разделяющими мою тягу к истории и культурам индейцев Северной Америки. Идеи Движения индеанистов 1970–80-х годов были мне очень понятны и близки. Именно под их влиянием и в соответствии с духом самого Движения в 1986 году, охваченный жаждой испытаний, я отправился в Крым в поисках жизни в гармонии с Природой и с целью создания кочевой индеанистской общины. Восемь лет я провёл в горах Крыма и в кочевьях по стране, как в одиночестве, так и в обществе единомышленников, пока обстоятельства и жизненные невзгоды не вынудили меня оставить кочевье и вместе с женой вернуться к городскому, оседлому образу жизни. Я участвовал в Пау-Вау индеанистов в 1982, 1983, 1987, 1989, 1994–2018 годах. Моё непосредственное участие в жизни Движения и знание проблем нашей общности изнутри даёт мне право с уверенностью писать эти строки, которые, возможно, будут в чём-то полезны нашей молодёжи.

Если говорить в целом, термин «Движение индеанистов» не вызывает у меня возражений, но применять его сегодня я бы не стал. Зародилось Движение в середине семидесятых — начале восьмидесятых годов в Советском Союзе как следствие установившихся контактов между «начинающими» индеанистами (в основном школьного возраста). В те годы ребята знакомились друг с другом благодаря письмам в журналы и газеты с просьбой рассказать об индейцах; в ответ они получали адреса таких же увлечённых индейцами школьников по всей стране. Сначала это был простой обмен информацией и литературой по переписке, но затем индеанистов объединили общие идеи — популяризация индейской культуры и помощь индейцам Америки. Именно под духовными знамёнами этих идей индеанисты перешли от уровня детского увлечения к Движению. К настоящему времени идеи Движения индеанистов тех времен по большей части мертвы или находятся в летаргическом сне; по крайней мере, в общении и деятельности нынешних индеанистов прошлые принципы на должном уровне не обсуждаются, а само Движение индеанистов

трансформировалось в хоббизм. Если непредвзято взглянуть на подавляющее большинство моих единомышленников, нашу субкультуру в её нынешнем состоянии правильно было бы назвать «общностью индеанистов-хоббистов» или сокращённо «общностью индеанистов». Оставлять термин «движение» по отношению к нынешним индеанистам было бы ошибкой, поэтому, на мой взгляд, лучше применять слово «общность».

В настоящее время у общности индеанистов нет единой идеи, объединяющей нас всех или хотя бы большинство. Это совершенно точно. Есть похожие интересы, увлечения, образ жизни, тяга к общению с себе подобными, однако нет единой идеи, которая бы двигала общность в одном направлении. В настоящее время активистами общности предпринимаются попытки возродить Движение на качественно новом уровне, но осознают ли это индеанисты? Сумеют ли они побороть свою инертность в пользу возрождения Движения, воспримут ли они своим сознанием и смогут ли воплотить в своих поступках идею Красной Дороги?

Что же объединяет индеанистов в настоящее время, что же это за круг людей, в чем их общность? Позади — около пятидесяти лет. У индеанистов сложился свой круг общения, свои привычки и наклонности, свой имидж, который остальные принимают или не принимают в зависимости от того, как этот имидж вписывается в их мышление. Некоторые знают друг друга с семидесятых годов и сами выбирают, с кем им общаться и с какой целью. Одни индеанисты не порывают с общностью, потому как с ней их связывают прежние воспоминания и поскольку им уже не найти нового круга общения, хотя индейцы как таковые их уже не интересуют. Другие не потеряли интерес к изучению истории, этнографии и духовного мира индейцев; они поддерживают общение, исходя из интереса к определенным племенам или иным темам, однако лишь во время, свободное от основной деятельности (работы), обеспечивающей их существование. Третьи вращаются в общности индеанистов, воспринимая лишь внешнюю атрибутику и соответствующее поведение как коллективный «прикол на индейцах». Четвёртые идут по профессиональной линии, стремясь объединить интерес к индейцам с научной деятельностью или образом жизни, а также со своим собственным духовным состоянием. Конечно, многое в такой классификации условно, скорее так принято считать, таков общий, присущий многим людям образ мышления.

Но подобная «классификация», или «деление» индеанистов на уровни и направления, равно как обобщение накопленных знаний, состоявшихся исторических фактов или текущей деятельности, — это лишь ещё один пример всё того же зацикленного мышления белого человека, запрограммированного окружающими общественными установками, параметрами, правилами, предметами. Только представьте себе на мгновенье, что не станет всех этих машин и магазинов, электричества, телефонов, компьютеров, денег, — и сразу же отпадёт необходимость во всякого рода терминологии, а на смену придёт чувство. Белый человек разучился чувствовать так, как это делал красный человек, Человек Природы и Веры. Понятно, что под словами «белый человек»

следует понимать современного «техногенного человека», зависимого от «благ» цивилизации, как от наркотика. «Красный человек», Красная Дорога — альтернатива задыхающемуся в безверии, безнравственности, лжи и ненависти обществу белого человека.

У всякого человека, способного осознать эту истину, осмыслить её, есть все шансы приблизиться к пониманию реальности, но слиться с ней лишь настолько, чтобы уловить те грани, за которые ему не следует переступать. Эти естественные, а не искусственные барьеры позволят человеку не бежать от кажущейся тяжкой и безысходной действительности и не погружаться в неё с головой, но пребывать в ней таким, как это угодно Высшим Силам — жить в добре, гармонии и родстве со всеми живыми существами. Красный человек не бежит от реальности; напротив, он стремится постичь её, осмыслить, прочувствовать, чтобы достичь чувства благодати и излучать добро. Это чувство, точнее единство всех этих чувств, можно назвать Верой. Человек Веры, в Вере, с Верой — иными словами, верующий человек — не будет озадачивать себя классификациями, равно как не будет навешивать ярлыки на ближних своих, ведь он каждый миг своей жизни ощущает родственную связь с ними и с миром Природы, ча-

стью которой он воспринимает себя. Это всё равно, что чувствовать солнечные лучи в хмурый день или радоваться проливному дождю после многодневной засухи — ощущать Великую Тайну Высших Сил во всех её проявлениях. И тогда есть шанс приблизиться к пониманию истины.

Если уж искать в индеанистах различия или общие черты, то, на мой взгляд, следует рассматривать нас как общность, как народ. Народ не как национальность или людей одного вероисповедания, а как духовную общность людей, населяющих лоно Матери-Земли. Люди, осознающие себя народом — люди Веры. Это люди, объединённые любовью к индейцам, а не играющие в них. Если белому человеку и пристало как-то подразделять людей, то лишь на живущих и играющих, иными словами, на людей Веры и тех, кто вне её. Всё это в равной степени приемлемо и по отношению к индеанистам. В нашей общности люди Веры не кричат о духовности при первом удобном случае; как правило, они немногочисленны, скромны и непримечательны, но стоит соприкоснуться с таким человеком лично, и каждый сможет почувствовать исходящую от него Силу. Своей праведной жизнью, своими делами, поступками, жертвенностью и добротой, которую они излучают, люди Веры безупречно служат нашей общности. Пользы от них гораздо больше, чем от тех, чьи имена каждый день у всех на слуху. Уверен, что их жизнь будет образцом подражания для последующих поколений.

Общность индеанистов в России к настоящему времени официально не зарегистрирована. Отношение властей к индеанистам в 1970—80 годы было подозрительным и осторожным; их стремление держать Движение под контролем и слежка за активистами привела к ответному идейному противостоянию со стороны участников Движения. В настоящее время отношение к нашей общности у властей характеризуется полнейшим равнодушием. Процент людей, интересующихся индейцами, в России очень невелик. Скорее всего, при слове «индеец» у среднестатистического обывателя возникнет либо улыбка, либо непонимание. Мне представляется, что это — следствие невежества. Хотя точными подсчетами никто не занимался, совершенно очевидно, что даже если принимать за точку отсчёта самый поверхностный интерес к индейцам, численность индеанистов, известных общности, никогда не превышает 1 тыс. человек. На самом деле и эта цифра может быть ошибочной; скорее всего, наиболее приближенная к реальной численность индеанистов колеблется в пределах 500 человек. При этом наибольшее количество из них составляют жители городов (90%), а если говорить об образовании в понимании белого человека, то количество индеанистов с высшим и техническим специальным образованием составляет около 60%. Что касается жизненного образования, или, как принято говорить, самообразования (которого не даст ни один в мире институт или университет и которое даётся только творческим призванием, многодневной практикой, годами напряжённого труда и жизненных испытаний), то здесь процент может быть гораздо меньшим и сводится к достижениям отдельных личностей, имена

которых, как правило, известны всем членам общности. Возрастной состав индеанистов не ограничен и охватывает промежуток от 10 до 60 (или чуть более) лет. Около 15–20% общности составляют женщины.

На мой взгляд, среди индеанистов не существует разделения по национальному признаку. Как правило, решающими факторами общения служат близость проживания, общий интерес к какому-либо индейскому племени или совместное участие в определенных мероприятиях (например, Пау-Вау). Другое дело, что, к примеру, этнические литовцы-индеанисты проживают, в основном, в Литве, а украинцы — на Украине; совместная территория проживания и наличие границы с Россией формируют их круг общения. С другой стороны, в России живёт много этнических украинцев-индеанистов, но это не мешает им на равных общаться с русскими индеанистами. Некоторые индеанисты называют себя индейцами. Не берусь судить, правильно это или нет. Конечно, нет такой национальности — индеец, но, если иметь в виду собирательный образ индейца, то такое самоназвание вполне правомерно, хотя и этот образ у каждого индеаниста очень разный. Пусть каждый называет себя так, как считает нужным, если это важно для его собственного самоутверждения, если только это не затрагивает убеждения других и не навязывается окружающим. Лично я себя индейцем какого-либо племени не считаю, хотя выбор Не-Персе — дань сложившейся в нашей общности традиции, принятой многими индеанистами. Дело здесь скорее не в национальности, а в том, что я вообще не приемлю национализм в любых его проявлениях. Критерием в общении между людьми должна быть не национальность, а уровень внутренней культуры человека и духовная взаимосвязь.

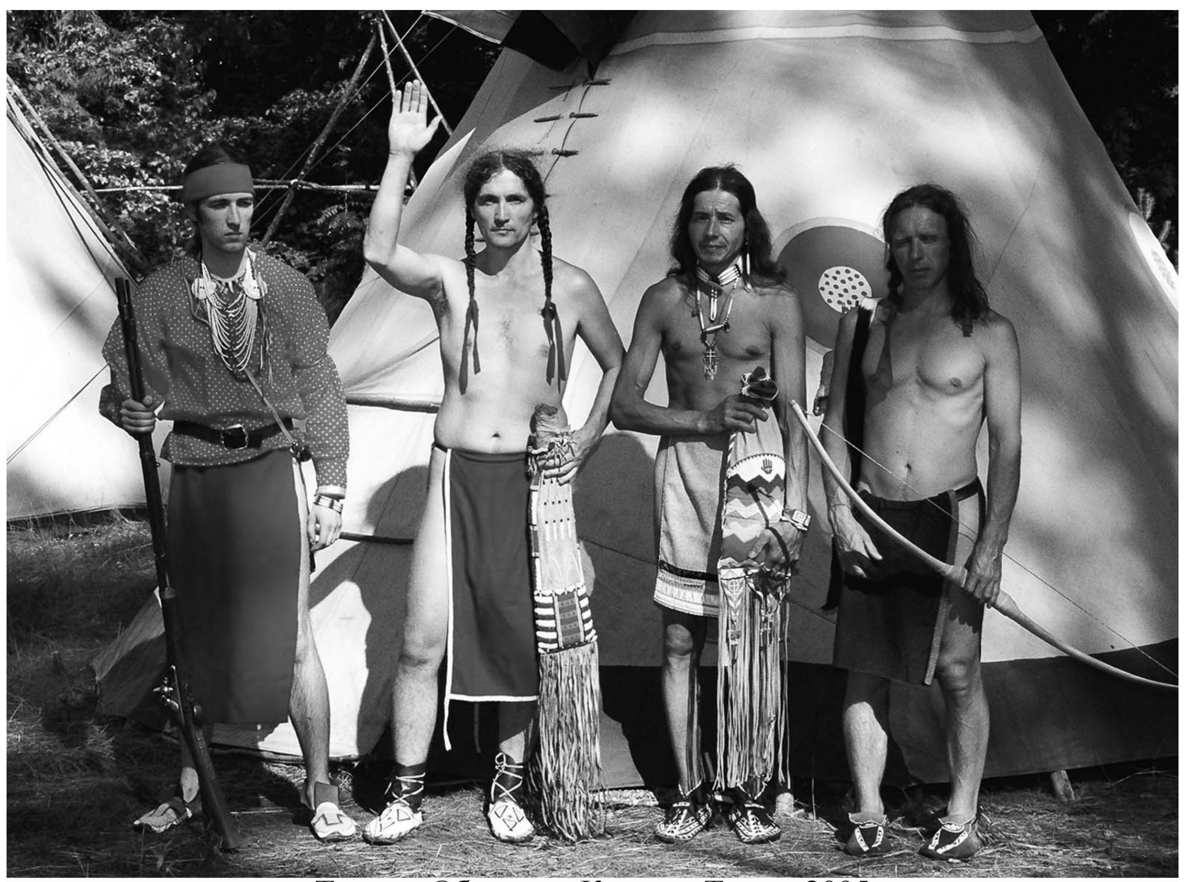
Многие индеанисты появились в общности недавно. Среди них есть такие, кто интересовался индейцами с юных лет, но по тем или иным причинам проявил свою активность лишь в зрелом возрасте. У других интерес к индейцам возник под влиянием друзей, жены или мужа. Бывают случаи, когда жена индеаниста изначально не была в общности, но после знакомства с будущим мужем проявляла интерес к его «индейскому» увлечению, что открывало ей дорогу в общность. Но такая ситуация не характерна, а в некоторых семьях складывается противоположная ситуация, когда он (она) теряет интерес к общности или же к индейцам вообще. Нередки случаи, когда «индейские» убеждения одного из членов семьи становятся камнем преткновения и приводят к разводу. Мне известны также случаи, когда индеанисту приходилось скрывать или подавлять свою тягу к общности и свой интерес к индейцам, чтобы сохранить семью; и это печально, поскольку свидетельствует о недоверии и непонимании супругов и способствует постепенному отходу индеаниста от своих убеждений.

Роль мужчины и женщины в общности индеанистов, конечно же, различна. Поскольку подавляющее большинство индеанистов — мужчины, то, за редким исключением, им принадлежит основная организаторская роль во всех мероприятиях. Они берут на себя ответственность за разрешение конфликтных ситуаций, их мнение окончательно

в решении вопросов и задач, встающих перед общностью. Это не значит, что права женщин каким-то образом подавляются, а если такое и случается, то в каждом конкретном случае взаимоотношения определяются скорее личным уровнем культуры людей, а не коллективным мнением общности индеанистов. Лидерство, как у женщин, так и у мужчин, подкрепляется авторитетом и многолетними заслугами перед общностью. Наряду с мужчинами, женщины и дети также допускаются к участию в общественных мероприятиях и духовных обрядах, если только это не противоречит установившимся традициям. Межличностные отношения тех индеанистов, чьи жёны не разделяют интерес супругов к индейцам и к общности индеанистов (и наоборот), никак не регулируются со стороны остальных членов общности. Уровень общественной деятельности или семейная жизнь индеаниста — личное дело каждого члена общности. На мой взгляд, гармоничное сочетание семейных взаимоотношений и общественной деятельности — вот та благоприятная обстановка, которая способствовала бы здоровому и поступательному развитию индеанистской общности. К этому необходимо стремиться, это необходимо культивировать и развивать.

Некоторые индеанисты говорят, что их интерес к индейцам ограничивается изучением определённого региона или племени, например, Лакота, Шайенов или Кроу. Бытует мнение, что невозможно, дескать, объять необъятное, «распыляясь» на кучу племён или различных культур, да и все подряд племена, мол, не могут быть интересны. Должен со всей ответственностью заявить, что большей несуразицы придумать сложно. Так могут говорить только предвзято настроенные люди, ограниченные рамками своего собственного мирка. Для тех индеанистов, кто ощущает духовную связь с индейскими народами, кто видит суть любого объекта своего внимания шире и глубже, такие рассуждения выглядят ребяческими и несерьёзными. Совершенно ясно, что не бывает интересных или неинтересных племён, скорее, среди самих индеанистов есть очень разные люди, со своими комплексами и предпочтениями. И не менее очевидно, что, когда им представляется случай пообщаться с индейцем «неинтересного» племени, гордые «Шайены» и «Лакоты» не упускают такой возможности. Думаю, что интерес к индейцам не должен ограничиваться рамками одного племени или региона. Человек Красной Дороги находится на пути духовного постижения мира, ощущая свое родство с индейскими культурами в целом.

Есть в общности люди, и таких немало, которые заигрываются в индейцев в силу своей инертности. Они как бы плывут по течению широкой реки, стараясь держаться берегов, чтобы в любой момент можно было пристать к берегу «соседнего» сообщества. Сегодня эти люди — индеанисты, завтра они — толкинисты, ролевики, ирландцы, конфедераты или байкеры, а когда через год снова наступает время Пау-Вау, они вновь рядятся в одежды индеанистов. Нет ничего плохого в разнообразии увлечений любого человека, это говорит о его интересе к жизни, проявления которой многообразны. Но в то же время это может быть знаком ограниченного отношения человека к любому делу, в том числе

Турово, Общество Красная Тропа, 2005

Турово, ежегодный Священный Бег, 2005

к индейской культуре и к самой общности индеанистов. Таких людей в общности не принято опасаться, ждать от них чего-то особенного либо с ходу отвергать, но и отношение к ним никогда не выходит за рамки несерьёзного, часто на грани вежливого игнорирования. Правда, подобная «заигранность» тоже сказывается на общем настроении внутри общности, но решающего влияния не имеет.

Мы, индеанисты, проводим обряды трубки и инипи. Эти обряды — традиции главным образом индейцев Равнин и Лесов, которые становятся и нашими традициями. Сначала мы проводили их сами, кто как мог, но с появлением подробной литературы и возможности учиться у наших гостей-индейцев мы довели форму этих обрядов практически до совершенства. Однако иногда у меня складывается ощущение, что некоторые индеанисты забывают главное: без осознания духовной стороны этих обрядов они сводятся к формализму, ведь без ощущения глубокой взаимосвязи с сутью форма просто-напросто теряет смысл. В реальности часто получается, что суть этих обрядов — очищение, возрождение и единение — подменяется иными смыслами. Очищение и возрождение духовное, ради осознания своего внутреннего родства со всеми живыми существами, подменяется очищением физическим, неким ощущением физического наслаждения тела, а духовное единение с силами Природы подменяется лишь подтверждением связующих уз между друзьями. Бывает, что времяпровождение некоторых коллективов друзей сопровождается последующим совместным распитием алкоголя в типи, на лоне матери Земли, «за встречу», как принято у белых. Такое отношение не только искажает саму суть этих обрядов, не только кощунственно и оскорбительно по отношению к миру Природы и к ближнему своему, но является также самой настоящей профанацией традиций тех самых Лакотов, Шайенов и других племён, к которым осквернители себя причисляют. И уж ни в коей мере не допустимо сопровождение обрядов бранью или пошлостью.

Изредка в Россию приезжают индейцы из Америки. Те из них, кто впервые сталкивается с общностью индеанистов, в большинстве своем бывают удивлены интересу к их культурам на противоположном стороне земного шара. Иногда они даже посещают Пау-Вау индеанистов и непосредственно участвуют в совместных с индеанистами мероприятиях. Общение происходит на английском языке, поскольку мы не владеем каким-либо из индейских языков, да и сами индейцы не всегда знают свой родной язык, не говоря уже о русском. Но язык никогда не бывает непреодолимым барьером. Самое важное, что я испытываю от таких встреч — это радость духовного общения с современными носителями индейских культур, которые служили для меня образцом с детства. Как правило, индейцы положительно отзываются о влечении белых к культурам их племен, но при этом выступают против возможных искажений или спекуляций.

Мне не приходилось участвовать в проведении обрядов инипи вместе с чистокровными индейцами, но я не чувствую из-за этого какой-либо ущербности или же сожаления. Среди моих друзей, да и в целом среди индеанистов много искренних, хороших людей, и я не думаю, что они в чем-то хуже

или ущербней «настоящих» индейцев. Более того, не всякого чистокровного индейца я бы назвал индейцем по духу, и наоборот, некоторые белые более по жизни индейцы, чем русские, украинцы, белорусы или литовцы, которыми они являются по происхождению. Не думаю, что инипи может проводить только индеец; этот обряд уже стал культурным и духовным достоянием многих людей в мире. Очень сложно провести грань между «настоящим» и «ненастоящим» индейцем, одухотворенным или неверующим человеком, представителями любых национальностей и т. д. Я думаю, что всё зависит именно от того, кем ты сам себя ощущаешь, и, если твоё самосознание не противоречит поступкам, если слова не расходятся с делами, то искренность и истинность твоих убеждений не станет вызывать сомнения среди членов общности индеанистов. Иными словами, все зависит от твоей безупречности.

Я являюсь носителем Трубки. Она многое для меня значит. Трубка для меня — это не просто дань какой-то индейской традиции и уж вовсе не модное увлечение, захлестнувшее некогда общность индеанистов. Я проводил обряд Трубки как для своих друзей-индеанистов, так и для индейцев по крови, но эти различия не мешали нам всем ощутить наше духовное родство друг с другом, с миром Природы. И моя трубка объединяла нас, несмотря на то, что другие индейцы запрещают людям с белым цветом кожи иметь трубки, не веря в их искренность и воздвигая искусственные барьеры. Когда я слышу подобное, у меня складывается досадное впечатление, что эти ярые традиционалисты-консерваторы сами так и не могут осознать истинного предназначения Священной Трубки — служить на благо всем живым существам, всем детям одного Создателя.

Я верю в Бога, но Богом этим считаю Великую Тайну Жизни — Священные Силы Природы. Моя трубка — это часть моей веры, такая же неотъемлемая, как крест для христианина. Несмотря на то, что я рос на Украине и в России, я никогда не ощущал какой-либо внутренней связи с православием или иными христианскими вероучениями. Во времена моего детства в нашей семье никогда не обсуждались религиозные темы. Сегодня мне, проживающему в городской среде, нечасто приходится бывать в лесу, но созерцание окружающего мира даже в городе, где тоже есть деревья, земля, небо, луна и солнце, также может наполнить нас силами Природы, надо лишь научиться их видеть, и они даруют нашему телу и разуму красоту и доброту, любовь и мудрость, которые мы сможем передать нашим близким. Горожанам необходимо чаще приобщаться к миру Природы, даже если нет возможности непосредственного контакта с ней. Но когда приходит время ступать на лоно Природы, то делать это следует ради духовного очищения, и находясь там, сохранять в душе чувство прекрасного. И тогда, я надеюсь, ни в одном человеческом сердце уже не останется места злобе и зависти, жестокости и невежеству.

Были времена, когда главным смыслом моей жизни было кочевье. До сих пор я вспоминаю эти времена с благоговением, вспоминаю их, как самые лучшие в моей жизни. Переломным моментом в моей жизни стало именно осознание правоты духовных ценностей

Природы, а не псевдо-моральных стереотипов, бытовавших в обществе тогда и до сих пор паразитирующих в сознании обывателя. Понятие духовного мира, духовности подменяется в современном обществе псевдо-христианской моралью, словно пеленой закрывающей глаза и сердца людей, так называемых «рабов божьих», от понимания мира прекрасного, мира Природы. Мне не нравится то, что искажённая христианская мораль, хождением в церковь подменяющая внутреннюю веру человека, навязывается людям с детства, практически не оставляя места самостоятельному постижению действительности. Несмотря на это, я уважительно отношусь к любому человеку, вставшему на путь веры, будь то христианин, иудей или мусульманин, но верующему искренне, а не спекулирующему верой в зависимости от обстоятельств. Верующему человеку не всегда нужна церковь, он может прожить и без неё, а вот церкви, как институту, без людей не обойтись.

В последние годы в общности много говорилось о пристрастии многих индеанистов к курению и алкогольным напиткам. Я считаю, что всякая вещь хороша, если она находится на своём месте. Я отрицаю для себя неритуальное использование табака, а употребление алкоголя вообще категорически не приемлю, но вместе с тем считаю, что это личное дело каждого, и всему своя мера и свое место. И я горячо убежден в том, что использование алкогольных напитков — это излишества, неприемлемые в индейском лагере, в типи, в лесу. Лоно Природы сродни храму, а жилища наши, типи, по сути своей тоже священны; отправляясь в христианский храм, верующие не приносят с собой бутылку, и ни у кого в голове не возникает мысли закурить там сигарету. И если у индеаниста появится Вера, он не позволит себе осквернять подобными излишествами чистоту взаимоотношений с Высшими Силами.

Как любому хорошему начинанию, нашей общности тоже угрожают подводные скалы, способные пустить ко дну кажущийся непотопляемым корабль индеанистики. Одной из таких угроз являются появляющиеся с удивительным постоянством и периодичностью самозванцы, манипулирующие якобы имеющимися у них знаниями и жизненным опытом. Как и всякое зло, они возникают в период смуты, заполняя собой духовный вакуум. Одно дело, если это обыкновенные выскочки: проходит год или два, и муть, которую они поднимают, сама собой оседает на дно. Гораздо опасней люди, сознательно манипулирующие доверием членов общности, по большому счёту привыкших за многие годы доверять друг другу. Когда рано или поздно приходит прозрение, у многих людей на годы остаются глубокие душевные раны, залечить которые может только уважительное отношение остальных членов общности. Много шуму наделал вновь появившийся в 1998 году старый индеанист (1960–70-х годов, имени сознательно не называю), который в течение нескольких лет манипулировал взаимоотношениями внутри общности, втираясь в доверие к людям и сея смуту. Решающую роль в том, что люди отнеслись к нему с уважением, сыграл его возраст (более 50 лет), принадлежность к общности в 1970-х годах, а также публикации в «Первых Американцах». В своих статьях он призывал к вере, уважению

и единству в рядах общности, на деле же сеял безверие, ненависть и рознь, настраивая одних членов общности против других. Конечной целью его амбиций, видимо, была организация секты с религиозным уклоном, о чём свидетельствовала последовательность его действий в этом направлении. Он собирал вокруг себя приближённых людей, причём позже безо всяких объяснений и зазрения совести обливал их грязью и приносил в жертву своим амбициям тогда, когда это было выгодно ему для достижения определенной цели. К счастью, общность нашла в себе силы разобраться в ситуации и оправиться от такого удара, хотя в некотором смысле понесенные ею потери уже невосполнимы. Другой пример — деятельность небезызвестного писателя-компилятора. В 2000-е годы он начал публиковать сомнительного качества книги по военной тематике и даже по религии индейцев, которые, по сути дела, являлись либо сборниками, составленными из переведённых фрагментов американских изданий, либо невообразимой мешаниной надёрганных откуда попало отрывков и цитат, иногда достоверных, иногда сомнительных и тенденциозных, без каких-либо ссылок на источники. Автор доходил даже до того, что публично и в неподобающей манере критиковал знаковые фигуры индейских героев и давал сомнительные оценки общеизвестным фактам, а временами фактически занимался переписыванием общеизвестной истории исходя из личных пристрастий, подкрепляя свои суждения собственным писательским авторитетом. Поскольку я всегда выступал за доступность информации, я признаю, что автор достоин благодарности за тот внушительный объём переводной информации, который он предоставил читателю. Но, к сожалению, подача этого материала вызывает многочисленные вопросы, а порой даже искажает действительность. Читать подобные книги необходимо, имея голову на плечах, не воспринимая их содержимое «за чистую монету». Можно себе представить, какой вред такая компиляторская литература наносит начинающим индеанистам, у которых в голове складываются соответствующие стереотипы по отношению к индейцам и которым зачастую трудно с ходу отличить правду ото лжи.

Опасность, которую несет подобная амбициозность, проявляется также и в формальном, лишённом истинного понимания следовании индейским традициям. Как результат — профанация духовной составляющей индейской культуры перед остальными членами общности и новыми людьми, которые впоследствии слепо копируют эту формальную сторону, не задумываясь о её истоках и продолжая таким образом многие искусственно созданные традиции индеанистов. Так, например, участившиеся в последние годы шоу-выступления индеанистов не всегда несут популяризаторский смысл, так как между различными видами культурно-массовых мероприятий не существует четко очерченных границ. Одно дело выступления и реконструкции в поддержку культурных программ и в образовательных целях, другое — те, что проводятся в рекламных целях или в качестве сопровождения развлекательно-увеселительных мероприятий или корпоративов. Последние создают у праздных зрителей ложное ощущение

сопричастности «настоящей» индейской духовности и легкости постижения её сути. Зачастую это происходит с молчаливого одобрения, попустительства или равнодушия остальных членов общности как прямое следствие сложившейся среди индеанистов традиции не вмешиваться, не запрещать, не мешать и не препятствовать напрямую свободе волеизъявления членов общности. Вмешиваться и конфликтовать не стоит, но общности необходимо дистанцироваться от сомнительных мероприятий или же чётко разграничить подобные практики, чтобы предотвратить продолжение профанации индейской культуры и обезопасить себя от возможных провокаций со стороны недоброжелателей.

Должен сказать, что индеанисты сейчас уже не те, что в 1970-е, и даже в 1990-е годы. Помимо того, что многие из них уже не молоды, времена сильно изменились, и люди уже научены горьким опытом действительности и порой склонны к взаимному недоверию. Все изменения неразрывно связаны с переменами, которые произошли в нашей стране, ведь индеанисты — это обычные люди, часть гражданского общества, и все, что происходит в стране и в мире, неизбежно отражается на людях. Нынешний уровень российского Пау-Вау — это отражение нашей действительности. Я по-прежнему считаю, что Движение индеанистов в России давно уже мертво, поскольку нет объединяющей всех идеи; но то, что делается сегодня — Пау-Вау, реконструкции, ремёсла, творчество и книгоиздание — всё это является попытками возродить Движение. Но для того, чтобы это произошло, нужны идеи и цели, нужны подвижники, которые могли бы эти цели проводить в жизнь. Всё это в той или иной форме есть, но весьма разрозненно.

Мне не нравится многое из того, что происходит на Пау-Вау индеанистов. Да и не только мне. Существуют реальные люди, которые также недовольны сложившейся ситуацией в общности и на Пау в частности. Эти люди действительно хотят отмежеваться от тусовщиков, от всех присутствующих негативных проявлений, хотя, возможно, не у всех из нас хватит сил идти дальше. Наблюдая за молодежью, я вижу, что сама она не в состоянии что-то изменить, так как выросла на иной идейной почве, чем та, что питала нас в 1970–80-е годы. Что поделаешь, мы живём в нездоровом обществе, до сих пор не оправившемся от потрясений 1990-х годов, все недуги которого сами собой переносятся на общность индеанистов. И хуже всего, больнее всего видеть, когда негативный пример молодёжи показывают некоторые наши «старики». Однако многие люди действительно всем сердцем хотят перемен, даже несмотря на то, что они пока не видят для себя другой возможности внешней формы существования. Но внутреннее сознание тоже на голом месте не возникает, и я уверен, что наши знания и наш опыт, опыт «стариков», ещё пригодятся обновлённому, возрождённому Движению, без них ему просто не обойтись.

Было бы неплохо ежегодно на Пау обсуждать тему возрождения Движения. Это необходимо делать на каждой межрегиональной встрече индеанистов. Об этом надо всегда помнить, и вообще было бы хорошо, чтобы к Пау те, кого это интересует, уже привозили свои наработки и предложения. Единственное,

стоит иметь в виду, что это не должно иметь принудительный характер, потому что излишняя заорганизованность просто-напросто отпугивает людей и не оставляет для индеанистов никаких других альтернатив, кроме как держаться особняком, становиться эдакими эгоистами — дескать, у меня свой путь, я — «одинокий ходок», зачем мне излишняя ответственность, лучше я буду сам по себе, и т. п. По сути дела, общность индеанистов и само Пау-Вау как наиболее активное её проявление всегда держались на инициативе. Возрождению Движения тоже, как воздух, необходима инициатива. Но желание что-то сделать для общности просто так тоже не возникает, оно приходит лишь тогда, когда человек чувствует уважение к себе, родство с остальными членами общности и хочет сделать что-то безвозмездно для всех. Если этих чувств нет, то заорганизованность только отталкивает. Это всегда было подводным камнем в нашей общности. Поэтому говорить о возрождении Движения нужно, но делать это стоит очень осторожно и только в кругу тех, кто тоже осознаёт эту необходимость. Сколько раз хорошие начинания захлебывались в потоке противостояния, клеветы, случайной или намеренной дезинформации и т. п. Взять хотя бы ту же «Декларацию Движения индеанистов России». Она была создана в 1999–2000 годах, в период кризиса, сложившегося в среде индеанистов, когда старые идеи Движения умерли, а новых не появилось. Собрался актив, был составлен текст, в котором подводились итоги Движения и предлагались идейные принципы для выхода из кризиса, текст был разослан всем известным на тот момент индеанистам. Чем плохое начало? Разве в Декларации что-то было неправильно сказано? Все соглашаются, что правильно, в ней ни с одним пунктом не поспоришь. А всё равно инициатива была раскритикована — одними за то, что остались в стороне от её подготовки и обсуждения, а потому говорили, что якобы всё было решено за их спинами, хотя никто ни от кого ничего не скрывал; другие просто побоялись ставить подписи, чтобы избежать ответственности — это же надо отказаться от устоявшейся привычки на Пау, когда порою стакан идёт по кругу; третьи были недовольны тем, что не вошли в число авторов текста; а четвёртые и вовсе сначала было подписали, а потом вдруг поняли, что оказались слабы, и стали утверждать, что якобы их подпись подделали. А разве в Декларации не сформулированы основные принципы и цели Движения, причём в достаточно вежливой и прямой форме? Оказалось, что идейных призывов недостаточно, общность как таковая в целом к переменам была не готова.

Не найдя взаимопонимания, в 2000-м году лагерь российского Пау-Вау разделился, и сторонники Декларации объединились в лагере Пау-Вау «Возрождение». По сути дела, сложилось два альтернативных лагеря, в которых и «старики» могут оглянуться на свои достижения, и у молодёжи есть возможность выбирать, каким путём ей идти дальше, на какие духовные и практические ценности ориентироваться в своей жизни. По мнению большинства, это был самый реальный выход из сложившейся ситуации. И нет ничего плохого, если объединёнными творческими усилиями заинтересованных индеанистов, как «стариков», так и молодежи, оба лагеря по-своему вли-

яют на формирование новой общности индеанистов, с качественно новым уровнем сознания. Не об этом ли индеанисты мечтали во все времена своего существования как Движения!

Для подобных перемен нужен в первую очередь творческий подход, и здесь одним из самых болезненных моментов может стать необходимость находить силы ради общего блага приносить на жертвенный алтарь новой общности межличностные амбиции, которыми индеанисты обросли за полувековое существование нашего круга. И первым шагом в этом направлении для каждого должно стать осознание этой необходимости. Тогда и будет дан зелёный свет нашему потенциалу, накопленному за годы нелегких испытаний. Прежде всего, мы — духовная общность. Но слова в Декларации о том, что мы — народ, народ как духовная общность — это тоже не голые слова. Не осознав этого и не заявив об этом в определённый момент времени, мы так и остались бы неизвестно кем, называемыми размытым и скользким термином «индеанисты». Поэтому слова «мы — народ», народ Красной Дороги, я расцениваю как ориентир, к которому необходимо стремиться, на который необходимо равняться. Подобный ориентир необходим в первую очередь молодым людям. Заявив об этом, мы, по крайней мере, определились, кто мы. И Декларация в этом смысле будет актуальна и десять, и пятьдесят, и более лет, до тех пор, пока мы будем существовать, развивать и культивировать свои ценности. Но народ не может возникнуть на голом месте, его что-то должно объединять, некая близкая и понятная каждому идея. На мой взгляд, таким объединяющим началом как раз и может стать осознание ценностей Красной Дороги. Я понимаю, конечно, что у каждого из нас свое понимание индейских ценностей и взгляд на то, что же такое Красная Дорога. Но бесспорно и то, что, лишь осознав себя частицей определённого народа, один человек способен услышать другого. В противном случае мы так и останемся глухими и слепыми, делая вид, что ничего не происходит или что нас это не касается.

В 2000-м году в Питере мы с единомышленниками, сторонниками Декларации, создали общество «Красная Тропа». Сначала его составлял лишь питерский актив, а затем общество разрослось и укрепилось единомышленниками из других регионов России. С тех пор вот уже в течение двадцати лет мы проводим «Пау-Вау Возрождения Движения индеанистов России» (сокращённо, «Возрождение»). У нашего лагеря есть будущее, он вселяет во многих индеанистов надежду, вдохновляет на жизнь и творчество, придаёт силы жить дальше. По сути дела, это тот индейский лагерь, в который каждый из нас стремился попасть с детства, где живут братья, где нет посторонних людей и пороков цивилизации, где мы в кругу друзей можем пожить в окружении добра и красоты Природы. Такая обстановка в лагере существует потому, что каждый из приезжающих чувствует себя частью нашего круга, частью лагеря Пау-Вау, и, чувствуя заботу и внимание остальных, тоже старается привнести частицу себя в лагерный круг. Все эти достижения необходимо сохранять, культивировать и развивать.

Ежегодные собрания индеанистов проходят и в других странах Европы.

В целом же культурная деятельность индеанистов является весьма разносторонней. У них есть даже свои собственные печатные издания. В европейских странах издавались и издаются журналы, альманахи и бюллетени, издательский уровень которых очень разнообразен. Потребность в информации у индеанистов во время отсутствия развитой интернет-сети всегда была велика. Начиная с 1980-х годов в России предпринимались единичные попытки издания тематических выпусков газет, бюллетеней, альманахов и сборников переводов. В начале 1990-х вышло несколько номеров московского журнала «Американо-индейские ведомости» и сыктывкарского альманаха «Томагавк». С 1994 по 1996 годы в Москве ежеквартально выходил историко-этнографический альманах «Иктоми». С 1996 по 2005 годы в Питере тиражом 1000 экземпляров выходил научно-популярный альманах «Первые Американцы», достигший практически профессионального уровня. Его учредителем, редактором и издателем был я. Альманах издавался, пока был востребован, до появления в сети огромного количества переводных материалов по нашей теме. В какой-то мере альманах выполнял объединяющие и координирующие функции среди индеанистской общности и работал на возрождение Движения индеанистов России. Помимо статей и переводов об индейцах в альманахе публиковались воспоминания индеанистов и другие материалы, отображающие состояние индеанистской общности на то время. Но сам по себе альманах не мог и не вправе был заменить человеческие взаимоотношения индеанистов, хотя в определённой степени и формировал сознание обновленной общности.

В последние годы, с начала 2000-х, я занимаюсь книгоизданием по индейской теме. Мне нравится эта деятельность, сам творческий процесс подготовки текстов к публикации. Я всегда, с самого детства, любил книги, и помню те времена, когда информацию об индейцах приходилось собирать по крупицам; индейских книг в 1970–90-е годы было немного. С тех пор я сохраняю бережное отношение к книгам, и, хотя сейчас у меня большая библиотека, я как ребёнок радуюсь каждой новой книге по нашей теме, тем более той, в которую вложена частичка твоей души. Это сродни магии, когда на твоих глазах англоязычный текст превращается в перевод, а затем в книгу, которая приносит радость людям. Также, сколько себя помню, я всегда старался поддерживать отечественное авторское творчество, как в альманахе, так и в книгоиздании. Всего мною издано более 30 книг.

К фильмам я тоже всегда был неравнодушен, с тех самых первых индейских лент киностудии «ДЕФА», которые с затаённым дыханием смотрел в кинотеатрах. В 2011 году мы с друзьями создали интернет-ресурс «Клуб Вестернс», в котором вот уже восемь лет успешно занимаемся профессиональными переводами художественных и документальных фильмов про индейцев и Дикий Запад. За эти годы нашими усилиями переведено на русский язык и озвучено более 2000 фильмов и сериалов, как художественных, так и документальных, многие из которых являются знаковыми для поклонников вестерн-тематики. Среди них не только картины, посвящённые прошлому Америки, но и фильмы о со-

временных индейцах. Зрительный образ для восприятия темы тоже чрезвычайно важен!

Бывают времена, когда я отправляюсь в горы, чтобы теснее пообщаться с Природой, восстановить свои силы для будущих испытаний. Общение с Природой приносит мне незабываемые впечатления! Это чудесное время! Люди всё спорят, кто прав, кто виноват, а горы тем временем стоят, исполняя своё предназначение, как и было предначертано Создателем, тысячи и тысячи лет, и будут стоять вечно. Они дают путникам силы идти своим путём, независимо от трудностей, лицемерия и предательства окружающего мира, независимо от любой фальши и грязной политики. И ещё они позволяют слышать голос сердца. Думаю, что главное для меня — быть уверенным в своих силах и не предавать веру людей, у которых в сердце всегда живёт вера в наше духовное родство, соединяющая нас друг с другом, и надежда на истинное единство — единство осознанное, а не показное и формальное.

Иногда я слышу слова о том, что объединение лагерей даст людям новый прилив сил, послужит толчком к развитию исторической реконструкции и Пау-Вау в целом. Тема единства и раскола возникает в индеанистской среде с завидным постоянством. Порою кажется, что некоторые люди сознательно спекулируют этой темой, периодически вбрасывая её в общественное информационное поле без желания какого-либо конструктивного обсуждения. Мне грустно от подобных слов. Я чувствую в них всё то же бахвальство, ту же фальшь, демагогию о единстве и полное отсутствие рассудительности. Эта тема муссируется искусственно и ничем не подкреплена. Жизнь наша не ограничивается одним только Пау; после него в течение года многие из нас общаются вне рамок тех или иных лагерей. Менять надо не дислокации лагерей, а сознание людей. Когда на одном из «объединительных» советов я попросил встать тех, кто ради единства не может отказаться на неделю от выпивки на Пау-Вау, то встала половина присутствующих, так о каком осознании единства можно говорить? Необходимо бережно относиться к тому, чего мы уже достигли как в лагере Пау-Вау «Возрождение», так и в любом другом индеанистском лагере. Для каждого индеаниста лично важно, вне зависимости от друзей и лагерей, направить все силы на рост уровня своей собственной духовности, чтобы через это прийти к осознанию единства в обновленных лагерях, а не идти на поводу у сомнительных, ничем не подкрепленных призывов к объединению в один лагерь Пау-Вау. Разменной картой в таких сомнительных проектах становятся приезжие индеанисты, у которых в результате исчезает всякое желание каким-либо образом участвовать в общем деле. В сложившейся ситуации не следует подливать масла в огонь, навязывать свои взгляды и убеждать в своей правоте. Индеанисты, как правило, люди творческие, реализующие себя в жизни согласно своей профессии, умениям и мировоззрению. Но, когда наступает время Пау-Вау, люди сами тянутся к тому, что им ближе, сами чувствуют, что им нужно. Пусть примером для других будут дела каждого из нас. И тогда истинное единство общности индеанистов начнёт строить-

ся именно на свободе волеизъявления, на осознанном выборе, подкрепленном духовным самообразованием. Если же будет существовать только один лагерь, то возможность выбора у людей будет отнята. Тогда люди будут загнаны в очередной «совок» или вынуждены уйти из общности, а перспективы этого — безрадостны.

Дело здесь не в устройстве краткосрочных летних лагерей Пау-Вау, а в состоянии сознания каждого индеаниста, которое отображается на состоянии нашей общности в целом. Пусть люди ездят в разные лагеря и берут оттуда лучшее, что там есть. Пусть одни продолжают играть, как привыкли, оставаясь белыми, техногенными людьми, и пусть живут своей жизнью те, кто тянутся к свету, становясь индейцами, красными людьми по духу. Таких людей среди индеанистов предостаточно. Пусть одни продолжают играть, а другие — жить. Всему своё время. Я верю, что для каждого из нас в свой миг наступает время, когда человек сознанием своим обращается от игры к жизни, и тогда время Красной Дороги для человека не за горами…

Могут ли достижения общности индеанистов и её нынешнее состояние быть примером для наших детей, для последующих поколений? На сегодня молодёжь практически мало пополняет наши ряды. На мой взгляд, это связано с состоянием гражданского общества в нашей стране. Каждый плод должен вызреть, сформировать семя, у которого может появиться шанс стать ростком. Будущее общности связано с новыми людьми, и оно напрямую зависит от того, что могут дать молодёжи наши «старики», какую силу они способны в нее вдохнуть, какое наследие они после себя оставят. Окажется ли эта среда плодородной, или же придется дожидаться обновленной почвы, способной дать жизнь новому индеанистскому ростку? Будущее нашей общности представляется мне ярким и величественным, но будет ли оно одухотворённым и живым? Я верю в это, ибо, пока жива вера, пока жива мечта, есть будущее и у нас, и у наших детей, и у тех, кто придет вслёд за нами. А примером для грядущих поколений будет наша с вами жизнь.

Моя индейская Тропа

Олег Ясененко
(Блуждающий Дух)
(отрывки из воспоминаний)

Мои родители родились и выросли в глубоких провинциальных уголках Украины, в Полтавской и Житомирской областях. Детьми и подростками они пережили тяжёлые голодные времена, фашистскую оккупацию и нелегкое послевоенное время. Они познакомились в Германии в начале 1960-х годов, где отец служил в советской воинской части, а мать работала по найму. Я родился в 1965 году там же, на севере ГДР, в городе Росток. В 1970-м у отца закончился контракт, и мы переехали на Украину, в районный городок Каменка-Бугская Львовской области. Там прошли все остальные мои детские и школьные годы.

Меня всегда тянуло к природе. Неподалёку от нашего дома находилось озеро, берега которого поросли камышом. В озере водились раки и крупная рыба, и оно притягивало меня как магнит. Когда мне разрешали гулять на улице, я стремглав бросался к озеру и мог долго возиться у воды, иногда пробовал рыбачить или ловить раков, но часто просто бегал вокруг с другими ребятишками. Однажды я поскользнулся и упал в воду. Я барахтался в нескольких метрах от берега, плавать тогда ещё не умел. Мне повезло, что неподалёку находился рыбак, который успел подбежать ко мне, зацепить удочкой за капюшон и в последний момент вытащить на берег. Тогда я впервые в полной мере испытал чувство опасности, но страха не было.

Я рано научился читать, лет в пять. В первые школьные годы я делал большие успехи в учёбе, был отличником. Потом увлёкся приключенческой литературой, в которой описывались разные страны и народы, живущие первобытной жизнью, такой простой и такой романтической. Истории о путешествиях, о древних людях, о животных — всё это было так интересно. Уже в третьем классе мне пришла идея на выходных совершить десятикилометровый поход в гости к однокласснику в удалённый посёлок при воинской части, расположенной в лесу. За вылазкой последовало наказание, но тягу к приключениям оно не остудило.

Я рос в бедности, так как к тому времени родители уже были в разводе. Мы с братишкой остались с матерью, нам постоянно всего не хватало, как одежды, так и еды. Однажды, в третьем классе, я посмотрел в кинотеатре свой первый индейский фильм, «Оцеола». Тогда я понял, что в жизни надо быть сильным и за справедливость можно сражаться. Но кто были эти люди, Семинолы, что это за такой мужественный народ? Сеанс был на выходных, а в понедельник учительница сказала, что индейцев описывал в своих книгах Фенимор Купер. На перемене я уже был в школьной библиотеке и через минуту держал в руках свою первую книгу про индейцев — «Последний из Могикан». За вечер и ночь книга была прочитана. За ней последо-

вали другие книги и новые авторы — Сат-Ок, Шульц, Сетон-Томпсон, Серая Сова.

Итак, индейцы! Книги об этих людях притягивали меня, словно магнит. В них было всё — и природа, и животные, и полная опасностей жизнь, и манящие в неизвестность приключения. Спустя год мне захотелось поделиться своими знаниями с одноклассником по имени Руслан, который в то время интересовался исторической литературой и охотно поддержал мой интерес. Так нас стало двое. Мы вместе разыскивали новые книги в библиотеках, в школе обменивались информацией, а на выходных время проводили вместе. Мы называли себя Шауни, а первыми нашими именами были Манко и Ункас. У нас были свои потайные места за городом, вдоль берегов реки Буг, и священное место с огромным деревом, у которого мы частенько жгли костер, курили простую «индейскую» трубку и подносили дары Создателю и духам — всё, как описывалось в книгах. Вместе мы вынашивали мечту о том, что, когда наступит время и мы станем постарше, мы постараемся добраться в Канаду до соплеменников Сат-Ока, чтобы разделить тяготы их лесной жизни.

Потом информации стало не хватать, хотелось узнать ещё больше, узнать о том, как живут индейцы сейчас. Это было в 1977 году, мне было 12 лет. Мне пришла в голову идея написать письмо в журнал «Пионер», в котором я просил рассказать о жизни Шауни сейчас и вообще об индейцах. Вскоре пришел ответ, в котором мне дали адрес такого же, как я, увлечённого индейцами паренька из Башкирии — Мустаева Альберта (Гичи Мокве). Я написал ему, и когда пришёл ответ, я узнал, что в стране есть ещё несколько ребят, увлёченных индейцами, с которыми он переписывался. Так мы познакомились с другими индеанистами; некоторые были нашими сверстниками, другие чуть постарше. Завязалась переписка. У нас появились новые имена, друга звали Весенним Оленем, меня — Куницей.

Перепиской с другими индеанистами в основном занимался я, но ответы на письма мы обсуждали вместе. Мы хорошо сдружились с ребятами из Московской области — в их группе было четыре человека: Игорь Суров (Питамакан) и Маленький Волк, оба из города Дедовск, а также братья Евчуки из Нахабино — Сергей (Чёрный Сокол) и Олег (Одинокий Ходок). Друзей по переписке у нас было около двадцати. Вскоре в письмах с ребятами мы договорились о создании ОСКСАИ (Организация сохранения культуры североамериканских индейцев). Это было в 1978 году. Вождём был избран Питамакан, шаманом — Гичи Мокве. В нашу группу входили также Белая Пума (из Ивановской области), Хитрая Лиса (из Татарстана), Горностай и Тенскватава (оба из Башкирии) и ещё несколько человек, имена и фамилии которых я уже не помню. Задачами ОСКСАИ были: сбор книг и публикаций из прессы о североамериканских индейцах, обмен этой информацией с целью изучения индейской культуры и в дальнейшем помощь в её сохранении. Самыми продвинутыми были москвичи, Питамакан и Маленький Волк, которые снабжали нас редкой литературой, в том числе иностранными изданиями. Это было наивное детское объединение, заведомо обречённое на провал, но такое искреннее в своём стремлении что-то

сделать для друзей и наших старших братьев-индейцев. Помню, как в 1978-м ежедневно следил за походом индейцев на Вашингтон, каждый день просматривая новые газеты в поисках информации об этом событии.

Мои чувства были искренни, а слова всегда прямы. Индейцы стали для меня идеалом, и потому я считал своим долгом быть похожим на них и тщательно следил за всеми своими поступками. Как и они, я любил природу, хотя различие было налицо: они в ней жили, а для меня это были всего лишь мечты. Но было огромное желание что-то делать.

Вскоре по окончании восьмого класса, летом 1980 года, я поехал в гости к Питамакану в город Дедовск в Московской области и провёл у него дома три недели. Мы крепко сдружились и стали называть друг друга братьями. Вернувшись домой, я почувствовал огромный прилив сил. Я хотел сам распоряжаться своей жизнью и своими поступками, быть самостоятельным, и на какое-то время я это всё получил. Это вселило в меня уверенность. В результате знакомства с индеанистами я получил огромное количество новой информации и литературы, весь год шло знакомство с ней и совершенствование некоторых индейских навыков жизни в лесу и изготовления индейских вещей. Стрельба из лука, бег на большие расстояния, да и просто созерцание природы в укромных местах — всё это доставляло мне радость.

В 1981-м я снова гостил у Питамакана, и он познакомил меня с новыми друзьями из Москвы, в том числе с Сергеем Ванюшиным (Солнечный Дождь), Димой Зориным (Зовущий Лось) и Димой Чернышовым (Воронья Смерть). Питамакану тогда исполнилось 18 лет, мне — 16. К этому времени мы уже знали, что существуют или существовали и другие объединения индеанистов — СОД (Союз джосакидов), ПИА (Помощь индейцам Америки), Союз Бэр-По (Союз Медвежьей Лапы), племя Каучи (г. Великие Луки), а также ленинградская группа из нескольких человек. Последняя была наиболее активна и в 1980-м году (как раз в те дни, что я впервые гостил у Питамакана) проводила Большой Совет в окрестностях Ленинграда, в котором принимали участие 12 человек из разных областей нашей страны; Дима Воронья Смерть даже принимал участие в Большом Совете и рассказывал о своей поездке в Ленинград. Мы решили переименовать ОСКСАИ в ГСИН (Голос солидарности с индейским народом), несколько изменив наши планы, основной целью сделав будущую политическую поддержку индейцев, многие из которых находились в тюрьмах в результате борьбы за свои права. Сначала же следовало усиленно заниматься поиском информации и самообразованием.

Зимой, незадолго до ухода в армию, Питамакан успел съездить в Ленинград и познакомиться с новыми друзьями. Оказалось, что к этому времени СОД-ПИА и Союз Бэр-По уже распались, из индеанистских организаций существовали только ЛИК (Ленинградский индейский клуб), Каучи и «Красные Стрелы» из Новосибирска (ранее входили в СОД), поддерживавшие между собой тесный контакт. Питамакана вскоре забрали в армию, а я погрузился в переписку с новыми друзьями. Они многое рассказывали о своих целях и задачах, говорили о создании Движения индеа-

нистов России с целью поддержки борьбы индейцев за свои права. С Каучи Красного Волка мы заключили союз, объединив наши силы. Из переписки я узнал, что ЛИК готовит проведение первого всесоюзного Пау-Вау в июне 1982 года.

Помимо моего углубленного интереса к литературе об индейцах, в том числе научной, изучения и систематизации собранных материалов, меня всё больше увлекала идея создания единого Движения индеанистов России, ведь все мы считали, что в единстве — сила, и вместе мы сможем добиться многого. В то время советская общественность дружно выступала в защиту Леонарда Пелтиера, делал это и я. Сначала расклеивал листовки по городу, но затем понял, что единичные листовки — это мало, и призыв звучит не совсем в нужном месте. Я пошёл в Комитет защиты мира, существовавший тогда в каждом областном центре, но там мне сказали, что Пелтиер не является борцом за мир, поэтому они ничем не могут меня поддержать. Предложили оставить адрес для связи. Так я впервые столкнулся с системой, мной заинтересовался КГБ. Через день после посещения Комитета защиты мира меня вызвали к директору школы и долго расспрашивали о моём желании помочь Пелтиеру. Меня тогда это удивило, ведь в его защиту выступало правительство Советского Союза, о нём рассказывали в газетах. О друзьях по переписке я не сказал ничего, но от других узнал, что некоторыми тоже в своё время интересовался КГБ и проверял переписку. Это вызывало недоумение, ведь мы все хотели помочь угнетенному народу, индейцам, и действовали совершенно искренне. Позже я стал замечать, что и моя переписка проверяется, письма приходили вскрытыми и заклеенными вторично.

Я ждал первого Пау-Вау и твердо решил на него поехать, поскольку считал себя обязанным участвовать во всех акциях создаваемого Движения. В последнее время моё увлечение, помимо изучения истории и культуры индейцев, всё больше приобретало политическую окраску. Я искренне сопереживал всему, что происходило с индейцами, отслеживая новости в прессе и получая информацию из переписки. В конце июня–начале июля 1982 года состоялся долгожданный сбор, первый отечественный Пау-Вау под Ленинградом, в Рощино. Там я впервые увидел многих своих единомышленников. Среди них были Красный Волк (Великие Луки), Мато Нажин и Орлиное Перо («Красные Стрелы» из Новосибирска), Большой Бобр, Четан, Овасес, Поющая Радуга и Утренняя Звезда (Ленинград), Быстрый Томагавк (Таллин), Левая Рука и Синий Орел (Арзамас), Великий Рысенок (Днепродзержинск), Гордый Орёл (Пермская область) и многие другие. Большинство из участников, которых было около 50 человек, уже давно отошли от общности индеанистов, имён многих я уже не помню. С некоторыми ребятами я хорошо подружился. Многие называли друг друга братьями.

С Пау я возвратился в прекрасном настроении, полный сил и желания действовать. Было решено проводить такие сборы ежегодно. К тому времени я уже остался один. Позади была школа. Весенний Олень решил поступить в Лесной техникум, я же уехал в Харьков, на родину матери, где жила наша родня, но, главное, там тоже были индеанисты, с которыми можно было общаться. К то-

му времени идея бегства в Канаду к Шауни уже не была актуальна, поскольку я с головой втянулся в Движение, к тому же, по воле жизненных обстоятельств, мы с другом детства уже расстались. На Пау Орлиное Перо с Мато Нажином рассказывали мне, что под Харьковом живёт один старый индеанист по имени Серая Сова (Сергей Смолянинов), который многое знает и имеет опыт жизни на природе. Когда-то вместе с ним они даже ходили в поход к Телецкому озеру на Алтае. Меня это привлекало. Я взял его адрес, приехал к нему, и мы стали хорошими друзьями. Мне всегда хотелось иметь рядом надёжного друга, который разделял бы мой сильный интерес к индейской теме и любовь к природе. Он был старше меня на 8 лет, но неожиданно для себя я узнал, что этот человек мне очень близок, он разделяет мои детские мечты о жизни на природе. Это был особенный человек, так же, как и я, одержимый идеей приобщиться к природе и посредством этого глубже породниться с индейцами. Мы часто встречались, проводили в беседах долгие вечера. Вместе ходили в лес, где, сидя у костра, Сова восторженно делился со мной своими заветными мыслями и рассказывал, что готовится уехать в Крым, чтобы там жить в горах, в заповеднике. Мне нравилась эта идея, и я даже готов был присоединиться к нему, но впереди была армия, так что думать о каком-то уходе в горы было неуместно, да и Движение, Пау-Вау и друзья по переписке мне были очень дороги. Так что я был благодарен Сове за его идеи и дружбу, его духовную поддержку.

В ноябре 1982 года в Москве проходил первый симпозиум по индеанистике. Это была научная конференция, на которую в качестве слушателей были также приглашены индеанисты. Приехало около 20 человек. Нас обустроил и во всём помогал Александр Владимирович Ващенко, индеанист-учёный, который поддерживал идеи Движения и Пау-Вау. Там же я впервые в жизни увидел индейца, правда, не североамериканского, а из Панамы.

В Харькове я также познакомился с переводчиком книг Сат-Ока — Юрием Стадниченко, работавшим заместителем главного редактора журнала «Прапор». Ко мне он относился доброжелательно, я часто бывал у него в гостях. Он много рассказывал о Сат-Оке, что имело для меня огромное значение. Он же дал мне целый мешок писем от читателей; так я узнал адреса ещё многих индеанистов и всем разослал информацию о Пау-Вау и Движении индеанистов. Стадниченко познакомил меня с Рибанной (Карпова Таня), она училась в Харьковском архитектурном институте и увлекалась индейцами. Её я познакомил с индеанистами, в том числе с Серой Совой, и рассказал о Пау-Вау, чему она была очень рада.

Меня затянула рутина переписки, которая отнимала много времени. Когда-то переписка придавала мне сил просто благодаря ощущению, что я веду общение с единомышленниками. Но постепенно пришло осознание того, что большинство индеанистов очень разные, а некоторые даже имеют претензии друг к другу. Впервые в сознание закралось чувство разочарования. Летом 1983 года состоялся второй сбор Пау-Вау. Он мне показался уже не таким вдохновляющим, как первый, хотя я по-прежнему любил своих братьев и сестёр, ощущал духовное родство с единомышленника-

ми. Но Движение, на мой взгляд, топталось на месте, погрязнув в переписке, а конкретных дел было мало, если они были вообще. Мне хотелось чего-то большего. При этом не прекращались вызовы в КГБ, дурацкие расспросы и постоянное ощущение слежки. А хотелось чистоты, искренности и свободы. Я попрежнему был уверен в своих силах, хотел общаться с единомышленниками. Но пришло время службы в армии.

К тому времени у меня уже отросли длинные волосы, они были мне дороги, через них я ощущал некую духовную связь с индейцами. Обрезая волосы, я остро почувствовал свою зависимость от мира белых. Их законы насильственны, а стереотипы так сильны, что всё нестандартное вызывает в них отрицательную реакцию. Тебя могут назвать сумасшедшим за то, что ты способен видеть больше, чем они. Белые, которые в большинстве своём прислушивались к шороху денег, были вершителями моей судьбы. Какое им было дело до моих мыслей! Какое им было дело до голоса Природы! Они поставили себя в центр Вселенной, назвав всех остальных земных жителей «окружающим миром», присвоив себе право распоряжаться всем и вся! Белые со специфически присущей лишь человеку жестокостью уничтожают живой мир, рождённый Матерью-Землёй. Находясь среди гор трупов и созданных ими же отходов, они пытаются оправдать эти преступления развитием цивилизации. Как же лживы эти дети современных цивилизаций, уничтожающие земную Красоту, сотворённую нашим Создателем!

Терзаемый подобными мыслями и одновременно исполненный чувства освобождения от мирских забот, уходил я на призывной пункт. Провожал меня Серая Сова. Я спросил: «Какие впечатления остались у тебя от службы в армии?» Он ответил: «Мои мысли остались такими же, как были. Единственное, я понял, что, столкнувшись с белыми лоб в лоб, изменить ничего нельзя. Будь сильным, помни о своей мечте». Эти слова придали мне сил.

Мне выпало служить в ВДВ, 39 ОДШБ (г. Хыров, Львовская область). На место службы прибыл в ноябре 1983-го, закончил службу в декабре 1985 года. Самыми яркими воспоминаниями от армейской службы остались учения, марш-броски и прыжки с парашютом. Нет необходимости перечислять все события этих двух лет. Они были довольно однообразны и знакомы каждому, кто служил в советской армии. Приезжали навестить меня родные, мать и старший брат, а также мой индейский брат Питамакан, который сам недавно вернулся из армии, и я был рад всех видеть. Было приятно получать письма от друзей, в особенности от Серой Совы. Часто вспоминал я наши беседы и его мечты. Сова собирался осуществить свои намерения относительно лесной жизни в горах Крыма. Я всё больше склонялся к мысли присоединиться к нему. В одном из писем он сообщил, что будет рад, если я присоединюсь к нему. Он доверял мне, протягивал руку дружбы, называл братом, поддерживал меня морально. Думаю, что он был искренен. А я был рад его словам, они придавали мне сил!

Возвратившись из плена — именно так я расценивал свою службу — я уже точно знал, что не смогу далее плыть по течению реки жизни белых людей. Что точно делать, я ещё не знал, но твёрдо решил изменить свою жизнь

так, чтобы самому распоряжаться своей судьбой, своими поступками, своими мыслями. Я целиком полагался на опыт и поддержку Серой Совы. Мы встретились как старые добрые друзья. Более того, мы называли друг друга братьями. Это было в январе 1986 года, и мне исполнилось уже 20 зим.

В Харькове к тому времени появилось ещё несколько индеанистов, но меня это уже мало интересовало. Я с радостью общался со всеми, ведь мне два года приходилось жить чужой жизнью, делать то, что не хотел, и ждать минуты своего освобождения. Но все мои мысли были уже заняты новой идеей, так близкой той, о которой мы с другом, Весенним Оленем, говорили в детские годы — жизни на природе в лесах Канады, с Шауни, что казалось тогда практически нереальным. Но теперь эта идея выглядела вполне осуществимой. Ведь горы Крыма, дикая природа и лесная глушь — всё это было рядом, здесь и сейчас, а не где-то за закрытой границей в далёком краю.

Сначала я посетил некоторых старых друзей, совершив поездку в Москву к Питамакану, Зовущему Лосю и Вороньей Смерти, затем — в Великие Луки к Красному Волку и Левой Руке (который к тому времени уже переехал из Сарова в Великие Луки, чтобы жить рядом с Красным Волком). Все они меня хорошо принимали, а Красный Волк даже приглашал переехать в свои края и поселиться рядом с Левой Рукой, чтобы быть рядом с единомышленниками. Но я уже ненавидел городскую жизнь в четырёх стенах, жизнь в рабстве у белых, проходящую в ожидании Пау-Вау. И дальнейший поиск литературы об индейцах и изготовление индейских вещей от Пау до Пау уже ничего бы не изменили. Каждый день меня окружала какая-то людская суета, которая уже была мне чужда. Я презирал этих людей, обрёкших себя на лёгкую жизнь с удобствами в виде денег, магазинов, батарей и лампочек вместо земли, огня, солнца и чистой воды. И если индеанисты тоже не могут без этого обходиться, то мне вряд ли имеет смысл пытаться навязывать другим свои мысли. Ведь это же так просто: если индейцы были жителями природы, то и нам необходимо об этом не забывать, а понять душу индейца, его мировоззрение можно, лишь попытавшись жить так, как жили они, слушая голос Природы. Что касается солидарности с индейским народом, то гораздо достойнее возродить образ жизни индейцев, чем просиживать в квартирах, любуясь фотографиями вождей, развешанными на стенах.

То было время общинного движения среди индеанистов России. Первой общиной была Голубая Скала, созданная в 1984 году на Алтае. О других попытках я знаю мало, но, по сути дела, то, к чему стремился Красный Волк, собирая вокруг себя единомышленников, тоже было попыткой создания общины. И к Голубой Скале, обосновавшейся в алтайской деревушке, трудившейся на колхозной ферме и занимавшейся выпасом скота, и к Левой Руке, уединившемся под Великими Луками и работавшим обходчиком железнодорожных путей, я относился с глубоким уважением, ведь все они ушли из города, чтобы создать свой мир, близкий к индейскому. Ушли от городской суеты, но не от рабства белых! Перспектива работать обходчиком пути или кем-то подобным меня не привлекала. Я мечтал о свободе и независимости, о кочевой жизни, полной опасностей, трудностей

Крым, 1991

Крым, 1990

Лагерь на Извилистой реке, Крым, 1988

и приключений, обходясь минимальными потребностями и не обременяя себя вещами белого человека. Я обменялся двумя письмами с Орлиным Пером, лидером Голубой Скалы, в которых выражал солидарность с его действиями. Вместе с тем я пытался понять, почему они выбрали деревню вместо того, чтобы уединиться от белых и самим строить свой индейский мир. Перо отвечал, что они сделали это осознанно и расценивают свою жизнь как жизнь индейцев в резервации, что настоящей свободы уже не существует и что мои мечты нереальны, а слова о свободе от общества белого человека — демагогия. Он писал: «Гораздо достойнее создать тот мир, о котором мечтаешь, с реальными людьми, реальными отношениями, дорогими нашему сердцу законами и понятиями». Мне это нравилось, но почему этот мир надо было создавать среди белых и работая у белых? Что ж, я не стал обижаться на эти слова, но моя тропа вела в другую сторону.

Весной мы с Совой сшили типи из брезента. Это было моё первое типи, моё собственное! Впоследствии оно прослужило мне около двадцати лет. Мы решили готовиться к лесной жизни. Я устроился на работу, чтобы иметь деньги на еду, поездки и подготовку к переезду. В апреле мы съездили в Крым и несколько дней пожили в горах. Впервые я увидел природу Крыма, и просто сказать, что мне она понравилась, значило ничего не сказать. Я влюбился в эти горы и реки с первого взгляда! Там был подлинный мир дикой природы! Утром сквозь листву деревьев я наблюдал за оленями, а в небе парили орлы! Ледяная прохлада горных рек, утоляющая жажду чистейшая вода! Мы бродили по лесным тропам, взбирались на скалы, ночевали у костра. И нигде на многие километры вокруг не было белого человека. Всё это было так вдохновляюще! Я даже на какое-то время почувствовал себя Иши, последним индейцем Яхи, который много лет в полном одиночестве жил в калифорнийских горах, избегая белых людей. Мы говорили о том, что можем попытаться жить той жизнью, которой жили Яхи в последние годы своей свободной жизни. Возможно, нас никто не будет трогать, ведь эта местность сильно удалена от деревень. Это была природоохранная территория, а население нескольких деревень, которые там находились ранее, было переселено из-за того, что ниже по течению основной реки, Качи, было построено водохранилище. Туристам и местным жителям не запрещалось ходить туда, не разрешалось только строить постоянные дома. Хозяйственной деятельности там тоже не велось, за исключением того, что местный совхоз использовал эту территорию для выпаса отары овец. В результате после выселения из этих мест людей образовалась область свободной земли диаметром приблизительно 30 километров, которая через десять лет превратилась в дикую территорию. По существу, это была горная долина в верховье реки Качи (названной мной Жёлтой рекой), разветвлённая на несколько рукавов, которые были образованы её притоками. С юга проходила горная гряда, Крымская яйла, или Спинной Хребет Мира, как я её называл, высотой до полутора километров. Взобравшись наверх, оттуда можно было видеть мир: на юге лежало Чёрное море, а на север вдаль уходили покрытые лесом предгорья. Далеко-далеко на западе виднелся Севастополь, а на востоке —

леса Крымского заповедно-охотничьего хозяйства. Если не трогать белых, не вступать ни с кем в конфликты, можно попытаться жить жизнью, максимально приближенной к индейской. Лес был полон дичи, в реках и водоёмах водилось много рыбы, в лесу росло огромное количество плодовых деревьев и ягод. Местность к себе располагала, не отторгала меня. Можно было воплотить в жизнь мечты, испытать себя, получать видения и породниться с природой, с миром духов, научиться лесной жизни, закалить своё тело и свой разум, чтобы быть готовым для дальнейших испытаний. И если нам придётся умереть, то мы погибнем, защищая свою свободу!

Серая Сова сказал мне: «Я предпочитаю волю духов и их власть над собой, а не практичный расчёт. Я хочу вернуться назад по лестнице времени, вспомнить слова старых вождей, их веру, быть может, совершить их ошибки, пусть... Но для того чтобы почувствовать себя частицей индейского народа, надо, как говорят белые, побывать в их шкуре...» Мы выкурили трубку и благополучно завершили нашу поездку. По возвращении в город было решено готовиться к переезду. Да, меня могли ждать ошибки и трудности, нелёгкие времена, но я сознательно шёл на это. Я хотел прочувствовать всё это, испытать на себе, переосмыслить свою старую жизнь и таким образом стать индейцем.

Сова тогда был женат и имел маленького сына, но ко времени моего возвращения из армии у него в семье уже было не всё в порядке. Жена не разделяла его идеи, всё шло к разводу. Он решил освободиться от этой проблемы, оформив все бракоразводные документы. Он предложил какое-то время повременить с переездом, подождать его, а возможно, даже какое-то время просто поездить туда в походы, чтобы узнать места и приобщиться к горам. Но я уже не мог больше ждать. Стояла весна, природа дышала обновлением жизни, а моя душа тянулась в новый мир, который открылся моему взору и моему сердцу. Было решено, что Сова присоединится ко мне позже. И вот, в первых числах мая я сел в поезд, направляющийся в Крым. Отправляясь в дорогу, я взял все свои вещи (которых, впрочем, и было-то немного), включая индейскую одежду и книги. Не хотелось оставлять что-либо в Харькове как лишний повод туда возвращаться. Я выбрал свой путь к свободе вполне осознанно и не для того, чтобы отступать назад. Если я потерплю неудачу, то она будет лишь частью моей новой жизни, а вовсе не поводом к возвращению! Это был воистину решительный шаг!

Я не знал, как мне лучше поступить, ведь те места были мне практически незнакомы, и было сложно представить, что мне следует делать. Ну вот приду я в горы, не имея навыков выживания в горах, с небольшим запасом продуктов на несколько дней, а что дальше? Я подумал, что, если, по рассказам Совы, там иногда выпасают совхозных овец, то, возможно, мне имеет смысл сначала какое-то время поработать чабаном, чтобы исследовать эти места, заложить тайники с вещами и продуктами на первое время, приобщиться к жизни на природе, чтобы затем, когда настанет подходящее время, уйти жить в горы. Эта идея выглядела разумной, так я и решил поступить. Долина реки Качи принадлежала совхозу «Долинный». Село Верхоречье (татарское название —

Бия-Сала), в котором была совхозная контора, располагалось почти у самой границы диких земель. Я приехал в Верхоречье, переночевал в лесу, а рано утром вместе с вещами пришёл к директору, попросившись на работу чабаном. Со стороны это выглядело странно: приехал молодой парень двадцати лет из большого города, Харькова, чтобы работать чабаном в какой-то сельской дыре. И я даже не терзался сомнениями, повезёт мне или нет — то ли я произвёл такое впечатление, то ли всё уже было предрешено свыше. Я шёл к директору, будучи уверенным, что всё будет как я хочу. Он посмотрел на меня оценивающе, спросил, зачем мне, городскому жителю, это понадобилось. Я сказал, что просто хочу жить здесь, потому что мне нравятся эти места. Тогда он сказал, что мне повезло, потому что им как раз нужен чабан, но пасти отару придётся в глухих местах, выше водохранилища. Не пугает ли это меня?

Не пугает ли это меня? Да это было как раз то, что мне было нужно! Я сказал, что готов ко всему и постараюсь не подвести. Это был 1986-й год, дело шло к Перестройке, которой, конечно, ещё не было, но дух её уже витал в воздухе. Люди позволяли себе подшучивать над системой, на многие вещи начальство смотрело сквозь пальцы. Никто не стал перепроверять мои документы, наоборот, приезд молодого человека в село, из которого молодёжь, как правило, стремилась убежать в город, вызывало симпатию. Отнеслись ко мне очень хорошо, помогли снять комнату для вещей и для паспортной регистрации, без которой было не положено принимать на работу. Всё складывалось как нельзя лучше. Я снял маленькую комнату в деревенском доме, по сути дела она мне нужна была только для прописки. Вещей у меня было немного, несколько книг и одежда. Баба Феня (Лебеденко), лет семидесяти пяти, хозяйка дома, отнеслась ко мне доброжелательно, я до сих пор вспоминаю о ней с уважением. Она была местной жительницей, родилась в Верхоречье и прожила здесь всю жизнь, дальше Крыма нигде не бывала. Её покойный муж, ветеран войны, бывший крымский партизан, тоже какое-то время работал чабаном. Впоследствии она часто рассказывала мне историю этого края, о местных жителях и своей нелегкой судьбе, о погибшем под Севастополем во время войны сыне-подростке, о военных временах и работе в совхозе.

Стояла середина Месяца Молодых Побегов (май). Мать-Земля уже всем телом радовалась Отцу-Солнцу, привечая мир молодой буйной растительностью. Как мудр наш Создатель, сотворивший такой удивительный, прекрасный мир! Меня встречала древняя страна, родина многих народов. Весеннее обновление жизни так гармонично сочеталось с началом моей новой жизни, с искренностью юной для меня, но такой древней мечты о свободе. Юный побег, тянущийся к солнцу, наконец ощутил тепло его горячих, животворящих лучей. Я почувствовал искреннюю благодарность Создателю, позволившему мне найти в этой стране место, где не будет заборов и разделяющих границ. Я был счастлив.

Совхоз располагал двумя отарами овец цигайской полутонкорунной породы численностью около 500 голов. Одна из них выпасалась в окрестностях Верхоречья, под Белой горой, другая —

у подножия Спинного Хребта Мира (так Черноногие называли Скалистые горы). Само Верхоречье располагается в месте слияния двух рек, где в Качу впадает ещё одна река, Марта (река Воинов, как я её назвал). Вдоль рек тянулись плодородные долины, сплошь засаженные фруктовыми деревьями. Долина Марты тянулась от Верхоречья в заповедник. Лесистые холмы, простиравшиеся к Спинному Хребту Мира от места слияния двух рек, были названы мною Черными Холмами.

Я всей душой стремился в горы, но сначала меня поставили неоплачиваемым учеником к старику-чабану, Павлу Нечаеву, который посвятил меня в азы чабанского дела. Кроме того, директор, видимо, таким образом хотел проверить серьёзность моих намерений. Деньги для меня были не главным, поэтому такой ход меня совершенно не смутил, ведь более всего я хотел прижиться в этих местах. Мы пасли отару под Белой горой. Рано утром овец выпускали из загона, чтобы они паслись на склонах горы, а вечером закрывали в загоне. Мне нравилось это занятие, и с самого начала я стал подходить к нему как к интересному, а порой и творческому труду. Мне нравилось общение с этими животными, такими безобидными и загадочными. Особенно приятны глазу были маленькие ягнята, которые сбивались в стайки и носились с пригорка на пригорок, весело подпрыгивая и взбрыкивая ножками. Бараны чинно следовали в голове отары, а матки постоянно звали своих непослушных чад. Необходимо было следить за тем, чтобы отара не разбилась на части, не зашла на запретную территорию и не причинила вреда совхозным посевам.

В конце месяца Цветов (июнь) я был направлен в отару, пасшуюся у Спинного Хребта Мира. Меня встретил чабан, мужчина средних лет, показавшийся бодрым и приветливым. В течение двух дней он показал мне расположение выпасов, маршруты движения отары, места водопоя и разъяснил ряд других особенностей, связанных с выпасом овец. Здесь места были дикими, людей не было, поэтому применялся другой метод выпаса: овец на ночь в загон почти никогда не закрывали, они паслись свободно и отдыхали там, где застанет ночь. Овцы, как правило, на ночь сбиваются в круг на большой поляне, так как боятся темноты, и там до рассвета лежат и «жуют жвачку» (отрыгивают и пережёвывают траву из желудка). Чабан весь день присматривает за отарой, не позволяя ей разделиться на части. Днём, в жаркое время, отара на несколько часов ложится на отдых в тени деревьев и кустов, а у чабана есть время приготовить поесть. Вечером и ночью чабан ест и отдыхает, а рано утром, как только отара снимается с места и начинает пастись, он следует за ней. Лошадей при этом чабаны в горах не используют, потому что это неудобно. Часто им приходится ходить по горным тропам или заросшим кустами и колючками участкам, где овцы и пеший чабан проходят свободно, а вот верхом на лошади двигаться можно только с большим трудом. За день чабан с отарой может пройти несколько километров в разных направлениях. Овцы обычно предпочитают пастись на открытых участках, где больше травы и молодых веток кустарников, в лес не углубляются. Места выпаса располагались в основном вдоль рек, в долинах, и немного полян было по склонам хол-

мов. Остальные места, в подавляющем большинстве, оставались нетронутыми и нехожеными.

И вот в скором времени я уже самостоятельно бродил в горах с отарой овец, радуясь такому обороту событий. База нашей отары располагалась на месте бывшего села Шелковичное (татарское название — Коуши). До 18-го века это было греческое село, а после переселения греков из Крыма под Мариуполь село заняли крымские татары. Спустя ещё полторы сотни лет, в 1944 году, Сталин выселил всех татар из Крыма за сотрудничество некоторых из них с немецкими оккупантами. Но село пустовало недолго и тут же было заселено русскими переселенцами из центральной части России и других районов Крыма. В конце 1970-х село было ликвидировано в связи с постройкой ниже по течению Загорского водохранилища: население переселили в близлежащие сёла, дома снесли. К 1986 году от былой человеческой деятельности почти не осталось следов. Фундаменты домов заросли, а огороды и поля превратились в выпасы для овец. Но остались сады — фруктовые деревья были повсюду, даже на лесных полянах. И это было чудо — яблони, груши, сливы, алыча и вишни посреди дикого леса. В центре села, у дороги, на видном месте стоял памятник крымским партизанам как напоминание о разыгравшейся здесь в 1940-е годы трагедии. Жёлтая река гармонично разделяла село надвое. Здесь же в неё впадала Каспана (Извилистая река), долина которой рукавом примыкала к долине Жёлтой реки и тянулась к юго-западу в сторону Спинного Хребта Мира. Это место получило у меня название У Двух Рек (Двуречье). Удалённость от населённых пунктов обостряла ощущение гармонии лесной тишины и величия гор. Здесь не было звуков цивилизации, только шум ветра и журчание рек да голоса диких животных. Можно себе представить, какая идиллия окружала меня при свете луны или потрескивании костра на очередной лесной стоянке. Я чувствовал себя неотъемлемой частью природы.

Чабаны пасли овец по очереди. Я находился с отарой неделю, потом приезжал сменщик, и неделя времени была в моем распоряжении. У меня появлялось свободное время для путешествий с целью изучения местности вдоль Спинного Хребта Мира. Недолго думая, я быстро собрался в поход: приготовил на костре лепёшек из расчета на несколько дней, завернул их в полотенце, прихватил с собой верёвку, нож, спички, спальный мешок, чай с сахаром и чайник. Этого было достаточно, чтобы чувствовать себя уверенно и самодостаточно в лесу. Рано утром я выступил в первое путешествие к Спинному Хребту Мира. Путь мой пролегал вдоль Извилистой реки к её истокам. Реки этой страны формируют сильно извивающиеся между холмов каменистые русла с кристально чистой водой. В некоторых местах потоки образуют одно-двухметровые водопадики. Русла потоков загромождены упавшими деревьями и различной величины валунами, огибая которые, вода образует водовороты и неглубокие ямы, в которых прячется форель. Местами нависающая листва закрывает солнечный свет, отчего образуется мягкий полумрак. Всё это придаёт горным рекам архаичный колорит, от которого веет вековой древностью. В верховьях рек растёт величественный буковый лес, устланный пышным ков-

ром опавшей листвы, с сетью переплетённых корней деревьев, выступающих из каменистой почвы.

Поднявшись по склону гребня, тянувшегося вверх параллельно реке, я очутился перед высокой скалой-останцем под названием Ямванташ, одиноко возвышавшейся на лесистом склоне Спинного Хребта Мира. Одинокая скала предоставила мне свою плоскую верхушку для дневного отдыха. Говорят, здесь когда-то стояла сторожевая башня, а под скалой проходила торговая дорога на город Ялту, который располагался по ту сторону Хребта, у моря. Отсюда открывался прекрасный вид на всю страну Черных Холмов, вплоть до Белой горы, а далее, за ней, были отчётливо видны обрывистые скалы на подступах к Бахчисараю. Передо мной лежала в голубой дымке отныне уже моя прекрасная страна, так дружелюбно встретившая меня, освещённая солнцем с безоблачного лазурного неба. Я не мог оторвать взор от этой живописной первозданной красоты и поэтому решил провести остаток дня в созерцании и заночевать прямо здесь, на верхушке скалы, наедине с собственными грёзами и мечтами. Позже я много раз ночевал здесь, на самой скале и под ней, и всякий раз ночью просыпались духи. Я всегда слышал их голоса, когда они перекликались между собой, и это были сказочные звуки. Я назвал эту скалу Обителью Духов.

Утром я встретил солнце с благодарственной молитвой и выступил в путь. Поднявшись на Хребет, я с удивлением увидел перед собой прерию. Оказывается, вершина Хребта, протянувшегося вдоль южного берега Крыма, представляет собой плато шириной от двух до десяти километров, местами покрытое высокой травой, местами каменистое, с островками деревьев, холмами и впадинами. Целый день я шёл по этой прерии, обдуваемый приятным и прохладным горным ветерком, сбивавшим наступившую жару, любуясь окружающими меня далями. То там, то здесь, на плато паслись небольшие стада оленей. С южного края плато открывался вид на Ялту и Чёрное море. В море были видны корабли, а от Ялты исходил шум города, гудки и другие звуки цивилизации. Накануне в лесу я наблюдал за убегавшими от меня косулями, а сегодня приветствовал парящих в небе орлов и грифов. Богатое разнотравье и чистейший воздух переносили моё сознание и тело в страну Вечной Охоты, к предкам людей и животных, населявших эти места. Говорят, давным-давно здесь жили тавры (древнее население этих мест), которые затем бесследно исчезли, а, может быть, просто растворились среди других пришлых народов. Во всяком случае, дух их предков витает в этих горах и поныне, и порою в лесу можно видеть загадочные каменистые круги и ограды, а археологи находят по склонам холмов места древних таврских захоронений.

Солнце близилось к закату. В горах вообще солнце садится очень быстро — стоит ему скрыться за горами, как спустя совсем недолгое время, примерно через полчаса, наступает полная темнота. Я немного спустился по склону до первой полянки и обнаружил там родник. Ущелье Уч-Кош, что над Ялтой, я назвал Длинным ущельем. Подкрепившись и переночевав на гладких, нагревшихся от солнца камнях, утром я снова поднялся наверх, совершил долгий пере-

У типи с барабаном, Крым, 1986

У Реки Грифов, Крым, 1986

ход по плато на восток, обошёл травянистую вершину Роман-Кош, самую высокую в Крыму, а затем стал спускаться по северному склону, выведшему меня к истокам реки Писсары (река Кабанов). В большом количестве там водились дикие кабаны, разбегавшиеся при моем появлении. Далее я пошел по руслу реки, прыгая по камням или просто бредя по воде, минуя завалы. Во второй половине дня вышел к Жёлтой реке, куда впадала река Кабанов, затем миновал её притоки Донгу (река Грифов) и Керменчик (Серная река). Всем горам, рекам и другим приметным местам я давал свои названия — те, которые были мне ближе, которые органично вписывались в мой индейский мир. При этом я нисколько не претендовал на то, чтобы переделать всё окружающее под себя, напротив, я чувствовал, что таким образом породняюсь с ним, ведь все мы знаем, насколько важны для индейцев имена и названия. Так я обошел часть своей новой страны. Жёлтая река привела меня к Двуречью.

В это время года солнечные лучи уже хорошо прогревали землю, и этого тепла хватало на всю ночь. Примечательно, что ночью горячий воздух скапливался на холмах, и там можно было ночевать, даже не разводя костра и не укрываясь одеялом — настолько было тепло. Днём же было настолько жарко, что я весь день ходил только в набедренной повязке и в другой одежде не нуждался. Ночью спал прямо на земле, подстелив лишь спальник. Лето и осень в Крыму — засушливая пора, дожди выпадают редко. Впрочем, бывает всякое. Когда выпадает дождь, он тоже доставляет радость, оттого, что всё в окружающем мире, кажется, успело истосковаться по влаге, которой иногда не бывает по два-три месяца. Когда идёт дождь, ты радуешься, как малый ребёнок, выходишь на открытое место, раскидываешь вширь руки, подставляешь лицо каплям и ливню, а вместе с тобой ликует вся природа — растения, животные, земля и камни, и даже сам воздух. Необычное, завораживающее чувство!

Проходили дни, и я всё больше привыкал к новой жизни. В свободное от выпаса отары и походов время я делал индейскую одежду, мастерил разные приспособления. У меня была небольшая книга-справочник по растениям и животным; у чабанов я расспрашивал про местные растения, учился распознавать травы и деревья, узнавал некоторые их полезные бытовые и лекарственные свойства, а также способы применения в пищу. Многое из того, что познавалось на практике, было для меня в новинку, например, даже то, как правильно развести и поддерживать костёр из местных пород деревьев. А что-то я уже успел узнать из книг и теперь испытывал на себе. Сделал лук из можжевельника и стрелы из орешника, в точности как это было описано в книге «Иши в двух мирах». Стрелы, раскатанные на горячих камнях, действительно получались ровными и гладкими. Для лука и стрел сшил чехол с колчаном. Мне нравилось тренироваться в стрельбе из лука. Первые шесты для типи оказались слишком тонкими и короткими, из-за чего они прогибались под весом брезента, и типи теряло форму. Так методом проб и ошибок я научился правильно ставить типи и отточил это до совершенства, что впоследствии сильно пригодилось мне в период кочевья с лошадьми и фургоном, когда время для установки типи порой ограничивалось

минутами. Правда, типи в Крыму приходилось ставить редко, и то только для гостей. Один, да ещё в теплую погоду, я не испытывал в этом необходимости, к тому же мой подвижный образ жизни не предполагал долгого нахождения на одном месте. Мне очень нравилась эта мобильность, когда можно было собраться в путь за несколько минут — вот они, все твои вещи, под рукой, в небольшом рюкзачке, а у тебя есть всё, что нужно для жизни на два дня вперёд. И так во всём: сначала пробы с ошибками, потом совершенствование, а затем ты уже делаешь всё на подсознательном уровне. Ведь от этого во многом зависит жизнь на природе — сделаешь ошибку, потом приходится расплачиваться, исправлять, потому что другие вещи и действия зависят от предыдущих. Когда живёшь один и рядом на много километров нет никого, бывает и такое, что от малой ошибки может зависеть твоя жизнь. Лошадь может ударить копытом и травмировать до смерти, а рядом нет никого, кто бы помог. Или, поскользнувшись, сорваться со скалы и неудачно упасть, сломав ногу или позвоночник, а впереди неделя до приезда сменщика, и никто тебе не поможет. Ведь мобильных телефонов тогда и в помине не было, позвать на помощь не было возможности. В лесу, и особенно в горах, всегда надо быть внимательным, этому меня научила жизнь после того, как я несколько раз чуть не погиб из-за своих оплошностей. Вскоре я стал получать небольшие деньги за свою работу, да мне и не так много было нужно. Питался я умеренно, а продукты мне привозил напарник. Овец мы на мясо для себя не резали. По окончании смены овец пересчитывали, количество должно было совпадать. Помню, как-то раз не совпало, и мне пришлось идти за ними в лес, а это всё равно, что искать иголку в стоге сена! Но всё-таки я тогда смог найти нескольких отбившихся.

Мне нравилась такая аскетическая и уединённая жизнь, она располагала к созерцанию окружающих вещей и осмыслению происходивших событий. Особенно это актуально для молодого человека, который всё впитывает как губка, но поди разберись, что тебе надо, а что нет в этой жизни. Но у меня был чёткий фильтр — моё индейское сердце, оно помогало мне чувствовать, а разум — запоминать и делать выводы. Я абсолютно уверен, что закалка тех лет до сих пор дает мне силы жить дальше и направляет на правильную тропу.

В это время в Верхоречье обо мне уже стали распространяться разные слухи. Волосы мои стали отрастать, а начальство и видевшие меня иногда со стороны местные жители удивлялись моему внешнему виду и индейской одежде и слегка недоумевали. И это было понятно мне, так как я помнил отношение белых к длинноволосым ещё по городской жизни. На вопросы я просто отвечал, что мне нравятся индейцы, как жители природы. По большому счёту, мне было всё равно, что обо мне думают, ведь я прислушивался к голосу своего сердца. Это было частью моей мечты.

К концу Тёплого Месяца (июль) травы для овец у Жёлтой реки стало не хватать: влаги было недостаточно, и трава выгорела на солнце. Мы перенесли базовый лагерь на реку Донгу. Я назвал её рекой Погибшей Косули. С этим названием было связано одно событие. Как-то днём я прогуливался по окрестностям с собакой, и та обнаружила в кустах, на краю поляны, живую косулю, которая

Зимний лагерь, Крым, 1988

В фургоне, Крым, 1991

ногой попала в петлю из гибкого стального тросика. Белый человек добрался и сюда! Я аккуратно высвободил ногу косули из петли и отпустил, думая, что она убежит. Но испуганное животное не захотело уходить. Косуля стояла и дрожала, а затем просто легла на бок и стала тяжело дышать. Я взял её на руки и принёс на стоянку, в надежде помочь ей и выходить. Но тщетно. Оказалось, что у неё вывихнута нога. Я попытался вправить её и перебинтовал, уложил на бок и укрыл одеялом. К сожалению, вечером косуля умерла, наверное, из-за нервного потрясения.

Летом и осенью я занимался заготовкой трав и плодов. Одни травы можно было применять в лекарственных целях, другие были хороши на чай, а некоторые применялись в обоих случаях. Крымские растения, а в особенности травы — это сказка. Кто бывал в Крымском лесу в апреле, июле или августе, в любое время года, тот знает, о чём я говорю. В марте и апреле лес цветёт, а воздух наполнен ароматом подснежников, ковром покрывающих прелую прошлогоднюю листву. Затем в конце марта и начале апреля жёлтым зацветает кизил, дерево-полукустарник. Кизил цветёт первым, а его вкусные красные плоды созревают самыми последними, уже в октябре. В апреле лесные сады благоухают от розовой цветени вишни и черешни, вскоре к ним присоединяются яблони, груши, сливы, алыча и другие плодовые деревья. В июне у подножия Спинного Хребта Мира и высоко в горах, под скалами Кермена и Басмана, цветет липа. Чай из липы — это нечто! Порою, в период цветения, травы в горах напоминают пышный разноцветный ковер. На лесных полянах и на открытых склонах холмов под скалами растут зверобой, душица и чабрец. Вдоль рек и ручьёв, на тенистых участках, много мяты. На глухих лесных полянах и вдоль тенистых горных троп встречается мелиса — божественная, чудесная трава с нежным тонким ароматом, напоминающим запах лимона. Все эти травы я каждый год усердно заготавливал: сушил и затем использовал в питании и быту в течение года. Сушить травы лучше всего в тени деревьев или под навесом, чтобы на них не попадали прямые солнечные лучи. Там они висят несколько дней, обдуваемые лёгким ветерком. Затем их лучше всего сложить в тряпичные мешки и так хранить вдали от влаги. Летом наступает период сбора плодов и ягод, который продолжается до глубокой осени. Яблоки можно хранить в свежем виде, но ягоды лучше освобождать от косточек и сушить. Плоды шиповника и боярышника собирают в конце лета и осенью, а затем сушат на солнце. Это хороший запас витаминов на зиму. Ореховые деревья (грецкие орехи) и орешники-полукустарники (лещина) плодоносят не каждый год. Но в урожайные годы я заготавливал их в большом количестве, они были большим подспорьем. Грецких орехов и яблок мне хватало до самой весны.

В верховьях горных рек водится форель, а ниже по течению, ближе к Верхоречью и Бахчисараю, где река расходится вширь, живёт голавль, краснопёрка, пескарь и другая рыба. В Водохранилище обитает карп, линь, карась и ещё много всякой рыбы. Форель — лучшая из всех этих рыб, с нежным мясом. Но в горных реках её не очень много, поэтому мне приходилось себя ограни-

чивать. Зато в Водохранилище рыбы было видимо-невидимо, так что я частенько использовал её в пищу. Мясную пищу я употреблял не так часто, в основном питался крупами и фруктами. В жару на мясное почти не тянет. В то время у меня ещё не было своих овец и коз. Резали овец мы на мясо изредка, в основном по необходимости (хромое животное) или по предписанию из совхозной конторы, несколько раз в месяц. Тогда и нам что-то перепадало, в основном ливер: печень, почки, легкие и др. внутренние части. Мясо на жаре долго хранить нельзя, поэтому всё, что не съедалось в первый же день, рубилось на небольшие куски, обваливалось солью и складывалось в бочку из нержавейки. Потом, при необходимости, мясо доставалось из бочки и отмачивалось от соли в двух водах, после чего его можно было варить. В последующие годы, когда у меня уже была своя отара овец и коз, я иногда вялил свежее мясо на солнце, но впрок на зиму в таком виде не заготавливал, так как в этом не было надобности.

На диких животных в первый год жизни в горах я не охотился, а впоследствии в этом вообще отпала необходимость. И тому было много причин. Первая и самая главная заключалась в моей жизненной философии. Я вырос на книгах канадского писателя Серой Совы, в которых так проникновенно описывался мир исчезающей дикой природы. Уходя из города в горы, я стремился к свободе, такой же, которая была у диких животных. И если бы я стал охотником, то убивал бы тех, у кого такая свобода уже была. Сама мысль об этом была мне противна. Я хотел чувствовать себя на равных с дикими животными, полноправными обитателями тех мест, в страну которых я приехал жить. Как же я могу убивать тех, на чьей земле я нашел пристанище? Разве Создатель наш не сотворил нас равными? Возможно, мне придётся когда-нибудь делать это, чтобы выжить, но, пока у меня есть другая пища, убивать диких животных будет преступлением. Позже, когда я добился для себя такой свободы, пища у меня уже была в избытке, так что необходимости в охоте никогда не было.

В Месяц Грома (август) мне исполнилась 21 зима. Этот день ознаменовался радостным событием. Собака напарника-чабана родила щенков, которых он раздал, а единственного кобелька в помёте оставил с матерью, но подарил мне. Я, конечно же, был рад и назвал его Ташунка. Рос он быстро, ведь теперь всё молоко доставалось ему. Я его очень полюбил. Наступили жаркие дни. К девяти утра уже стоял зной, и только вечером, за пару часов до захода солнца, жара спадала. Овцы отказывались пастись днем, только рано утром и ночью; поскольку из-за дневной жары времени на еду им утром и вечером не хватало, приходилось выпасать их даже ночью, а днём отдыхать, и единственным спасением была речная прохлада в тени деревьев. Обычно после нескольких часов ночного выпаса овцы ложились посреди поляны, освещённой луной. Я пристраивался у кромки леса, где разводил костёр и лежал, завернувшись в одеяло.

Отношение к костру и огню у меня всегда было особенное, ещё с детских лет. Огонь — величайший дар нашего Создателя, без которого не может быть жизни. Он даёт нам пищу и согревает нас своим теплом холодной зимней порой. Я всегда чувствовал в огне живой

дух. Мне нравится общаться с огнём, независимо от того, где бы он и я ни находились. Подростком, сидя у костра, я любил подбрасывать в него ветки и затем смотреть, как они разгораются, наблюдать за языками пламени и клубами дыма. В священном кругу типи костёр, потрескивающий в очаге, создаёт уют и неповторимое ощущение чего-то магического, словно ты находишься в сказке. У ночного костра в лесу на ветвях деревьев появляются тени, словно лесные духи. Сидя у костра, я чувствую, что моё тело и мой разум общаются с ним. Даже во сне, лёжа у костра и слушая в полудрёме потрескивание дров, я ощущаю благодать и одновременно благодарность нашему Создателю за этот великий дар. Огонь научил меня чутко спать: когда костёр начинает прогорать, подсознательно во сне возникает чувство, что огонь необходимо поддержать, подкинуть дров. Сделать это можно в полудрёме, почти не просыпаясь. И так на протяжении всей ночи. Засыпая у костра под мерное пощипывание травы лошадьми, я иногда просыпался в ночи и, не открывая глаз, прислушивался к темноте, ожидая услышать родимое пофыркивание пасущихся лошадей. Огонь — великое чудо, дающее нам силы жить дальше, вселяющее отвагу в наши сердца.

Так проходили эти незабываемые дни и ночи. В Месяц Охоты (сентябрь) мы вернулись к Двум Рекам. Перекочёвки из долины в долину зависели от наличия свежей травы — основного корма для овец. Напарник ушёл в отпуск, и я на месяц остался один, с небольшим запасом продуктов в базовом лагере. Погода стояла знойная, за всё лето прошло только два небольших дождя, и вот настало время засухи. Практически вся трава пожелтела, и единственным спасением для овец были ночные выпасы — когда жара спадала, они хотя бы находили силы пастись.

Внезапно ко мне приехал Сова, вместе с Шепави (Валя Романенко), с которой он не так давно познакомился. Он сообщил, что в ближайшее время приедет насовсем. Вместе мы провели два дня, и вскоре я опять остался один. Но мне некогда было расстраиваться. Я получил то, что искал, был вполне самодостаточен и уже строил планы на будущее. Приближалась зима, скоро должен был приехать Сова, мы вместе перезимуем и решим, что делать дальше. А сейчас на моем попечении была отара, о которой я заботился, словно она была моей собственной. При этом я был ни от кого не зависим, у меня было все необходимое для жизни, а также время на созерцание и осмысление происходящего. Радости настоящей жизни с лихвой замещали все мысли о возможных трудностях. В гармонии моей души с природой проходили эти дни.

В конце Месяца Охоты нам пришлось перекочевать на свежие пастбища, расположенные юго-западнее Извилистой реки, в окрестностях бывшего села Стиля (Лесниковое). Сейчас там остался только один дом, который в то время служил кордоном лесника. Как и в Шелковичном, когда-то здесь жили греки. Мы остановились в нескольких километрах от кордона, у подножия Спинного Хребта Мира, на маленькой речке Стиля (Ореховая река, как я её назвал). Берега этой реки были засажены многочисленными, наполовину одичавшими плодовыми деревьями, а также грецкими орехами. Везде, где ранее жили греки, в наследие

потомкам остались грецкие орехи, как напоминание о бывших обитателях тех мест. Когда-то Екатерина переселила их под Мариуполь, так как они, якобы, находились под угрозой уничтожения со стороны соседнего мусульманского населения. По другой версии, она хотела вырвать их из лона Греческой православной церкви, переподчинив Московскому патриархату. Так или иначе, греков временно выселили, а вернуть обратно почему-то забыли. Их дома заняли татары. Затем, когда отправили в ссылку татар, земли освоили русские. Но и они вынуждены были бросить свои дома из-за постройки водохранилища. Никогда и нигде больше не видел я в таком количестве в лесу заброшенных, наполовину одичавших фруктовых садов, с арыками для воды и множеством лесных троп, где в изобилии водились олени, косули, кабаны и другие лесные животные. Земной рай для растений и зверей. Волков в горах Крыма тогда не было. Эти места были ещё более глухими и удалёнными от цивилизации. Хаотично нагромождённые холмы, расположенные у самого подножия Спинного Хребта Мира, с множеством малых и больших полян по их склонам, с горной прохладой ручьёв, сочной травой и плодовыми деревьями, окаймляли долину Извилистой реки.

Мне доставляло большое удовольствие общение с Ташункой. Он рос очень смышлёным и хорошо сложенным щенком. В месяц от роду он уже понимал несколько простых команд и настолько привязался ко мне, что ни на шаг не отставал от меня. Близкое общение с собакой открыло мне целый интересный мир, которого у меня раньше никогда не было. В детстве мать не разрешала мне держать домашних животных. И я не мог нарадоваться новому другу. Но счастью не суждено было продолжаться долго. Я вовремя не доглядел, как Ташунка нашёл погибшую птицу и стал ею забавляться, грызть её. Вскоре он серьёзно заболел. Через три дня его не стало. Собачья чумка! Это было так жестоко — терять друга, которого очень любил. Горе моё было настолько велико, что я обрезал волосы и, погрузив руки в угли кострища, окрасил лицо в чёрный цвет. Мой траур продолжался несколько дней. Я похоронил своего друга на вершине Гребня-Указывающего-На-Запад.

В те дни ко мне в гости приехал Зовущий Лось из Москвы. Мы совершили поход в горы. К тому времени я уже втянулся в походную жизнь и легко переносил длительные переходы по труднодоступной местности. Лосю это давалось несколько тяжелей, поэтому намеченный круговой маршрут пришлось несколько сократить. На нашем пути лежал обрывистый скальный гребень, разделяющий Землю Погибшей Косули и долину Извилистой реки. Первая скала называлась Кермен (я назвал её Малая скала). Далее тянулась группа скал, населённых грифами и орлами — Басман (я назвал их Грифовыми скалами). У их подножия протекает река Грифов. С Басмана открываются великолепные виды на всю мою страну. Когда стоишь там на обрыве, над пропастью, с распростёртыми руками, а над тобой парят огромные птицы-грифы, молитва сама собой приходит на уста, и ты ощущаешь своё родство с этими птицами, с горами, со всем, что прекрасно. «Надо мною краса, подо мною краса, и вокруг меня краса!» Эти великие слова из песни Навахо здесь ощущаются как в сказке и наяву

одновременно. И вот ты уже сам паришь вместе с этими птицами, словно во сне. Впоследствии это было одно из моих самых любимых мест для обряда Трубки. Ещё там живут огромные вороны — они такие огромные, что, когда раздаётся их карканье, оно напоминает раскаты грома. Эти вороны, наверное, живут там сотню лет. А в ветвях сосен на обрывах скал воет ветер.

Вскоре мы перегнали овец на Землю Погибшей Косули. В то время отара насчитывала около 600 голов, поэтому нам приходилось часто менять пастбища. Наступил Месяц Падающих Листьев (октябрь), по ночам появлялась изморозь, а солнце давало миру уже гораздо меньше тепла. С гор подступала осенняя прохлада. В эти дни мы жили в типи, меняя места стоянок в зависимости от необходимости. Овцы к осени на подножном корму «наедали» жиру, которого им хватало, чтобы благополучно пережить зиму, когда их переводили на сено, силос и зерно. В апреле отару снова отправляли на подножный корм, вскоре после окота овец, который проходил с февраля по апрель. К этому времени в отаре появлялось две-три сотни ягнят.

Мы с Лосем насушили трав, а после занялись заготовкой яблок, орехов, слив и кизила. Вскоре приехал мой родной брат из Харькова. Вместе мы провели весь Месяц Падающих Листьев, занимаясь бытовыми делами и проводя вечера в беседах. В конце месяца совершили поход к Грифовым скалам за перьями. Гнёзда грифов находятся на высоких скальных выступах, вне досягаемости человека. Но под ними, на обрывах и узких карнизах, среди кустов, можно находить перья. Каждое лето и осень я собирал там около сотни перьев за сезон; часть оставлял себе, часть дарил друзьям. Когда гости разъехались, я снова остался в одиночестве. И вот выпал первый снег. Мы свернули лагерь и поспешили к Белой горе. Наступило время зимовки.

Зимняя база нашей отары располагалась в километре от села. Это был широкий овраг с протекавшим по его дну небольшим ручьём, пересыхавшим в засушливое время года. В ручье лежал огромный валун почти правильной круглой формы. Я назвал это место ручьём Круглого Камня. Раньше там была кроличья ферма, но, когда кроликов перестали разводить, сараи приспособили под овечью кошару. Неподалёку стоял домик, в котором я и поселился. Зима была тяжелой. Дом был непригоден для жизни. У него был высокий первый этаж, видимо, когда-то служивший складом, но ныне пустовавший, по которому гулял ветер и сквозняки. Пол на втором этаже был бетонированный, не утеплённый, отчего в комнате можно было находиться только в тёплой обуви, иначе стыли ноги. Дровяная печка была странной конструкции и грела плохо, тепло улетучивалось очень быстро, так что приходилось топить постоянно. Дрова приходилось пилить и рубить ежедневно и в большом количестве. Но это ещё полбеды. Корма для овец было мало, и подвозили его недостаточно. С чем это было связано, я не знаю, но скирд не было вообще, а затюкованное сено, зерно и силос привозили нерегулярно. Началась война с начальством за корма. Бывали дни, когда корм привозили только к вечеру или даже вообще через день после того, как привезённый накануне корм заканчивался. Вспоминая об этом сегодня, я до сих пор не могу понять, как

так можно было относиться к ведению хозяйства в совхозе; по сути дела, это было преступлением. И если бы у овец не было запаса жира, нагулянного с таким трудом с лета и осени, и если бы я не выпасал дополнительно овец в дни, когда сходил снег, трагедии падежа овец было бы не избежать.

В Месяц Бобров (ноябрь) приехал Серая Сова. Я договорился с хозяйкой, и зимовал он у неё в доме, в той комнате, где я хранил свои книги. Я поделился с ним всем, что у меня было, в том числе летними и осенними заготовками фруктов. Сова поступил на работу лесорубом. В этот раз Сова приехал с несколько иными мыслями, и я не берусь утверждать, что послужило тому причиной. Лицо его было глубоко задумчивым и носило печать различных переживаний. Может быть, это было вызвано осложнениями в семейных отношениях, или трениями с родственниками: развод с женой, разлука с сыном, отговоры родных... Возможно, неуверенность в своих силах. Но теперь уже Сова говорил, что несколько изменил свои взгляды; что можно попытаться изменить что-то, начав с себя, а не пытаясь изменить условия своей жизни. Он говорил, что, может быть, не стоит противопоставлять себя миру белых, а пытаться постичь истину, воспринимая этот мир таким, какой он есть. Может быть, не стоит делить мир на противоположности, а попытаться понять и то, и другое, сохраняя при этом своё достоинство, свой внутренний индейский мир, свой стержень. Да и отречься от родных было бы эгоистично и жестоко.

Эти слова были как гром среди ясного неба и остужающий ливень. Слушая их, я впервые задумался о прочности его убеждений и силе нашей дружбы, о непоколебимости его и моей мечты, но тут же упрекнул себя в таком сомнении. Он был для меня старшим братом, учителем; я уважал его мнение и пытался осмыслить, понять его слова. А потому для меня тогда не было другого решения, как положиться на волю судьбы. Я подумал, что такой оборот дела ничего не меняет в моём восприятии мира, даже если изменился мой брат. Я знал, что мы были нужны друг другу, мы были братьями, а для индейцев это не пустые слова. Только сохранив нашу дружбу, наше братство, наш маленький род, мы сможем двигаться вперед, к своей мечте. Кроме того, за последний год я уже испытал кое-что в жизни, требовавшее переосмысления, а зимнее время к этому располагало. В словах Совы проскальзывали некоторые доводы, определённых ответов на которые у меня в то время тоже не было, но которые я отбрасывал как незначительные, считая, что ответы рано или поздно придут сами собой. Например, где найти подходящих женщин, чтобы создать семьи, чтобы продолжить наш род? И даже если найти, как потом в таких условиях вырастить детей, да и ещё сохранить при этом семьи? По сути дела, это тупик. Даже по судьбе Иши и племени Яхи это очевидно. И много других подобных вопросов, на которые у меня не было ответов. Я избрал братство. Кроме того, мы теперь вместе, а впереди зима, и у нас будет хорошая возможность всё обсудить. Спешка в таких делах не подруга.

Весь Месяц Долгих Ночей (декабрь) я много размышлял над этим. Не было ли это каким-то соглашательством или предательством убеждений? Я ловил себя на том, что во мне буквально встаёт

на дыбы собственное эго, неспособность услышать друга. Придёт весна, жизнь возобновится и для природы, и для меня, и я уйду в горы сам? Или, может быть, если опустить голову, разувериться в мечте и вернуться в город, к родным, это — выход? Ведь если впереди нет свободы и маячит перспектива работать на белых, то какая разница, где это будет происходить — в городе или в деревне? Или бросить всё и рвануть на Алтай, в Голубую Скалу? А как же эта страна, эти горы, эта земля и эти реки, которые я уже полюбил всем сердцем после стольких переживаний? Подумав над всем этим, я понял: это то, что я искал. Я смог, хоть на немного, осуществить свою мечту о свободной жизни на природе. Я хотел породниться с природой, и я это сделал. Я хотел испытаний, и я их получил. Я хотел проверить своё тело и свой дух, и я сделал это. Я хотел голодать, мёрзнуть и сгорать от жажды. Много раз я ловил себя на мысли, осознанно голодая, что муки голода доставляют мне радость. Я хотел испытать холод и получал наслаждение от этого, зная, что когда-то так же замерзали в снегах бегущие после очередной резни индейцы. Я не пил воды несколько дней, чтобы в полной мере испытать муки жажды. А когда шёл проливной дождь, выходил под него нагишом, чтобы тело ощутило, что такое вода с небес, которой не было месяц или два. Благодаря всему этому и в течение этого года я приобрёл и закалил свой индейский дух; и именно этот мой стержень даст мне силы жить дальше, что бы ни происходило со мной в жизни. Я осознал: не бывает так, что в жизни всё всегда хорошо и как по маслу; чтобы что-то понять и прочувствовать, жизнь преподносит нам испытания. Понять в полной мере свободу невозможно, не прочувствовав её противоположность. Меня ждал нелегкий путь, и следовало встречать достойно всё, что бы ни происходило в моей жизни.

Месяц Снега (январь) прошел в долгих разговорах и советах. Иногда споры были жаркими, но в целом полезными. В итоге, Сова решил дожидаться места на кордоне, чтобы далее работать лесником и таким образом попытаться легально и с источником дохода жить в горах, вдали от людей. Вместе сделать это было нереально, так как одновременно поселиться вдвоем на одном кордоне шансов не было никаких. Мне же ничего не оставалось, как самому планировать свою жизнь дальше. А, собственно, что тут планировать? Возврат назад был неприемлем, иначе я перестал бы себя уважать. Либо я остаюсь и дальше работать чабаном в совхозе, либо буду жить, как планировал ранее, сам по себе, в лесу. Я решил выбрать последнее. Но теперь на мне всё ещё лежала ответственность за совхозную отару. Я буду готовить себе базу для жизни в лесу, спокойно дожидаясь времени, когда найдётся новый чабан и можно будет это осуществить. Так или иначе, моя нынешняя работа чабаном сыграла большую роль в том, что мне предстояло осуществить далее. Во-первых, за это время я весьма неплохо изучил местность и отлично на ней ориентировался. Во-вторых, меня знали жители всех окрестных деревень, а также начальство и работники лесхоза и совхоза, чьи угодья в тех местах пересекались. Моё нахождение в лесу теперь не вызывало бы ни у кого вопро-

сов. Это было хорошо. А трудностей я попросту не боялся, я даже их презирал, потому что многое уже испытал и это меня закалило. Я давно уже не был тем простым мальчишкой, мечтавшим когда-то бежать к Шауни, в неизвестность. Детские руки давно огрубели, но душа — нет. Я был полон сил, уверен в себе и готов к дальнейшим испытаниям.

В это время у меня появилась новая собака, маленький щенок. Его родила та же мать, что когда-то Ташунку. Я назвал её Анункой (Орлица), и она была моим другом ещё долгое время, пока не исчезла бесследно много лет спустя вдали от Крыма.

Исходя из полученного опыта, я решил, что буду заниматься скотоводством. Я решил обзавестись собственными овцами и козами, чтобы у меня всегда был источник пропитания. Овцы будут давать мясо, козы — молоко. Мне также будет нужна лошадь, по крайней мере одна или две, чтобы возить на них свой скарб и припасы. Незамедлительно я приступил к осуществлению своего замысла. Уже в Месяц Снега на отложенные средства я приобрел трехлетнюю козу и четырех котных овец. Ранее эти деньги планировалось пустить на закладку тайников с продуктами в горах — неприкосновенный запас, который мог быть использован в трудное время. Теперь вот они пригодились на другое, не менее важное дело. Коза была белоснежной и получила у меня имя Тава (Белая Тучка). В Месяц Голода (февраль) она родила двух козлят. Овцы принесли шестерых ягнят. Вскоре я приобрел ещё шестерых овец и нескольких коз. В Месяц Ворон (март) я обменял четырёх овец на вороную кобылу по имени Галка, которой было восемь лет. Итого, к весне у меня была уже своя небольшая отара из 16 голов, преимущественно овец, нескольких коз и козла для покрытия коз. У одного лесника-пенсионера я приобрел старую, но довольно прочную четырехколёсную повозку-одинарку (под запряжку одной лошади). Колёса на ней были надёжные, с гнутыми ясеневыми ободами и железными ободьями. Позже я усовершенствовал её, переделав так, чтобы оглобли можно было быстро поменять на дышло и таким образом получить возможность при необходимости запрягать в повозку не одну, а сразу пару лошадей.

В Месяц Травы (апрель) 1987 года я выдвинулся с совхозной отарой и своим небольшим стадом (мои овцы и козы находились вместе с совхозными и были помечены) на прошлогодние выпасы к Спинному Хребту Мира, в окрестности бывшего села Шелковичное. Там в Месяц Цветов у меня случилось несчастье. Моя лошадь Галка была похищена каким-то недоброжелателем прямо с выпаса. Когда я обнаружил пропажу, то стал искать следы, нашёл их, загнал овец в загон, а сам двинулся по следам, которые вели в заповедник. Это была закрытая территория, и находиться там запрещалось, к тому же у меня не было возможности бросить отару без присмотра. Было обидно, но пришлось вернуться и ждать сменщика. Через несколько дней я смог отправиться на поиски лошади и провёл в пути несколько дней. Следы потерялись, и мне пришлось вернуться назад. Ну что же, значит, с этой лошадью не судьба, буду подыскивать другую. Месяц Цветов ушёл на заготовку сена на зиму.

В это время у меня созрела идея съездить в Ленинград на Пау-Вау, чтобы поговорить с людьми и попытаться найти единомышленников, которые хотели бы жить на природе и, возможно, попытаться создать в Крыму кочевую общину на основе моего опыта и знания местности. Поехать в Ленинград мы запланировали вместе с Совой. Это было в конце Месяца Цветов. Лагерь стоял на Волчьей реке, у Петяярви. Приехав туда, мы поставили свое типи и провели в лагере несколько дней. Мы встретили там старых друзей и приобрели новых. Там был Красный Волк, Левая Рука и многие другие. Было много разных мероприятий, в нашем типи всегда было много гостей. Однако все эти разговоры ни к чему не привели. Тема жизни в лесу мало кого интересовала. Люди привыкли ходить в походы с несколькими ночевками, чтобы получить мимолётное удовольствие от общения с природой, поиграть в походе на гитаре, попеть песни, но ненадолго, и после этого всегда с удовольствием возвращались в город, чтобы принять горячую ванну и съесть мороженого. Как всё это было знакомо ещё со времени моей такой же жизни в четырёх городских стенах. Люди остались такими же, какими были. Почти никого не интересовала постоянная жизнь в лесу, в горах, вдали от людей. Как будто они не читали все эти книги Серой Совы, Сетона-Томпсона, Шульца! Тем не менее, поездка тоже принесла пользу, хотя бы потому, что связь с общностью возобновилась, и впоследствии я периодически получал по почте литературу об индейцах и рукописные переводы.

Когда я вернулся, то решил ускорить уход из чабанов. С Серой Совой часто общаться не получалось, но мы старались видеться хотя бы раз в две недели. Он жил в Верхоречье и работал лесорубом, а я находился у подножия Спинного Хребта Мира, на Извилистой и Жёлтой реках. К этому времени я уже окончательно был готов жить в лесу самостоятельно, и больше меня ничего не сдерживало. Я уже приобрёл много практических навыков жизни в лесу и в горах, настало время жить так, как я хотел. Наконец, нашёлся человек, который был готов меня заменить. Я уволился с работы и был безмерно счастлив этому. Как раз в это время снова приехал Питамакан. Я забрал своих овец и коз и ушёл из чабанов. Какое-то время мы провели вместе, наслаждаясь свободной жизнью в лесу.

В Месяц Бобров в горах выпал снег. По ночам бывали заморозки. Надо было что-то решать с животными, так как долго в таких условиях они находиться не могли. Я пригнал свою отару в деревню и сделал для животных временный загон. Сова к тому времени уже жил на другой квартире, а я поселился в комнате, где до этого был прописан более года. Договорился с хозяйкой, в углу её двора построил утеплённый навес, загнал туда отару. Там у меня была припасена пара тонн сена, которого при экономном расходовании и параллельном зимнем выпасе отары должно было хватить до ранней весны. В конце месяца с фермы мне сообщили, что к ним прибилась лошадь, гнедая кобыла, и неизвестно, чья она. Я с удовольствием взял себе эту лошадь взамен той, что у меня украли. Правда, прибавилось забот с кормами, но меня это не смущало, лошади я был рад. Однако в Месяц Долгих Ночей у кобылы нашёлся хозяин из со-

седнего района. Лошадь у него украли, а по дороге от конокрадов она, видимо, как-то ускользнула и прибилась к ферме. Так что я снова остался без лошади.

Зима в Крыму длится 2—3 месяца, до Месяца Травы. Я занимался выпасом отары, чтением книг и вышивкой бисером. В конце зимы успешно прошел окот овец и коз, отара моя увеличилась до 37 голов. Мне нравилось заботиться об овцах и козах, принимать роды, возиться с ягнятами. А если здесь появятся новые люди, возможно, даже зародится община, то у нас уже будет хорошая база для пропитания. Но после Пау никто не приезжал, чтобы попытаться жить такой же жизнью, а мне одному, получается, столько животных было ни к чему, ведь зимой неизбежно возникали проблемы с кормами. Но всё же я продолжал надеяться на лучшее.

В Месяц Ворон пришел лесник из соседней деревни и предложил лошадь в обмен на двух овец. Я с радостью согласился. Это был Ворончик, конь, который впоследствии оставался со мной ещё шесть лет. Он был одноглазым. Несмотря на то, что когда-то, возможно, по вине человека, конь потерял глаз, он всё равно был мне предан, мы понимали друг друга «с полуслова». И вот почему. Лесник нашёл его в лесу привязанным к дереву. Кто-то забыл его там или оставил умирать. Конь обглодал вокруг себя все побеги и всю кору, до которых смог дотянуться, и в прямом смысле слова уже погибал. Когда я его привёл, это был ходячий скелет. Я даже не знаю, как он одолел эти несколько километров до моего сарая. Несколько недель я выхаживал его, а в Месяц Травы мы все, уже как одна семья, отправились в горы, к Спинному Хребту Мира. Ворончик оказался надёжным конём. Он хорошо ходил как в упряжке, так и под седлом. На вид ему было лет 10, это средний возраст для лошади. На молодой траве и свободном выпасе Ворончик восстановился, но до конца так и не оправился, от чрезмерных нагрузок у него возникала одышка. Я всегда это учитывал и жалел его, стараясь по возможности не перенапрягать. Конь платил мне сторицей — своей преданностью, да и просто одно общение с ним всегда доставляло удовольствие.

Если в целом, то проблем с отарой и перекочевками у меня в горах не было. И даже с властями особых проблем не возникало. Совхозное начальство там никогда не появлялось, а в лесничестве меня хорошо знали и даже уважали, считая чем-то вроде местной достопримечательности. Они прекрасно знали, что я не охотник и не браконьер, лесу вред не причиняю. Находиться там было не запрещено, так что преследовать меня было не за что. Единственная проблема состояла в отсутствии прописки, которая в то время была обязательна. Но и из-за этого меня, в общем-то, не донимали, смотрели сквозь пальцы. Началась Перестройка, в стране хватало проблем поважнее.

Что касается перекочёвок, то всё было довольно просто. Обычно я разбивал лагерь в приглянувшемся месте или там, где это было необходимо для сбора трав, заготовки плодов или лова рыбы. Конь пасся тут же, у меня на виду, а на ночь я привязывал его на длинную веревку, чтобы он мог пастись и ночью, но не потерялся. Спал я у костра и довольно чутко, так что мог проснуться от любого постороннего звука. К тому же у меня была собака, которая всегда была начеку. Ко-

зы и овцы паслись свободно. Бывало, что они удалялись от стоянки на километр или даже дальше, но я старался этого не допускать. Да и сами они обычно далеко не отходили, так как для такой маленькой отары еды всегда было достаточно поблизости от стоянки. К тому же у основных коз и овец на шее были колокольчики, так что, если прислушаться к звукам, можно было всегда понять, как далеко находится отара. Обычно я оставался на одном месте несколько дней. Когда приходило время сменить стоянку, я начинал сборы: бытовую утварь, посуду и одежду укладывал в повозку, запрягал коня. В это время отара приходила в возбуждение, зная, что мы скоро выступаем, и стояла в ожидании рядом. Когда повозка трогалась с места, отара пристраивалась за ней и послушно шла следом к новой стоянке, даже если приходилось идти несколько километров.

Я уже писал, что опасно находиться в лесу одному, далеко от людей. Опасность может прийти оттуда, откуда не ждёшь. Так и на этот раз. В Месяц Цветов 1988 года стояла аномальная жара. Много небольших источников и родников пересохло и превратилось либо в лужи, либо просто в высохшие русла. Духота стояла неимоверная, и единственное спасение было в тени у реки. На одной из стоянок меня свалила болезнь, трясла лихорадка. Я еле дошёл до деревни, где был небольшой медпункт. Отару и коня я передал Сове и попросил за ними присмотреть. Он в это время был в лесу, где вместе с лесхозными рабочими занимался производством древесного угля. Меня обследовали, ничего не нашли, но решили положить в больницу, в Бахчисарай, так как со мной явно что-то было не в порядке. Было похоже либо на отравление, либо на какую-то инфекцию. Но откуда инфекции взяться в лесу? Мне поставили капельницу, брали разные анализы. Я сгорал от температуры и постепенно умирал. И вот, когда я уже почти умер, я понял, что сделать это мне необходимо не на больничной койке белого человека, а в лесу. Тогда я просто усилием воли поднялся с кровати и направился домой, к себе в горы. Внешне я был похож на Ворончика, когда его нашли. Не помню, как я доплёлся до автобуса, идущего в Верхоречье, а затем ещё прошёл 20 километров в горы, к своей отаре. Наверное, лишь благодаря силе молитвы. Там я зарезал ягнёнка и стал понемногу есть нежное молодое мясо. До этого я неделю не ел и боялся, что, если съем сразу много, то тут же умру. Но я не умер, а постепенно восстановил силы, и жив по сей день. После этого случая ко мне пришло осознание того, что мне одному ни к чему такая отара. Община не складывается, а жизнь бывает непредсказуемой. Тогда я продал лишних овец, оставив лишь нескольких ради шерсти, и нескольких коз на молоко.

В Месяц Грома приехали Питамакан с женой и Воронья Смерть, мои старые друзья. Мы хорошо провели время, меняя места стоянок и занимаясь заготовками. Через какое-то время, в Месяц Охоты, Питамакан уехал. Сова к этому времени уже получил должность лесника и жил на кордоне. К нему приехала Шепави, которая до этого пару лет жила на Алтае в общине Голубая Скала. Я оставил животных у Совы и вместе с Вороньей Смертью отправился в горы, в пеший поход, который давно намечал. Путь наш пролегал через плато, пройдя по которому, мы стали спускаться к по-

селку Изобильный, что над Алуштой. Я слышал, что в горах, на плато, можно найти одичавших лошадей, но ни разу таких не встречал. На спуске от плато Чатырдага к Изобильному на одной из полян мы увидели двух лошадей. Это был конь лет шести и молодой жеребчик-двухлеток. Судя по всему, они были ничейные, скорее всего ворованные и брошенные. В то время конокрадство в Крыму было очень распространено. Иногда лошадей воровали ради денег, чтобы сдать на мясо в южнобережные рестораны. Но чаще за лошадьми отправлялись в летнее время пацаны из Ялты, Алушты, Гурзуфа и других населённых пунктов Южного Берега Крыма. Они переходили горы, спускались в предгорные деревни и угоняли лошадей в колхозах и совхозах, либо с выпасов, либо ночью прямо из конюшни. Угоняли, чтобы просто покататься, а затем бросали в горах. Встретив этих двух коней, мы просто накинули им петлевые уздечки на нижние челюсти и отправились в обратный путь. Шли мы через заповедник, а потому двигались скрытно, избегая наезженных дорог, чтобы не столкнуться с лесниками. Когда вернулись, старшего коня я подарил Сове, чему он был несказанно рад. Молодого оставил себе. Оказалось, что он тоже позволял сесть на себя верхом, но под седлом ходить обучен не был, так что пришлось приучать. Хотя, надо признаться, мне нравилось ездить на лошади именно без седла. Когда едешь на лошади без седла, твоё тело как бы сливается с ней; ты ощущаешь, как перекатываются под тобой её мышцы и рёбра, а в холодную погоду она согревает твои ноги теплом своего тела. Но на седле удобно перевозить поклажу.

Как обычно, когда гости разъезжались, я зимовал в Верхоречье, на своей зимней базе. В следующем, 1989 году, в июне, состоялась очередная поездка на Пау, в Ленинград. К сожалению, больше двух дней я там оставаться не мог, учитывая несколько дней, необходимых на дорогу, ведь в Крыму у меня была отара, за которой присматривали Сова с Шепави. Как и на Пау 1987 года, разговоров было много, а поддержки со стороны индеанистов так и не было. Я уже давно понял, что это никому не интересно. Даже на Алтай, в общину, мало кто ехал, чтобы там остаться. Туда, как и ко мне, приезжали индеанисты, гостили и уезжали обратно в цивилизацию. Посещение Пау мне было интересно, так как я хотел поддерживать связь с общностью, быть в курсе событий, получать литературу и новую информацию об индейцах.

В Тёплый Месяц (июль) я постился в горах. Место это называется Три Скалы. Они возвышаются над лесом на склонах Спинного Хребта Мира, прямо над моей любимой Извилистой рекой. Оттуда днём я мог видеть мир, молиться и созерцать, а ночью разговаривать с духами. Тот мой первый пост, эти четыре дня и четыре ночи, я не забуду никогда. Многое открылось мне тогда, и многое я переосмыслил и понял, а главное, осознал свое предназначение в этом мире. Сложно сказать, обрел ли я тогда Духа-Наставника и Духа-Хранителя, и если бы у меня был учитель-индеец, знавший язык духов, то, наверное, он сказал бы «да».

В Месяц Грома я стоял лагерем на Извилистой реке, в одном из своих любимых мест. Это была большая лесная поляна в пятидесяти метрах от реки, на склоне холма. Скрытное место,

вдали от лесных троп. Я занимался выделкой скопившихся у меня овечьих и козьих шкур. Козы паслись на соседней поляне, лошади стояли в тени, отмахиваясь от мух. Выделка шкуры — одновременно и простой, и трудоёмкий процесс. Перед выделкой сухую или засоленную для сохранности шкуру надо отмочить. Затем с неё соскребается мездра. Если нужна кожа без меха, то шкуру сначала надо выдержать в тёплой воде, чтобы она подопрела и волос легко отделялся. Выделка осуществляется в трех растворах, в которых происходит выдержка, пикелевание и дубление. Следующие этапы — втирание жира и сушка с разминанием. Ёмкостями для растворов мне служили три ямы, выкопанные в земле и устланные плёнкой, либо три отсека с перегородками в повозке. Я занимался мездрением шкур на бревне, периодически спускаясь к реке, чтобы выполоскать их. На ногах были надеты короткие резиновые сапоги, в которых я входил в ледяную воду. Сидя на земле, спиной к краю поляны, я работал ножом как скребком. Внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд. Это было так осязаемо, по телу словно пробежали мурашки. Невольно я оглянулся, ровно в тот момент, когда стоявшая в нескольких метрах от меня лиса, изо рта у которой шла пена, прыгнула на меня. Бешенство! Реакция была мгновенной. Через миг я уже вскочил на ноги, словно пружина, и машинально успел выставить вперёд правую ногу. В тот же миг лиса вцепилась острыми зубами в мой сапог. Не знаю, каким чудом, но нога высвободилась из сапога, а лисьи зубы даже не задели пальцев, укус пришёлся между большим и вторым пальцем, в пустоту. Я схватил палку, лежавшую под рукой, и нанёс лисе несколько ударов по голове, убив её. Затем тщательно выстирал всю одежду, сжег сапоги и сменил место стоянки. Мне просто повезло. До ближайшего села с медпунктом было около 20 километров, так что, если бы я был ранен бешеным зверем, вряд ли кто-то успел бы оказать мне помощь.

Летом и осенью я занимался заготовкой плодов на зиму, ловил рыбу. Той осенью был хороший урожай грецких орехов. В Месяц Охоты Сова с Шепави уехали из Крыма. С одной стороны, я опечалился, ведь я снова остался один, вдали от друзей. Но поразмыслив основательно, я понял, что за эти четыре года уже стал настолько самодостаточным и уверенным в своих силах, что особо не переживал. После всего, что было испытано в горах, я мог спокойно принимать любые удары судьбы.

В Месяц Долгих Ночей я спустился с гор в Верхоречье. Зима прошла в обычных заботах. Своими руками я полностью сделал новую повозку, теперь у меня их было две. В феврале посетил друзей в Москве. Там впервые в кинотеатре посмотрел фильм «На тропе войны», который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Побольше бы таких фильмов. События там происходили на равнине и в горах, местность очень сильно напоминала мои горы. Летом я, как обычно, занимался сбором трав, и у меня было много гостей. Приезжал даже мой друг детства, Весенний Олень. Но это уже был другой человек, чуждый нашей с ним мечте. Нам было сложно найти понимание, он сильно изменился, жизнь белого человека сделала его далеким, хотя с друзьями, с которыми давно

не общался, всегда есть о чем поговорить.

В Месяц Грома я обрёл трубку, к которой давно шёл. Мне исполнилось тогда 25 лет. С тех пор Священная Трубка направляет мои помыслы. Когда появилась Трубка, пришли видения. Одно из них — о женщине, которая ждёт меня где-то на севере. Это была странная легенда, бытовавшая у жителей Пуэбло Лагуна и пришедшая ко мне в видении. Другое — видение белых лошадей, которое было вестником дороги. Наверное, для меня пришла пора перемен… В это время, с трубкой, ко мне пришло новое имя… Не стало больше прежнего Куницы, романтика и мечтателя, а появился новый человек, готовый идти навстречу опасностям и новым испытаниям. Имя его — Блуждающий Дух.

В Месяц Охоты я снова прошёл с ночевками по местам своих любимых стоянок, где курил трубку и молился Высшим Силам, чтобы они послали мне удачу в пути. Я был настолько уверен в своих силах и в жизненном пути, которым шел, что другого уже себе не представлял. Но я всей сутью уже понимал, что сердце моё требует перемен. Я не знал, что будет ждать меня в дороге и как сложится моя дальнейшая жизнь. Но в одном я был уверен: теперь у меня есть Трубка, и её сила будет сопровождать меня везде. В ней — сила гор и лесов, душа и кровь предков той страны, которую я всем сердцем полюбил и считал своей Родиной. Крым вдохновил меня! Здесь я познал настоящую жизнь, о которой мечтал с детства. Здесь я окреп, закалил свой дух, здесь сформировалась моя жизненная философия. Сила Трубки будет хранить меня всегда, чтобы со мной ни происходило.

В конце Месяца Охоты приехал мой друг, Воронья Смерть, он вызвался разделить со мной трудности дороги. Я приобрёл ещё одну лошадь, теперь у нас их было три. Лошадей можно было запрячь в обе повозки. Наш нехитрый скарб поместился в две повозки: на одной лежали продукты, одежда, книги и спальные принадлежности, на другой — типи, шесты и запас зерна для лошадей. Коз пришлось оставить в Крыму, за исключением одной, которую мы решили везти с собой из-за молока, а на стоянках выпускать пастись. Наступил Месяц Падающих Листьев 1990 года, когда мы выступили в путь…

«И всей сутью своей ощутил человек движение этих существ. Он осознал их существование задолго до того, как они появились на горизонте. Он почувствовал их приближение в лазурном небе и на цветущей земле. Весь воздух был наполнен вестью об их приближении. Человек стоял в ожидании, в радости и тревоге одновременно. Наконец, они появились, сначала еле заметными проблесками у горизонта. Они двигались по дороге, усеянной камнями; по левую руку тонким ручьем вилась река Воинов, а по правую тянулись чахлые деревья. Таинственные существа приближались быстро, неуклонно, прямо на человека. Они стремительно увеличивались, и вот уже на глазах превратились в небольшой табун белых лошадей. Два всадника погоняли табун, сидя верхом на измученных лошадях. Тела лошадей и всадников были покрыты грязью и пылью, пот струился по ним, а глаза мутно блестели. От этого они казались серыми призраками, вестниками грядущих перемен. Взор их был направлен в никуда. Таинственные существа неслись прямо

на человека — казалось, они вот-вот нахлынут на него, сметут с ног, растопчут, рассеют... Стойте, куда же вы! — воскликнул он, поднимая руку от сердца. И разомкнулся табун, словно поток воды, огибающий валун. Сомкнувшись снова, табун стал исчезать вдали, так же стремительно, как появился. Сила, которую таинственные существа принесли, жива поныне. Видение это было воистину великим...»

(P.S. Полный вариант моих воспоминаний, возможно, будет опубликован отдельной книгой).

Долгие поиски «своих»

Андрей Нефёдов (Ветер)

Моя жизнь протекала в вымышленном мире. Я выдумывал всё, и на моих вымыслах строилась моя любовь. Я выдумывал хороших людей, хорошие отношения, хорошие книги, хорошие фильмы, я видел то, что меня окружало и перекрашивал всё в выдуманные цвета, мысленно изменял формы окружающих предметов, характеры людей, вёл с ними вымышленные разговоры. Так же я выдумал индейцев и индеанистов… Впрочем, я никогда не смешивал воображаемое с действительным, всегда твёрдо знал, что есть что на самом деле.

В 1969 году я учился во втором классе, мы жили в то время в Индии. Однажды я играл с кем-то из моих друзей на балконе, и мы разбили стекло (поднимали отцовские гантели и уронили). Я решил пойти сразу к отцу на работу и рассказать о случившемся. «Зачем? Накажут ведь!» — не понял меня мой друг. Я не смог объяснить ему и просто пошёл на работу к папе. Вызвал его и сказал, что разбил стекло. Он потрепал меня по голове: «Ничего страшного. Хорошо, что ты сам рассказал». А вечером он принёс большую коробку. Это был подарок мне на окончание учебного года. Забавное сочетание — подарок на окончание учебного года совпал с моим проступком и стал как бы наградой за мою честность. В коробке лежали пластмассовые индейцы, ковбои, лошади, фургоны. Я видел таких у соседского мальчика, который был года на два старше меня. Приходя к нему в гости, я наблюдал, как старшие ребята играли в «ковбойскую крепость». И вот такие же индейцы появились у меня. Через год отец подарил мне и пластмассовый форт. Так я шагнул в мир индейцев, и в основе этого мира были пластмассовые фигурки, оживавшие в моих руках.

Учась в четвёртом классе, я посмотрел фильм «Белые волки», после чего началась охота на фильмы про индейцев в окрестных кинотеатрах. Видимо, я успел изрядно надоесть моим родителям пересказами просмотренных фильмов. Мне хотелось, чтобы они разделили со мной мои восторги, но этого не случилось. Однажды мама спросила меня: «Хотел бы ты быть индейцем?» — «Нет». — «Почему?» — «Потому что их всё время убивали»…

В пятом классе я прочитал книгу «Харка — сын вождя» (второй и третьей книги этой трилогии не было в нашей библиотеке, я добрался до них слишком поздно, когда уже вышел из детского возраста и перестал читать литературу такого сорта). Затем настала очередь Фенимора Купера с его Соколиным Глазом. Следом пришёл Мато Нажин и его «Мой народ Сиу». Журналы с повестью Сат-Ока. Читал я, разумеется, и Майн Рида, а вот про Эмара знать не знал… В 1973 году я услышал о восстании в Вундед-Ни, но услышал с заметным опозданием, потому что мы опять жили в Индии, у нас там не было телевизоров, советское радиовещание отсутствовало,

новостей я не слушал, газет не читал. Не помню, каким образом и когда я узнал о событиях в Вундед-Ни. Не помню моих чувств. Знаю только, что принялся искать во всех газетах и журналах хоть что-нибудь об этом.

Что-то я помню хорошо, что-то сохранилось во мне смутными тенями, что-то совсем стёрлось, но иногда вдруг — без всякой, кажется, причины — возникает сцена из прошлого... Так, я не знаю, куда делись журналы с повестью Сат-Ока «Таинственные следы», да и содержание этой детской книги забылось давно, зато прекрасно помню замечательные иллюстрации. Они создавали неповторимую атмосферу повествования — немного наивную и чуточку сказочную. Через много лет я поехал в Калининград и там увидел в магазине книгу Сат-Ока «Таинственные следы» — в твёрдом переплёте, напечатанную на хорошей бумаге, и что важнее всего, там были те самые иллюстрации (из журнала). К тому времени мне перевалило за тридцать лет, и детскую книгу я уже не собирался читать, но я не мог устоять перед теми рисункам и купил книгу. Я листал её и погружался в забытые мои детские чувства. Оказывается, они были живы. Они поднялись из глубин моей души, услышав волшебную музыку, разлитую на страницах книги...

Детство даётся только раз, но оно никуда не уходит от нас, просто мы делаем всё, чтобы затолкать его в самый дальний уголок, в чулан, в подпол, наваливаем сверху всякий хлам, стараясь убедить себя, что мы «повзрослели» и стали совсем другими.

Пластмассовые индейцы, книги, фильмы — это ступени, по которым шагали почти все индеанисты. И воображение. Оно играло важнейшую роль. К примеру, я впервые «попал в Америку», поехав с родителями в Кашмир, в снежные Гималаи. Мы поднимались на низкорослых лошадках по горной тропке, вдоль шумного ручья, меж холодных камней и не очень густых елей. На голове моей была надета «ковбойская» шляпа, сделанная из мягкой пляжной дамской шляпки, которую моя мама пожертвовала мне во время той поездки. В кармане моей куртки лежал игрушечный револьвер. Покачиваясь в скрипучем седле и оглядывая горные хребты, я ощущал себя настоящим персонажем Дикого Запада. Ничто не мешало мне наслаждаться панорамой величественных гор, но я видел в них не индийские Гималаи, а Скалистые Горы Америки. Кажется, какая разница? Но разница была огромная, потому что я, только что окончивший пятый класс, уже крепко влюбился в индейцев и готов был видеть *их мир* в каждом уголке окружавшей меня действительности, которую моё воображение ежесекундно перекраивало и перекрашивало в совсем другую, не видимую другими людьми.

В пятом классе у меня был друг Андрей Сухих. Это он принёс мне «Мой народ Сиу», это с ним мы сочиняли рассказы про Тускароров (мне очень нравилось звучание этого слова), это он научил меня стрелять из лука.

Однажды мы бродили с нашими луками, и вдруг Андрей, остановившись недалеко от меня, спросил: «Как ты думаешь, индеец попадёт с такого расстояния?» — «Конечно, попадёт», убеждённо ответил я.

Луки у нас были тугие, двухслойные. Мы почему-то говорили, что он бамбуковый, но теперь я сомневаюсь, что он

был сделан из бамбука. Двухслойный, тугой, сделанный для убийств. Стрелы к нему были с двумя видами наконечников: конусовидные и плоские, с двумя острейшими гранями. Мы иногда пускали стрелы в летавших над нами коршунов, и однажды моя стрела пролетела сквозь широко раскрытое крыло птицы. Я испугался, что пораню коршуна, ведь стреляли мы не ради охоты. Стрела легко прошла сквозь широкие перья, коршун не обратил на неё внимания. Я помнил тот случай, помнил мой испуг. Тот коршун летел довольно высоко, а тут мы с Андреем стояли друг напротив друга, и расстояние между нами не превышало пяти метров.

«Стреляй! Всё равно не попадёшь», — засмеялся Андрей, и во мне взыграла кровь. Это я-то не попаду?! Я положил стрелу на тетиву, но в следующее мгновение остановился, вспомнив, как пущенная мною стрела взмыла ввысь и молниеносно прошла сквозь крыло коршуна. Если бы я поддался на «слабо», то продырявил бы моего друга. Но обида за индейцев (почти оскорбление) не позволяла мне оставить без внимания слова Андрея. И я натянул тетиву совсем чуть-чуть. Это было даже не натяжение, а слабый намёк на него. Стрела лениво прочертила дугу в воздухе и упала. Но на излёте она всё-таки воткнулась в ногу Андрея, зацепившись за кожу выше колена, и повисла безвольно.

Как я был напуган! И как был счастлив тем, что не пустил стрелу по-настоящему.

Иногда мы словно теряли рассудок, держа в руках оружие, и я не могу объяснить этого. Помню, мы метали томагавк в консервную банку. Томагавк был настоящий, увесистый, красивый, купленный в каком-то дорогом магазине. Андрей очень гордился им. Я тоже хотел получить такой, но мне не купили. В те годы мне покупали только книги... Итак, мы швыряли томагавк по консервной банке. В какой-то момент я почему-то бросился к той банке, чтобы схватить её, но Андрей решил опередить меня и выбить её из-под моих рук. Он метнул томагавк, и оружие попало мне в руку, ударило по пальцам. Кровь хлынула, игра прекратилась. Удар пришёлся по касательной, благодаря чему я не лишился пальцев, но многие годы на них хорошо виднелись тонкие шрамы. Позже я шутил, что Андрей просто отомстил мне за *ту* стрелу...

Примерно через год я увидел в доме у нашего знакомого охотничье двуствольное ружьё. Вертикально расположенные стволы делали его похожим на «винчестер». У меня чуть ли не мурашки по телу побежали от восторга. Заряжалось оно, конечно, как и всякая «переломка», а не как «винчестер», и это слегка снижало удовольствие, но всё равно я любовался ружьём.

В то время я жил в Индии, учился в шестом классе и уже «болел» индейцами. Всё, что хотя бы косвенно напоминало об индейцах, выводило меня из равновесия. Поскольку та охотничья «вертикалка» напоминала мне «винчестер», то она имела прямое отношение к индейцам, и мне, конечно, ужасно хотелось пострелять из неё. Прежде я никогда не бывал на охоте.

Дома у нас хранилось пневматическое ружьё (духовушка) и пневматический пистолет, внешне очень похожий на «вальтер» времён второй мировой войны. Из того пистолета я стрелял по бездомным собакам, забегавшим

время от время в наш двор. Грязные, лишайные псины, морды которых были облеплены мухами, не причиняли нам вреда, но мы воспринимали их как нежеланных гостей. Пистолет-духовушка бил слабенько, он простреливал газетную бумагу и только, но собаки хорошо ощущали шлепок пульки. Завидев уличных собак, я бежал в квартиру, хватал пистолет и, переполняемый дикими чувствами, делал пару выстрелов. Собаки исчезали…

Однажды я застрелил хамелеона. Кто-то сказал, что хамелеоны ядовиты, когда меняют окраску головы, а они меняли её постоянно. Сидит эта зелёная тварь неподвижно на ветке куста и только головой качает вверх-вниз, и голова при этом наливается краснотой. Несколько раз я, перепрыгивая через забор, наступал на хамелеонов и, разумеется, боялся, что они укусят. Кусают же кобры, когда на них кто-нибудь наступит или просто напугает, а у нас там и змей, и хамелеонов, и скорпионов хватало в избытке. И вот мы, играя в индейцев и будучи вооружены нашими совсем не игрушечными луками, увидели хамелеона. На меня накатила волна ненависти к красноголовому существу, и я пустил в него стрелу. Она пробила ящерицу насквозь, сорвала с куста и отнесла её на несколько метров. Хамелеон тужился, корёжился, извивался, застряв на середине стрелы. Его упругое тело было беспомощно. Я пытался стряхнуть его со стрелы, но у меня не получалось. Ни ненависти, ни страха перед ядом хамелеона не осталось. Я испытывал только омерзение — не столько от покалеченного тельца, сколько от самого себя. Я был противен себе…

Этим исчерпывался мой охотничий опыт на то время. Но желание выйти на тропу с настоящим ружьём отмело прочь все мои прежние переживания. На самом деле я не думал, что придётся убивать кого-либо, мне лишь хотелось «пальнуть» из понравившейся мне «вертикалки».

Взрослые поехали на пикник и взяли нас собой. Ружьё лежало в багажнике одной из машин. Мы остановились на берегу озера, окружённого коричневыми скалами. Мальчишки постарше стреляли первыми. Стреляли просто по воде. Когда дошла очередь до меня, я смело надавил на спусковой крючок, и меня хорошенько тряхнуло отдачей. На старой киноплёнке видно, как тяжело мне держать огромное ружьё и как меня отбрасывает назад при выстреле… Каждый сделал по несколько выстрелов в сторону озера, и взрослые сказали, что теперь надо найти цель получше. Мы сели в машины и поехали вдоль берега. Несколько раз между камней появлялись крупные вараны, но никто не успевал взять их на мушку: несмотря на кажущуюся неповоротливость, они были необычайно проворны. Я заметил ворону вдалеке, и спросил, можно ли мне выстрелить на ходу. Мне разрешили, но сказали, что я промахнусь. Опустив стекло окна и положив ружьё на дверцу, я прицелился и сделал выстрел. Вокруг вороны взметнулась густая пыль. Птица забилась — я попал в неё… И тут мне сделалось нехорошо. Так было и с насаженным на стрелу хамелеоном… Ворона не сделала мне ничего дурного, но теперь, из-за моего глупого и безответственного желания пострелять из «вертикалки», я ранил птицу. Кто-то из взрослых взял у меня

ружьё, неторопливо дошёл до растерзанной вороны и добил её в упор.

С тех пор я никогда не принимал участия в охоте.

Я вспомнил про стрельбу по бездомным собакам и убийство хамелеона, потому что все те случаи были отмечены бездумной ненавистью. Хорошо представляю индейский лагерь, в котором кто-то обнаруживает вражеского лазутчика. Все набрасываются в него, пускают стрелы, избивают дубинками, каждый норовит приложить руку к убийству врага. Жуткая картина: люди ликуют, ощущая своё превосходство над поверженным противником, ликуют, совершая убийство... Бездомные собаки были для меня врагами («Бей их, ату их!»), «ядовитый» хамелеон был врагом («Вот тебе, получай!»), я хотел их смерти, а если и не смерти, то хотел просто спрятать мой страх. Не избавиться от него, а просто спрятать его за этими выстрелами и убийствами. А птица... Я не боялся её, но убил. Вся история человечества в таких убийствах. Простить себя не могу.

Через много лет в книге Джона Нейхардта «Говорит Чёрный Лось» мне встретились такие слова: «Я решил подстрелить какую-нибудь дичь. Мне попался куст, на ветке которого сидела маленькая птичка. Только я прицелился, как у меня закружилась голова. Я вспомнил — теперь я сородич пернатым — и опустил лук, чувствуя при этом, что было глупо упускать эту птицу. Потом спустился к ручью и там заметил зелёную лягушку и не раздумывая выстрелил в неё. Но когда я подошёл и поднял её за лапки, то подумал про себя: вот я убил её, — и тут же чуть было не расплакался от жалости»... Это было и моё состояние.

Возможно, я не случайно испытывал душевную боль до зрелых лет, думая о судьбах растерзанных индейских народов. Возможно, она — след моих детских преступлений, коим нет прощения? Слишком уж остро отзываются во мне некоторые поступки — мои и чужие, совершённые в прежние годы. Слишком сильную физическую боль доставляет мне даже мимолётная мысль о чужих страданиях. «Убейте меня, но не дайте мне чувствовать чужую боль!» — хочется крикнуть иногда...

После седьмого класса летом я вернулся в Москву. После уютной, закрытой от невзгод советской колонии, где не было ни скандалов, ни потасовок, Москва, которая была моей настоящей родиной, но от которой я успел давно отвыкнуть, встретила меня жестокостью, грубостью и кровавыми драками.

Меня отправили в интернат. Старшие ребята (с восьмого по десятый класс) увлекались рок-группами, хвастались друг перед другом виниловыми дисками. Я тоже не избежал этого подросткового психоза, отдавшись звенящей музыкальной волне. Мы печатали в интернатской фотолаборатории переснятые на фотоаппарат картинки из журнала «Pop-Foto», наклеивали их на стены. Но индейцев я не забывал. И если в погоне за новыми песнями и новыми фотографиями зарубежных эстрадных звёзд все были одинаковы, то в «коллекционировании индейцев» я был уникален. Во всём интернате не нашлось второго такого «собирателя», поэтому если кто-то натыкался на что-то «про индейцев», то сразу тащили мне, будь то фотография Гойко Митича или журнал «Вокруг света». Одна из девочек принесла мне на один вечер почитать

даже «Анжелику в Новом Свете» (только на один вечер, потому что книга чужая, ценная, попала к ней через третьи руки, а я должен обязательно почитать, сказала она, потому что там про Ирокезов). Я листал книгу, впиваясь в страницы, где присутствовали индейцы, и не успевал ухватывать смысл повествования. Книга превратилась в калейдоскоп разрозненных сцен. Помню, что меня поразил эпизод, где Ирокезы возвращали французам маленького белого мальчика, взятого ими в плен когда-то:

«И вдруг мальчуган, испуганно оглядевшись, пронзительно заревел. Он бросился к Сванисситу, вцепился в его длинные худые ноги и, подняв к нему залитое слезами лицо, начал о чём-то умолять старого Сенеку. Величайшее смятение тут же охватило Ирокезов... Они тесным кольцом обступили плачущего ребёнка и все враз принялись успокаивать его... Не боясь унизить собственного достоинства, Уттаке присел перед мальчиком на корточки и, глядя ему в лицо, пытался успокоить его. Но маленький француз, по-прежнему держась одной рукой за кожаный пояс набедренной повязки Сваниссита, другой тут же крепко обхватил могучую шею Могавка».

Почему-то на меня произвели сильное впечатление «длинные худые ноги» Сваниссита и детская рука, вцепившаяся в кожаный пояс набедренной повязки. Книга очень живописна, и на тот момент я не читал ничего более красочного. Но ошеломила меня именно эта сцена.

Не менее насыщенными красками написана «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в переводе Бунина, а графические рисунки делали её бесподобной. Много позже я узнал, что это рисунки Ремингтона. Ту книгу мои интернатские товарищи украли из библиотеки и подарили мне. А вскоре украли ещё и «Последнюю границу». Одним словом, в интернате индейцы интересовали только меня, все об этом знали и пытались угодить мне — кто как умел...

Мы ездили во все кинотеатры, где показывали то, что, по нашему мнению, могло нас заинтересовать. Уезжали иногда через весь город, иногда прогуливали школу. Я был, наверное, единственным, кто смотрел на тот момент какие-то ещё вестерны, помимо фильмов киностудии «DEFA». Все знали только фильмы с Гойко Митичем и Пьером Брисом, а я уже посмотрел на широком экране «Soldier Blue», «Shalako» и «How the West Was Won». Тем не менее, любимыми моими фильмами стали «Белые волки» и «Апачи», они отличались чем-то от остальных, особенно «Апачи», наполненные необъяснимой поэтикой. Чего стоит неторопливый проезд воинов, на фоне которого звучит простой, но завораживающий текст: «Велика земля Апачей... Высоко стоит солнце над пустыней Чиуауа... Тот, кто скакал по ней на заре, тот, кто скакал по ней в полдень, тот, кто скакал вечером, уже не скачет больше... но велика земля Апачей... Солнце продолжает свой путь. Кто может задержать его?.. Высоко стоит солнце над пустыней Чиуауа...» Ничего нет в этих словах, но то, как они прозвучали с огромного экрана, и сопровождавшая их музыка погрузили меня в необыкновенную атмосферу. И весь фильм каким-то образом сразу наполнился особым качеством и смыслом. Цвет, вкус и подвижность форм появилась в фильме после этих слов. А вот

«Ульзана» не произвёл на меня никакого впечатления, он разочаровал, хотя персонажи те же. Гойко Митич не оправдал моих ожиданий. Я вышел из кинотеатра с таким чувством, словно меня обокрали...

Фильм фильму — рознь. Некоторые запоминались персонажами, другие — сюжетом, третьи — музыкой. Помню, с каким восторгом я смотрел «Прерию», где все индейцы — Поуни и Сиу, да и Чингачгук тоже — выглядели чучелами, но зато какая восхитительная музыка там звучала! И ещё в «Прерии» была сцена, потрясшая меня глубиной прозвучавшей там мысли. Старший Буш приезжает заключить договор с Матори, он хочет купить землю Сиу, предлагает вождю деньги: «Для нас, белых людей, эти бумажки то же, что для вас шкуры бизонов. Тот, у кого они есть, — счастливый человек, ведь на них можно купить всё что угодно», — объясняет Буш. «Я бросаю твои деньги в огонь. Их больше нет, — отвечает Матори, — а моя земля осталась. Что не имеет цены, превращается в золу». Буш возражает: «Конечно, я не спорю. Мои деньги в огне горят. Но всё-таки они имеют цену». Матори продолжает: «Вот горсть песка, ты попробуй пересчитай, сколько в ней песчинок, а я пересчитаю твои деньги». «Ты смеёшься, вождь, — теряется Буш. — Мне и жизни не хватит, чтобы пересчитать песчинки, но ведь это ничего не доказывает». «Это доказывает, что наша земля дороже любых денег», — подводит итог Матори.

В словах Матори заложено то, что я, будучи мальчишкой, считал сутью индейского мировоззрения. И что крайне важно — оно совпадало с моим мировоззрением. Я понимал, что человеку нужен кров, уют, но я чувствовал, что нельзя посвящать жизнь погоне за этим уютом, погоне за богатством, ибо однажды всё легко превратится в пепел...

К тому времени мой отец уже начал планировать моё будущее, и оно не имело никакого отношения ни к индейцам, ни к кинематографу. При этом он не только не душил мой интерес к индейцам, но подпитывал его, периодически присылая мне какие-нибудь книги. Это он подарил мне на день рождения «Great Chiefs» (в роскошном кожаном переплёте из серии «The Old West», на первой странице до сих пор видна сделанная его рукой надпись карандашом — 12 февраля 1977 и подпись) и «North American Indians» (книга попроще, но не менее ценная для меня), обе с множеством фотографий. Была красиво иллюстрированная маленькая книжечка, похожая на энциклопедию, где рассказывалось обо всём — от изготовления оружия до плетения корзин. Он присылал много вестернов на английском языке. Те книги провели меня сквозь годы самых больших сомнений.

В нашем интернатском клубе «крутили» кино по субботам и воскресеньям. Однажды показали фильм «Апачи». После сеанса ко мне подошёл мальчик (года на два младше меня) и спросил очень серьёзно: «Андрей, а индейцы на самом деле были? Или это сказка?» Меня удивил его вопрос, и я подробно, насколько был осведомлён в те годы, рассказал ему про индейцев. Он слушал очень внимательно... Почему я вспомнил об этом сегодня? Наверное, потому, что почувствовал в том вопросе отражение всего дальнейшего, с чем я сталкивался в жизни, когда речь где-то заходила об индейцах: они казались всем либо выдумкой, либо чем-

то несерьёзным, не заслуживающим внимания.

Позже я слышал от многих индеанистов, что их поднимали на смех в школе за их увлечение индейцами. Я не сталкивался с таким отношением к себе, но в глазах одноклассников я всё же был «другим». Индейская тема не была под запретом, как, например, эротика, но интерес к индейцам многим казался очень странным. Осмелюсь предположить, что это послужило импульсом в моём стремлении узнать об индейцах как можно больше и через эти знания доказать всему миру, что мой интерес — не детская пустышка. В интернатские годы я начал культивировать в себе «дух индейцев», чему во многом поспособствовала книга «Последняя граница» о побеге Шайенов из оклахомской резервации, об их возвращении в родные края. Там есть сцена, когда часть беглецов, уже обессиленная и оголодавшая, была окружена солдатами.

« — Скажи им, что бесполезно сражаться с нами, — начал Джонсон. — Они полностью окружены нашими войсками... Если будут сражаться, много их воинов умрёт.

Разведчик заговорил, нервно прижимая к груди сложенные накрест руки, и его певучая речь сливалась с воем ветра и шелестом снежинок. Старый индеец ответил учтиво, мягко — и этот голос, исходивший из умирающего, ссохшегося тела, казался вызовом разуму и здравому смыслу.

— Он говорит, что они уже умерли, перевёл разведчик. — Они идут домой, идут далеко... Они умерли, идут далеко...

— Да чтоб тебя! Объясни им: сюда везут большие пушки, и эти пушки разнесут их в клочья!

— Они умерли, идут далеко, — пожал плечами разведчик».

Этот диалог глубоко символичен для меня. Не помня дословно ту сцену, я пронёс её дух через добрую половину моей жизни. Это для меня и есть «индейский дух»: вы лишили нас главного, поэтому мы уже умерли, у нас нет причины цепляться за то, что предлагаете взамен отнятого... Они не фанатики, они просто-напросто отказываются жить так, как их заставляет жить государственная машина. Лучше умереть, чем жить так, как вы нас принуждаете...

Я поступил в МГИМО и не встретил там никого, кто бы разделял мой интерес. Быть одиноким означает быть самим собой. Я не искал общества других людей, наоборот — они искали моего общества, они прибивались к моему берегу. Мои однокурсники с удовольствием помогали мне делать фильмы. Мы снимали на восьмимиллиметровую киноплёнку, создавали вестерны. Как и все кинолюбители, мы сами шили костюмы: синюю американскую форму переделывали из школьной формы, пышные головные уборы я клеил из бумаги, индейские длинные рубахи кроили из всего, что попадалось под руки, потихоньку таская у родителей всякие тряпки. Ездили в Дубну на конюшню. Выбирались в каньоны Крыма. Я понятия не имел, как делать головные уборы из орлиных перьев, поэтому я мастерил их из ватмана: склеивал листы бумаги, кроил нужную форму, раскрашивал их, обклеивал ватой и пухом, дабы создать фактуру, и получал прекрасные головные уборы из «благородных перьев». Один раз я даже склеил из пенопласта бизоньи рога и приделал их к такому головному убо-

ру; они смотрелись весьма убедительно. Мы создавали антураж Дикого Запада на пустом месте…

После института я попал на работу в Министерство внешней торговли и очень скоро почувствовал, что задыхаюсь от конторской работы. Помимо положенного отпуска летом, я обязательно брал ещё неделю зимой за свой счёт, чтобы проветрить голову и отдаться прогулками по лесу. Помню, как я возвращался с работы, зная, что с завтрашнего дня я в отпуске. Я вышел из автобуса, пробрался по глубоким сугробам в сосновый бор и упал спиной в снег, раскинув руки. Я был одет в костюм-тройку и дублёнку, в руке сжимал «дипломат». Так я лежал какое-то время, с блаженной улыбкой, и смотрел на густые ветви, нависавшие надо мной. Сегодня я не поклонник зимы, но в те годы меня тянуло в заснеженную чащу. Оттуда я возвращался с сосульками на воротнике и шарфе, счастливый, упоённый впечатлениями, и садился за пишущую машинку… Мне казалось, что так будет всегда. Никаких перемен в стране не намечалось. О том времени принято говорить, что это эпоха застоя. Да, так оно и было: бесцветность всюду. Но я легко уходил в мои вымышленные миры, был там счастлив и не представлял мою жизнь иной…

Через несколько лет судьба сделала крутой поворот: я попал в разведшколу. Прошёл множество проверок и собеседований, получил рекомендации, сдал экзамены и был зачислен в Институт имени Андропова (ныне — Академия внешней разведки). Всё там было до ужаса нереально. И одновременно с этим — всё очень обыденно. Но на этих страницах я не хочу вдаваться в подробности. Скажу только одно: с раннего детства я не мог понять, почему кто-то указывает мне, что разрешено и что запрещено делать. Я хотел решать сам, ведь моя жизнь принадлежит только мне. Государство и общество навязывали мне свою мораль. Советское государство развалилось, и возникшее на его месте новое государство принялось навязывать мне другую мораль. Так было, есть и будет…

Когда детские игры в индейцев остались позади и я стал глубже узнавать их историю, они превратились для меня в символ противостояния государственной машине, которая перемалывает всех без разбора. *Это вымышленный мною образ индейца, соответствовавший моей нравственности, это моя идея индейского духа*. И это — первейшая причина, заставившая меня уйти из разведки. Государство — всегда тюрьма и рабство. Я рвался на волю из темницы. «Дайте мне быть свободным человеком» — так называлась одна из моих любимых книг… Каждый человек творит своё собственное мировоззрение. Оно может быть правильным или неправильным в глазах общества, полезным или преступным в глазах государства, но оно отражает суть человека. Я знал, что от моего поступка будет зависеть существование моей души: я либо перестану быть собой, оставшись на Службе, либо обрету свободу, даже если мне грозят серьёзные неприятности… Та ситуация вылилась позже в сюжет книги «Организм», где главный персонаж принимает решение уйти из секретной службы и ощущает, как в него вселяется дух Ташунке Уитко, собравшегося в форт Робинсон, чтобы встретить свою смерть. Я остался верен моей внутренней «индейской Тропе»

Андрей Нефёдов, Москва, 1981

и подал рапорт на увольнение... «Мы уже умерли, мы идём далеко»... *Я должен был вернуться в мою жизнь, в противном случае жить не стоило*. Меня отпустили, но полгода мурыжили, держали в напряжении, не возвращали документы. Я жил в подвешенном состоянии, не имея возможности устроиться на работу, начал потихоньку психовать, опасаясь, что меня могу посадить за тунеядство. В советское время за тунеядство грозило уголовное наказание. Я думал, что это начало больших неприятностей, но обошлось, к счастью, без них.

Чтобы спрятаться от тревожного состояния, я ежедневно ходил в Библиотеку иностранной литературы и там впервые обнаружил, что книг по истории и этнографии индейцев существует великое множество, и с ужасом осознал, что прежнее моё увлечение «благородными дикарями» держалось на мыльном пузыре приключенческих книг. Я почти возненавидел себя за мою «серость». Зато какое наслаждение приносил мне каждый новый день, наполненный чтением, в которое я бросился с головой, пользуясь предоставленным мне свободным временем...

До встречи с индеанистами оставалось несколько лет.

За эти годы я успел потрудиться фотографом в главном хореографическом училище страны, начал снимать подпольное кино (разумеется, вестерны стояли в первом ряду), поступил в институт кинематографии, а после государственного переворота попал на телеканал РТР и работал там режиссёром и оператором...[1]

Напомню: я, как и многие другие, считал себя одиночкой, до тридцати лет не встретил никого, кто хотя бы частично разделял мою тягу к индейцам. Но летом 1992 года я внезапно обнаружил, что таких людей много. И не просто «таких», а гораздо более «повёрнутых на индейцах». В экране телевизора я увидел молодых ребят, одетых в настоящие индейские костюмы: кожаные рубахи, ноговицы с длинной бахромой, головные уборы из великолепных орлиных перьев! И всё это не где-то за океаном, а в Москве! Возможно, кто-то из них жил в соседнем доме, а я понятия не имел об этом...

Программа, о которой я упомянул, называлась «Майн Рид шоу» и показывала так называемое индейское двоеборье: состязание в стрельбе из лука и гонки на спортивных каноэ. «Индейцы» присутствовали там в качестве красочной экзотики... В то время я уже более полугода работал режиссёром на телевидении и позволил себе воспользоваться служебным положением: велел директору и администратору выяснить, какую телевизионную программу показывали в такой-то день и такой-то час. Через пару дней у меня на столе лежала бумага с указанием редакции, выпустившей в эфир интересовавшую меня программу. Там же был телефон организатора двоеборья. От этого организатора я впервые услышал слово «индеанисты», он же дал мне телефон Димы Зорина, скульптора и художника.

Я не знал, чего ждать от встречи с первым в моей жизни индеанистом, поскольку меня предупредили, что индеанисты ранимы, требовательны и с подозрением смотрят на тех, кто задаёт им вопросы про их «индейство». Моё воображение нарисовало настоящего туземца, готового если не снять с меня скальп, то уж отдубасить за неосторожное слово... Дима Зорин по прозвищу Зовущий Лось оказался внимательным, вежливым и совсем не диким, даже наоборот, я бы назвал его стеснительным. На полу его комнаты лежала солома, на стенах висели всевозможные изделия из кожи, погремушки из тыквы, перья, томагавк. Всё казалось мне необычным и новым и одновременно родным и хорошо знакомым. Именно этого я ждал. Ничего другого и не могло быть. Я шагнул в пространство, где материализовалось всё, что наполняло мою душу с раннего детства.

Дима много рассказывал о культуре индейцев, показывал вышивку на рубахе, ноговицах, бисерное оформление чехлов для ножей и даже ложек. С непередаваемой любовью он говорил о бисере. Показывая узоры, он обращал моё внимание на попадавшиеся иногда одиночные зелёные бусинки на красном фоне и объяснял, что он специально вкрапливал инородную точку в строгий цветовой рисунок. Как ни странно, именно такие мелочи позволяли мне

[1] Об этом подробно рассказывает книга «Кино без правил»

в те дни глубже проникнуть в живописность индейского мира, создаваемого в обычной московской квартире. Дима показал, как кроить мокасины и отсыпал мне несколько горсточек бисера разного цвета, чтобы я мог начать вышивать себе мокасины (уж очень мне хотелось опробовать силы в этом новом для меня деле). Настораживали только его антисемитские настроения и слишком частые разговоры о его контактах с планетой Орион (впрочем, я быстро научился пропускать это мимо ушей)...

История индеанистов наполнена мифами, как всякая история. В начале нашего знакомства Дима Зорин много рассказывал о происшествиях, имевших место на Пау-Вау. Мне запомнилась история о том, как два пьяных деревенских мужичка забрели в лагерь и начали бузить. Их утихомирили, связали. Мужички уснули, а когда проснулись, то, видимо, забыли, как оказались среди индеанистов. Открыли глаза — вокруг индейцы. И несчастные пьяницы решили, что провалились во времени. Если верить Диме, то этим пьяницам объяснили, как себя нельзя вести, рассказали, до чего может довести алкоголизм и взяли с них слово бросить эту вредную привычку и отпустили. Насколько эта история правдива, я не знаю, но мне нравилось слушать такие рассказы Лося. Они создавали некий ореол вокруг индеанистов, о которых я пока ничего толком не знал.

Дима Лось свёл меня с Максимом Огурцовым, затем — с Сэнди. Чуть позже Маша Большакова привела меня к другим ребятам... В первой съёмке участвовали Мато Нажин, Танто, Дима Кроу, Танцующий Лис, Лёня Шардин, Маша Борисова (но тогда ещё не Борисова) и ещё две девушки, имён которых я не знаю. Запомнилась сумрачная осенняя погода, когда я приехал на квартиру Саши Ястреба. Индеанисты смотрели на меня чуть снисходительно, словно делали одолжение, позволяя запечатлеть их на видеокамеру.

С того дня отношения с индеанистами развивались стремительно. Мне казалось, что я попал в настоящую семью, нашёл истинных друзей. Меня пьянило счастье тех встреч. Мы встречались на разных квартирах (чаще — на Метростроевской улице, недалеко от станции метро «Кропоткинская», там «рулил» Боря Колобов), на выставках, на непонятных праздниках (например, юбилей газеты «Московский комсомолец») и на семинаре «Гайавата», который в течение нескольких лет имел свою штаб-квартиру в библиотеке на Новодевичьем проезде. Я неторопливо набирал материал для задуманного цикла телепередач «Голоса». Два или три раза начальство отпускало меня в командировку в Питер на несколько дней, но не давало телекамеру, поэтому я брал с собой для интервью «Нагру» — известный среди журналистов кассетный магнитофон. К сожалению, лишь малая толика того, что было записано в те дни, попала в программу «Голоса». Объединение «Республика», где я работал, занималось политическими и экономическими вопросами, индейцы и индеанисты не имели к этой сфере никакого отношения, поэтому мои «Голоса» вышли в эфир, преодолев огромное сопротивление моего начальства. Ситуация была престранной: мне не запрещали готовить «Голоса», но честно предупредили, что в эфирную сетку поставить мой опус вряд ли смогут...

Общение с Димой Зориным почти прекратилось после выпуска моей первой телевизионной программы. Она называлась «Пророчества, которые сбываются». Дима согласился дать интервью, но просил не снимать его. Я же пару раз всё-таки захватил его объективом. Дима был то ли смущён, то ли погружён в себя, но меня не остановил, интервью не оборвал и своё возмущение, что он плохо смотрелся в кадре, выразил только после выхода «Пророчеств». Через год наши отношения окончательно разладились. При встрече он демонстративно не здоровался и всем своим видом показывал, что я для него не существую. Только однажды Лось вдруг позвонил мне после показа «Голосов» и сказал: «Ты сделал индеанистов идеальными. Они совсем не такие. Надо было посоветоваться со мной».

Это был тот случай, когда я понял, что сочиняю мой собственный мир на основе действительного мира, я рассказывал зрителям о том, каким этот мир виделся мне и только мне. Одни хотят видеть одно, другие — другое. Я говорил только о красоте, а мир индеанистов скроен из противоречий, как и всякое иное сообщество. После «Пророчеств» я взялся за телевизионный цикл «Голоса», отдавая себе отчёт в том, что я вылепливал *идею* идеального индейского (и одновременно — индеанистского) мира. Идея была для меня важнее действительности. Какое мне дело до внутренних раздоров, если я всё равно вижу над закоптившимися макушками типи светлый ореол? В телевизионном цикле «Голоса» я говорил об *идее*, которая влекла многих. Я видел только эту идею. Вино и водку пили обычные люди, а не индейцы, которых я с детства обожал. Мерзавцы, склочники, завистники есть всюду, однако это не означает, что я обязан рассказывать о них. Меня интересует светлая сторона, ибо человек рождён для любви, в этом я не сомневаюсь. Всё самое плохое в человеке — от общества, оно преступно по своей сути и воспитывает преступников. Общество калечит людей. Индеанисты — не просто часть общества, они — общество в обществе...

Не будь у меня *моей личной идеи*, я бы не заинтересовался индейцами. У меня не было кумиров в индейском мире, не было любимых литературных персонажей, не хотелось подражать никому из героев кинофильмов. Моим вымышленным индейским образам не соответствовал полностью никто. Идея была бесплотной, но твёрдо опиралась на реальные фигуры, кстати сказать, весьма приземлённые и примитивные.

Изучая историю и этнографию североамериканских индейцев, я постепенно переключался на историю Древней Руси, затем внимание сфокусировалось на истории античного Рима и т. д. Во мне пробуждался интерес ко всему, и не будет ошибкой сказать, что начало этому интересу положило детское увлечение индейцами. Этнография, конечно, преобладала. Будь то африканские племена или высокогорные тибетские деревни, туземцы Амазонки или оленеводы Ямала, любая информация о традициях, нравах, поведении — всё вызывало глубокий интерес. Мир открывался во всей своей красе и не переставал удивлять. Во мне обнаружился голод к знаниям. Одновременно с приобретением этих знаний рождалась потребность делиться ими. Окружающий мир не переставал удивлять, история челове-

чества удивляла, и я, захлёбываясь этой информацией, спешил рассказать о моём удивлении в той форме, которая была для меня наиболее удобной — в форме приключенческих повестей.

В 1995 году мне позвонил редактор журнала «Иктоми», он искал авторов. Журнал выходил в серии «Индейцы Северной Америки», в рамках которой начали публиковаться переводы самых известных этнографов и историков. Через два года в этой серии были опубликованы три мои книги: «В поисках своего дома», «Тропа» и «Скалистые Горы».

Хорошо помню первую книгу — «В поисках своего дома», куда я высыпал всё, что я знал об индейцах на тот момент. Мне казалось, что этим произведением мне удастся увлечь людей, не имеющих отношения к этой теме, но я заблуждался. Кто был далёк от темы Дикого Запада, тот, прочтя «В поисках своего дома», не заинтересовался индейцами. Но моим «товарищам по духу» книга пришлась по вкусу. Успех имела и «Тропа», а вот «Скалистые Горы» были приняты в штыки некоторыми индеанистами (меня обвиняли в том, что я осмелился «заглянуть под набедренные повязки индейцев»). Ещё позже вышла шуточная книга «Подлинные сочинения Фелимона Кучера», и она была воспринята как «покушение на святое» (в том числе из-за иллюстраций). Более того, в интернете на меня навесили ярлык главного порнографа индеанистов. А я просто делал то, что мне интересно. Литература — это интересно, и это вдобавок — увлекательная и познавательная игра разума и воображения. Подавляющее большинство индеанистов не понимают этой игры, и мне искренне жаль их.

Спустя несколько лет журнал «Иктоми» утерял свои позиции, его место заняли «Первые американцы», издаваемые Олегом Ясененко. Время шло, и Олег стал заниматься не только «Первыми американцами», но взялся за идеологию индеанистики. Он поставил под сомнение правильность жизни на Пау-Вау и правильность понимания индеанистами Красного Пути, после чего случился раскол. Олег возглавил Пау-Вау Возрождения. Это было эпохальное событие. Противоречивое событие. Оскорбительное для многих «ветеранов». Но раз за Олегом кто-то пошёл, значит, люди нуждались в его идее... Опять на сцену выходит *личная идея* — своё понимание темы, свой подход к решению наболевших вопросов. Но личная идея в индеанистике — этом крохотном людском пространстве — оказалась так же опасна, как личная идея в большой политике, где на эту идею налипают люди, не имеющие ничего своего, но нуждающиеся в посохе, на который можно опереться. Произошёл раскол, назревавший давно. Собственно, лодка, в которой плыли индеанисты, с самого начала раскачивалась и подвергалась нападкам изнутри. Кто был первым, тот позволял себе размахивать скипетром вождя и указывать другим, как себя вести. Но кто был первым, знал гораздо меньше об индейцах, чем пришедшие на десять лет позже. Однако первые всё равно считались «вождями», «стариками», так называемыми «олдовыми» индеанистами... Когда после долгих скитаний в поисках своего собственного Пути вернулся в круг индеанистов Олег Ясененко по прозвищу Блуждающий Дух, то он фактически устроил революцию. Пау-

Вау Возрождения — революция в крохотном мире индеанистов.

Сегодня сообщество индеанистов стало терпимее, страсти утихли, но не исчезли. Время учит, что вражда не нужна никому, есть много путей, ведущих к Истине, и преступно настаивать на том, что лишь один из этих — подлинный. Время учит, но люди не учатся... По сей день я вижу в некоторых индеанистах агрессию, но индеанистика тут ни при чём, просто наружу рвётся сущность этих людей, самоутверждение через оскорбление других. Совсем не осталось того, что объединяло людей в начале пути. Не осталось стремления к свободе. Юра Котенко написал когда-то статью под названием «Обречённые на свободу», но лишь единицы пронесли и сохранили в себе этот дух. Подавляющее большинство изменилось.

Поворачиваясь лицом к прошлому, я пытаюсь понять, кто я был в том прошлом, где так много чувств и времени отдавалось индейцам? Сколько раз мы сидели уютно возле костра на Пау-Вау! Сколько раз оживлённо обсуждали новости, набившись на «явочной» квартире! Сколько раз я приглашал ребят на съёмку очередной передачи! Казалось, что мы варились в общем котле, но меня не покидало чувство, что я для индеанистов всё-таки чужой и что между мною и остальными индеанистами стоит какая-то стена, может быть, стеклянная, но неодолимая стена.

Я строго отделял индейцев исторических от индейцев художественного вымысла (кинематографических и литературных). Это две разные ипостаси. Не будь художественных произведений, индеанисты, возможно, вообще не явились бы на свет. Они — порождение художественного вымысла. Но они почему-то отметают свою «первопричину». Этнография появилась в их жизни значительно позже, и они, ступив на путь этнографии, сделались чрезмерно серьёзными. Многие подменяли одно понятие другим и самих себя «превратили» в индейцев, порой настолько уверовав в это, что прописывали на бумаге правила, которым должен следовать настоящий индеец. Всё это казалось мне смешным и жалким. Более того, меня коробит показная серьёзность в отношении к курительным трубкам (им придаётся такая сакральная важность, что индеанисты не позволяют снимать на видео раскуривание трубки). Такой гипертрофированной серьёзности не встречалось даже у индейцев. Впрочем, теперь североамериканские индейцы сорвались с цепи и в борьбе за свою «национальную идентичность» дошли до того, что запрещают белым людям носить орлиные перья, считая это исключительным правом коренных американцев; это забавляет меня ничуть не меньше, чем «сакральность» трубок индеанистов.

Подлинная жизнь индейцев (даже сегодняшняя, а тем более их жизнь в эпоху противостояния белым поселенцам и американской армии) принципиально отличается от жизни индеанистов на Пау-Вау. Игра всегда остаётся игрой. Индеанисты, создавшие Голубую Скалу на Алтае, решили прекратить игру в индейцев и начать настоящую индейскую жизнь. Как показало время, в этой новой жизни практически не осталось места внешним атрибутам, которые имеют первостепенное значение для индеанистов, приезжающих на Пау-Вау. Жизнь отличается от игры. Превращая игру в жизнь, человек всё утяжеляет, и наобо-

рот — превращая жизнь в игру, он облегчает своё существование. Нет никакого сомнения, что Пау-Вау — это игра, и новая форма Пау, известная как фронтир, — та же игра, только с немного изменёнными правилами. Но если всё это игра, то почему возникают противоречия и серьёзная вражда между теми, кто создавал Движение, кто в начале пути шёл плечо к плечу? Разве плохо, когда у каждого есть свой взгляд и когда можно поделиться своей точкой зрения, отличной от общепринятой? Отдавшись индеанистике, каждый искал что-то своё, но не каждый понимал, что именно ищет. Видимо, отсюда проистекают все проблемы...

Мне посчастливилось знать суть моего Пути: меня влекло искусство, творческая сторона жизни. Я обожал жизнь во всех её проявлениях, но полноценно мог воспринять её и осмыслить только через призму фантазий, через переработку действительности в новую форму, через создание моего собственного мира на основе окружающего мира. Многие индеанисты искали встреч с настоящими индейцами, чтобы узнать у них что-то «настоящее», а мне нужны были сегодняшние индейцы только для того, чтобы взять у них интервью и воспользоваться их словами для подтверждения какой-либо моей мысли в моём документальном фильме. Во всех остальных случаях я вёл беседы с историческими фигурами, беседовал с ними в моём воображении, и это приносило мне колоссальное удовлетворение. Я был участником событий, о которых другие только читали. Мне удалось увидеть всё собственными глазами, прожить не одну, а добрый десяток жизней рядом с величайшими индейскими вождями! Я сочинял книги, создавая на их просторах тот мир, который мне нравился, делился с читателем моими взглядами на жизнь, облекая мои рассуждения в одежды американского Дикого Запада. Я не претендовал никогда на звание историка, писал приключенческие повести, наполняя их моими фантазиями. Мне нравилась раньше и нравится сейчас романтическая составляющая Дикого Запада. Без этой составляющей Дикий Запад остался бы территорией грязи, кровавого разбоя и безнаказанного насилия, но разве это привлекательно? Я писал книги, однако куда больше мне хотелось снимать кино, ибо кино — моя истинная страсть.

Мне нравятся разные вестерны, но меньше всего привлекают те, в которых ставка делается на реконструкцию событий. Я жадно смотрел «Сын Утренней Звезды», потому что мне жуть как хотелось увидеть детали последнего боя Кастера. Я наивен, по-детски верю кинофильмам и каждый раз надеюсь, что исторические кинокартины покажут мне «правду». Я жаждал мельчайших подробностей. Но гораздо больше я получил от фильма «Маленький Большой Человек», в том числе и от эпизода, где показан последний бой Кастера. Это один из самых любимых моих вестернов (и одноимённая книга тоже). Впервые я посмотрел этот фильм в 1981 году, он был записан на VHS-кассету с французского телеканала, то есть на французском языке, поэтому я понимал не всё, но книгу-то я прочитал на десять лет раньше и сюжет знал. Много раз я смотрел ту кассету и временами плакал от переполнявших меня чувств. Художественные произведения дарят нам эмоции. Никому не нужны голые факты.

Хорошо помню, что почти каждое моё мнение об очередном вестерне не совпадало с мнением индеанистов. Они чаще оценивали фильм по этнографической точности, а я — по режиссуре и эмоциональному наполнению картины. Поэтому фильмы, например, Чарльза Пирса «Серый Орёл» (Grey Eagle) и «Зимний Ястреб» (Winterhawk) или Сесила Демилля «Человек с равнин» (The Plainsman) мне ближе, чем «Сын Утренней Звезды» (Son of the Morning Star). И меня ничуть не смущает, что у Пирса главные индейские роли сыграны белыми людьми, потому что ставка сделана не на этнографию, а на художественность, на приключенческую романтику. Мало кому посчастливилось создать такие произведения.

В фильме «Серый Орёл» старый вождь, стоя на индейском кладбище, говорит: «Услышь меня, Великий Дух! Скоро мы все исчезнем, поэтому я жду только возвращения Серого Орла, ибо он осуществит мою последнюю мечту». Речь идёт о том, что Серый Орёл привезёт старому вождю его дочь, которая понятия не имеет, что она дочь вождя Шайенов. Весь сюжет фильма строится на похищении этой девушки и погоне её отца за Серым Орлом, её похитителем. То, как старый вождь произнёс слова о своей последней мечте, напоминает мне настроение Чингачгука в романе «Последний из Могикан»: «Когда же и Ункас уйдёт вслед за мною, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын — последний из Могикан!». Последняя надежда, последняя мечта — вот о чём говорят кровожадные индейцы великих художественных произведений... Удивительными красками написаны кинематографические полотна Пирса «Серый Орёл» и «Зимний Ястреб». Имей я возможность, я бы создавал именно такие вестерны. Романтизм в фильмах Пирса отличается от всех других вестернов, в нём удивительным образом сочетается лирика и безграничная жестокость. В этом Пирс схож с Фенимором Купером, у которого «благородные дикари» ловко, без малейшего усилия снимают скальп с врага и возвращаются на сцену, привязав окровавленный трофей к поясу. Но жестокость у Купера не натуралистична и органично вливается в картину пылких любовных чувств, дружеской взаимопомощи и безоглядной честности персонажей. В некоторой степени этому пути следовала Мари Сандоз в своей книге «Неистовая Лошадь: странный человек Оглалов» (Crazy Horse: Strange Man of Oglala), она не пыталась заретушировать жестокости Лакотов, но её рассказ о знаменитом вожде получился поэтически окрашенным, а не отстранённым биографическим исследованием.

Мне такой стиль нравится. Я никогда не пытался повторить его, но мне — как читателю и зрителю — близка эта манера соединять несоединимое. Романтика — сложнейшая категория в искусстве, она целиком построена на отношении человека к событиям и явлениям. Не будет эмоциональных красок, останутся лишь бесцветные факты — удел социологов и политиков. Я знаю многих людей из числа индеанистов, которым моя концепция романтики не по нраву. Они придерживаются «канонов», на которых выросли. Я против канонов, против догм, против всего, что лишает человеческий ум мобильности. Мне нравится изысканное, умелое, ловкое, изящное, умное, глубокое, искреннее, смелое в сюжете и мыслях. Я люблю смотреть

на привычное с новых ракурсов, тогда появляется удивление и возвращается утерянный восторг, мне нравится прикасаться к «неприкосновенному», а так как в среде индеанистов оказалось слишком много «неприкосновенных» тем, то между мной и большинством индеанистов возникла стена. Нас разделяют принципиально разные взгляды на искусство (я пишу «искусство», а не «история», потому что искусство для меня важнее истории; история холодна, а искусство наполнено чувственностью).

Книгой «Сны о Неистовой Лошади» я подвёл для себя черту под индейской темой. Больше не было смысла заниматься индейцами. Много повестей лежит в моём столе, которые я так и не стал заканчивать («Глоток мутной луны» о путешествии Спиридона Острогорского в 1830-х по дикой Америке, «Койот» о воине Апачей, подрядившемся скаутом в американскую армию, «Поиски Неистовой Лошади» о последних месяцах войны, «Беглец» о русском офицере из свиты Великого Князя и кое-что ещё); всё потеряло смысл, ибо всё это, как ни крути, — перепевы одного и того же...

В седьмом классе со мной училась девочка, звали её Ира Шишкина. С тех пор мы не виделись, встретились через сорок лет. На это свидание она принесла несколько страниц из моей школьной тетради, где нацарапано что-то про Little Big Horn и название повести, которую я намеревался написать в те годы. Разве не смешно? Разве не трогательно? Почему Ира хранила те листы, не знаю, но она принесла мне бесспорное доказательство того, что там, в детстве, зародилась моя страсть к сочинительству.

Знаю, что у меня много почитателей, и понимаю, что я должен быть благодарен каждому из них за их внимание ко мне. Но то, что меня радовало в начале моего литературного пути, стало позже раздражать. Время от времени мне звонили незнакомые люди и просили о встрече. Раньше я соглашался, не отказывал никому, полагая, что им действительно нужна встреча со мной, затем стал отказывать. И причина как раз в индейцах. На заседании одного литературного клуба меня назвали русским Майн Ридом, тем самым как бы лишив меня всего остального, и это мне не понравилось. Приезжавшие ко мне гости всегда у меня просили автограф, иногда просили книгу в подарок. У меня нет собственного складского помещения, поэтому книги я дарил только те, которые были под рукой, а это далеко не всегда «индейские» книги. Однажды я принёс в подарок трёхтомник «милицейской» трилогии, и услышал в ответ: «Ой, я такое не читаю! Мне бы про индейцев что-нибудь». Я не потерял дар речи, но очень сильно удивился: как можно говорить «такое», понятия не имея о том, что внутри книги. Это было зеркальное отражение того, как подавляющее большинство людей относится к «индейской» теме: «Я такое не читаю!» Та же бездонная ограниченность, ущербность, однобокость. Чем глубже я погружался в среду индеанистов, тем острее чувствовал эту однобокость. Мне повстречалось лишь несколько человек, которых я могу назвать разносторонними, естественными, органичными, без комплексов.

Медленно, но неотвратимо приходило ко мне разочарование. Восхищение, пришедшее в самом начале моего знакомства с индеанистами, улетучилось

давно. Я пытался сопротивляться разочарованию, искусственно подпитывал восторженность по отношению к индеанистам, но разочарование взяло верх. Нечто принципиальное не устраивало меня в их мире, из-за чего я держался в стороне. Приезжая на Пау-Вау, я всегда испытывал некоторую неуютность. Те, которые были первыми в движении индеанистов, смотрели с долей надменности на новоприбывших и всегда соблюдали дистанцию. Я считался своим, потому что интересовался тем же, чем они, мы выросли на одних книгах и фильмах. Но одновременно я был чужим, потому что не интересовался «прикладной индеанистикой» — не носил мокасины, не расшивал бисером, не похвалялся новыми индейскими одеждами, не имел своего типи, то есть я не следовал главному общепринятому правилу. Один из них сказал мне: «Какой же ты индеанист, если у тебя нет индейской одежды»… А пришедшие позже меня лет на пять-десять уже дышали совсем другим воздухом, их индеанизм принципиально отличался от того, что лежало в основе моей тяги к индейцам. Они уже не понимают моих «героев», не воспринимают величие и лёгкость образов, на которых возникла советская индеанистика.

Получается, что вне индейского мира я всюду был чужим из-за приверженности моей внутренней «индейской Тропе», но и в индейском мире я не стал своим, потому что моя Тропа отличалась от общепринятой Тропы индеанизма. Я приезжаю на Пау не как участник, а только как гость. Я пишу книги и снимаю фильмы, которые конфликтуют с мнением большинства, но не желаю ничего отстаивать и менять, не хочу ни на кого ориентироваться, у меня своя Тропа, как у каждого человека, который слышит свой внутренний голос, внутренний зов. И всё же мне хочется иногда войти в круг и ощутить себя в объятиях семьи, ощущать биение родных сердец, почувствовать в этих людях то, за что я мог бы отдать жизнь. Мне хотелось этого всегда. Но этого не было, ибо индеанисты — не семья… Как минимум — не моя семья. Быть может, потому что мне всегда больше нравилось *рассказывать о них*, чем *быть ими*? Возможно, моя писательская сущность требовала от меня любви, которую надо было выдумать? Находиться среди них, но не быть ими… Я их искал и нашёл, но нашёл в них не то, что искал…

В создании этой книги приняли участие

Азанов Александр
Артюшкин Юрий
Белостоцкая Елена
Булатов Евгений
Бусько Валентин
Гуров Игорь
Жилинский Олег
Кирьянов Андрей
Коновальчик Маргарита
Котенко Юрий
Кошелев Владимир
Кривой Юрий
Кучменёв Алексей
Мартыненко Юрий
Нефёдов Андрей
Никонов Антон
Осипов Альберт
Пакунова Ольга
Сидоров Анатолий
Тереник Александр
Черкасов Егор
Шишков Игорь
Ясененко Олег

В книге использованы фотографии из личного архива
Алексея Кучменёва,
Александра Азанова,
Владимира Кошелева,
Егора Черкасова,
Олега Ясененко,
Юрия Артюшкина,
Юрия Мартыненко
и фотографии, взятые из открытого доступа в интернете

Оглавление

Голоса

Книга вторая

Составитель Андрей Ветер

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero